

*К*РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2024 ТОМ 9 № 4

Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцюк, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сунгконгэ, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е.С. Никулина; Корректор И.Е. Кроль;
Дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Картина «Снег выпал». Гермашев М. М. 1897. Государственная Третьяковская
галерея, Москва

© РАНХиГС, 2024

Содержание

Теория

<i>Yanbykh R. G., Lerman Z.</i> The future of agricultural cooperatives in Russia: Does theory matter?	6
<i>Гуменюк И. С., Юстратова В. О.</i> Сельская агломерация как новая форма пространственного развития сельско-городского партнерства: пример Калининградской области	21
<i>Андросенко С. В.</i> Свобода человека перед вызовами техники, цивилизации и «восстания масс». Взгляд Николая Бердяева	44

История

<i>Челетти Д.</i> Прогрессивная модернизация: роль крестьян в индустриализации Северо-Восточной Италии	68
<i>Bonfanti A.</i> Reform Communists in the twentieth-century global network: The Italian Communist Party's agrarian policies in the postwar period	98
<i>Трошина Т. И., Морозова О. М.</i> «Кризис нэпа» в северной деревне, или «Пролетаризация» крестьян как специфическая форма «раскрестьянивания» в неземледельческих районах России	122
<i>Лапердин В. Б.</i> Председатели в колхозном социуме Западной Сибири в 1930-е годы: практики коадаптации и дезадаптации	144
<i>Kim Chang Jin.</i> Lost Paradise: The phenomenon of 'Soviet Korean Advanced Kolkhozes' in Central Asia (Part 2).	159

Современность

<i>Назаренко Г. А., Локтионов К. С., Алексеев А. И.</i> Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период.	178
<i>Gusakov T. Yu., Gusakova L. K.</i> Settlement sustainability as a result of the human and social capital development (on the example of the urban-type settlement Oktyabrskoe in the Republic of Crimea)	218
<i>Dorofeev A. F., Belozeroва I. A., Krikun E. V., Davityan M. G.</i> Organization of the rural population's leisure activities as a factor of preservation and development of the rural human capital	246
<i>Шерешева М. Ю., Беляев А. А.</i> Цифровые платформы в агробизнесе: технологическая основа взаимовыгодного взаимодействия игроков рынка	257

Интервью с исследователем

<i>Ксенофонтов М. Ю., Никулин А. М.</i> «В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»	280
--	-----

Рецензии

<i>Аверкиева К. В.</i> Лес рубят! Социальные последствия модернизации лесозаготовительной деятельности в Вологодской области	308
<i>Рогозин Д. М.</i> Ревитализация села через плановое стимулирование сельской занятости: опыт социалистического хозяйства Китая по Си Цзиньпину	314
<i>Кабытов П. С., Кабытова Н. Н.</i> «Есть у Революции начало...»	323

Научная жизнь

<i>Корелина В. А., Батакова О. Б.</i> Вехи истории Котласской опытной станции	334
---	-----

Russian peasant studies

Vol. 9. 2024. No 4

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, RUDN University, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil) I.A. Kuznetsov, RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borras Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chang Jin, SungKongHoe University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

<i>Yanbykh R.G., Lerman Z.</i> The future of agricultural cooperatives in Russia: Does theory matter?	6
<i>Gumenyuk I.S., Yustratova V.O.</i> Rural agglomeration as a new form of spatial development of the rural-urban partnership (on the example of the Kaliningrad Region)	21
<i>Androsenko S. V.</i> Nicholas Berdyaev's Thoughts on Human Freedom in the Face of Contemporary Challenges: Technology, Civilization and "the Revolt of the Masses"	44

HISTORY

<i>Celetti D.</i> Progressive modernisation. The role of peasants in the industrialisation of North-Eastern Italy.	68
<i>Bonfanti A.</i> Reform Communists in the twentieth-century global network: The Italian Communist Party's agrarian policies in the postwar period	98
<i>Troshina T.I., Morozova O.M.</i> "NEP crisis" in the northern village, or peasant "proletarianization" as a specific form of "de-peasantization" in non-agricultural regions in the interests of industrialization	122
<i>Laperdin V.B.</i> Chairmen of collective farms in Western Siberia in the 1930s: Practices of co-adaptation and maladaptation	144
<i>Kim Chang Jin.</i> Lost Paradise: The phenomenon of 'Soviet Korean Advanced Kolkhozes' in Central Asia (Part 2).	159

THE PRESENT TIME

<i>Nazarenko G.A., Loktionov K.S., Alekseev A.I.</i> Typology of transformations in rural settlements of the Lower Ob Region in the post-Soviet period	178
<i>Gusakov T.Yu., Gusakova L.K.</i> Settlement sustainability as a result of the human and social capital development (on the example of the urban-type settlement Oktyabrskoe in the Republic of Crimea)	218
<i>Dorofeev A.F., Belozeroval I.A., Krikun E.V., Davityan M.G.</i> Organization of the rural population's leisure activities as a factor of preservation and development of the rural human capital	246
<i>Sheresheva M.Yu., Belyaev A.A.</i> Digital platforms in agribusiness: A technological basis for mutually beneficial interaction of market players	257

INTERVIEWS

<i>Ksenofontov M.Yu., Nikulin A.M.</i> "What is the difference between weather forecasts and economic forecasts?"	280
---	-----

REVIEWS

<i>Averkheva K. V.</i> The forest is being cut down! Social consequences of modernization of logging complex in the Vologda Region	308
<i>Rogozin D.M.</i> Rural revitalization through the planned stimulation of rural employment: Xi Jinping model of China's socialist economy	314
<i>Kabytov P.S., Kabytova N.N.</i> "Revolution has a beginning..."	323

SCIENTIFIC LIFE

<i>Korelina V.A., Batakova O.B.</i> Milestones in the history of the Kotlassky experimental station.	334
--	-----

The future of agricultural cooperatives in Russia: Does theory matter?

R. G. Yanbykh, Z. Lerman

Renata G. Yanbykh, DSc (Economics), Institute for Agrarian Studies, National Research University Higher School of Economics. Pokrovsky Blvr., 11, Moscow, 109028, Russia.
E-mail: ryanbykh@hse.ru

Zvi Lerman, PhD (Finance), Professor Emeritus of Agricultural Economics, Hebrew University of Jerusalem (Israel). 76100, Israel, Rehovot, 12.
E-mail: zvi.lerman@mail.huji.ac.il

Abstract. The article aims at identifying theoretical and practical reasons for the failure of the agricultural cooperation development in Russia. Authors suggest that rural cooperatives in Russia do not develop due to the general features of the formation of social capital in the Russian countryside, the lack of necessary institutional conditions, and the wrong idea that cooperatives based on the classical principles of cooperation can operate successfully in the contemporary economy and society. The first theoretical barrier to cooperation is that in the contemporary high-technology agriculture, hybrid structures (cooperatives) are less efficient than the hierarchical one used by agrohholdings. The second theoretical barrier is the inconsistency of seven classical principles of cooperation formulated at the time of Raiffeisen (i.e. outdated) with today's economic realities and their transformations. The third practical barrier is the rapid degradation of rural areas and the low level of trust and interaction between members of agricultural cooperatives, which is why there are no trends of the bottom-up development of cooperation. The authors conclude that a high level of social capital is the necessary condition for cooperation: at the formation stage, this level is high due to interpersonal relationships developed from the informal social interactions of its members and a high level of trust among members and between members and management, but cooperatives start to lose their social capital as they enlarge — the sense of community, trust and mutual assistance disappears, the atmosphere becomes more business-oriented.

Key words: cooperation, agricultural cooperatives, classical principles of cooperation, agrohholdings, social capital, trust, rural development, rural areas

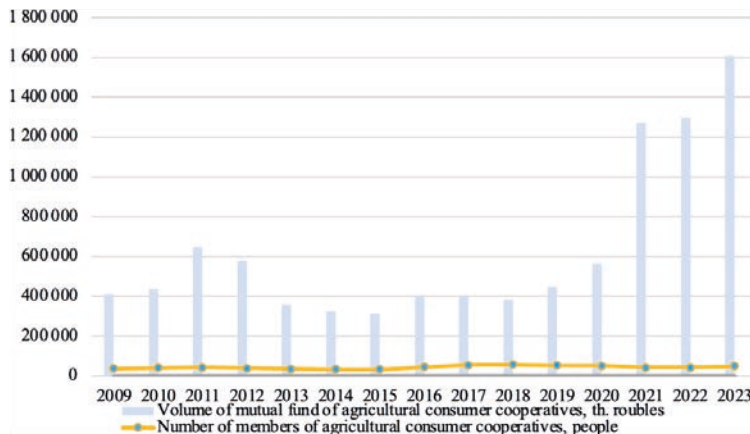
DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-6-20

Food systems all over the world have radically changed in the last twenty years. A sign of our time is the rapid development of global value chains (GVC) in agricultural production, marketing, and consumption, which currently account for 50% of the world food trade. Value chains have become longer and technologically more advanced, using smart and complex technologies and solutions. Russia's GVC participation index remains relatively low: it was about 10% in 2016, which is far below Hungary with 40%). Large players fit more easily than the small ones into global agricultural value chains. Small

farms have substantially greater difficulties in access to financing, resources, services, and markets. Agricultural cooperatives could play a significant role in the market integration of small farms, but there is not much readiness to cooperate in the former Soviet republics. Given the lack of an adequate legal base and insufficient public awareness of the cooperative movement, only 1.5% of agricultural produce of the largest CIS countries are sold through cooperatives.

According to the 2016 Agricultural Census, Russia has 174,600 peasant farms and individual entrepreneurs and 23 million household-plot operators. Of this enormous number, only about 80,000 are members of marketing, supply, processing or other service cooperatives. Their number has fluctuated around 3,000 annually in the last decade, the number of their members reached about 50,000 in 2023. Cooperative's mean lifetime is four years. Cooperatives have developed vigorously since 2015 in response to government grants for the cooperative development. In total, there were 880 such grants for 11.7 billion rubles (158 million US dollars) (Fig. 1). However, these grants must be used within five years or returned to the state, but after this period many cooperatives transform into other organizational forms due to a limited liability company under sole management is more manageable than a cooperative under collective management.

Fig. 1. Russian cooperation's funding and scale

What constrains the development of agricultural cooperation in Russia? The gap between the potential for cooperation and its realization (Yanbykh, Saraikin, Lerman, 2019) raises questions about creation and development of cooperatives and more general issues of rural development. Activities of agricultural service cooperatives ("consumer cooperatives" in Russian legal

terminology) and reasons for their inefficiency have been widely examined (Sobolev, 2017; Antonova, 2018; Golovina, Smirnova, 2020; Yanbykh, Saraikin, Lerman, 2019). We believe that there are three main reasons for the failure of the cooperative form of integration among small producers in Russia: two reasons are theoretical, the third one — practical.

The first theoretical barrier is attributed to the cooperatives' hybrid transaction structure: *in today's high-technology agriculture, hybrid structure is less efficient than the hierarchical one* used by Russian agroholdings (Uzun, Shagaida, Lerman, 2021). Coase (1995) and Williamson (1996) argue that transaction costs can be controlled only in three ways: a strict hierarchy (in agroholdings, corporations), the free market, and cooperatives as an intermediate, hybrid form on this scale (Menard, 2006), which provides space for member transactions, while these members are fully independent in their decision-making. Strengths and weaknesses of cooperatives as a hybrid mode of transaction management have been highlighted by numerous research (Bijman, Muradian, Cechin, 2011; Hernandez-Espallardo, Arcas-Lario, Marcos, 2013; Kalyagin, 2016; Kotlyarov, 2016).

Ivan Emelianoff (1995: 250–251), the forgotten Russian-American author of the economic theory of cooperation, noted that “the widely employed efforts to classify and interpret cooperatives by their external traits (capital-stock companies versus no-capital stock associations, Rochdale type versus non-profit pattern, the patronage principle versus non-patronage practices, equal voting versus no-equal voting rule, etc.) are a priori hopeless: the variability of the external characteristics of cooperative aggregates is kaleidoscopic and infinite”. Emelianoff was the first to call cooperative organization “a collection (aggregate) of economic units, which distinguishes a cooperative from a company. The cooperative differs in nature from the investor-owned firm not only in that it is a union of persons, and the firm is a union of capital, but also in that the firm, as an economic unit, has its own life, and the cooperative lives the lives of its constituent units (members)”.

Emelianoff's concept of “aggregate” is close to Menard's “hybrid” (2013: 939): “Hybrids are ‘institutional structures of production’ with characteristics of their own. They resort to specific governing devices developed to deal with: (1) property rights that ultimately remain distinct, although significant assets are pooled; (2) decision rights that keep partners independent, although shared rights restrict their autonomy; and (3) the need to design adequate incentives in a context in which frontiers among residual claimants are blurred. Hybrids proliferate because advantages of coordination and cooperation overcome gains associated with market competition, while remaining autonomous

provides more flexibility and better incentives than an integrated structure can offer”.

Numerous studies suggest that the architecture of hybrid organizations is different from markets or hierarchies, and each hybrid organization has its own combination of autonomy and coordination. At the end of the scale, close to market coordination, hybrids rely on trust among members — decisions are decentralized, and free coordination works through mutual influence and close cooperation. At the opposite end, decision-making is close to a rigid hierarchy. Bijman, Muradyan, and Chechin (2011) argued that democratic coordination is possible only in cooperatives with homogeneous membership: when its structure is heterogeneous, hierarchical management is needed. Since hierarchy is opposite to democracy, it is difficult to reconcile interests and actions of all cooperative members, and the very existence of the cooperative is jeopardized. The authors call the search for a compromise in managing cooperatives the “hierarchy dilemma”. Thus, given the social-economic homogeneity of cooperative members, it is relatively easy to coordinate their positions democratically. On the other hand, successful integration of the cooperative as an organization into value chains requires a business plan, internal rules, and control, which are hierarchical administrative measures.

Democratic governance persists, because the relative ease of coordinating members’ activities reduces transaction costs of sharing information and helps to compensate for members’ opportunistic behavior. On the other hand, to reach a winning negotiating position with monopsonistic structures (processing, retail networks), organization requires strict vertical/hierarchical coordination of small management units. Bijman et al. (2011) suggest that in agricultural cooperatives, a higher level of vertical coordination can be achieved only by reducing member inclusion, i.e., by excluding some members from decision-making to attract investment and maintain a hierarchical type of management.

At the same time, cooperatives have an advantage of greater flexibility in decision-making compared to other institutional and legal forms, based on the close interaction of members who live in the same neighborhood and are familiar with each other’s problems. Moreover, member relationships depend on informal rules and norms that develop over time without any additional costs. “Community governance” (Bowles, Gintis, 2002) can resolve the violation of agreements and develop a system of penalties for free ridership and opportunism. In addition, trust as a fundamental foundation of social capital reduces the cost of coordination both at the stage of information exchange and at the stage of contract execution. Thus, although cooperatives are or-

*R. G. Yanbykh,
Z. Lerman*

The future of agricultural cooperatives in Russia: Does theory matter?

ganized primarily for economic purposes, the social element of collaboration and solidarity should not be underestimated.

When is it beneficial for farmers to unite in a cooperative? Kalyagin (2016) argues that “a cooperative association of people with specific assets is possible if, first, benefit of such an association is inclusive, and second, the expected net benefits of each member associated with participation in such an association exceed all alternative expected net benefits”. Unfortunately, trust between members of agricultural cooperatives in Russia is very low (Saraikin, Yanbykh, 2018; Golovina et al., 2020; Yanbykh, Saraikin, Lerman, 2019); their cooperative membership is typically not inclusive (the leader is the sole decision-maker, often guided by his own benefit); and above all, net benefits of each cooperative member do not necessarily exceed the expected alternative net benefits. For instance, the pandemic determined new niches and opportunities for smallholders, with direct supply chains from farmers to consumers on online platforms. Unification of farmers in cooperatives is also hindered by high transaction costs in agriculture — due to uncertainty and asymmetry of information (since large processors, traders and retailers are opposed by numerous family farms) (FAO, 2020).

During the first thirty years of the transition, researchers and policymakers debated the future of smallholders (Uzun, Shagaida, Lerman, 2021), since agroholdings (under policies providing them with exclusive competitive advantages through subsidies, discretionary credits, and preferential allocation of land) seem to crowd out not only smallholders but also independent agricultural enterprises. Hierarchical structures (agroholdings) have replaced hybrid ones (agricultural cooperatives). Chances of weak cooperatives to “outplay” large, well-organized and state-supported agricultural holdings are very small. Agricultural holdings have become widespread in Russia as an antithesis to cooperatives, and they have become much more successful (Uzun, Shagaida, Lerman, 2021).

The second theoretical reason for the failure of cooperation is typical not only for Russia — *the inconsistency of classical principles of cooperation with today's economic realities and their transformation*. The main question is what makes an enterprise a cooperative, and where is the dividing line between cooperatives and other legal forms. Often an enterprise is called a cooperative but does not act according to the principles of genuine cooperation. For example, cooperative income can be distributed in proportion to capital and with voting. Guardians of the “cooperative idea” will unequivocally name such enterprises joint-stock companies. However, cooperators are in no hurry to abandon the cooperative label, appealing to a cooperative spirit in their organization. What appears on the surface as non-cooperative in-

come distribution is simply an adaptation to contemporary realities needed to attract new capital.

Seven classical principles of cooperation were formulated by the International Cooperative Alliance (ICA) in 1995¹:

1. Voluntary and open membership: cooperatives are voluntary organizations, open to all willing to use their services and to accept responsibilities of membership, without gender, social, racial, political or religious discrimination.
2. Democratic member control: cooperatives are democratic organizations controlled by their members, who participate in developing policies and making decisions. Men and women serving as elected representatives must report to members. In primary cooperatives, members have equal voting rights (one member — one vote); other cooperatives are also democratically organized.
3. Member economic participation: members contribute equally to the capital of their cooperative, and at least part of that capital is usually common property. As a rule, members receive limited compensation, if any, on capital as a condition of membership. Members allocate surpluses for any or all purposes: to develop cooperative, possibly by making reserves, part of which would be indivisible; to benefit members in proportion to their transactions; and to support other activities approved by the membership.
4. Autonomy and independence: cooperatives are autonomous self-help organizations controlled by their members. If they make agreements with other organizations, including governments, or raise capital from external sources, they do so on terms that ensure democratic control by their members and maintain their cooperative autonomy.
5. Education, training, and information: cooperatives provide education and training for their members, elected representatives, managers, and employees so they can contribute effectively to the development of cooperatives and inform the general public (in particular the youth and opinion leaders) about the nature and benefits of cooperation.

*R. G. Yanbykh,
Z. Lerman*

The future of agricultural cooperatives in Russia: Does theory matter?

1. See: URL: <https://www.ica.coop/en/cooperatives/cooperative-identity>. The ICA principles, in turn, are based on cooperative principles formulated by Rochdale Pioneers, founders of the first cooperative in 1844. Seven ICA principles are often mentioned on the websites of cooperatives to prove their relevance in the contemporary environment. See, for example, the San Luis Valley Electric Rural Co-op (<https://www.alamosachamber.com/slv-rural-electric-coop>) or the Peninsula Light Company (<https://www.penlight.org/about/the-seven-cooperative-principles>) as representative of the major sector of cooperative power utilities.

6. Cooperation of cooperatives: cooperatives serve their members most effectively and strengthen the cooperative movement by working together through local, regional, national, and international structures.
7. Concern for community: cooperatives aim at the sustainable development of their communities through policies approved by their members.

These principles were formulated at the time of Raiffeisen, but today classical cooperative principles come into conflict with interests of uniting economic units. Depending on the legally provided options in each country, farmer-members can choose among different models of management the one that best meets their needs (Bijman et al, 2016). These models differ in the use of supervisory boards and membership councils (in addition to the General Assembly), separation of association and firm, use of professional management, participation of external experts, non-member trade and voting principles. Some of the (innovative) ownership structures are hybrids with different organizational arrangements like a cooperative association owning an IOF-like business, producer organizations that jointly own a cooperative, firms owned by farmers' organizations or cooperatives being majority owner of an IOF that is also listed at the stock exchange. The question is what principles can be considered canonical, and what enterprises can be called genuine cooperatives.

Already at the beginning of the 20th century, classics of the theory of cooperation noted the contradiction between definitions of cooperation as a social movement and an economic organization. According to Chayanov (1993), "the concept of cooperation should be divided into two parts: a cooperative enterprise and a cooperative movement and defining features should be identified for both". Chayanov noted that when interviewing cooperators of that time (Russian, Italian, Belgian, German), he learned "very contradictory indications of the features that constitute the essence of the cooperative movement". Chayanov (1993) identified six of them:

1. the nature of voluntary membership, its independence and democratic rule;
2. how profits are distributed, and the role of capital (ways of profit distribution can vary, but the service role of capital means that its growth is more important for the farm than for the cooperative);
3. open nature of cooperative organizations;
4. labor character — non-labor elements and wage labor are prohibited (this refers exclusively to the production cooperation — collective farms);
5. (political principle) the essence of cooperation is not in its organizational forms but in its social goals (struggle for the poor in the socialist or clerical case);

6. partial generalization of economic activities rather than combination of all collective efforts into one collective enterprise (commune).

Emelianoff (1995: 3) described three main approaches to identifying the essence of cooperation: traditional social-reformist, descriptive, and theoretical. The social-reformist interpretation is based on the ideas of R. Owen, C. Fourier and J. S. Mill, which “have been gradually dogmatized into a set of kindergarten truths”, “and the cooperative movement” attracts attention as “an instrument of political activity and propaganda”. Since Emelianoff did not consider the cooperative as a separate enterprise but as an “aggregate of economic units”, he emphasized that “the creation of cooperative aggregates occurs only under the pressure of extreme necessity and their duration as cooperative aggregates depends on unrelenting and effective efforts to continue the methods of activity corresponding to the aggregate nature of the organization, and on the successful pacification of all forces of disagreement (problems of membership relations) within the aggregate... Since destructive centrifugal tendencies operate in all economic units, one of the imperative prerequisites for their stability is the economic homogeneity of their members, which minimizes potential friction and suspicion in the unit itself. This need is as important for the duration of cooperatives as the urgent need for coordinated action is necessary for their creation” (then the principle of “equal voting” becomes clear, because members and proportional participation in activities are also equal). “Thus, the most recognizable cooperative principle of “one member—one vote” is not a dogma, but a simple need to respect the interests of all... The most deceptive principle of equal voting... it contradicts the basic rule of proportionality... however, equal voting is in reality only a special case of proportional voting of economically homogeneous members, and homogeneity of membership is one of the foundations of the stability and vitality of cooperative communities... such equality is a real reality, not a matter of principle” (Emelianoff, 1995: 263).

Researchers have repeatedly confirmed the difficulty of managing a cooperative with heterogeneous membership. With the collective management structure, traditional cooperatives are supposed to face organizational inefficiencies due to the opportunistic behaviors and high collective decision-making costs. However, a high level of social capital compensates for the collective governance structure by controlling and coordinating members’ activities through social mechanisms (Deng, Hendrikse, Liang, 2021).

L. N. Litoshenko also tried to identify the principles of cooperation focusing on the essence of the cooperative enterprise, which “cannot, first of all, be considered as an independent, hav-

R. G. Yanbykh,

Z. Lerman

The future of agricultural cooperatives in Russia: Does theory matter?

ing its own economic goal. Such goals have only those farms that are united by cooperation and are behind it. THEY are the true owners of the cooperative enterprise, THEIR goals are of independent and self-sufficient importance, while the cooperative enterprise is auxiliary in achieving these goals. This simple truth should be well remembered when discussing income-free or “the special nature of cooperative income”... The auxiliary economy (cooperation) ultimately seeks to increase the income of its members... as a legal entity, profitable or income-free, distributing the benefits received and the savings achieved among members — all these issues are of secondary importance. It is impossible to develop any theory about “features” of cooperatives “on these accounting signs” (Litoshenko, 1995).

Equal voting is the third principle of the International Cooperative Alliance, and the remaining principles apply to other types of enterprises. Is the voluntary and open joining a cooperative also inherent in the creation of any enterprise? Today, it is unlikely that someone is dragged into an enterprise by force. Access to information and training are simply necessary today, and many cooperatives that unite into second-level cooperatives choose not a cooperative but a shareholder form. Charity and targeting the local community are also not limited to cooperatives.

Thus, the classical principles of cooperation are outdated; they have excellent socialist roots but poorly reflect processes in the contemporary society. These principles were formulated at the time when socialism and communism had high hopes, and there were no theories of institutionalism or transactions. Golovina and Smirnova (2020) agree that in the current institutional and social-economic conditions traditional cooperative principles (open membership, unlimited transactions, attractive ideology) do not stimulate the rapid expansion of business and do not provide its participants with competitive advantages. If basic organizational principles of cooperation (as an organizational form) correspond to the market environment, formal and informal institutions, then already at the stage of creation a viable organizational structure emerges — with significant motivation, ample opportunities for healthy competition, rational interaction with counterparties and partners; otherwise, new organizations would need significant support from the state (Golovina, Smirnova, 2020). Certainly, cooperative values must be improved, especially under significant external changes: in Russia, where cooperative structures are small, lack capital, have limited abilities to introduce new technologies and low competitiveness, further adherence to purely traditional principles (open membership, unlimited transactions, attractive ideology of collectivism) limits business and cooperative development.

The third practical reason for the failure of cooperation is *the rapid degradation of rural areas in Russia and the low level of trust and interaction between members of agricultural cooperatives*. In recent decades, the Russian rural population has been constantly declining, many rural territories have depopulated, hundreds of rural settlements disappeared from the map with their unique culture, stories and landscape: since 1959, the number of villages has been halved, in 13% of villages, there is no permanent population. By 2020, the total number of rural settlements in the country was less than 17 thousand, two thirds of them had a population of up to 2 thousand. Rural population is aging, the birth rate in rural areas is falling — since 2015, it has become lower than in the city, since it is not possible to stop migration from the village to the city. Rural areas of the Urals, Siberia, the Far East and in the north of European Russia have been losing their population especially fast. Thus, the number and the share of rural population in Russia continues to decline, especially in its working age part.

Rural areas are characterized by a lower level of social and engineering infrastructure than urban settlements. The level of gasification of rural areas as of January 1, 2023 was 60.2%, the level of drinking water supply — 66.5%. The situation is especially difficult with the high-quality medical and educational services, and with the available transport infrastructure. Moreover, digitalization and increased productivity in agriculture displace labor resources from it. The share of employment in agriculture decreases in all developed countries: in 2022, it was 1% in the UK, 1.6% in the USA, 2.5% in France. In Russia, the share of employed in agriculture decreased from 19.1% in 1970 to 5.8% in 2022 (agriculture, hunting and fishing combined). The share of agriculture as the main sphere of employment for villagers has declined to less than 20%. Agroholdings displace family farms. At the same time, employment in trade, services and education has grown fast, including new jobs with remote employment. However, diversification of the rural economy remains low: although in 2023, there was a significant decrease in the unemployment rate among villagers, it still exceeds the urban one by 1.8 times. In general, economic situation in rural areas is less favorable than in urban ones due to lower incomes: every fifth villager has incomes below the subsistence level, and social inequality has increased. Income stratification of the rural population forces many villagers to buy cheap products and services, which leads to a deterioration of their health and well-being.

Thus, the most active part of the rural population leaves for the city, and there is simply only a few to join the cooperative movement. According to Yanbykh, Saraykin and Lerman (2019), the potential pool of cooperators in Russia is estimated between

3.8 and 7.5 million family producers (20%–40% of all households engaged in agricultural production in 2016). Yet, the actual cooperative membership is minuscule: Russian farmers are reluctant to join cooperatives, which is understandable given the painful experience of forced collectivization in the 1930s. To overcome this reluctance, the state policies should promote public awareness campaigns and educational efforts, which are essential tools for explaining farmers the benefits of cooperation. Previous surveys in Russia and other CIS countries consistently indicated that one of the reasons for not joining cooperatives was the lack of information about this organizational form (see, e.g.: Lerman, Sedik, 2014). Such public awareness efforts require readiness and willingness of government officials. Special education and indoctrination programs should be provided for the staff of relevant ministries (food and agriculture, economy and justice), who are largely ignorant of cooperative principles and functions.

Studies of policy measures for developing service cooperatives showed that cooperatives flourish in regions that provide sufficient budgetary support, i.e., there are no trends of the bottom-up development of cooperation (Yanbykh, Saraikin, Lerman, 2019). There is also a problem of the compliance by cooperative members with the developed rules and the lack of trust as one of the social-psychological conditions for agricultural cooperatives (Golovina, Nilsson, 2009; Golovina, Volodina, 2012). The main reasons negatively affecting the development of agricultural cooperation in Russia: 1) negative experience of cooperation during perestroika; 2) agricultural producers' unwillingness to carry out transactions on a cooperative basis; 3) low level of trust among cooperators to partners and colleagues; 4) lack of experience and desire among cooperative members to participate in the democratic management (Golovina, Smirnova, 2020).

According to Saraykin and Yanbykh (2019), even today in cooperative decision-making, the leader's opinion, knowledge, experience and skills (50.4%) are of greatest importance (trust between members — 24.8%, rules for cooperative activities and relationships — 24.8%). Thus, a hierarchical system prevails in the relations of the leader with cooperative members, and neither trust nor rules play such a role. Cooperative members rely on the decisions of the cooperative leader just as they once relied on the decisions of the collective farm chairman. In general, surveys and calculations show that the existing system of internal relations in consumer cooperatives are weak and disconnected. Since a cooperative is not an ordinary company, trust between its members, supported by regulations developed in interaction, plays a more important role than strong management; otherwise, cooperative gradually turns into a hierarchical structure. Thus, the state should focus on measures for improving trust, creating

a positive attitude towards equality, solidarity and mutual assistance, i.e., for improving informal institutions to make them more relevant to the cooperative spirit and essence.

At the same time, we should not ignore the social function of cooperatives. The concept of multifunctional activities of cooperatives (1) takes into account their embeddedness in rural areas and rural society; (2) focuses not only on the economic efficiency of cooperatives but also on their social-environmental efficiency; (3) emphasizes the importance of expanding range of services of agricultural cooperatives, which provides them with new opportunities both in terms of business and social entrepreneurship (Golovina, Smirnova, 2021; Bozhkov, Nikulin, Poleshchuk, 2020).

Institutions of both mutual assistance and solidarity, which have a centuries-old history in Western societies, are not so well developed in Russia. Collective and state farms in Soviet times performed many social functions, but mainly by orders from above rather than by agreement between enterprise workers. When addressing changes in contemporary cooperatives, it is necessary to remember that the internal improvements mentioned above are associated not only with purely technological innovations but also with changes in the quality of the cooperative social capital (Deng, Hendricks, Liang, 2021): “if you do not strategically support and develop social capital, the comparative advantage of the cooperative form of business may disappear”.

Thus, agricultural cooperation in many countries has played a positive role in integrating and expressing interests of smallholders. In Russia, during the Soviet era, such an integration of small farms had turned into the creation of collective and state farms, and after the collapse of the USSR, it was easier to turn them into large capitalist agricultural holdings with a rigid hierarchical management system. The emerging smallholder farms and even more so rural households could not integrate and resist as quickly. It seems that Russia jumped over the historical period of the evolutionary development of cooperatives of small farmers straight to their transformation into market cooperative associations (Campina, Valio, etc.). However, the role of agricultural cooperatives in expressing the interests of rural residents and entrepreneurs and in solving social-economic problems and reviving rural areas has yet to be understood, since such cooperatives tend to appear in remote rural areas with poorly developed services to supply various services and goods.

Cooperatives are different from investor-oriented firms (IOFs), and cooperatives of the former socialist countries, which appeared in the early 1990s, are different from capitalist ones with a long history of development. In addition, social capital and its

R. G. Yanbykh,

Z. Lerman

The future of agricultural cooperatives in Russia: Does theory matter?

characteristics are of great importance: cooperatives usually enjoy a high level of social capital at the early stages of their lifecycle, but then social capital shows a declining trend in the course of organization development. Reduction of social capital leads to an imbalance of the social-economic attributes of cooperatives, which requires corresponding changes in the cooperative governance structure. It is important for cooperatives to maintain and develop their social capital strategically over time; otherwise, the cooperative enterprise would lose its comparative advantages (Deng, Hendrikse, Liang, 2021).

Therefore, a high level of social capital can be regarded as the necessary condition for cooperation. At the formation stage, the level of social capital in the cooperative is high due to interpersonal relationships developed from the informal social interactions of its members. Trust among members and between members and management is high; members are very loyal to cooperatives and maintain a high level of commitment. Cooperatives start to lose their social capital as they enlarge — the sense of community, trust and mutual assistance disappears, the atmosphere becomes more business-oriented, and the differences between cooperatives and investor-oriented firms (IOFs) become blurred, which puts the development of agricultural cooperation in Russia at risk.

References

- Bijman J., Muradian R., Cechin A. (2011) Agricultural cooperatives and value chain coordination. *Value Chains, Inclusion and Endogenous Development. Contrasting Theories and Realities* (A. H. J. Helmsing, S. Vellema Eds.), Oxford: Routledge, pp. 82–101.
- Bijman J. (2016) *Agricultural Cooperatives in the Netherlands: Key Success Factors*, Lévis: Quebec International Summit of Cooperatives.
- Bijman J. et al (2012) *Support for Farmers' Cooperatives*, European Commission, DG Agriculture and Rural Development.
- Chayanov A. V. (1993) Main ideas and forms of agricultural cooperation. *Selected Works*, Moscow: Kolos. (In Russian)
- Coase R. (1995) *The Nature of the Firm*, Saint Petersburg: Economic School.
- Cooperatives: hierarchies or hybrids? *Vertical Markets and Cooperative Hierarchies* (K. Karantininis, J. Nilsson Eds.), Springer Academic Publishers.
- Bonus H. (1986) The cooperative association as a business enterprise: A study in the economics of transactions. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, vol. 142, pp. 310–339.
- Bowles S., Gintis H. (2002) Social capital and community governance. *Economic Journal*, vol. 112, pp. 419–436.
- Bozhkov O. B., Nikulin A. M., Polishchuk I. K. (2020) Rural cooperation in the Northern Non-Black-Earth Region: Official and nonformal practices. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 40, no 4, pp. 889–904. (In Russian)
- Cook M. L. (1995) The future of US agricultural cooperatives: A neo-institutional approach. *American Journal of Agricultural Economics*, vol. 77, pp. 1153–1159.

- FAO (2020) *The Future of Food Systems in Europe and Central Asia — 2022–2025 and Beyond*. URL: <http://www.fao.org/3/neo75en/neo75en.pdf>.
- Deng W., Hendrikse G., Liang Q. (2021) Internal social capital and the life cycle of agricultural cooperatives. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 31, pp. 301–323.
- Emelianoff I. V. (1995) *Economic Theory of Cooperation. Economic Structure of Cooperative Organization*, Center for Cooperatives of the University of California-Davis.
- Golovina S., Nilsson J. (2009) Difficulties for the development of agricultural cooperatives in Russia: The case of the Kurgan Region. *Journal of Rural Cooperation*, vol. 37, no 1, pp. 52–71.
- Golovina S., Volodina N. (2012) The influence of social factors on the agricultural cooperatives' development. *Bulletin of the Kurgan State Agricultural Academy*, no 3, pp. 9–12. (In Russian)
- Golovina S. G., Smirnova L. N. (2021) Agricultural cooperation under new challenges and threats: From theoretical discussions to economic practices. *Agrarian Bulletin of the Urals*, no 5, pp. 71–88. (In Russian)
- Golovina S. G., Smirnova L. N. (2020) Possibilities of new cooperative models in Russia's agrarian economy. *Bulletin of the Tyumen State University. Social-Economic and Legal Studies*, vol. 6, no 1, pp. 322–344. (In Russian)
- Kalyagin G. V. (2016) *Competitiveness of Cooperatives in the Transition Period: An Institutional Approach*, Moscow: Prospekt. (In Russian)
- Kotlyarov I. D. (2016) Evolution of approaches to the essence of the economic unit. *Moscow University Bulletin. Series 6: Economics*, no 5, pp. 3–24. (In Russian)
- Lerman Z., Sedik D. (2014) *Agricultural Cooperatives in Eurasia* (Policy Studies on Rural Transition No. 2014-3), Budapest: FAO.
- Litoshenko L. N. (1995) Cooperation, socialism and capitalism. *Economic Issues*, no 10, pp. 132–144. (In Russian)
- Marcos-Matás G., Hernández-Espallardo M., Arcas-Lario N. (2013) Transaction costs in agricultural marketing cooperatives: Effects on market performance. *Geography, Urban Studies & Planning*, vol. 42, no 2, pp. 117–124.
- Menard C. (2013) Hybrid modes of organization. Alliances, joint ventures, networks, and other 'strange' animals. R. Gibbons, J. Roberts (Eds.). *Handbook of Organizational Economics*, Princeton: Princeton University Press, pp. 902–941.
- Saraykin V. A., Yanbykh R. G. (2019) Analysis of the sustainability of cooperative economic form in Russia's agrarian in the framework of the institutional theory of the firm context. *Bulletin of the Saint Petersburg University. Economics*, vol. 35, no 2, pp. 251–268. (In Russian)
- Sobolev A. V. (2017) Cooperation: Advantages and Limitations. *Cooperation and Social Economics: Science and Practice*, Moscow: Russian University of Cooperation. (In Russian)
- Cooperatives (2017): advantages and limitations. Cooperation and social economics: science and practice. Materials of scientific and practical conferences. ANO VO Centrosoyuza Rossiiskoi Federatsii «Russian University Cooperation», pp. 165–170. (In Russian)
- Staatz J. M. (1989) *Farmer Cooperative Theory: Recent Developments*, Washington: U. S. Department of Agriculture.
- Tugan-Baranovsky M. I. (1916) *Social Bases of Cooperation*, Moscow: Typolithography of the Kushner and Co Partnership. (In Russian)
- Uzun V., Shagaida N., Lerman Z. (2021) Russian agroholdings and their role in agriculture. *Post-Communist Economies*. <https://doi.org/10.1080/14631377.2021.1886787>
- Valentinov V. (2004) Toward a social capital theory of cooperative organisation. *Journal of Cooperative Studies*, vol. 37, no 3, pp. 5–20. (In Russian)

- Yanbykh R., Saraikin V., Lerman Z. (2019) Cooperative tradition in Russia: A revival of agricultural service cooperatives? *Post-Communist Economies*. DOI: 10.1080/14631377.2019.1607439.
- Williamson O. (1996) *Economic Institutions of Capitalism: Companies, Markets, "Relational Contracting"*, Saint Petersburg: Lenizdat.

Будущее сельскохозяйственных кооперативов в России: столь ли важна теория?

Рената Геннадьевна Янбых, доктор экономических наук, заведующая отделом аграрной политики Институт аграрных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Покровский бул., 11, Москва, 109028, Россия. E-mail: ryanbykh@hse.ru.

Цви Лерман, доктор экономических наук, почетный профессор аграрной экономики в Еврейском университете в Иерусалиме (Израиль). 76100, Израиль, Реховот, 12. E-mail: zvi.lerman@mail.huji.ac.il.

Аннотация. Цель статьи — определение теоретических и практических причин неудачного развития сельскохозяйственной кооперации в России. Авторы связывают подобную неуспешность сельской кооперации с общими особенностями формирования социального капитала в российской деревне, отсутствием необходимых институциональных условий и ошибочным представлением, что кооперативы, основанные на классических принципах кооперации, могут успешно функционировать в современной экономике и обществе. Первый теоретический барьер для развития кооперации состоит в том, что в современном высокотехнологичном сельском хозяйстве гибридные структуры (кооперативы) менее эффективны, чем иерархические (агрохолдинги). Второй теоретический барьер обусловлен несоответствием семи классических принципов кооперации, сформулированных еще во времена Райффайзена (т. е. устаревших), сегодняшним экономическим реалиям и их трансформациям. Третий практический барьер авторы видят в быстрой деградации сельских территорий и низком уровне доверия и взаимодействия между членами сельскохозяйственных кооперативов, что и объясняет отсутствие в России тенденции к развитию кооперации «снизу вверх». Авторы приходят к выводу, что необходимым условием кооперации является высокий уровень социального капитала: на этапе становления кооператива его обеспечивают межличностные отношения, сложившиеся из неформальных социальных взаимодействий, и высокий уровень доверия внутри коллектива кооператоров, а также между ними и руководством. Однако по мере укрупнения кооперативы начинают терять свой социальный капитал — исчезает чувство общности, доверия и взаимопомощи, социально-психологическая атмосфера в кооперативе становится более деловой (ориентированной на бизнес и прибыль).

Ключевые слова: кооперация, сельскохозяйственные кооперативы, классические принципы кооперации, агрохолдинги, социальный капитал, доверие, сельское развитие, сельские территории

Сельская агломерация как новая форма пространственного развития сельско-городского партнерства: пример Калининградской области¹

И. С. Гуменюк, В. О. Юстратова

Иван Сергеевич Гуменюк, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14. Россия. E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

Вероника Олеговна Юстратова, аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта. 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14. Россия. E-mail: niko4ka1313@mail.ru

Аннотация. В российских публикациях, посвященных проблематике развития сельских территорий, все чаще встречается термин «сельская агломерация». Вместе с тем остается дискуссионным вопрос интерпретации данного понятия и его соотношения с более традиционными для географических исследований понятиями «территориальная социально-экономическая система» и «сельско-городской континуум». Также сельские агломерации можно рассматривать как пример локальных систем расселения, выделяемых деятельностным методом. Вызывает сложности практическое применение данного понятия ввиду отсутствия четких количественных и качественных критериев выделения сельских агломераций. В рамках исследования на примере Калининградской области, используя параметр временной доступности, разрабатывается и апробируется методика выделения сельских агломераций, что позволило, в том числе теоретически, уточнить исходное понятие. Авторы статьи приходят к выводу, что с экономико-географической точки зрения сельская агломерация может быть определена как локальная сельско-городская система расселения, в которой город выступает ядром, а сельские населенные пункты элементами системы. Между элементами системы существуют интенсивные межселенские связи, пространственное отражение которых — объекты транспортной инфраструктуры. Сельские агломерации являются нормативными системами, выделяемыми при помощи деятельностного подхода, а именно изохронным методом (20-минутным временным интервалом от центра сельской агломерации по дорогам общего пользования). Результатом проведенного исследования также стало выделение в Калининградской области 8 сельских агломераций. Сельская агломерация в регионе в среднем насчитывает 12,7 тыс. человек, включает в себя около 40 населенных пунктов с центральным звеном в виде малого города с усредненной численностью населения в 5,7 тыс. человек.

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-27-00085 «Роль социально-культурных центров сельской местности в территориальном преобразовании и повышении качества жизни населения» <https://rscf.ru/project/24-27-00085/>.

Начиная с 2019 года в российском нормативно-правовом поле начал употребляться термин «сельские агломерации». Впервые он был использован в Приложении № 11 к государственной программе Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», где под «сельскими агломерациями» принято понимать «примыкающие друг к другу сельские территории и граничащие с сельскими территориями поселки городского типа и (или) малые города. Численность населения, постоянно проживающего на территории каждого населенного пункта, входящего в состав сельской агломерации, не может превышать 30 тыс. человек»². В дальнейшем во многих субъектах РФ были подготовлены нормативные документы, утверждающие перечень сельских агломераций в границах субъекта. Так, для Калининградской области установлен перечень сельских агломераций в количестве 36 единиц³. При этом в документе отсутствует описание критериев, которые использовались для выделения сельских агломераций. Часть выявленных агломераций состоят из одного населенного пункта — города, что не соответствует вышепредставленному понятию «сельская агломерация» ни качественно (нет сельского населения), ни количественно (агломерация не может состоять из 1 населенного пункта). В границах Калининградской области наибольшее число сельских агломераций выделяется в Гвардейском муниципальном округе (8), по 3 — в Гурьевском и Полесском; по 2 — в Светловском, Озерском, Гусевском, Нестеровском и Славском и в 12 муниципалитетах по 1 агломерации.

В дальнейшем термин «сельская агломерация» начал использоваться в академической литературе, в том числе в контексте исследования пространственных социально-экономических систем локального уровня (Проваленова, 2020: 11; Харитонов, 2019: 21). Сельская

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102558140&intelsearch=%EF%EE%F1%F2%Е0%ED%EE%Е2%ЕВ%Е5%ED%Е8%Е5+%EF%F0%Е0%Е2%Е8%F2%Е5%ЕВ%FC%F1%F2%Е2%Е0+%F0%F4+696> (дата обращения 12.01.2024)
3. Об определении перечня сельских населенных пунктов Калининградской области и перечня сельских агломераций Калининградской области. Распоряжение Правительства Калининградской области от 5 февраля 2020 года N 12-пп, в редакции от 29.10.2020 N 197-пп. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561761788> (дата обращения 12.01.2024)

агломерация рассматривается как пространство формирования равноправного сельско-городского партнерства, которое активно исследуется в зарубежных публикациях (Dasgupta, Agarwal, 2022: 27; Kusio, Rosiek, Conto, 2022: 32; Mitra, Shaw, Sukhwani, Mitra, Rahman, Deshkar, Sharma, 2021: 33). Вместе с тем, как верно отмечено в статье Е. А. Семенов и А. В. Семенова, академическая дискуссия о содержании этого понятия и выборе критериев выделения продолжается в многочисленных публикациях (Семенова, Семенов, 2021: 13). Стоит отметить, что в географических исследованиях термин «сельская агломерация» сопоставляется с более традиционными дефинициями — «территориальная социально-экономическая система», «локальная система расселения» и «сельско-городской континуум».

Цель данного исследования заключается в попытке обоснования авторской трактовки понятия «сельская агломерация» с позиций экономико-географического подхода, в том числе сопоставив данное понятие с более традиционными для географической науки дефинициями. С практической точки зрения — разработать и апробировать (на примере Калининградской области) методику выделения сельских агломераций. Последнее определяется возможностью использовать полученные результаты исследования для муниципального управления, а также последующей разработки документов стратегического и территориального планирования развития выявленных сельских агломераций региона.

В соответствии с этим определены и последовательно решены следующие задачи:

1. Соотнести понятие «сельская агломерация» с такими географическими понятиями, как «территориальная социально-экономическая система», «локальная система расселения» и «сельско-городской континуум».
2. Обосновать авторский подход к трактовке и экспликации понятия «сельская агломерация» с экономико-географических позиций.
3. Обосновать методику выделения сельских агломераций, с последующим применением данной методики для выделения сельских агломераций в границах Калининградской области.
4. Дать географическую характеристику выявленных сельских агломераций Калининградской области, проанализировать некоторые демографические процессы, протекавшие в сельских агломерациях в период с 2020 по 2023 год.

Экономико-географическая интерпретация понятия «сельская агломерация»

Интерпретация понятия «сельская агломерация» может быть достигнута через его соотнесение с более традиционными для эконо-

мико-географических исследований понятиями «территориальная социально-экономическая система», «сельско-городской континуум» и «локальная система расселения». Идею о территориальной социально-экономической системе (ТСЭС) как главном предмете исследования в экономической географии выдвинул Ю. Г. Саушкин (Саушкин, 1973: 12), а существенный вклад в развитие концепции ТСЭС в разные годы внесли М. Д. Шарыгин (Шарыгин, Свисткова, 1978: 23), Ю. В. Пороженков (Пороженков, 1979: 10), Э. Б. Алаев (Алаев, 1983: 1), А. И. Чистобаев (Чистобаев, Шарыгин, 1990: 22) и др.

При всем многообразии подходов к определению понятия и внутренней структуры ТСЭС мы в рамках данного исследования обратимся к идеям П. Я. Бакланова, определявшего ее как «пространственное сочетание групп населения, объектов и организаций хозяйства, инфраструктуры, сферы обслуживания и управления в пределах определенной территории (от отдельного поселения до социально-экономического района в целом) вместе с их разнообразными взаимосвязями между собой и с территорией» (Бакланов, 2017: 2). Обозначая методологический подход к выявлению ТСЭС, Бакланов отмечал, что в любой системе можно выделить отдельное поселение, выступающее центральным звеном (своеобразная «точка отсчета») и структурные звенья первого порядка в виде других поселений, непосредственно связанных устойчивыми транспортными связями — участками железнодорожной или автодорожной сети с центральным поселением. Такой подход обеспечивает сопоставление данного термина с понятием «сельская агломерация». Сельская агломерация может рассматриваться как территориальная социально-экономическая система локального уровня, в которой малый город выступает центральным звеном системы, а сельские населенные пункты, связанные с городом устойчивым транспортным сообщением, структурными звеньями.

Концепция сельско-городского континуума как идея непрерывного перехода от удаленной сельской местности к городской начала формироваться с начала XX века. Идею выдвинули П. Сорокин, К. Циммерман, Р. Редфилд в 1920–1930-х годах. Они понимали сельско-городской континуум как череду плавных переходов от села к городу либо «поля» (места, ареала) их взаимодействия и взаимопроникновения (Яковлева, 2021: 25). Наиболее подробно феномен сельско-городского континуума в отечественной географии рассматривает А. И. Трейвиш (Трейвиш, 2016а: 16; Трейвиш, 2016б: 17). Автор не дает четкого определения данному термину, отмечая, что сельско-городской континуум как идея выражает неприятие антиномии города и деревни, их слишком жесткого «физического», ландшафтного или социального раздела.

В работе польского географа Д. Шиманьски сельско-городской континуум определяется как поселение, одновременно обладающие как городскими, так и сельскими функциями. В самой работе автор

рассматривает малые города Польши (с численностью населения менее 5 тыс. человек), в качестве поселений, обладающих наибольшим потенциалом формирования сельско-городского континуума (Шиманьска, 1992: 24).

Таким образом, соотнося между собой понятия «сельско-городской континуум» и «сельская агломерация», отметим, что первое определение в большей степени указывает на качественные характеристики географического объекта (населенный пункт, обладающий чертами городского и сельского поселения), а второе — на количественные характеристики (географически локализованная группа населенных пунктов, ограниченная численностью проживающего в них населения).

Сельская агломерация может рассматриваться и как пример локальной системы расселения. При определении и функциональном наполнении термина «система расселения» авторам ближе трактовка М. Д. Спектора: «совокупность населенных мест, расположенных на определенной территории и связанных общей организацией управления, обслуживания и участием населения в труде» (Спектор, 2014: 14). Также авторы согласны с идеей А. А. Ткаченко о том, что существуют «два принципиально различных подхода к выделению систем расселения: *нормативный* и *деятельностный*» (Ткаченко, 2018: 15). При нормативном подходе в систему расселения включаются все населенные пункты, расположенные в границах исследуемой территории. На локальном уровне примером нормативной системы расселения можно считать совокупность всех населенных пунктов конкретного муниципального образования. Деятельностный подход требует анализа связей между населенными пунктами. В систему должны включаться только те из них, что связаны с центром достаточно интенсивными связями, основными из которых являются трудовые (вместе с учебными) и культурно-бытовые. Выделенные с помощью деятельностного подхода системы расселения называются *контактными* или *групповыми*. Таким образом, сельская агломерация может рассматриваться как пример локальной контактной системы расселения, границы и состав которой определяются характером и интенсивностью связей.

Наиболее приемлемым (а иногда и единственно возможным) способом исследования таких контактных систем расселения являются методы включенного наблюдения, которыми активно пользуются все общественные науки (история, социология, культурология, география и др.) как в России (Кордонский, Плюснин, Крашениникова, Тукаева, Моргунова, Ахунов, Бойков, 2011: 7), так и за рубежом (Delgado-Viñas, Gómez-Moreno, 2022: 28). Они позволяют комплексно оценить и пространственно отобразить устройство локального социума: как выстраиваются там взаимодействия по линии «местное предпринимательство — хозяйство — рынок — культура — информационно-бытовые связи — служебно-трудовые

отношения — досуг» и т. д.; какую роль играют факторы родства, территориального соседства людей друг с другом и т. д.

Вместе с тем, не имея возможности детального изучения межселенческих связей в каждой контактной локальной системе расселения или при проведении сравнительных географических исследований большого числа таких систем, нередко для выявления их границ используют изохронный подход. При таком подходе граница системы определяется изохроной (от 30-минутной до двухчасовой) в зависимости от размеров центра и транспортных условий. Практическая часть нашего исследования также будет опираться на использование изохронного метода, о чем более подробно будет указано в разделе, посвященном методологии исследования.

Итак, попробуем обосновать авторский подход к определению и содержанию термина «сельская агломерация». Авторы опираются на классическое географическое определение агломерации, предложенное Э. Б. Алаевым: «территориальное экономическое образование, возникающее на базе крупного города (или нескольких компактно расположенных городов — конурбация) и создающее значительную зону урбанизации, поглощая смежные населенные пункты» (Алаев, 1983: 1).

Таким образом, под сельскими агломерациями мы понимаем локальную контактную сельско-городскую систему расселения, в которой город выступает ядром, а сельские населенные пункты — элементами системы. Между элементами системы существуют интенсивные межселенческие связи, пространственным отражением которых являются объекты транспортной инфраструктуры. Несомненно, что в таких системах город, выступая ее центром, выполняет важную роль, задавая общий характер и функциональное наполнение всей системы.

Методология исследования

Вопрос определения пространственных границ сельских агломераций в рамках данного исследования решается через параметр транспортной связности между центром агломерации и конкретным сельским населенным пунктом. Данный подход имеет свои методологические недостатки, о которых было сказано выше, но вместе с тем позволяет в дальнейшем проводить сравнительно-географические исследования выявленных объектов. В предыдущих работах авторами описывалась транспортно-географическая типология сельских населенных пунктов (Федоров и др., 2023), обосновывались и применялись на практике варианты определения транспортной доступности конкретного населенного пункта к центрам обслуживания разного иерархического уровня (Гуменюк, Гуменюк, 2021: 4) на примере Калининградской области. Базовым критерием оценки транспортной доступности использовался временной интервал,

описывающий общее время в пути, которое необходимо затратить для доступа из населенного пункта в город по дорогам общего пользования, с учетом соблюдения всех нормативных требований скоростного движения. При этом в качестве транспортного средства рассматривался личный автомобиль, а не функционирующая в регионе система пассажирского автобусного сообщения. Время в пути рассчитывалось без учета загруженности автомобильных дорог, являющейся переменным значением. Использование критерия «время в пути» в противовес критерию «расстояние» объясняется тем, что критерий расстояния количественный параметр транспортной доступности, а время — качественный, учитывающий в том числе и нормативное состояние дорожной инфраструктуры.

Изначально транспортная доступность населенных пунктов определялась до регионального центра (г. Калининграда) и центров муниципальных образований как поставщиков функций и услуг, не получаемых по месту жительства. Для определения границ сельских агломераций необходимо установить предельно допустимый временной интервал. С учетом результатов предыдущих исследований, в том числе многочисленных зарубежных работ (Accessibility, 2018: 26; Komornicki, Rosik, Stepniak, Śleszyński, Goliszek, Pomianowski, Kowalczyk, 2018: 29; Kotavaara, Antikainen, Rusanen, 2013: 31), целесообразно предположить, что границы сельской агломерации лежат в интервале между 30 минутами (интервал доступности для субрегиональных и/или муниципальных центров) и 10 минутами (оптимальный интервал доступности для локальных центров, которыми чаще всего выступают крупные сельские населенные пункты) (Kompil, Jacobs, Dijkstra, Lavalle, 2019: 30). В рамках данного исследования границы сельских агломераций будут определяться 20-минутным временным интервалом от центра сельской агломерации по дорогам общего пользования. Все произведенные расчеты расстояния и времени в пути (по дорогам общего пользования) были произведены авторами с использованием электронных поисково-информационных картографических служб «Яндекс Карты» и Google Maps.

Другой методологический аспект связан с выявлением потенциальных центров сельских агломераций применительно к Калининградской области. С одной стороны, в определении понятия «сельская агломерация» используется понятие «малый город». В России в данную категорию принято относить города с численностью населения до 50 тыс. человек⁴. При этом с учетом ограничения по численности населения каждого пункта сельской агломерации очевидно, что не все малые города могут оказаться центрами сельских агломераций. В Калининградской области насчитывается 22 города, из которых 21 формально (по численности населения) относят-

4. Градостроительный кодекс РФ от 7 мая 1998 г. № 73-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/3999213/> (дата обращения: 18.01.2024)

ся к категории «малые города». Вместе с тем, принимая в расчет ограничения сельских агломераций предельно допустимым размером в 30 тыс. человек, центрами сельских агломераций не могут быть города региона, численность которых превышает этот показатель. По состоянию на 1 января 2023 года к ним относят Советск (38 тыс. чел.) и Черняховск (35,7 тыс. чел.). Остальные 19 городов можно рассматривать в качестве потенциальных центров сельских агломераций.

В связи с текущим административно-территориальным делением сельские агломерации, по нашему мнению, целесообразно выделять и рассматривать в границах одного муниципального образования. Тем самым сельские агломерации могут считаться нормативными системами, выделяемыми при помощи деятельностного подхода, так как находятся в границах одного административно-территориального образования. Сельские агломерации в Калининградской области, которые могут быть выделены в межмуниципальном формате, окажутся не совсем полными в функциональном плане, так как у них присутствует необходимость в «административных услугах» в центре муниципалитета. Муниципалитеты Пионерский, Ладушкинский, Мамоновский и Янтарный исключены из исследования, поскольку границы муниципального образования и границы сельской агломерации будут совпадать ввиду их небольшой территории. Кроме того, если следовать определению сельской агломерации о наличии сельской территории, то Пионерский может быть исключен и по формальному признаку — отсутствию сельского населения в структуре (12,9 тыс. только городского населения). Тем не менее при современном росте цифровизации общества, расширяющемся переходе к получению услуг в электронном формате (различные справки, возможность выбора МФЦ для посещения и др.), трансформации социальной системы (например, выбор поликлиники, школы не по прописке) можно говорить про формирование в них фактических межмуниципальных сельских агломераций.

Также из последующего анализа был исключен город Гурьевск (численность населения 27,7 тыс. человек). Текущая демографическая ситуация показывает, что в ближайшей перспективе его население официально преодолевает порог в 30 тыс. человек (за два года рост на 4%), а фактическая численность уже давно значительно выше. Количественный параметр не единственный аргумент. Город Гурьевск в полной мере является примером города-спутника, интегрированного в хозяйственные связи с административным центром. С точки зрения объективных процессов Гурьевск может рассматриваться скорее в качестве компонента ТСЭС, центром которого выступает Калининград. Таким образом, потенциальными центрами сельских агломераций на территории Калининградской области определены 13 городов, которые и будут проанализированы в рамках данного исследования.

Построение 20-минутных изохрон из 13 анализируемых малых городов Калининградской области в совокупности с анализом официальных статистических данных о численности населенных пунктов на 1 января 2023 года⁵ позволили получить первичные данные о потенциальных сельских агломерациях в границах региона. Название агломераций соответствует названию центра сельской агломерации (табл.).

И. С. Гуменюк,
В. О. Юстратова
Сельская агломерация как новая форма пространственного развития сельско-городского партнерства

Таблица.
Потенциальные сельские агломерации Калининградской области

№	Название сельской агломерации	Общая численность агломерации (на 01.01.2023) (человек)	Численность малого города — центра агломерации (на 01.01.2023) (человек)	Число населенных пунктов
1	Нестеровская	9617	3342	32
2	Краснознаменская	9016	3374	35
3	Неманская	13 371	9216	33
4	Славская	8346	4013	19
5	Озерская	9685	4321	61
6	Правдинская	10 557	3934	55
7	Багратионовская	13 913	6379	37
8	Гусевская	37 880	28 820	40
9	Гвардейская	26 272	13 962	50
10	Полесская	14 220	6 954	36
11	Зеленоградская	23 234	17 133	29
12	Светлогорская	17 717	16 771	5
13	Приморская	29 090	1447	12

Источник: составлено авторами⁶.

Интересен случай Балтийского городского округа, на территории которого расположено сразу два города (единственный такой муниципалитет в области). При построении изохрон из города Балтийска в 20-минутный временной интервал из всех поселений муниципалитета попадает только город Приморск, а значит, по географическому принципу Балтийская сельская агломерация отсутствует. С другой стороны, если центром сельской агломерации выбрать город Приморск, то в 20-минутный интервал попада-

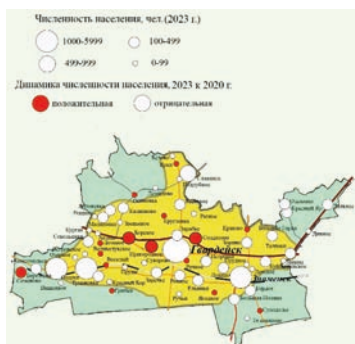
5. Численность населения городских и сельских населенных пунктов Калининградской области: Стат. сб. Калининград, 2023.
6. Численность населения городских и сельских населенных пунктов Калининградской области: Стат. сб. Калининград, 2023.

ют сразу все населенные пункты муниципалитета. Таким образом, в таблице выше указана именно Приморская (а не Балтийская) сельская агломерация.

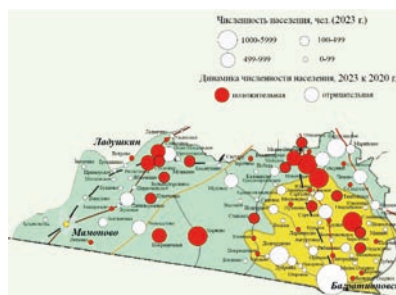
Сельская агломерация как географически локальная совокупность сельских и городских населенных пунктов для эффективного и разнонаправленного пространственного развития, по мнению авторов, должна в равной мере сочетать в себе потенциал для развития как сельской местности, так и городского пространства. Исходя из этого теоретического постулата, в процессе практического выявления сельских агломераций целесообразно считать, что доля городского центра в сельской агломерации не может превышать показателя в 50% от общей численности населения. При соблюдении данного баланса, по мнению авторов, может быть достигнут синергетический эффект между малым городом и сельской местностью. В противном случае потенциал города будет многократно превышать потенциал сельской территории, что приведет к дисбалансу пространственного развития. Город будет выступать как центр сосредоточения экономического, производственного и человеческого потенциалов, в том числе за счет активного перетока человеческих ресурсов из рядом расположенных сельских территорий. Отчасти это утверждение основано на анализе двух базовых концепций пространственного развития: комплексной и центр-периферийной моделей.

В пяти потенциальных сельских агломерациях доля городского центра в общей численности населения превышает отметку в 50% и более. Для Неманской агломерации — этот параметр составляет 69%, для Зеленоградской — 73%, для Гусевской — 76%, для Светлогорской — 94%, для Приморской (где главный центр сосредоточения населения город Балтийск) — 92%. Для Славской и Гвардейской сельских агломераций также характерно преобладание городского населения над сельским, но данное превышение, на наш взгляд, не критично и составляет 51% и 53% соответственно. Таким образом, на территории Калининградской области можно выделить 8 сельских агломераций. Дадим краткую характеристику каждому из них, в том числе представим результаты пространственной делимитации границ каждой из агломераций.

На рисунке 1 представлены граница и состав сельских агломераций, выделенных в центральной части Калининградской области: к ним относятся Гвардейская, Багратионовская, Полесская и Правдинская. Гвардейская сельская агломерация самая людная среди всех рассматриваемых нами, на 1 января 2023 года ее численность составляла 26,2 тыс. человек.

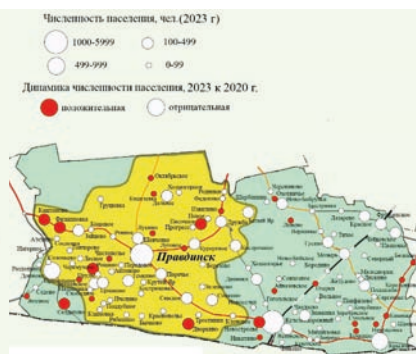
а) Гвардейская сельская
агломерация

б) Багратионовская сельская
агломерация

в) Полесская сельская
агломерация

г) Правдинская сельская
агломерация

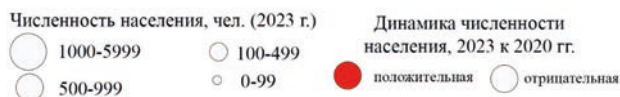

Рис. 1. Границы и состав Гвардейской, Багратионовской, Полесской и Правдинской сельских агломераций

Источник: составлено авторами.

Гвардейская сельская агломерация (рис. 1а), кроме того, что самая людная в силу центрального положения города Гвардейска и с хорошо развитой транспортной системой, характеризуется высокими параметрами включенности населенных пунктов муниципалитета в состав сельской агломерации. Из 61 сельского поселения только 12 (19%) не входят в границы сельской агломерации, при этом среди них нет крупных поселений с численностью более 500 человек. Для Гвардейской сельской агломерации хоть и характерно снижение общей численности населения в пе-

риод с 2020 по 2023 год, но темпы падения весьма незначительны (менее 2%).

Вторая по численности населения *Полесская сельская агломерация* (рис. 1в) характеризуется близким к идеальной модели соотношением городского и сельского населения (48,9% и 51,1% соответственно). По уровню охвата она включает в себя 35 из 66 сельских поселений. В удалении от города Полесска оказались сельские поселения, расположенные на востоке муниципалитета, самым людным из которых является поселок Залесье (1030 человек). Динамика численности населения Полесской сельской агломерации за период с 2020 по 2023 год характеризуется незначительными (около 0,5%) показателями роста, что в большей степени говорит об устойчивости социально-демографических процессов в границах данной сельской агломерации.

Третьей сельской агломерацией, расположенной в муниципальном образовании, примыкающем к городу Калининграду, является *Багратионовская агломерация* (рис. 1б). Ее совокупная численность меньше Полесской и составляет 13 913 человек. Географические размеры муниципального образования и крайнее местоположение города Багратионовска повлияли на то, что в состав сельской агломерации входят лишь 36 из 87 (41%) сельских поселений. Из крупных (численностью более 1000 человек) можно отметить поселки Долгоруково, Славяновка и Южный. По сути, именно эти три поселения вместе с городом Багратионовском обеспечивают 90% всей численности сельской агломерации. Большая часть сельского населения муниципалитета (почти 20 тыс. из 26,5 тыс. человек) проживает в поселках, не входящих в состав агломерации. Динамика численности населения сельской агломерации, как и всего муниципалитета, в период с 2020 по 2023 год характеризуется незначительной отрицательной динамикой. Официальная численность населения муниципалитета в целом сократилась всего на два человека (с 32 923 до 32 921 человека), а в границах сельской агломерации с 13 935 до 13 913 человек.

Правдинская сельская агломерация (рис. 1г) включает в себя 55 населенных пунктов (в том числе город Правдинск) из 117 населенных пунктов муниципалитета. Это связано с географическими особенностями, схожими с Багратионовским муниципальным округом. Большая территория и смещенное положение города Правдинск причины того, что весьма обширная восточная часть муниципалитета не входит в состав сельской агломерации. Как и в случае с Багратионовским муниципалитетом, такая конфигурация сельской агломерации отражается в численности населения. Из 14,2 тыс. человек за пределами сельской агломерации проживает более половины (7640 человек). Самым крупным поселением, расположенным вне Правдинской сельской агломерации, является поселок Железнодорожный (2497 человек). Динамика численности населения как сельской агломерации, так и всего муниципалитета имеет схожую

тенденцию, характеризующуюся незначительными (около 1,2%) показателями снижения. Для Правдинской сельской агломерации характерна преобладающая доля сельского населения над городским (63% сельского и 37% городского), что в целом не типично для рассмотренных ранее сельских агломераций.

В целом все четыре сельских агломерации, выделенных в границах центральных и западных муниципальных образований Калининградской области, объединяет устойчивость (темпы прироста или падения не превышают 1–2%) динамики численности населения за период с 2020 по 2023 год. Также для них характерны более высокие, чем для восточных муниципалитетов, показатели совокупной численности, большое число населенных пунктов, расположенных в границах сельских агломераций. Данный показатель варьируется от 36 (Полесская сельская агломерация) до 55 (Правдинская сельская агломерация).

В границах восточных муниципальных образований региона нами выделено четыре сельских агломерации (рис. 2а), самая малочисленная из которых *Славская сельская агломерация*, она же и самая малочисленная из всех выделенных нами сельских агломераций области по числу входящих в нее поселений. Она включает в себя 19 из 58 (32%) населенных пунктов. Такой низкий процент вовлеченности сельских населенных пунктов муниципалитета в границах сельской агломерации объясняется вытянутой конфигурацией района и обширной площадью. В состав сельской агломерации не входят крупные сельские поселения Большаково (1761 человек) и Ясное (975 человек). Из всей численности сельского населения муниципалитета (11,7 тыс. человек) в сельской агломерации проживает всего лишь 37% населения. При этом в самой сельской агломерации практически равное распределение между городским и сельским населением (51% и 49% соответственно). Как для сельской агломерации, так и для муниципалитета в целом характерна депопуляция населения в период с 2020 по 2023 год. В границах сельской агломерации депопуляция имеет пусть и незначительное, но меньшее значение (2,3% в сельской агломерации против 2,7% по всему муниципальному округу).

Краснознаменская сельская агломерация (рис. 2б) охватывает большую часть муниципалитета, что отражается и в доле населенных пунктов района, входящих в границы агломерации (35 из 55 населенных пунктов), и доле сельского населения (5,6 тыс. человек в границах агломерации из 7,6 тыс. всего сельского населения). Из крупных поселений, расположенных за границами агломерации, можно отметить Весново (653 человека) и Неманское (527 человек). Динамика численности населения за период с 2020 по 2023 год характеризуется процессами депопуляции в незначительных величинах (темпы падения за три года составили 0,5%). При этом городское население сократилось сильнее, чем сельское. Такая тенденция в перспективе еще больше увеличит дисбаланс

между сельским и городским населением в пользу первого. В настоящий момент доля городского населения в границах агломерации составляет 37,4%.

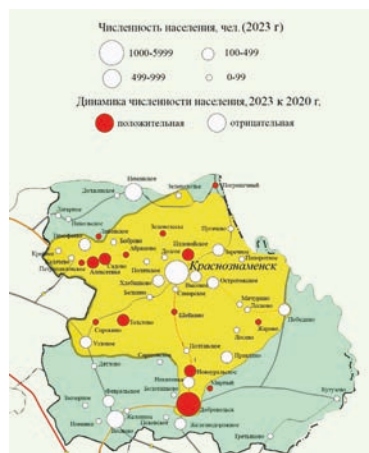
Сопоставимой по численности населения с Краснознаменской является *Нестеровская сельская агломерация* (рис. 2в), охватывающая чуть меньше 10 тыс. человек, из которых только 34% городские жители (3,3 тыс. человек). По доле городского населения данная сельская агломерация самая малочисленная среди всех рассматриваемых в статье. В ее состав входят чуть больше половины населенных пунктов муниципального округа (32 из 54). В силу особенностей конфигурации муниципалитета и смещенного к северу положения города Нестерова, в состав агломерации не попадают сельские населенные пункты, расположенные на юге района. При этом из 11,7 тыс. человек населения округа в границах сельской агломерации проживает чуть больше 80% населения (9,6 тыс. человек), что говорит о средней малочисленности населенных пунктов, не входящих в состав агломерации. Самым крупным из них является пос. Чисты Пруды с 383 жителями. Динамика численности населения в данной агломерации, как и в других «восточных» сельских агломерациях, отрицательная, но при этом темпы сокращения в период с 2020 по 2023 год не превысили 1%. Интересной особенностью является то, что при сокращении сельского населения, городское в этот период пусть и не значительно, но возросло.

Озерская сельская агломерация (рис. 2г) по размеру численности населения сопоставима с предыдущими двумя (чуть меньше 10 тыс. человек). При этом по числу населенных пунктов, входящих в состав агломерации, Озерская самая многочисленная среди всех рассматриваемых (61 поселение). Во всем муниципальном округе насчитывается 101 поселение, что в сочетании с размером округа и его совокупной численностью, говорит о мелкодисперсной системе населения с преобладанием небольших по численности сельских поселений. Из 8,3 тыс. человек сельского населения округа в границах агломерации проживают 5,3 тыс. человек (64%), что в целом соотносится с долей населенных пунктов, входящих в агломерацию от общего числа населенных пунктов. Районный центр город Озерск пространственно расположен близко к географическому центру муниципалитета, что и обеспечивает столь высокий охват сельской агломерации. Вне агломерации остались небольшие по численности поселения, расположенные на востоке и западе округа. Единственным крупным, не входящим в состав агломерации, является Новостроево с численностью населения 553 человека на 1 января 2023 года. Динамика численности населения в период с 2020 по 2023 год в границах сельской агломерации характеризуется крайне скромным ростом, достигнутым за счет роста городского населения (при сокращении сельского населения), благодаря этому соотношение городского и сельского населения в границах агломерации 44% и 56% в пользу сельского, с динамикой к постепенному выравниванию.

И. С. Гуменюк,
В. О. Юстратова
Сельская агломерация как новая
форма пространственного развития
сельско-городского
партнерства

а) Славская сельская агломерация

б) Краснознаменская сельская агломерация

в) Нестеровская сельская агломерация

г) Озерская сельская агломерация

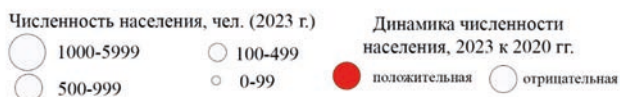

Рис. 2. Границы и состав Славской, Краснознаменской, Нестеровской и Озерской сельских агломераций

Источник: составлено авторами.

ТЕОРИЯ

Обобщая результаты анализа выявленных сельских агломераций в границах Калининградской области, можно дать усредненную пространственную характеристику сельской агломерации. В границах Калининградской области сельская агломерация в среднем насчитывает 12,7 тыс. человек, включает в себя около 40 населенных пунктов с центральным звеном в виде малого города с численностью населения в 5,7 тыс. человек. В ходе проведенного исследования из 13 выявленных потенциальных сельских агломераций на территории региона, после уточнения, определенно к числу таковых можно отнести только 8.

Для целей практического управления можно дополнить понятие конкретными количественными (пространственными) и качественными критериями. Дополнительными критериями выделения сельских агломераций являются следующие параметры:

- все населенные пункты, входящие в сельскую агломерацию, должны быть территориально расположены в границах одной административно-территориальной единицы (в текущем исследовании мы не говорим о потенциале межмуниципальных сельских агломераций);
- границы сельской агломерации определяются изохронами, равными 20-минутной временной доступности по автомобильным дорогам общего пользования до ядра агломерации;
- минимально допустимое число населенных пунктов в составе одной сельской агломерации не должно быть меньше трех;
- соотношение численности городского и сельского населения для сельских агломераций, проживающего в ядре агломерации и в остальных населенных пунктах, не должно превышать параметра более 50% в пользу ядра агломерации.

Данные критерии могут быть методологически дополнены и уточнены применительно к конкретным регионам. Они логически не противоречат предыдущим исследованиям, направленным на разработку инструментария к выделению сельских агломераций (Ворошилов, 2022: 3; Харитонов, 2021: 20).

Вместе с тем в ходе исследования были выявлены территории компактного размещения сельских поселений вокруг крупных населенных пунктов (например, пос. Железнодорожный с окрестностями в Правдинском районе, поселки Балшаковское и Ясное Славского района), которые, по нашему мнению, не являются сельскими агломерациями. Такие территориальные системы могут носить другое название, например, сельские ассоциации (Катанандов, Межевич, Солодилов, 2021: 6).

Сельская агломерация может рассматриваться как практическая адаптация теоретической концепции сельско-городского континуума. Это пример локальных территориальных социально-экономи-

ческих систем, которые могут обеспечить развитие малых городов и рядом расположенные сельские территории благодаря взаимовыгодному сотрудничеству и синергии человеческого потенциала. Выделение сельских агломераций как единиц территориального управления может способствовать усилению и конкретизации государственной и региональной социально-экономической политики применительно к конкретной сельской местности (Федоров, 2023: 18). Для малых городов рядом расположенные сельские поселения выступают потенциальными рынками сбыта продукции и услуг, рабочей силы. В свою очередь, для сельских территорий кооперация с малым городом выражается в предоставлении разнообразных услуг, города выступают центрами повышения личностных и профессиональных компетенций, необходимых в том числе для активного внедрения в сельской местности социальных инноваций (Федоров, Кузнецова, Михайлова, 2021: 19), развития малых форм предпринимательства (Гуменюк, Рихтер, 2023: 5), малого и среднего бизнеса (Кузнецова, 2023: 8).

В крупных (с численностью населения 1000 человек и более) сельских поселениях, входящих в состав сельских агломераций, целесообразно проводить политику по реновации социально-культурной инфраструктуры путем создания многофункциональных социально-культурных, культурно-спортивных, культурно-педагогических центров, способных выполнять различные функции, удовлетворяя нужды местного населения и туристов. Такие центры могут формироваться на базе существующих объектов инфраструктуры в сельской местности посредством расширения действующих функций последних. В них могут появляться и формироваться элементы краеведческого музея, места проведения общественных мероприятий (спортивно-праздничных, просветительских), поддержки местных инициатив в сфере развития традиционных ремесел и сельских видов деятельности, сельского и агротуризма (в том числе мест, которые могут посещать туристы, знакомясь и/или приобретая местную продукцию). Центры могут стать местом неформальных встреч локального сообщества с представителями власти, бизнеса и т. д. («сельский коворкинг»). Такие центры, с одной стороны, способны стать зоной сохранения и продвижения местных традиций и ремесел, семейных ценностей, центрами поддержки местных инициатив в области современного природопользования и туризма, а с другой стороны, способны стать центром инициации новых проектов в сфере территориального развития, напрямую влияющих на повышение качества жизни в сельской местности.

Заключение

Понятие «сельская агломерация», закрепленное в российском нормативно-правовом поле, имея официальное определение, с эко-

номико-географических позиций может быть развито через такие традиционные для науки дефиниции, как «территориальная социально-экономическая система», «сельско-городской континуум» и «локальная система расселения». Сельская агломерация рассматривается как территориальная социально-экономическая система локального уровня, в которой малый город центральным звеном системы, а сельские населенные пункты, связанные с городом устойчивым транспортным сообщением, структурными звеньями системы. Соотнося понятия «сельско-городской континуум» и «сельская агломерация», зафиксируем, что первое определение в большей степени указывает на качественные характеристики географического объекта, а второе на количественные. Между элементами системы существуют интенсивные межселенческие связи, пространственным отражением которых выступают объекты транспортной инфраструктуры. Сельские агломерации являются нормативными системами, так как выделяются в границах одного административно-территориального образования.

Авторы исследования предлагают определять границы сельских агломераций изохронным методом, а именно 20-минутным временным интервалом от центра сельской агломерации по дорогам общего пользования. Кроме того, проведенное исследование позволило в целях практического управления обосновать дополнительные качественные и количественные (пространственные) критерии выделения сельских агломераций (минимально допустимым числом населенных пунктов в границах одной сельской агломерации и соотношением в ней сельского и городского населения).

Сельские агломерации, выделенные авторами исследования в границах центральных и западных муниципальных образований Калининградской области, характеризует устойчивость (темпы прироста или падения не превышают 1–2%) динамики численности населения за период с 2020 по 2023 год в равнении с восточными сельскими агломерациями, что в большей степени определяется агломерационным влиянием областного центра — города Калининграда.

Библиография

- Алаев Э. Б. (1983). Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль.
- Бакланов П. Я. (2017). Территориальные социально-экономические системы в региональном развитии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 4. С. 7–16.
- Ворошилов Н. В. (2022). Критерии выделения сельских агломераций и механизм управления их развитием // Развитие территорий. № 1 (27). С. 51–58.
- Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г. (2021). Транспортная связность как фактор преодоления периферийности: пример сельских поселений Калининградской области // Балтийский регион. Т. 13. № 4. С. 147–160.

- Гуменюк И. С., Рихтер А. Д. (2023). Об экономическом самочувствии и актуальных мерах поддержки малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. № 2. С. 46-59.
- Катанандов С. Л., Межевич Н. М., Солодилов В. В. (2021). «Сельские агломерации» и «сельские ассоциации населенных пунктов» — возможные направления развития местного самоуправления на Северо-Западе России // Управленческое консультирование. № 9. С. 9-17.
- Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М., Крашенинникова Ю. А., Тукаева А. Р., Моргунова О. М., Ахунов Д. Э., Бойков Д. В. (2011). Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) // Мир России. Социология. Этнология. Т. 20. № 1. С. 3-33.
- Кузнецова О. В. (2023). Современная экономика Российской Балтики в муниципальном разрезе // Балтийский регион. Т. 15. № 4. С. 142-164.
- Поросенков Ю. В. (1979). Социально-экономическая география и социально-экономический район // Методологические проблемы исследования основного социально-экономического района. Воронеж. С. 5-14.
- Проваленова Н. В. (2020). Сельская агломерация как основа развития социальной инфраструктуры сельских территорий // Глобальный научный потенциал. № 1 (106). С. 133-135.
- Саушкин Ю. Г. (1973). Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль.
- Семенова Е. И., Семенов А. В. (2021). О формировании сельских агломераций // Экономика сельского хозяйства России. № 1. С. 96-102.
- Спектор М. Д. (2014). Диалектика сельского расселения. Астана.
- Ткаченко А. А. (2018). Ключевые понятия теории расселения: попытка переосмысления // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 10-15.
- Трейвиш А. (2016). Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения // Демографическое обозрение. Т. 3. № 1. С. 52-70.
- Трейвиш А. И. (2016). Сельско-городской континуум: региональное измерение // Вопросы географии. № 141. С. 51-71.
- Федоров Г. М., Анохин А. Ю., Гуменюк И. С., Гуменюк Л. Г., Давыденко А. В., Кузнецова Т. Ю., Кропинова Е. Г., Левченков А. В., Михайлова А. А., Пекер И. Ю., Хвалей Д. В. (2023). Повышение ценности сельской местности в России: опыт и пути внедрения социальных инноваций в Калининградской области. Калининград.
- Федоров Г. М. (2023). О пространственной дифференциации сельской местности Калининградской области и территориальных различиях социально-экономической политики на селе // Балтийский регион. Т. 15. № 3. С. 117-139.
- Федоров Г. М., Кузнецова Т. Ю., Михайлова А. А. (2021). О внедрении социальных инноваций в сельской местности Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. № 3. С. 5-21.
- Харитонов А. В. (2021). Организационно-экономический механизм устойчивого развития сельских территорий на основе сельских агломераций. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Сибирский федеральный научный центр агробиотехнологий РАН. Новосибирск.
- Харитонов А. В. (2019). Предпосылки и условия формирования сельских агломераций в Кемеровской области // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 5-3. С. 179-188.
- Чистобаев А. И., Шарыгин М. Д. (1990). Экономическая и социальная география: новый этап. Л.: Наука.
- Шарыгин М. Д., Свисткова А. М. (1978). Методика комплексного экономико-географического исследования территориальных социально-экономических систем Пермь.

- Шиманьска Д. (1992). Исследование сельско-городского континуума // Вестник московского университета. Серия 5. География. № 3. С. 61-67.
- Яковлева С. И. (2021). Концепция сельско-городского континуума: новые методики оценки расселения // Вестник ТвГУ. Серия: География и геоэкология. № 3 (35). С. 42-51.
- Accessibility of the Baltic Sea Region Past and future dynamics. Final Report (2018) URL: https://vasab.org/wp-content/uploads/2019/07/VASAB_Accessibility_Report_2018.pdf (дата обращения: 19.01.2024)
- Dasgupta S., Agarwal N. (2022). Experimenting with urban–rural partnerships for sustainable sanitation in India: Learning from practice // Land. № 11(7). P. 1021.
- Delgado-Viñas C., Gómez-Moreno M.-L. (2022). The interaction between urban and rural areas: An updated paradigmatic, methodological and bibliographic review // Land. № 11. P. 1298.
- Komornicki T., Rosik P., Stępnia M., Śleszyński P., Goliszek S., Pomianowski W., Kowalczyk K. (2018). Evaluation and Monitoring of Accessibility Changes in Poland Using the MAI Indicator. Warsaw: IGSO PAS, MD.
- Kompil M., Jacobs C., Dijkstra L., Lavallo C. (2019). Mapping accessibility to generic services in Europe: A market-potential based approach // Sustainable Cities and Society. № 47. P. 101372.
- Kotavaara O., Antikainen H., Rusanen J. (2013). TRACC — Transport Accessibility at Regional/Local Scale and Patterns in Europe. Vol. 3 TRACC Regional Case Study Book. Part G Finland case study. Luxembourg: ESPON and Department of Geography, University of Oulu.
- Kusio T., Rosiek J., Conto F. (2022). Urban–rural partnership perspectives in the conceptualization of innovative activities in rural development: On example of three-case study analysis // Sustainability. № 14(12). P. 7309.
- Mitra P., Shaw R., Sukhwani V., Mitra B. K., Rahman M. A., Deshkar S., Sharma D. (2021). Urban–rural partnership framework to enhance food–energy–water security in the post-COVID-19 era // International Journal of Environmental Research and Public Health. № 18(23). P. 12493.

Rural agglomeration as a new form of spatial development of the rural-urban partnership (on the example of the Kaliningrad Region)

Ivan S. Gumenyuk, PhD (Geography) Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St., 14, Kaliningrad, 236016, Russia.
E-mail: IGumeniuk@kantiana.ru

Veronica O. Yustratova, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St., 14, Kaliningrad, 236016, Russia.
E-mail: niko4ka1313@mail.ru

Abstract. Russian publications on the development of rural areas have increasingly used the term “rural agglomeration”. However, interpretations of this term and its relationship with more traditional geographical notions “territorial socio-economic system” and “rural-urban continuum” are still unclear. Moreover, rural agglomerations can be considered as local settlement systems identified by the activity method. Thus, practical application of the term causes difficulties due to the lack of clear quantitative and qualitative criteria for identifying rural agglomerations. On the example of the Kaliningrad Region, the authors developed and tested a methodology for identifying rural agglomerations based on the parameter of time accessibility, which also contributed to the theoretical clarification of the concept. The authors argue that in the economic-geographical perspective, rural agglomeration can be defined as a local rural-urban set-

tlement system, in which the city is its core and rural settlements — its elements; intensive inter-village connections are spatially reflected in the transport infrastructure facilities. Rural agglomerations are normative systems identified with the activity approach, namely the isochronous method (20-minute interval from the center along public roads). Thus, the authors identified 8 rural agglomerations in the Kaliningrad Region with an average population of 12.7 thousand people, an average number of 40 settlements and a core in the form of a small city with an average population of 5.7 thousand people.

Key words: rural agglomeration, rural-urban continuum, territorial socio-economic system, small town, Kaliningrad Region

References

- Accessibility of the Baltic Sea Region: Past and Future Dynamics. Final Report (2018).*
URL: https://vasab.org/wp-content/uploads/2019/07/VASAB_Accessibility_Report_2018.pdf.
- Alaev E. B. (1983) *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya. Ponyatiyno-terminologichesky slovar* [Social-Economic Geography. Conceptual-Terminological Dictionary], Moscow: Mysl.
- Baklanov P. Ya. (2017) Territorialnye sotsialno-ekonomicheskie sistemy v regionalnom razviti. [Territorial socio-economic systems in regional development]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 4, pp. 7–16.
- Chistobaev A. I., Sharygin M. D. (1990) *Ekonomicheskaya i sotsialnaya geografiya: novy etap* [Economic and Social Geography: A New Stage], Leningrad: Nauka.
- Dasgupta S., Agarwal N. (2022) Experimenting with urban-rural partnerships for sustainable sanitation in India: Learning from practice. *Land*, vol. 11, no 7, p. 1021.
- Delgado-Viñas C., Gómez-Moreno M.-L. (2022) The interaction between urban and rural areas: An updated paradigmatic, methodological and bibliographic review. *Land*, vol. 11, p. 1298.
- Fedorov G. M. (2023) Prostranstvennaya differentsiatsiya selskih territoriy Kaliningradskoy oblasti: znachenie dlya sotsialno-ekonomicheskoy politiki [Spatial differentiation of rural territories in the Kaliningrad Region: Implications for socio-economic policies]. *Baltic Region*, vol. 15, no 3, pp. 117–139.
- Fedorov G. M., Anokhin A. Yu., Gumenyuk I. S., Gumenyuk L. G., Davydenko A. V., Kuznetsova T. Yu., Kropinova E. G., Levchenkov A. V., Mikhailova A. A., Peker I. Yu., Khvalei D. V. (2023) *Povyshenie tsennosti selskoi mestnosti v Rossii: opyt i puti vnedreniya sotsialnykh innovatsiy v Kaliningradskoi oblasti* [Increasing the Value of Rural Areas in Russia: Examples and Ways for Introducing Social Innovations in the Kaliningrad Region], Kaliningrad.
- Fedorov G. M., Kuznetsova T. Yu., Mikhailova A. A. (2021) O vnedrenii sotsialnykh innovatsiy v selskoi mestnosti Kaliningradskoi oblasti [On social innovations in rural areas of the Kaliningrad Region]. *Vestnik Baltiyskogo Federalnogo Universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i Meditsinskie Nauki*, no 3, pp. 5–21.
- Gumenyuk I. S., Gumenyuk L. G. (2021) Transportnaya svyazannost kak faktor preodoleniya problem periferii: na primere selskikh territoriy Kaliningradskoy oblasti. [Transport connectivity as a factor in overcoming challenges of the periphery: The case of rural areas in the Kaliningrad Region]. *Baltic Region*, vol. 13, no 4, pp. 147–160.
- Gumenyuk I. S., Richter A. D. (2023) Ob ekonomicheskom blagopoluchii i sovremennykh merakh podderzhki malogo biznesa v selskom khozyaystve Kaliningradskoy oblasti [On economic well-being and current measures to support small businesses in agriculture in the Kaliningrad Region]. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and Medical Sciences*, no 2, pp. 46–59.
- Katanandov S. L., Mezhevich N. M., Solodilov V. V. (2021) «Selskiye aglomeratsii» i «selskiye assotsiatsii naselennykh punktov» — vozmozhnyye napravleniya razvitiya mestnogo

- samoupravleniya na Severo-Zapade Rossii» [“Rural agglomerations” and “rural associations of settlements” — possible directions for the development of local self-government in the North-West of Russia]. *Administrative Consulting*, no 9, pp. 9–17.
- Kharitonov A. V. (2019) Predposylki i usloviya formirovaniya selskikh aglomeratsiy v Kemerovskoi oblasti [Prerequisites and conditions for the formation of rural agglomerations in the Kemerovo Region]. *Vestnik Altaiskoi Akademii Ekonomiki i Prava*, no 5–3, pp. 179–188.
- Kharitonov A. V. (2021) *Organizatsionno-ekonomichesky mekhanizm ustoichivogo razvitiya selskikh territoriy na osnove selskikh aglomeratsiy* [Organizational-Economic Mechanism for the Sustainable Development of Rural Areas Based on Rural Agglomerations], Novosibirsk: Sibirskiy federalny nauchnyy tsentr agrobiotekhnologii RAN.
- Komornicki T., Rosik P., Stępniański M., Śleszyński P., Goliszek S., Pomianowski W., Kowalczyk K. (2018) *Evaluation and Monitoring of Accessibility Changes in Poland Using the MAI Indicator*, Warsaw: IGSO PAS.
- Kompil M., Jacobs C., Dijkstra L., Lavalle C. (2019) Mapping accessibility to generic services in Europe: A market-potential based approach. *Sustainable Cities and Society*, no 47, p. 101372.
- Kordonsky S. G., Plyusnin Yu. M., Krashenninnikova Yu. A., Tukaeva A. R., Morgunova O. M., Akhunov D. E., Boykov D. V. (2011) Rossijskaya provintsia i ee obitateli (opyt nablyudeniya i popytka opisaniya) [Russian province and its inhabitants (an observation and a description attempt)]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ethnologiya*, vol. 20, no 1, pp. 3–33.
- Kotavaara O., Antikainen H., Rusanen J. (2013) *TRACC — Transport Accessibility at Regional/Local Scale and Patterns in Europe*. Vol. 3: TRACC Regional Case Study Book. Part G: Finland, Luxembourg: ESPON and Department of Geography, University of Oulu.
- Kusio T., Rosiek J., Conto F. (2022) Urban-rural partnership perspectives in the conceptualization of innovative activities in rural development: On the example of three-case study analysis. *Sustainability*, vol. 14, no 12, p. 7309.
- Kuznetsova O. V. (2023) Sovremennaya ekonomika regionov Pribaltiki Rossii v munitsipal'nom kontekste [The modern economy of Russia's Baltic regions in the municipal context]. *Baltic Region*, vol. 15, no 4, pp. 142–164.
- Mitra P., Shaw R., Sukhwani V., Mitra B. K., Rahman M. A., Deshkar S., Sharma D. (2021) Urban-rural partnership framework to enhance food-energy-water security in the post-covid-19 era. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no 23, p. 12493.
- Porosenkov Yu. V. (1979) Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya i sotsialno-ekonomicheskyy raion [Socio-economic geography and socio-economic region]. *Metodologicheskie problemy issledovaniya osnovnogo sotsialno-ekonomicheskogo raiona*, Voronezh, pp. 5–14.
- Provalenova N. V. (2020) Selskaya aglomeratsiya kak osnova razvitiya sotsialnoi infrastruktury selskikh territoriy [Rural agglomeration as the basis for the development of social infrastructure in rural areas]. *Globalny Nauchnyy Potentsial*, no 1, pp. 133–135.
- Saushkin Yu. G. (1973) *Ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Economic Geography: History, Theory, Methods, Practice], Moscow: Mysl.
- Semenova E. I., Semenov A. V. (2021) O formirovani selskikh aglomeratsiy [On the formation of rural agglomerations]. *Ekonomika Selskogo Khozyaystva Rossii*, no 1, pp. 96–102.
- Sharygin M. D., Svistkova A. M. (1978) *Metodika kompleksnogo ekonomiko-geograficheskogo issledovaniya territorialnykh sotsialno-ekonomicheskikh sistem* [Methodology for the Complex Economic-Geographical Study of Territorial Socio-Economic Systems], Perm.
- Shimanska D. (1992) Issledovanie selsko-gorodskogo kontinuum [A study of the rural-urban continuum]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta, Seriya 5: Geografiya*, no 3, pp. 61–67.

- Spektor M. D. (2014) *Dialektika selskogo rasseleniya* [Dialectics of Rural Settlement], Astana.
- Tkachenko A. A. (2018) Klyuchevyye ponyatiya teorii rasseleniya: popytka pereosmysleniya [Key concepts of the settlement theory: An attempt of rethinking]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 10–15.
- Treivish A. (2016) Selsko-gorodskoi kontinuum: sudba predstavleniya i ego svyaz s prostanstvennoi mobilnostiyu naseleniya [Rural-urban continuum: Fate of the notion and its connection with the spatial mobility of population]. *Demograficheskoe Obozrenie*, vol. 3, no 1, pp. 52–70.
- Treivish A. I. (2016) Selsko-gorodskoi kontinuum: regionalnoe izmerenie [Rural-urban continuum: A regional dimension]. *Voprosy Geografii*, no 141, pp. 51–71.
- Voroshilov N. V. (2022) Kriterii vydeleniya sel'skikh aglomeratsiy i mekhanizm upravleniya ikh razvitiem // Razvitiye territoriy. [Criteria for identifying rural agglomerations and the mechanism for managing their development]. *Territory Development*, no 1, pp. 51–58.
- Yakovleva S. I. (2021) Kontseptsiya selsko-gorodskogo kontinuum: novye metodiki otsenki rasseleniya [The concept of rural-urban continuum: New methods for settlement assessment]. *Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Geografiya i Geoekologiya*, no 3, pp. 42–51.

*И. С. Гуменюк,
В. О. Юстратова*
Сельская агломерация как новая форма пространственного развития сельско-городского партнерства

Свобода человека перед вызовами техники, цивилизации и «восстания масс». Взгляд Николая Бердяева

С. В. Андросенко

*Софья Вадимовна Андросенко, аспирантка философского факультета МГУ, пресс-секретарь Свято-Филаретовского института. 105066, Москва, Токмаков пер., 11.
E-mail: sofia@sfi.ru*

Аннотация. В статье реконструируется взгляд одного из самых читаемых в мире русских христианских мыслителей Николая Бердяева на проблему отношения человека к технике, осложнившуюся в XX веке не только в связи с небывалым ростом его могущества, но и вызовом, который философ назвал «демократизацией культуры». С одной стороны, техника есть обнаружение творческой мощи человека, и росту могущества техники сопутствует определенное облегчение его участи в мире. С другой стороны, техника и технизация в широком смысле означает опосредованное и нередко отчужденное отношение человека к природе и к другому человеку, а также к межличностным связям и сообществам, в конечном итоге к самому себе. Технизация культивирует в человеке специфический инженерный взгляд не только на природу, но и на жизнь в целом, в пределе несущий угрозу расчеловечивания, устройства не только производственной, познавательной, культурной сферы, природной и городской среды, но и самого человека по образу и подобию машины. Вместе с тем сам кризис, порождаемый техникой, те вызовы, которые несут технизация и автоматизация, отрывая человека от лона матери-земли и космических ритмов, то ускоряя, то замедляя время, сжимая и растягивая пространство, ставя под вопрос природный порядок, который переживался как незыблемый и Богом данный, Бердяев считает безусловно положительным явлением, даже видит в этом кризисе религиозный смысл техники. Показано, что своеобразным ключом к пониманию происходящих в мире процессов в трудах философа выступает его интерпретация коллизии цивилизации и культуры, связанная с основным для его мысли различием порядка природы и порядка свободы. В этом контексте представлено видение Бердяевым роли крестьянства в наступающую эпоху вхождения масс в историю и культуру. В статье прослеживаются, как воплощаются и преломляются его основные интеллектуальные ходы и философско-антропологические интуиции в контексте итогов XX-го и вызовов XXI века.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, человек, философская антропология, техника, природа, свобода, культура, цивилизация, крестьяне, массовая культура, массовое общество, инженерия

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-44-67

«Машина есть распятие плоти мира, вознесение на крест благоухающих цветов и поющих птиц. Это — Голгофа природы. В неотвратимом процессе искусственной механизации природа как бы искупает грех внутренней скованности и вражды. Природный организм должен умереть, чтобы воскреснуть к новой жизни»
(Бердяев, 1918: 236–237).

Взгляд Николая Бердяева прежде всего интересен тем, что он всякую проблему современности рассматривает как антропологическую — и только в этом качестве соглашается считать ее вполне философской, т. е. поставленной в своей последней глубине. Так будет понятнее, почему в 1933 году он деликатно выражает удивление, что философия техники и машины еще не сложилась, «хотя на эту тему написано много книг», — и поясняет, что «не сделано самое главное, не осознана машина и техника, как проблема духовная, как судьба человека. Машина рассматривается лишь извне, лишь в социальной проекции» (Бердяев, 1933: 15). Это утверждение связано с особой характеризующей всю его философию установкой, что «мир есть часть человека, а не человек часть мира» (Бердяев, 1931: 10).

С этим же антропологизмом в конце концов связан и в широком смысле антипозитивистский настрой Бердяева, на который справедливо обращали внимание исследователи (Сапов, 2010: 178; Николаус, 2017: 32–33, 40). Для него познание не есть ни способ регистрации действительности, ни создание умопостигаемых философских систем и конструкций, ни интеллектуальная игра в поиск законов и правил, по которым познание должно строиться, — но способ творческого воздействия на реальность, привнесения в нее смысла и абсолютной новизны: «В познании с самим бытием что-то происходит, приходит его просветление» (Бердяев, 1931: 4). Поэтому для него не представляет затруднения сплав внутри философии техники двух, по мнению некоторых исследователей разнородных, задач — «осмысления природы и сущности техники» и «поисков путей и способов выхода из кризиса, порожденного техникой и техногенной цивилизацией» (Розин, 1997: 6).

Как мы увидим, для Бердяева оба вопроса — и о природе техники, и о выходе из порождаемого ею кризиса — упираются в вопрос о природе человека и его призвании, о специфически человеческом в человеке. В более широком плане проблема отношения человека к технике — это вопрос о возможностях и пределах рационализации и автоматизации человеческой жизни. Вместе с тем, как отмечал сам Бердяев, «оправдание техники в широком смысле слова есть оправдание культуры»: «Человек есть изобретатель орудий, которые он ставит между собой и природной стихией, и с изобретения орудий, т. е. с элементарной техники, начинается человеческая культура» (Бердяев, 1931: 243).

Оправдание техники. Новая категория бытия

В достаточно поздней работе «Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики» (1941) Николай Бердяев напишет: «Самое революционное, переворачивающее событие мировой истории есть появление техники как фактора, преобладающего в чело-

веческой жизни, победоносное вступление машины, определяющей всю структуру цивилизации» (Бердяев, 1995: 271). Эта тема занимает его уже с Первой мировой войны. Знаток философской Москвы начала XX века А. А. Кара-Мурза обращает внимание, что одной из первых работ, написанных Бердяевым после переезда в свой последний московский адрес в Большом Власьевском переулке осенью 1915 года, была статья «Дух и машина», первоначально опубликованная в «Биржевых ведомостях» за октябрь этого же года и направленная против ставших популярными в первые месяцы войны «неославянофильских утверждений о превосходстве “русского духа” перед “германской машиной”» (Кара-Мурза, 2014: 72).

«Прекрасен цветущий дуб и уродлива машина, оскорбительна для глаза, уха и носа, нимало не радует. Мы любим дуб, и хотели бы, чтобы он унаследовал вечность и чтобы в вечной жизни мы сидели под цветущим развесистым дубом. Машину же любить мы не можем, в вечности ее увидеть не хотели бы, и в лучшем случае признаем лишь ее полезность. И как соблазнительно желание остановить роковой процесс жизни, ведущий от цветущего дуба к уродливой и смрадной машине» (Бердяев, 1918: 326).

Трогательно размышляет исследователь, какой из вековых дубов, росших между домом Бердяева и оградой храма св. Власия, в приходской совет которого входил философ, воодушевил его на создание знаменитой статьи (Кара-Мурза, 2014: 72–73). Статья заканчивается словами: «В старый рай под старый дуб нет возврата. <...> Если Россия хочет быть великой Империей и играть роль в истории, то это налагает на нее обязанность вступить на путь материального технического развития. Без этого решения Россия попадет в безвыходное положение. Лишь на этом пути освободится дух России и раскроется ее глубина» (Бердяев, 1918: 240).

Поражаясь тому, насколько новы и необычны законы, по которым устроена жизнь машин, Николай Бердяев вслед за своим французским современником (Lafitte, 1932) называет технику «новой категорией бытия». С изобретением и активным вхождением техники в жизнь человека помимо органических и неорганических тел в мире появляются «тела организованные». Хотя машина состоит из элементов неорганических, «в природе неорганической машин не существует, они существуют лишь в мире социальном» (Бердяев, 1933: 14–15).

Практически везде, где он ставит вопрос об отношении человека к технике, Бердяев подчеркивает, что это прежде всего проблема перехода от органической жизни к жизни организованной или механизированной (Бердяев, 1918; Бердяев, 1931: 244–247; Бердяев, 1932а: 60; Бердяев, 1932б: 94; Бердяев, 1933: 8; Бердяев, 1939: 87; Бердяев, 1995: 272). Разрывается связь человека с природой. Техника есть манифестация *опосредованного* отношения человека к природе, его отделения от лона матери-земли и ее биологических ритмов. Время ускоряется, пространство сжимается. Особенно по-

разителен для него пример с кинематографом, который «овладевает пространствами, которыми совершенно бессилён был овладеть театр, океанами, пустынями, горами, так же как овладевает и временем» (Бердяев, 1933: 14).

Можно наблюдать, как в современной сельскохозяйственной сфере этот переход от органического к организованному выражается в разрыве связи с природными циклами: некогда сезонные овощи лежат теперь на прилавках круглый год. Но пищевые технологии шагнули ещё дальше: нам доступно молоко, для которого не нужна корова, шоколад без сахара, кофе без кофеина и булочки без глютена — и при всей невольной иронии, с которой приходится это констатировать, было бы лицемерием делать вид, что мы хотим обратно в мир, где этого нет.

Бердяев призывает не бояться этого разрыва, принять его, отдавая должное тем положительным изменениям, которые техника привносит в жизнь человека, облегчая его участь, избавляя человечество от «страшной эксплуатации людей и животных», от необходимости в непомерном рабском труде (Бердяев, 1933: 21). Он обращается к стихотворению «Деревня», в котором Пушкин «описывает необычайную прелесть русской деревни и помещичьей жизни в ней, но вдруг вспоминает, что она основана на закреплении людей и на страшной неправде» (Бердяев, 1933: 21). Философ напоминает: «Прошлого, которое нам так нравится и которое нас так притягивает, никогда не было. Это прошлое прошло через наше творческое воображение, через очищение, оно предстоит нам освобожденным от бывшего в нем зла и уродства» (Бердяев, 1933: 21). Он даже замечает, что само романтическое отношение к природе возникает уже в культуре, достаточно от природы оторванной, как духовная реакция на этот разрыв, и созерцание природных красот «есть даже по преимуществу продукт культуры» (Бердяев, 1933: 8).

Итак, Бердяев, который сам очень страдает от уродства технической эпохи и массового производства — и в этом даже сочувствует «философу реакционной романтики» Константину Леонтьеву (Бердяев, 1994б), — предостерегает нас от отрицания смысла техники, которая обнаруживает прорывное начало в человеке, его богоподобное достоинство и творческую мощь. И вместе с тем он признает, что «романтическая реакция против техники всё-таки указывает на какую-то болезнь и какое-то зло, связанное с техникой» (Бердяев, 1931: 243).

Техника и культура

Одно из фундаментальных противоречий, которые Бердяев связывает с ростом могущества техники и рука об руку идущей с ним «массовой демократизацией культуры» (Бердяев, 1932а: 64), — до предела обострившееся напряжение между двумя началами, дву-

мя принципами в человеческой жизни — культурой и цивилизацией. Это тема, которую не первым, но, может быть, громче всех ставит после Великой войны Освальд Шпенглер в «Закате Европы» (1918, 1922)¹. Но если для Шпенглера цивилизация это смерть культуры (Шпенглер, 1998: 163–164, 264), то для Бердяева она вызов для культуры. Он не сводит коллизию культуры и цивилизации к хронологической смене эпох: «Эпохой цивилизации по преимуществу можно назвать такую эпоху, в которой преобладающее значение получают массы и техника. Это обыкновенно говорят о нашей эпохе. Но и в эпоху цивилизации существует культура, как и в эпоху культуры существует цивилизация» (Бердяев, 1939: 104).

Едва ли нужно напоминать, что само слово «культура» — это сельскохозяйственный термин, связанный с возделыванием почвы. В смысле более или менее близком к нынешнему оно возникает у Цицерона в 45 г. до н.э. в «Тускуланских беседах» (см., напр.: Цицерон, 1975: 252). Цицерон использовал это слово просто для красоты оборота, чтобы быть убедительным, когда сравнил возделывание человеческой души с возделыванием почвы, но он ухватил принципиальный момент: понятие культуры как возделанности связано с понятием человечности². Итак, возделывание души означает выращивание человека. Иными словами, культура — это то, что делает человека человеком, придает ему *humanitas* (лат.) — человечность.

Бердяев, который с понятием культуры вполне по-цицероновски связывает особого рода возделывание, преобразование, очеловечивание самого человека и того, что его окружает, указывает на то, что эту «обработку» производит человеческий дух — принципиально не природное, а божественное, не земное, а небесное начало в человеке³. По сравнению с направленным в каком-то смысле противоположно, вовне «социально-коллективным процессом», ко-

1. Именно участие в нашумевшем сборнике «Освальд Шпенглер и закат Европы» стало поводом для высылки на «философском пароходе» (точнее, поезде) в 1922 г. Ф. А. Степуна. Бердяеву, чья статья «Предсмертные мысли Фауста» тоже была в сборнике, для высылки было достаточно других «заслуг» перед советской властью.
2. Этими наблюдениями я обязана моему профессору философии Григорию Борисовичу Гутнеру (1960–2018) и нашей с ним коллеге Алине Павловне Патраковой, подготовившей к изданию расшифровку его лекций по философии культуры, прочитанных в 2011 г. в филиале РГГУ в Твери.
3. Христианину-Бердяеву важно, что процесс очеловечивания берет начало и сам Бог воочеловечивается: «Основной миф христианства есть драма любви и свободы, разыгравшаяся между Богом и человеком, рождение Бога в человеке и рождение человека в Боге» (Бердяев, 1994в: 129). И его интересует эта динамика раскрытия человечности в Боге, человеке и мире: «Бог раскрывается как Человечность. Человечность и есть главное свойство Бога, совсем не всемогущество, не всеведение и пр., а человечность, свобода, любовь, жертвенность» (Бердяев, 1939: 73).

торый обозначается словом «цивилизация», культура есть «процесс более индивидуальный и идущий вглубь», она «более связана с личностью и духом», «с творческим актом человека» (Бердяев, 1939: 103–104). Объясняя эту разницу, Бердяев прибегает даже к филологическим аргументам: «Мы, например, говорим, что у этого человека есть высокая культура, но не можем сказать, что у этого человека очень высокая цивилизация. Мы говорим “духовная культура”, но не говорим “духовная цивилизация”» (Бердяев, 1939: 103–104).

Говоря о действии человеческого духа, Бердяев любит использовать образы, связанные с излучением: «Логос-Солнце в человеке должен светить» (Бердяев, 1916: 72), «любовь есть благодатная, излучающая энергия» (Бердяев, 1931: 149), человек «всегда и во всем должен быть подателем жизни, излучать творческую энергию жизни» (Бердяев, 1931: 273). Возделывая себя, человек естественным образом очеловечивает и мир вокруг себя. Рядом с ним очеловечиваются пространство и время, обретая соразмерные человеку ритмы; до известной степени очеловечиваются, делают способными к душевному общению с человеком животные; возникают новые виды растений и плодов. Очеловечивается через общение с человеком и другой человек, и общество, его законы и обычаи.

И хотя в культуре задача гуманизации никогда не достигается вполне — творчество человека возвращается «к тому объективированному миру, из которого он хотел вырваться» (Бердяев, 1939: 107) и вместо новой преображенной жизни как ее символы являются лишь «добрые дела» и «продукты культуры», — сама по себе культура есть как бы свидетельство о творческом действии человеческого духа, направленном к победе над смертью, уродством, неполнотой и рознью мира сего. Культура не дает забыть, что человек не вмещается в этот мир и не хочет быть окончательно водворенным «на территории этого мира, <...> на плоскости земли», что он «загадка и тайна, опытное опровержение самодостаточности этого мира» (Бердяев, 2008: 127).

Если вектор культуры связан с целями и смыслом жизни, с раскрытием свободы человека, то цивилизация направлена на совершенствование средств, работающих в падшем природном мире, и есть как бы движение в обратном направлении: не за пределы объективированного мира, который не может удовлетворить человека, не к преображению действительности — но к приспособлению под этот мир, к его законам розни, конкуренции, вражды.

В отличие от культуры, цивилизование не предполагает возделывания личности и не касается ее глубины. Бердяев, обращаясь к образу одежды, которым пользуется Томас Карлейль в «Sartor Resartus», сравнивает цивилизацию с внешним покровом, который легко «сдирается с человека» (Бердяев, 1939: 102). Средствами технической цивилизации может пользоваться человек независимо от уровня своей культуры. С этим связана проблема активного вторжения масс в историю и культуру. Бердяев замечает, что пре-

валирование демократического принципа цивилизации над конституирующим культуру аристократическим принципом подбора качеств, «власть большего числа» меняет сам характер культуры⁴ и перерождает духовную жизнь (Бердяев, 1939: 102). Самый элемент техники, мастерства, без которого невозможна культура, в наш технический и экономический век меняется, и в нем «достижения количества заменяют достижения качества, свойственные технику-мастеру старых культур» (Бердяев, 1933: 4).

Нечеловеческие силы

Николай Бердяев не застал современных технологий, позволяющих вживлять в мозг микросхемы, играть в шахматы с компьютером и составлять обзор литературы для гуманитарного исследования при помощи искусственного интеллекта. Но за много десятилетий до того, как мы это все наблюдаем, он объясняет смысл происходящих и грядущих процессов через такой диалог: «Человек сказал машине: ты мне нужна для облегчения моей жизни, для увеличения моей силы, машина же ответила человеку: а ты мне не нужен, я без тебя все буду делать, ты же можешь пропадать» (Бердяев, 1933: 11). Он замечает, как крайние формы рационализации труда превращают человека в усовершенствованную машину. В качестве примера бывший марксист Бердяев приводит систему управления производством, связанную с именем американского инженера Ф. У. Тейлора (1856–1915), направленную на максимальное повышение интенсивности труда через установление предельных норм выработки, жесткую систему штрафов и премий, а также отсев рабочих, не способных выдерживать заданные нормы. «Машина хочет, чтобы человек принял ее образ и подобие. Но человек есть образ и подобие Бога и не может стать образом и подобием машины, не перестав существовать» (Бердяев, 1933: 11).

Простые примеры из нашей повседневности показывают, как далеко может идти процесс, который Николай Бердяев застал в самом начале. Интерфейс современных мобильных телефонов, спроектированный специальным «интуитивным» образом, чтобы обращение с ним требовало минимальных усилий и практически не предполагало обучения, приводит к интересному результату.

4. Если дух, которым питается культура, не направлен к преображению жизни, не питается «священным недовольством этим миром» (Бердяев, 1994в: 112), то и культура может вести не к высшему бытию, а к расчеловечиванию. Так, Бердяев пишет, что искусство переживает двоякий кризис, и если на одном полюсе — выход за пределы культуры, то на другом — отказ от человека, дегуманизация (см., напр.: Бердяев, 1994а). Об этом кризисе свидетельствуют и близкий ему по духу Х. Ортега-и-Гассет (2002б), и во многом противоположный по мироощущению В. В. Розанов (Розанов, 1896).

Исследования показывают, что дети, выросшие с экранами в руках, имеют специфические особенности эмоционального и информационного метаболизма, которые полтора десятилетия назад называли «клиповым мышлением», а сегодня это граничит с симптоматикой аутизма и разного рода нехимических зависимостей (см., напр.: Аكوпова, 2020; Lee, Chang, Lin, Cheng, 2014; Stothart, Mitchum, Yehnert, 2015). Никто не ставил такой цели, но в конкурентной гонке производители оказываются как бы вынуждены изобретать такие машины, взаимодействие с которыми культивирует в человеке привычку к минимизации усилий и постепенно делает его зависимым от новой виртуальной среды, искусственно адаптированной под «невозделанное» состояние человека, т. е. стимулирующей процесс «цивилизации» и одновременно приводящей к атрофии не только физических, но и интеллектуальных, и эмоциональных, и волевых, и духовных «мышц», без работы которых не состоится его человечность.

Коммуникационные технологии, позволяющие доставлять определенное сообщение массовой аудитории, с одной стороны, и появление самой аудитории с массовым запросом — с другой, порождают новую среду, которая начинает развиваться по своим — часто нечеловеческим — законам и не в интересах человека. Бердяев говорит, что «еще не выяснено, что принесет для человеческого организма та электрическая атмосфера, в которую он себя вверг», сможет ли человек «дышать в этой новой атмосфере» (Бердяев, 1932а: 59). Сегодня мы видим главный парадокс пространства массовых коммуникаций: тот, кто привык считать себя потребителем — кому адресован новостной, кино- и прочий контент, оказывается (с точки зрения силовых полей, формирующих это пространство и контент в нем) основным товаром. Как все понимают, интернет в метро и работа видеохостингов финансируется по преимуществу рекламодателями, для которых товаром является приобретаемая аудитория. Как правило, именно экономической борьбой за внимание зрителя, стремлением *прогнозируемо* повысить вероятность того, что он выберет тот или иной контент, определяется качество того, что ему покажут. Но это и значит, что за него кто-то решит, что показать, исходя из общего для всех людей не человеческого принципа экономии энергии, т. е. покажут то, что потребует от него минимальных усилий.

Эти примеры зримо демонстрируют, что в мире помимо нашей воли и нашего расчета действует некий закон энтропии, смертоносные духовные силы, которые при внешнем росте могущества человека вырываются наружу и не подчиняются ему, а подчиняют его себе, лишают фундаментального человеческого свойства — свободы, т. е. расчеловечивают его. Бердяев говорит, что техника, которую «считали наиболее нейтральной сферой, религиозно безразличной, наиболее удаленной от вопросов духовных и потому невинной», оказывается не нейтральной (Бердяев, 1932а: 59) —

и прозревает это задолго до того, как мы на опыте обнаружим, до какой степени. «Вопрос о технике стал для нас духовным вопросом, вопросом о судьбе человека, о его отношении к Богу» (Бердяев, 1932а: 59).

Философ показывает, как стремление к рационализации, поставленное во главу угла, оборачивается иррациональными последствиями, отвержение таинственных основ жизни «порождает утерю старого смысла жизни, тоску, склонность к самоубийству» (Бердяев, 1932а: 61). Он замечает, как в экономике «рационализация порождает такое иррациональное явление, как безработица», а рационализация жизни в советской России «принимает формы, напоминающие коллективное безумие» (Бердяев, 1932а: 61).

Главная трудность, с которой сталкивается человек-изобретатель в своих инженерных амбициях, в дерзновенных попытках овладеть природной стихией, максимально рационализировать жизнь и управлять ей, — что сама человеческая жизнь сопротивляется этой рационализации: «Человек организатор жизни, но сам он в глубине своей не может быть предметом организации, в нем самом всегда остается элемент органический, иррациональный, таинственный» (Бердяев, 1932а: 61).

Бердяева интересует момент, когда человек «теряет управление» — когда и почему иррациональные силы обнаруживают свое действие там, где рациональный расчет их не предполагал. Здесь он снова указывает на необходимость различать цели жизни и средства и обращает внимание на трудноуловимый, но принципиальный момент, когда интерес к смыслу жизни подменяется интересом к средствам и технологиям, интерес к истине — интересом к пользе. Как мы уже установили, цивилизация и техника имеют дело со средствами. Бердяев замечает, что хотя человек — инженер, *homo faber*, «он изобрел инженерное искусство для целей, лежащих за его пределами» (Бердяев, 1933: 5). Философ настаивает: «Не может быть технических целей жизни, могут быть лишь технические средства, цели же жизни всегда лежат в другой области, в области духа» (Бердяев, 1933: 5). Но средства жизни имеют роковую тенденцию подменять цели, так что последние «окончательно и даже совсем исчезают из сознания человека» (Бердяев, 1933: 5).

Цели и средства

Может быть, лучше всего разницу между целями и средствами можно показать на примере свободы, интерпретация которой сама по себе имеет фундаментальное значение для философии Бердяева. Попробуем проследить, как трансформируется понимание человеческой свободы в зависимости от того, на чем сфокусирован наш интерес. Сам Бердяев, в котором «любовь... к познанию смысла жизни» с подростковых лет вытесняла все (Бердяев, 2016: 27),

безусловно, относит свободу к сфере целей и смысла человеческой жизни. Для него свобода — это дух, т. е. сила определенного качества, возможность творчества «из ничего», новизны в мире. Такое понимание сплошь и рядом подменяется (в том числе и в философии) представлением о свободе как о средстве, ресурсе, праве, наличии опций или технической возможности (оторваться от земли, преодолеть расстояние, разрушить социальные преграды и т. д.). В результате получается по меньшей мере две совершенно разные, во многом противоположные «свободы».

Свобода как дух и сила делает самого человека как бы источником, донором свободы. Человек, обладающий свободой как содержанием и смыслом жизни, заинтересован в том, чтобы в этот опыт свободы вошли другие, он освободитель, излучатель свободы. Подчеркивая не-ресурсный и недетерминированный статус такой свободы, Бердяев употребляет эпитеты «нетварная», «несотворенная», «безосновная», «непроницаемая» для Бога (см., напр.: Бердяев, 1931: 29). Он говорит о свободе как присущей личности «неизъяснимой и таинственной мощи созидать из ничего, недетерминированно, прибавляя энергию к мировому круговороту энергии» (Бердяев, 1916: 138). Эту свободу нельзя отнять, например, лишив человека свободы передвижения, средств производства, права участия в выборах или свободы слова⁵.

Свобода же, понятая как ресурс, как право, как техническая возможность, парадоксально делает того, кто ей пользуется, не-свободным. Человек всегда остается в отношении к такой свободе пользователем, потребителем, он бессилен кого-либо этой свободой обогатить, более того — он сугубо несвободен еще и потому, что так или иначе им владеет страх лишиться этой свободы или условий, которые ее обеспечивают. Изнутри такого «ресурсного» и индивидуалистического понимания свободы рождается правило «моя свобода кончается там, где начинается свобода другого», т. е. свободы людей при таком понимании как бы угрожают друг другу, буквально уподобляясь дефицитному ресурсу. Собственно, называя свободу-ресурс «падшей», Бердяев только это и хочет сказать — что она рождена из опыта «глубокого раздора в человечестве», «узаконенного разъединения», «договоров о том, чтобы друг друга оставить в покое», т. е. представления о розни между людьми как нор-

5. Бердяев мог бы сказать, что скорее слово, даже никакими законами не ограниченное, лишится свободы без того, кто имеет в себе дух свободы. Это и сегодня хорошо видно по характеру свободы слова в тех СМИ, которые кичатся своей свободой, но никакой свободы ни в ком не пробуждают, а культивируют только дух претензии и злобы. Между тем в 1939 г. Бердяев замечает: «Средний человек нашей эпохи имеет мнения и суждения той газеты, которую он читает каждое утро, она подвергает его психическому принуждению. А при лживости и подкупности прессы результаты получаются самые ужасные в смысле порабощения человека, лишения его свободы совести и суждения» (Бердяев, 1939: 55).

ме жизни (Бердяев, 1991а: 418). Это и есть та материя «мира сего», с которой имеют дело техника и цивилизация.

Роковые последствия неразличения «безосновной» свободы и свободы как ресурса демонстрирует слом, описанный Ортегой-и-Гассетом (Ортега-и-Гассет, 2002а). Он показывает, как в результате борьбы культурных, аристократических сил за улучшение участи масс, т. е. в результате борьбы за их свободу, на арену истории выходит тип «человека массы», для которого характерны самодовольство, нежелание предъявлять к себе какие-либо требования и в чем-либо себя ограничивать, отсутствие интереса к другому, его культуре и мысли — и менее всего характерна свобода. Бердяев, в том числе ссылаясь на работу Ортеги, пишет, что «большие массовые процессы» «опрокидывают» гуманистическую культуру. «Культурный слой, гуманистический по своему миросозерцанию, бессилён дать массам идеи и ценности, которые могли бы их вдохновить» (Бердяев, 1932а: 63). «Массы легко усваивают себе вульгарный материализм и внешнюю техническую цивилизацию, но не усваивают себе высшей духовной культуры, они легко переходят от религиозного миросозерцания к атеизму», — пишет Бердяев (Бердяев, 1932а: 63). Исторический слом, который Ортега-и-Гассет называет «восстанием масс», показывает, что нельзя освободить человека извне, что свобода, с которой связаны цели и смысл человеческой жизни, — это движение, идущее изнутри самого человека, и в конце концов можно только помочь ему раскрыть опыт свободы, который в нем уже есть, освободить можно только свободного.

Опасной Бердяеву представляется не только подмена стремления к целям жизни стремлением к средствам, но и вырастающая из этого неспособность верить в реальности, относящиеся к целям жизни и ее смыслу, которые всегда лежат в области духа и не насилуют человека (Бердяев, 1933: 5). Выражение «смысл жизни» звучит теперь как будто неловко, неправдоподобно. Люди перестают хотеть свободы, любить истину и саму любовь, знать, что они возможны как цель, а не ресурс. Одна из последних работ Бердяева начинается словами: «Мы живем в эпоху, когда истину не любят и ее не ищут. Истина все более заменяется пользой и интересом, волей к могуществу» (Бердяев, 1951: 7). То есть проблема не в том, что христиане или потерявшие религиозную веру гуманисты благородно борются за права и свободы угнетенных масс как средство жизни, а в том, что снимают с себя ответственность за более трудную, но и более насущную борьбу за свободу как смысл жизни и силу, созидающую жизнь.

«Бесспорно, экономика есть необходимое условие жизни... Но цель и смысл человеческой жизни лежит совсем не в этом необходимом базисе жизни», — говорит Бердяев, устанавливая своего рода обратную зависимость между прагматической «безотлагательностью» и внешней властью средств, и в частности техники, над жизнью с одной стороны, и ценностью того, что можно отнес-

ти к ее целям, с другой (Бердяев, 1933: 5–6). «Можно было бы сказать, что наиболее сильной в нашем мире является грубая материя, но она же и наименее ценна, наименее же сильным в нашем грешном мире представляется Бог, Он был распят миром, но Он же является верховной ценностью. Техника обладает такой силой в нашем мире совсем не потому, что она является верховной ценностью» (Бердяев, 1933: 6). Нечто похожее философ замечает о насилюющей человека власти денег, так контрастирующей с их реальной ценностью: «Жизнь человека зависит от денег, самой безличной, самой бескачественной, на всё одинаково меняющейся силы мира» (Бердяев, 1939: 55).

Ускользание вопроса о целях и смысле жизни из фокуса внимания в эпоху цивилизации, вытеснение его вопросом о средствах неслучайно. Сама постановка вопроса о смысле жизни предполагает, что есть что-то, что человек готов поставить выше своей жизни. Между тем еще одно горькое замечание, которое Николай Бердяев делает о нашей цивилизованной массовой эпохе, связано с исчезновением в культурной элите сознания служения сверхличной цели — идея служения вообще уступила место противоположным либеральным и индивидуалистическим идеям (Бердяев, 1932а: 62). Он замечает, что понимание жизни как служения сверхличной цели в основе своей религиозное, и поражается тому, что эта идея «в извращенной форме вновь возникла в русском коммунизме, но сама сверхличная цель оказалась безбожной» (Бердяев, 1932а: 62).

Инженерное отношение к смерти

Предельным образом описанная подмена интереса к целям и смыслу жизни интересом к средствам и пользе выражается в том, как техника меняет отношение к смерти. Хотя Бердяев не устал замечать, «как отстала техника медицинская от техники истребления» (Бердяев, 1932б: 95), те этические вызовы, которые порождает техника для спасения жизни, может быть, еще сильнее иллюстрируют всю двойственность технического прогресса. Аппараты искусственной вентиляции легких и гемодиализа создали моральные дилеммы, которых мир не знал раньше, заставив врачей, работающих в условиях дефицита ресурсов и времени, на повседневной основе отвечать на вопрос: кого отключить от системы обеспечения жизни. Символом этих решений, принятия которых не выдержит ни одна нормальная человеческая совесть и психика, стал знаменитый мысленный эксперимент с вагонеткой (Foot, 1967), предполагающий, что ценой спасения жизни, например, пятерых человек, в любом случае будет жизнь какого-то шестого.

Чтобы снизить нагрузку на совесть медиков, а также юридически обеспечить — и опять же технологизировать — принятие подобных решений, были разработаны сотни протоколов, пред-

писывающих исходить из набора объективных факторов, как бы автоматически⁶. Соответствующими протоколами в разных странах регулируется и вопрос о том, жив человек или мертв, поскольку чисто физиологические критерии жизни и смерти, как известно, постоянно меняются, в том числе и под действием совершенствующихся технологий биомедицинской диагностики (см., напр.: Ивановский, Попова, Смирнов, 2017). Однако эти технологии неизбежно превращают вопрос о человеческой жизни и смерти в набор цифр на электронном табло, в математический подсчет «баллов», из которых складывается «объективная» приоритетность ценности жизни одного человека по сравнению с другим.

Исключением и контрапунктом, дающим надежду на «вертикальный» выход из подобных технологических тупиков, могут быть прецеденты, подобные тому, который во время пандемии COVID-19 попал на страницы итальянской прессы. 72-летний священник Джузеппе Берарделли из Бергамо отказался от аппарата ИВЛ ради того, чтобы более молодые пациенты могли получить респираторную поддержку. Через неделю после его ухода из жизни 90-летняя жительница Бельгии Сюзанна Хойлаэртс поступила так же. С точки зрения статистики оба оказались в числе жертв пандемии, однако при каком-то другом взгляде можно признать их ее победителями (Патракова, 2021).

Для Бердяева, не заставшего еще дилемм с «вагонеткой» и ИВЛ, невыносима уже сама рационализация отношения к смерти. Даже у наиболее близкого ему в этом вопросе Николая Федорова с его верой в призвание сынов к делу всеобщего воскрешения отцов, с его условным толкованием апокалипсиса, активно-творческой эсхатологией (см., напр.: Бердяев, 1932б: 93; Бердяев, 2008: 254–255) и пониманием смерти как обнаружения духовной проблемы «небратского состояния мира» (Федоров, 1995: 42), отношение к самой тайне смерти представляется Бердяеву слишком рациональным. Еще сильнее он отмечает эту тенденцию у Н. А. Сетницкого, в котором видит одного из главных представителей федоровского течения в техническую эпоху. В отличие от Федорова, у Сетницкого Бердяев усматривает уже «что-то советское, очень современное», готовность «в деятельности Госплана... видеть шаги к осуществлению “проекта” Н. Федорова» (Бердяев, 1932б: 93–94). Хотя книга Сетницкого «О конечном идеале» (1932), по мнению Бердяева, «мало общего имеет с идеологией материалистического коммунизма и даже борется с ней» (Бердяев, 1932б: 93–94).

Основной вопрос, который Бердяев хочет задать и Н. А. Сетницкому, и самому Н. Ф. Федорову, — это вопрос о зле (Бердяев, 1932б:

6. Так, во время пандемии стали востребованы средства электронной сортировки пациентов (Alhaidari et al., 2021). А недавно вышла публикация об использовании искусственного интеллекта для сортировки пациентов в критических условиях и массовых бедствиях (Tahernejad et al., 2024).

94). Непонятно, откуда взялось зло, в чем источник его силы в мировой жизни? Если смерть обусловлена действием хаотических стихийных сил природы, то откуда эта хаотичность и иррациональность в самой природе? Это опять возвращает нас к вопросу о различении хаоса как вторичного *природного* явления, как предмета организации и регуляции, и зла как явления порядка *духовного*, связанного с тайной свободы, которая не может быть до конца рационализирована. «Остается неясным, — констатирует Бердяев, — как и почему человек, со всех сторон окруженный темной, хаотической и иррациональной природой, которая есть и внутри его самого, в силах победить эту тьму, хаотичность и иррациональность» (Бердяев, 1932б: 95).

Сегодня в профессиональном медицинском сообществе — в среде тех, кто теснее всего имеет дело с проникновением техники в вопросы начала и конца человеческой жизни, — едва ли не подавляющим является отношение к смерти как к поломке. Смерть рассматривается как сугубо физиологический, «технический» вызов, т. е. проблема смерти как проблема одиночества, отчуждения, утраты общения, конечности жизни, не говоря уже о великой тайне смерти и загадочной связи ее с любовью (см.: Бердяев, 2016: 99, 382 и др.), — подменяется проблемой угасания отдельных биологических или психических функций, начинает мыслиться как проблема инженерная, а ее решение — как вопрос времени и развития технологий.

Обратная сторона этого процесса — трансформация взгляда на жизнь, которая перестает быть тайной и становится ресурсом и предметом своего рода инженерии, и вытеснение веры в воскресение и вечную жизнь верой в бесконечное здоровье и «технологическое бессмертие». Достаточно спуститься в московское метро, чтобы увидеть, что едва ли не каждое второе женское лицо пережило «инженерное» воздействие. Рост доступности косметологических и хирургических вмешательств обнаружил то, что еще полтора десятилетия назад отчасти сдерживалось их дороговизной, а отчасти уровнем культуры: человек перестает видеть тайну даже в собственном лице, без большого сожаления готов отдать под нож или шприц свои уникальные черты, которые могут быть дороги тем, кто любит это лицо. Лицо человеческое, которое Бердяев назвал «самым изумительным в мировой жизни» за то, что «через него просвечивает иной мир» (Бердяев, 1939: 28), низводится до ресурса для достижения тех или иных целей жизни, которые, в свою очередь, нередко оказываются возведены в область целей из области средств.

Бердяев напоминает нам, что в широком смысле слова техника не сводится к промышленным или техническим изобретениям: «Τεχνική значит фабриковать, создавать с искусством» (Бердяев, 1933: 4). Своя техника есть не только в экономике, промышленности, военном деле, не только в обеспечении комфорта жизни. Есть техника мышления, стихосложения, живописи, танца, права. Бердяев замечает, что можно говорить даже о «технике духовной жизни», и в качестве примера приводит йогу. Общее здесь в том, что

техника «повсюду учит достигать наибольшего результата при наименьшей трате сил» (Бердяев, 1933: 4).

С техникой в этом более широком смысле связано еще одно явление, в котором воплощается тревожная интуиция Бердяева о смешении целей жизни и средств, — проникновение в нашу повседневность психологических и психотерапевтических техник и, иногда кажется, какого-то специфического психотерапевтического мироощущения, угрожающего превратить даже отношения человека с самыми близкими людьми в предмет своеобразной инженерии, т. е. внести в них тот самый элемент опосредования, опосредовать их законами, выработанными некими экспертами по отношениям и навязываемыми «рынку» как универсальный принцип. Все ли может стать предметом такого опосредования и «инженерного» воздействия, которое — хочешь не хочешь — возвращает к проблеме отчуждения и объективации? Остаются ли человеческие отношения вполне человеческими, когда в центре них, конституирующим их критерием становится их польза или отсутствие вреда? Человечен ли сам критерий, по которому предлагается отличать «токсичные» и «абызвивные» отношения от «полезных» и «экологических»?

Надо сказать, что и в узком смысле экологический дискурс иногда грешит этой утерей человека из поля зрения. Человек представляется чуть ли не раковой опухолью на теле несчастной планеты, а идеалом экологичного ее обитателя видится субъект, способный уместить годовой объем производимых им перерабатываемых отходов в литровый кулек, как будто именно количеством приносимого ущерба экологии измеряется ценность (или вредность?) человеческой жизни.

«Человек так устроен, что он может жить или верой в Бога или верой в идеалы и кумиры, — напоминает Бердяев. — Идолотворение и идолопоклонение мы видим во всех областях — в науке, в искусстве, в государственной, национальной, социальной жизни. Так, напр., коммунизм есть крайняя форма социальной идолатрии» (Бердяев, 1932а: 58). И философ полагает, что мы вступаем в эпоху цивилизации, которая отказывается от ценности человека — «последней ценности, уцелевшей от христианства» (Бердяев, 1932а: 68).

Он признается, что ему иногда снится страшная утопия: «Настанет время, когда будут совершенные машины, которыми человек мог бы управлять миром, но человека больше не будет. Машины сами будут действовать в совершенстве и достигать максимальных результатов» (Бердяев, 1933: 25).

Пророчество о крестьянах

Вхождение масс и техники в жизнь, наступление новой эпохи на родине Бердяева оказалось усугублено активным и намерен-

ным разрушением и прежней русской культуры, и прежней русской цивилизации. Размышляя о последствиях революции в России, где «восстание масс» имело особо катастрофический и инфернальный характер, философ отмечает образование «нового слоя, не столько социального, сколько антропологического», который внешне уже мало похож на старый тип революционера: «Появился молодой человек в френче, гладко выбритый, военного типа, очень энергичный, дельный, одержимый волей к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззащитный. <...> Это он стремительно мчится на автомобиле, сокрушая все и вся на пути своем, он заседает на ответственных советских местах, он расстреливает, он наживается на революции» (Бердяев, 1991б: 458). Новый молодой человек, замечает Бердяев, — «не русский, а интернациональный по своему типу», у которого «появился вкус к силе и власти, буржуазный вкус, которого у нас не было» (Бердяев, 1991б: 458).

«Дети, внуки этих молодых людей будут уже производить впечатление солидных буржуа, господ жизни. Эти господа проберутся к первым местам жизни через деятельность Чека, совершив неисчислимое количество расстрелов. И кровь не остановит их в осуществлении своей похоти жизни и похоти власти», — пророчествует Бердяев, называя «фигуру этого молодого человека» самой злобешней фигурой в России, потому что в ней «может быть загублена душа России, призвание русского народа» (Бердяев, 1991б: 458–459). Этот «победоносный социально-антропологический тип предъявит спрос на техническую цивилизацию, но не будет нуждаться в высшей культуре, всегда аристократической. Процесс варваризации у нас неотвратимо должен произойти» (Бердяев, 1991б: 460).

Вместе с тем, констатируя слишком серьезные масштабы опустошения и степень деморализации и не предвидя после революции в России «ничего особенно хорошего», Бердяев призывает не бояться смотреть в глаза судьбе и не теряет надежды на возрождение, хотя и с неизбежным понижением уровня культуры. Он уверен: «Кончить русскую революцию может лишь русское крестьянство, лишь народившаяся в самой революции новая буржуазия, лишь красная армия, опомнившаяся от своего кровавого бреда, лишь новая интеллигенция, духовно углубившаяся в трагическом опыте революции и стяжавшая себе новые положительные идеи» (Бердяев, 1991б: 443).

В «Новом средневековье» (1924), вглядываясь в будущее России и мира, Николай Бердяев пишет, что в судьбах государств, пусть и не в политическом смысле, будут играть большую роль трудящиеся массы, народные слои. «В России будет играть господствующую роль крестьянство», — думает философ (Бердяев, 1991а: 434), который тогда вряд ли мог представить, сколь трагичной окажется судьба самого большого социального слоя в советском государстве.

Он полагает, что «крестьяне и рабочие, социальный вес которых неизбежно возрастет, будут стремиться к профессионализму, корпоративному представительству и самоуправлению, к «советскому» принципу, но в истинном и реальном смысле слова, а не в том фиктивном, которым прикрывается диктатура коммунистической партии в «советской» России» (Бердяев, 1991а: 434). Философ указывает на особую роль корпоративно-профессиональных и духовных общественных союзов, которые будут «спасать государство и общество от окончательного разложения и развала» (Бердяев, 1991а: 434).

Почти вызывающе уверенное упование аристократа Бердяева трудно списать на романтически нетрезвленное, прекраснородушное представление о крестьянах или о рабочих массах. Он хорошо знал Россию в самых разных ее стратах — и купеческую, и монашескую, и дворянскую, и помещичью, и военную, и «мир феодально-аристократический высшего стиля» (Бердяев, 2016: 19), и русскую деревню. В его автобиографии можно встретить признания в любви к садам и паркам, к загородным и деревенским усадьбам, и особенно к лесу (Бердяев, 2016: 14, 20, 250–252), но по своему складу Николай Бердяев, родившийся в русском Киеве и скончавшийся в Кламаре под Парижем, был прежде всего москвичом. Как подметил А. А. Кара-Мурза, и до изгнания из России, и в вынужденной эмиграции философ признавался, что «умственная насыщенность московской жизни» ближе ему по духу, чем жизнь в Санкт-Петербурге, Берлине или Париже (Кара-Мурза, 2014: 65, 75).

В то же время Бердяев хорошо знал и любил и сельскую, и особенно крестьянскую Россию. Из детства ему запечатлелся образ няни Анны Ивановны Катаменковой, крепостной его деда, которая была няней самого Николая Бердяева и его отца Александра Михайловича. Он вспоминает, с каким огромным уважением и любовью к ней относился отец, и отмечает не только ее заботливость и горячую веру, но и «чувство достоинства, возвышавшее ее над положением прислуги и превращавшее ее в члена семьи» (Бердяев, 2016: 17). Философ поражается тому, как русская няня могла вырасти на почве крепостного права, и утверждает, что няни в России были «особым социальным слоем, выходящим из сложившихся социальных классов» (Бердяев, 2016: 17).

Вспоминая о своей жизни незадолго до страшной мировой войны в русской деревне, Бердяев пишет, что часто принимал у себя дома представителей «страннической России» — богоискателей всех мастей, у каждого из которых был свой «способ спасения мира» (Бердяев, 2016: 254). Больше всего он ценил в этих людях открытость к общению и интерес к духовным вопросам, преобладание интереса к вопросам целей и смысла жизни над интересом к вопросам прагматическим и социальным: «Меня всегда поражало, что все эти люди забывали чуждый им, слишком помещичий стиль нашего дома и дорожили духовным общением прежде всего. Вспоминаю о го-

дах общения с этими людьми как о лучших в моей жизни и о людях этих как о лучших людях, каких мне пришлось встречать в жизни» (Бердяев, 2016: 253). Духовные беседы с безграмотным чернорабочим Акимушкой, которого философ называет самым большим своим другом, убедили Бердяева в ошибочности народнических представлений о «пропасти между культурным слоем и народом»: «Акимушка говорил мне, что ему далек крестьянин, поглощенный материальными вопросами, а близок я, с которым может разговаривать об интересующих его духовных вопросах» (Бердяев, 2016: 252).

Что ж, старое крестьянство в России — сословие, имевшее свою культуру, свои духовные искания, свои — по свидетельству Бердяева — «способы спасения мира», свой уклад жизни, свою общинность, свое общение с землей и плодами, которые она дает, — по-видимому, уничтожено совсем. Есть сельхозработники, есть дачники, может быть, есть фермеры. Но вот надежду на возрождение русского народа Бердяев загадочно связывает с крестьянами, но как будто преобразенными, прошедшими уже через какое-то очищение после произошедшей с Россией и русским народом катастрофы. Кому суждено исполнить пророчество Бердяева? Народится ли в России новое крестьянство из потомков уничтоженного, или образуется новый социальный слой владельцев уцелевших и восстановленных усадеб, или это будут инициаторы локальных сообществ и коммюнитарных движений какого-то нового типа? Ясно лишь, что в словах философа заложена загадочная интуиция о путях возрождения почти уничтоженного русского человека и русской земли, разлюбленной, опустошенной, обильно политой в XX веке кровью и слезами.

Заключение

Положительный смысл техники и того кризиса, который она производит, отрывая человека от старых космических ритмов, ставя под знак вопроса то, что казалось незыблемым, Николай Бердяев видит в том, что обнажается в мире и в самом человеке действие таких сил, которые не предполагались изнутри рационального взгляда. Новая эпоха разоблачает миф о нейтральности и природного мира, и техники, делая положение человека в мире неуютным.

Техника, которую человек создает для освобождения от рабства у стихийных сил природы, сама по себе не решает проблему свободы, а ставит ее во весь рост, запуская в мире и человеке все новые стихийные процессы, не поддающиеся контролю. Человеку невозможно переложить бремя овладения этими силами на машину — и невозможно бежать, укрыться от нарастающей власти машин в лоне матери-природы. Бердяев настаивает, что злу и рабству цивилизации невозможно «противопоставлять какое-то здоровое и блаженное варварство, какого-то природного человека или доб-

рого по природе дикаря», «добро и свободу природы» (Бердяев, 1939: 100). «Суд над цивилизацией не может совершать природа, его может совершать только дух» (Бердяев, 1939: 100). Он называет цивилизацию промежуточным царством между царством природы и царством свободы и призывает идти не назад к природе, а вперед к свободе.

Парадокс, который обнаруживает направленная на освобождение человека техника и техническая эпоха, в том, что свобода оказывается недоступной для того, кто избегает вопроса, кому и чем он служит, в какой области лежат цели и смысл его жизни, кто слишком увлечен техническими средствами. Сами по себе законы конкуренции и вражды, действующие не только в природе, но и в обществе, под действием все ускоряющей техники становятся неуправляемыми и ведут к непредсказуемым последствиям. Жизнь делается в высшей степени зависящей от духовного состояния людей, от степени их единства или вражды.

Освобождение от стихийных сил природы с одной стороны и от расчеловечивающих сил цивилизации с другой предполагает своего рода борьбу за власть, но власть, понятую не как подавление, а как очеловечивание. Все время обращая нас к откровению о человечности Бога, по образу которого, как верит Бердяев, мы сотворены, он подсказывает какой-то совсем непривычный, не технологичный способ власти, которым владеет этот управитель, напоминая, что «Бог совсем не есть устроитель мирового порядка и администратор мирового целого» (Бердяев, 1939: 75). Во власти Христа нет ничего инженерного, ничего гарантированного наверняка, механического, но для него принципиальна обращенность к свободе человека, к его совести, сохранение общения с ним — это то усилие, которое Он делает до последних минут своей жизни.

Нас окружают роботы и искусственный интеллект с одной стороны — они призваны освободить нашу жизнь от рутины, освободить наши силы и время от всего, что можно им делегировать — и с другой стороны культ осознанности, понятой чаще всего в рационалистическом ключе, в ключе управления своей жизнью, как проектом. Но главный вопрос — как мыслится и как действует сам человек в этом проекте. Остается ли в поле его зрения проблема смысла жизни и свободы, помнит ли он, что не может получить ее ни от природы, ни от машины, ни от общества, ни от чего иного, что ниже человека. Помнит ли человек, что при всем колоссальном ущербе и «токсичности», которую несет с собой его несовершенная жизнь и несовершенные отношения с природой и другими людьми, он один может быть или лишь пользователем-потребителем ограниченных ресурсов, остающимся целиком во власти природной и цивилизационной стихии, — или распорядителем и служителем, донором свободы и других связанных с ней трудных и наименее устойчивых в этом мире качеств.

- Акопова М. А. (2020). Влияние смартфонов на аттенционные процессы студентов // Вестник университета. № 6. С. 167–172.
- Бердяев Н. А. (1916). Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М.: изд-е Г. А. Лемана и С. И. Сахарова.
- Бердяев Н. А. (1918). Дух и машина // Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: изд-е Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. С. 233–240.
- Бердяев Н. А. (1931). О назначении человека: Опыт парадоксальной этики. Париж: Со-временные записки.
- Бердяев Н. А. (1932а). Духовное состояние современного мира // Путь. № 35. С. 56–68.
- Бердяев Н. А. (1932б). Н. А. Сетницкий. О конечном идеале // Путь. № 36. С. 93–95.
- Бердяев Н. А. (1933). Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техни-ки) // Путь. № 38. С. 3–37.
- Бердяев Н. А. (1939). О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической метафи-зики. Париж: YMCA-Press.
- Бердяев Н. А. (1951). Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-Press.
- Бердяев Н. А. (1991а). Новое средневековье // Бердяев Н. А. Новое средневековье. Раз-мышление о судьбе России и Европы. М.: Феникс ХДС-пресс. С. 408–438.
- Бердяев Н. А. (1991б). Размышления о русской революции // Бердяев Н. А. Новое сред-невековье. Размышление о судьбе России и Европы. М.: Феникс ХДС-пресс. С. 438–465.
- Бердяев Н. А. (1994а). Конец Ренессанса и кризис гуманизма. Разложение человеческо-го образа // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство. С. 392–406.
- Бердяев Н. А. (1994б). Константин Леонтьев — философ реакционной романтики // Бер-дяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. Т. 2. М.: Искус-ство. С. 246–274.
- Бердяев Н. А. (1994в). Философия свободного духа: Проблематика и апология христиан-ства. М.: Республика.
- Бердяев Н. А. (1995). Опыт эсхатологической метафизики: Творчество и объектива-ция // Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря. М.: Республика. С. 163–286.
- Бердяев Н. А. (1996). Истина и откровение: Прологомены к критике Откровения. СПб.: РХГИ.
- Бердяев Н. А. (2008). Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX века и нача-ла XX века). СПб.: Азбука-классика.
- Бердяев Н. А. (2016). Самопознание. Москва, Берлин: Директ-Медиа.
- Бердяев Н. А. (2022а). О духовной буржуазности // Бердяев Н. А. О духовной буржуазно-сти: Сборник сочинений / С предисл. А. П. Козырева. М.: Nouveaux Angles; Edi-tions des Syrtès. С. 37–63.
- Бердяев Н. А. (2022б). Основная антиномия личности и общества // Бердяев Н. А. О духов-ной буржуазности: Сборник сочинений / С предисл. А. П. Козырева. М.: Nouveaux Angles; Editions des Syrtès. С. 113–153.
- Иванюшкин А. Я., Попова О. В., Смирнов И. Е. (2017). Правовые и социокультурные пробле-мы легитимизации нового критерия смерти («смерть мозга») в отечественной пе-диатрии // Российский педиатрический журнал. 20 (5). С. 294–300.
- Кара-Мурза А. А. (2014). Бердяевская Москва (Опыт философского краеведения) // Фи-лософские науки. № 4. С. 65–77.
- Николаус Г. (2017). К. Г. Юнг и Н. Бердяев: Индивидуация и Личность. Критическое срав-нение. М.: ИД «Городец».
- Ортега-и-Гассет Х. (2002а). Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сбор-ник. М.: АСТ. С. 11–181.
- Ортега-и-Гассет Х. (2002б). Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сборник. М.: АСТ. С. 209–268.

С. В. Андросенко
Свобода челове-
ка перед вызовами
техники, цивилиза-
ции и «восстания
масс»...

- Патракова А. П. (2021). Кого отключить от ИВЛ? // Медиапроект «Стол». URL: <https://stol-i.com/material/59764-kogo-otklyuchit-ot-ivl/> (дата обращения: 02.12.2024).
- Сапов В. В. (2010). Н. А. Бердяев: Антисоциология как критика социологического разума // История теоретической социологии. XX век. Стабилизационное сознание и социологическая теория в век кризиса. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Академический Проект; Гаудеамус. С. 177–186.
- Розанов В. В. (1896). Декаденты // Русский вестник. № 4. С. 271–282.
- Розин В. М. (1997). Философия техники: история и современность / Отв. ред. В. М. Розин. М.: ИФ РАН.
- Федоров Н. Ф. (1995). Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М.: Издательская группа «Прогресс». С. 35–308.
- Цицерон Марк Туллий (1975). Избранные сочинения / Пер. с лат., сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова и В. Смирнова. М.: Художественная литература.
- Шпенглер О. (1998). Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль.
- Alhaidari F., Almuhaideb A., Alsunaidi S. et al. (2021). E-triage systems for COVID-19 outbreak: Review and recommendations // Sensors. Vol. 21. P. 2845.
- Foot P. (1967). The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect // Oxford Review. № 5. P. 5–15.
- Lafitte J. (1932). Réflexions sur la science des machines. Paris: Vrin.
- Lee Y. K., Chang C. T., Lin Y., Cheng Z. H. (2014). The dark side of smartphone usage: Psychological traits, compulsive behavior and technostress // Computers in Human Behavior. № 31. P. 373–383.
- Stothart C., Mitchum A., Yehnert C. (2015). The attentional cost of receiving a cell phone notification // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. № 41 (4). P. 893–897.
- Tahernejad A., Sahebi A., Abadi A. S. S. et al. (2024). Application of artificial intelligence in triage in emergencies and disasters: A systematic review // BMC Public Health. Vol. 24. P. 3203.

Nicholas Berdyaev's Thoughts on Human Freedom in the Face of Contemporary Challenges: Technology, Civilization and "the Revolt of the Masses"

Sofia V. Androsenko, PhD Student, Philosophy Department, Moscow State University, Press Secretary, St Philaret's Institute. Tokmakov per., 11, Moscow, 105066. E-mail: sofia@sfi.ru

Abstract. The article reconstructs the ideas of one of the most famous Russian Christian thinkers Nikolai Berdyaev on the man's relationship with technology, which became more complicated in the 20th century due to both the unprecedented growth of its power and the challenge that the philosopher called "democratization of culture". On the one hand, technology reveals man's creative power, and the growth of technology's power to a certain extent makes man's life easier. On the other hand, technology and technification in the broader sense mean a mediated and often alienated relationship of man with nature and other people, communities and ultimately to himself. Technification develops a specific engineering perception not only of nature but also of life in general, which carries the threat of dehumanization, i.e., turning of production, cognitive and cultural sphere, natural and urban environment and man himself into something similar to a machine. At the same time, Berdyaev considers the crisis generated by technology, the challenges posed by technification and automation, which tear man

away from the mother-earth and cosmic rhythms, accelerate or slow down time, compress or stretch space, thus questioning the very natural order previously experienced as unshakable and given by God, as a positive phenomenon emphasizing the religious meaning of technology. The article shows how Berdyaev's main intellectual ideas and philosophical-anthropological intuitions can be followed through the challenges of the 21st century.

Key words: N. A. Berdyaev, man, philosophical anthropology, technology, nature, freedom, culture, civilization, peasants, mass culture, mass society, engineering

References

- Akopova M. A. (2020) Vliyanie smartfonov na attentsionnye protsessy studentov [The impact of smartphones on students' attention]. *University Bulletin*, no 6, pp. 167–172.
- Alhaidari F., Almuhaideb A., Alsunaidi S., Ibrahim N., Aslam N., Khan I. U., Shaikh F., Alshahrani M., Alharthi H., Alsenbel Y. et al. (2021) E-triage systems for COVID-19 outbreak: Review and recommendations. *Sensors*, no 21, p. 2845.
- Berdyaev N. A. (1916) *Smysl tvorchestva (Opyt opravdaniya cheloveka)* [The meaning of the creative act: A justification of man], Moscow: G. A. Leman and S. I. Sakharov publ.
- Berdyaev N. A. (1918) *Dukh i mashina* [Spirit and machine]. *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The fate of Russia: Attempts at the psychology of war and nationality], Moscow: G. A. Leman and S. I. Sakharov publ, pp. 233–240.
- Berdyaev N. A. (1931) *O naznachении cheloveka: Opyt paradoksal'noi etiki* [The destiny of man: An experience of paradoxical ethics], Paris: Sovremennye zapiski.
- Berdyaev N. A. (1932a) *Dukhovnoe sostoyaniye sovremennogo mira* [The spiritual state of the modern world]. *Put*, no 35, pp. 56–68.
- Berdyaev N. A. (1932b) N. A. Setnitskii. O konechnom ideale [N. A. Setnitsky. On the final ideal]. *Put*, no 36, pp. 93–95.
- Berdyaev N. A. (1933) *Chelovek i mashina (Problema sotsiologii i metafiziki tekhniki)* [Man and machine: on the problem of sociology and metaphysics of technology]. *Put*, no 38, pp. 3–37.
- Berdyaev N. A. (1939) *O rabstve i svobode cheloveka: Opyt personalisticheskoi metafiziki* [Slavery and freedom], Paris: YMCA-Press.
- Berdyaev N. A. (1951) *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The realm of spirit and the realm of caesar], Paris: YMCA-Press.
- Berdyaev N. A. (1991a) *Novoe srednevekov'e* [The end of our time]. *Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy* [The end of our time. Reflection on the destiny of Russia and Europe], Moscow: Feniks KhDS-press, pp. 408–438.
- Berdyaev N. A. (1991b) *Razmyshleniya o russkoi revolyutsii* [Reflections on the Russian revolution]. *Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy* [The end of our time. Reflection on the destiny of Russia and Europe], Moscow: Feniks KhDS-press, pp. 438–465.
- Berdyaev N. A. (1994a) *Konets Renessansa i krizis gumanizma. Razlozheniye chelovecheskogo obraza* [The end of the Renaissance and the crisis of humanism. The decomposition of the human image]. *Philosophy of Creativity, Culture, and Art*, vol. 1, Moscow: Iskusstvo, pp. 392–406.
- Berdyaev N. A. (1994b) *Konstantin Leont'ev — filosof reaktsionnoi romantiki* [Konstantin Leontiev: A philosopher of reactionary romanticism]. *Philosophy of Creativity, Culture, and Art*, vol. 2, Moscow: Iskusstvo, pp. 246–274.
- Berdyaev N. A. (1994v) *Filosofiya svobodnogo dukha: Problematika i apologiya khristianstva* [Freedom and the spirit: Problems and apology of Christianity], Moscow: Respublika.
- Berdyaev N. A. (1995) *Opyt eskhatologicheskoi metafiziki: Tvorchestvo i ob'ektivatsiya* [The beginning and the end: Essay on eschatological metaphysics]. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya* [The realm of spirit and the realm of caesar], Moscow: Respublika, pp. 163–286.

- Berdyayev N. A. (1996) *Istina i otkrovenie: Prolegomeny k kritike Otkroveniia* [Truth and revelation: Prolegomena to the critique of revelation], St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
- Berdyayev N. A. (2008) *Russkaya ideya (Osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka)* [The Russian idea: Fundamental problems of Russian thought in the 19th and early 20th centuries], St. Petersburg: Azbuka-klassika.
- Berdyayev N. A. (2016) *Samopoznanie* [Dream and reality: An attempt at philosophic autobiography], Moscow, Berlin: Direkt-Media.
- Berdyayev N. A. (2022a) O dukhovnoi burzhuaznosti [On spiritual bourgeoisness]. *O dukhovnoi burzhuaznosti: Sbornik sochinenii* [On spiritual bourgeoisness: Collection of works] (Foreword by A. P. Kozyrev), Moscow: Nouveaux Angles; Paris: Editions des Syrtes, pp. 37–63.
- Berdyayev N. A. (2022b) Osnovnaya antinomiya lichnosti i obshchestva [The basic antinomy of the individual and society]. *O dukhovnoi burzhuaznosti: Sbornik sochinenii* [On spiritual bourgeoisness: Collection of works] (Foreword by A. P. Kozyrev), Moscow: Nouveaux Angles; Paris: Editions des Syrtes, pp. 113–153.
- Cicero Marcus Tullius (1975) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works] (Trans. from Latin, compiled by and ed. by M. Gasparov, S. Osheroov and V. Smirin), Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Fedorov N. F. (1995) Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t.e. nemirnogo, sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva [The question of brotherhood, or kinship, the causes of the non-brotherly, non-kinship, i.e. non-peaceful, state of the world, and the means of restoring kinship]. *Sobranie sochinenii: v 4 t. T. I.* [Collected Works: in 4 vol. Vol. I], Moscow: Progress Publishing Group, pp. 35–308.
- Foot P. (1967) The problem of abortion and the doctrine of the double effect. *Oxford Review*, no 5, pp. 5–15.
- Ivanyushkin A. Ya., Popova O. V., Smirnov I. E. (2017) Pravovye i sotsiokul'turnye problemy legitimizatsii novogo kriteriya smerti ("smert' mozga") v otechestvennoi pediatrii [Legal and socio-cultural problems of legitimization of the new criterion of death ("brain death") in Russian pediatrics]. *Russian Pediatric Journal*, no 20 (5), pp. 294–300.
- Kara-Murza A. A. (2014) Berdyayevskaya Moskva (Opyt filosofskogo kraevedeniya) [Berdyayev's Moscow (An attempt at philosophical local history)]. *Philosophical sciences*, no 4, pp. 65–77.
- Lafitte J. (1932) *Réflexions sur la science des machines*, Paris: Vrin.
- Lee Y. K., Chang C. T., Lin Y., Cheng Z. H. (2014) The dark side of smartphone usage: psychological traits, compulsive behavior and technostress. *Computers in Human Behavior*, no 31, pp. 373–383.
- Nikolaus G. (2017) K. G. Yung i N. Berdyayev: Individuatsiya i Lichnost'. *Kriticheskoe sravnenie* [K. G. Jung and N. Berdyayev: Individuation and Personality. Critical comparison], Moscow: Gorodets.
- Ortega-y-Gasset J. (2002a) Vosstanie mass [The revolt of the masses]. *Vosstanie mass: sbornik* [The revolt of the masses: Collection of works], Moscow: AST, pp. 11–181.
- Ortega-y-Gasset J. (2002b) Degumanizatsiya iskusstva [Dehumanization of Art]. *Vosstanie mass: sbornik* [The revolt of the masses: Collection of works], Moscow: AST, pp. 209–268.
- Patrakova A. P. (2021) Kogo otklyuchit' ot IVL? [Who should be disconnected from the ventilator?]. *Stol Media Project*. Available at: <https://s-t-o-l.com/material/59764-kogo-otklyuchit-ot-ivl/> (accessed 2 December 2024).
- Rozanov V. V. (1896) Dekadenty [The Decadents]. *Russian Bulletin*, no 4, pp. 271–282.
- Rozin V. M. (1997) *Filosofiya tekhniki: istoriya i sovremennost'* [Philosophy of Technology: History and Modernity], Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

- Sapov V. V. (2010) N. A. Berdyaev: Antisotsiologiya kak kritika sotsiologicheskogo razuma [N. A. Berdyaev: Anti-Sociology as a Critique of Sociological Reason]. *Istoriya teoreticheskoi sotsiologii. XX vek. Stabilizatsionnoe soznanie i sotsiologicheskaya teoriya v vek krizisa* [History of Theoretical Sociology. XX Century. Stabilization consciousness and sociological theory in the age of crisis], Moscow: Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, pp. 177–186.
- Spengler O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. 1. Geshtal't i deistvitel'nost'* [The decline of the West, Vol 1: Form and actuality] (Transl. from Germ., introduction and notes by K. A. Svasyan), Moscow: Mysl.
- Stothart C., Mitchum A., Yehnert C. (2015) The attentional cost of receiving a cell phone notification. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, no 41 (4), pp. 893–897.
- Tahernejad A., Sahebi A., Abadi A. S. S. et al. (2024) Application of artificial intelligence in triage in emergencies and disasters: a systematic review. *BMC Public Health*, no 24, p. 3203.

Прогрессивная модернизация: роль крестьян в индустриализации Северо-Восточной Италии

Д. Челетти

Давид Челетти, доктор экономических наук, профессор экономической истории, кафедра исторических, географических и античных наук Падуанского университета. 30131, Padova (Италия), Via Vescovado, 30. E-mail: david.celetti@unipd.it

Аннотация. Процесс индустриализации Северо-Восточной Италии и, в частности, Северной Венецианской равнины шел вне городских центров, на аграрных территориях, для которых исторически было характерно землепользование, основанное на гармоничном сосуществовании различных культур в рамках отдельных мелких землевладений. Данная статья посвящена ключевым сдвигам, провоцирующим широкое распространение индустриальной деятельности на сельской территории и активное участие сельского населения в промышленном производстве. Материал статьи организован следующим образом: в первом разделе анализируется научная литература о путях региональной модернизации; во втором разделе представлены основные черты традиционного сельского хозяйства Северо-Восточной Венецианской равнины; в третьем рассматриваются изменения в отраслевой структуре местной экономики в период индустриализации. В заключении подводятся итоги и описываются текущие преобразования в местной экономике, обществе и ландшафте.

Ключевые слова: экономическое развитие, экономическая история Северо-Восточной Италии, история крестьянства, традиционное сельское хозяйство, процессы индустриализации, процессы урбанизации, индустриальные кластеры

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-68-97

Часть Венецианской равнины, простирающаяся к северу от городов Венеция, Падуя, Виченца до Альп (рис. 1–2), выглядит как плотно застроенная и индустриализированная территория, но в то же время для нее характерны многочисленные и иногда значительные посевные площади. Поля, фермы, фабрики, населенные пункты, села и города, гражданские и промышленные объекты соседствуют друг с другом, образуя сложную территориальную конфигурацию на относительно узком пространстве — около 300 000 гектаров со средней плотностью населения свыше 350 человек на квадратный километр¹. Эта форма разрастания селений, маленьких горо-

1. Данные 2022 г. от Института статистики региона Венето: Regione Veneto — Sistema Statistico Regionale. URL: https://statistica.regione.veneto.it/banche_dati_societa_popolazione.jsp?scheda=b1 (дата доступа: 01.08.2024).

дов и заводских корпусов в сельской местности, которую урбанист Франческо Индовина обозначил выражением «рассеянный город» (*città diffusa*) (Indovina, 1990), является отдельным видом урбанизации (Muscarà, 2015: 525–538).

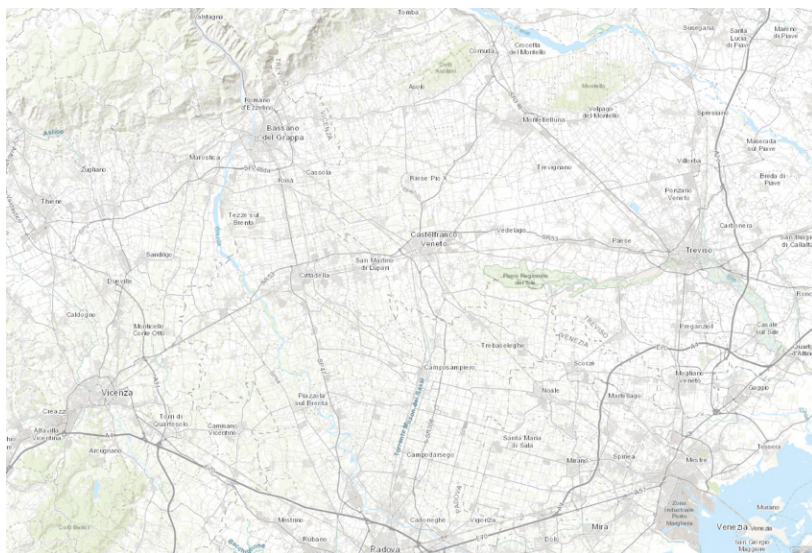

Рис. 1. Северная венецианская равнина

Источник: <https://mapfly.unipd.it/>

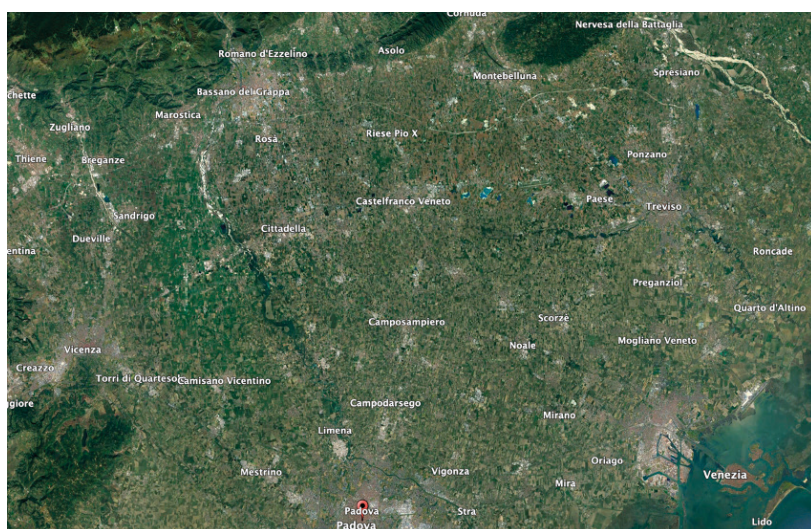

Рис. 2. Северная венецианская равнина

Источник: Google Earth (дата доступа: 01.08.2024).

В последние десятилетия сложности территориальной организации и негативное воздействие на окружающую среду, а также стремительный рост промышленного производства в 1950–2000-х годах вызвали интерес у ряда исследователей: архитекторов, градостроителей, экономистов, социологов. Однако научные изыскания в основном сосредоточены либо на вопросах территориального преобразования на фоне растущих тревог, вызванных вышеупомянутыми проблемами, либо на текущих перспективах регионального развития, особенно в отношении малых и средних предприятий, промышленных кластеров и наиболее конкурентоспособных сельскохозяйственных секторов. Меньше внимания уделяется исторической роли крестьянства, которое в долгосрочной перспективе внесло значительный вклад в активизацию процессов индустриализации и формирование местных производственных структур. Данная статья дополнит имеющуюся научную литературу, реконструировав диахронным методом участие сельского общества в превращении отсталого региона в один из наиболее динамичных экономических центров Италии. Исследование, в частности, подтверждает существование положительной связи между традиционной организацией сельского производства, характерной для региональной экономики с Нового времени, и процессами экономической модернизации, происходившими в период с окончания Второй мировой войны до девяностых годов прошлого века.

Хронологические рамки работы охватывают период с конца XVIII века до настоящего времени. Территориальный фокус — часть Северной Венецианской равнины, простирающаяся от городов Падуа и Виченца до Альп.

С методологической точки зрения статья дополняет анализ наиболее значимой научной литературы архивными, картографическими и иконографическими документами.

Обзор литературы

Пути региональной модернизации и возникновение промышленной инфраструктуры, характеризующейся значительным количеством малых и средних предприятий, расположенных за пределами городских центров, широко изучаются научным сообществом². Историко-экономический и экономико-хозяйственный анализ демонстрируют древнее происхождение нынешней промышленности, связывая ее с производственными традициями региона, восходящими во многих случаях к Средним векам и эпохе Возрождения (Belfanti, 1996:

2. На региональном уровне в 2021 г. малые и средние предприятия (до 250 сотрудников и оборот менее 50 миллионов евро) составляли 99,7% действующих предприятий в секторах промышленности и услуг. URL: <https://statistica.regione.veneto.it/Pubblicazioni/RapportoStatistico2024/pdf/volume.pdf> (дата доступа: 01.08.2024).

155–170). Подчеркивается территориальная укорененность секторов, являющихся по-прежнему основополагающими для региональной экономики, таких как текстиль, легкое машиностроение, ювелирное производство, художественная керамика (Celetti, 2020: 74–88; Celetti, 2022: 384–395), а также сосуществование с конца XVIII века передовых промышленных центров, расположенных в основном в субальпийском регионе (Fontana, 2005: 169–195), отличающихся современной организацией производства от множества небольших мастерских ремесленного характера, разбросанных по центральной части Венецианской равнины или находящихся в городских центрах в соответствии с местными традициями хозяйства (Lanaro, 2006; Gaggio, 2007; Trivellato, 2008: 199–231). Картину дополняют результаты анализа процессов модернизации основных городских центров, таких как, например, Падуя и Виченца (Demo, 2013: 291–318).

С хронологической точки зрения десятилетия после объединения Италии рассматриваются как отправной момент перехода региона от преимущественно аграрной к индустриальной экономике на фоне плавного преобразования производственных структур и, следовательно, отсутствия резких разрывов с традиционным крестьянским обществом (Franzina, 1990). Данным обстоятельством также объясняется сосуществование технологически продвинутых предприятий с ремесленными или полуремесленными мастерскими, специализирующимися на нишевой обработке и ориентированными на местные рынки, или организованными в рамках субподрядных контрактов (Mancinelli, 2009: 567–597). Возникает, таким образом, дуалистическая структура промышленного производства (Felice, 2019: 499–528), основанная на эффективном взаимоотношении между наиболее продвинутыми компаниями, конкурентоспособными на международном рынке, и относительно «отсталыми» фирмами, характеризующимися высокой специализацией и низкими издержками, достигаемыми, как правило, за счет широкого использования и самоэксплуатации семейного труда (Rushton, 1980: 32–48; Bianchi, 1998: 93–116).

Подобное положение интерпретируется как ограничение долгосрочного развития местной промышленности (Iannuzzi, 2011: 23–36), но одновременно и как предпосылка для создания синергетических и кооперативных отношений между компаниями разного технологического и организационного уровня, соединенными субподрядными связями, являющимися основой развития индустриальных кластеров (Maskell, 2001: 921–943). Подчеркивается также влияние на создание общества мелких предпринимателей консервативного проекта католической церкви и партий католической направленности, противостоящих социалистическим идеалам радикальной экономической перестройки страны (Bianco, 2009: 353–380; Parisi, 2021: 239–249).

Спонтанная группировка фирм вокруг однородных секторов, образуемая, таким образом, промышленные районы, описывается как исторически укорененная особенность местной производственной

структуры (Bessattini, 2009). Кластеры характеризуются, прежде всего, концентрацией в одной территориальной единице смежных производств, распределением этапов производства вокруг одной или нескольких крупных фирм, сосуществованием конкурентных и одновременно кооперативных отношений между фирмами и наличием схожих профессиональных культур среди разных членов местного общества, несмотря на социальное положение или профессиональные позиции (Rullani, 2002: 35–61; Гакашев, 2013: 162–164). Значение культурного фактора при создании и существовании промышленных кластеров интерпретируется в основном с фокусом на традиции производств, подходы к бизнесу и особенности экономической модернизации Северной Венецианской равнины (Sacco, 2013: 555–570; Цяо Т., 2023: 77–80). Кризисы последних двух десятилетий также привлекли внимание ученых к роли промышленных округов как элемента конкурентоспособности и долгосрочной устойчивости (Турганбаев, 2010: 280–287; Turgel, 2019: 71–78; Кошечев, 2020: 512–550; Celetti, 2023: 169–187; Cutrini, 2024: 265–297).

Процессы индустриализации загородной территории рассматриваются в научной литературе и в контексте предпринимательских решений о локализации, продиктованных конкретными причинами, например, наличием сырья, источников энергии или дешевой рабочей силы (Fontana, 2005: 168–195), субподрядных отношений и, с конца XX века, аутсорсинга крупного бизнеса (Balcet, 2020: 105–128; Chernova, 2023: 123–139; Веселова, 2024: 1012–1015).

Следует упомянуть исследования представителей урбанистических, социологических и антропологических наук, в которых анализируются особенности территории Северной Венецианской равнины с точки зрения городского планирования, управления транспортом, охраны окружающей среды и устойчивого развития (Ferrario, 2009: 129–142; Muscarà, 2015: 525–538; Ciaschini, 2024: 57–88). В этом контексте особый интерес представляют работы последних десятилетий о планировании выстраивания инновационных отношений между городом и сельской местностью, например, в форме высококачественного туризма (Bitsani, 2012: 301–312), создания коротких и устойчивых продовольственных цепочек (Dal Ferro, 2016: 312–325; Altukhov, 2015: 487–494), или поддержки эффективной интеграции деревень в городскую экономику благодаря информационным технологиям (Kitonsa, 2018: 51–58; Bartolini, 2021: 108–124).

Участие крестьянства в процессах индустриализации остается до сих пор, за редким исключением (Khorsani Zadeh, 2023: 83–101), за пределами интереса исследователей, фокусирующих внимание, как уже упоминалось, на самих процессах индустриализации или на современных экономических, социальных и территориальных изменениях. Данная статья посвящена именно роли крестьян в процессе региональной модернизации XIX и XX веков, освещая, таким образом, вклад сельского общества в формирование сегодняшней региональной экономики.

Д. Челетти

Прогрессивная модернизация: роль крестьян в индустриализации Северо-Восточной Италии

Северная часть Венецианской равнины, простирающаяся между городами Венеция, Падуа, Виченца и Альпами (рис. 1–2), с раннего Нового времени характеризуется видами сельскохозяйственной эксплуатации, основанными на смешанном земледелии на мелких и средних участках, принадлежащих крестьянской семье, часто дополняемых арендованной землей (Celetti, 2022: 131–155; Véaur, 2020). Модель смешанного фермерства, широко распространенная на вышеупомянутой территории, предполагает разделение полей под посевы различных взаимодополняющих культур. Центральная часть отведена под выращивание зерновых — в основном пшеницы и кукурузы — по бокам посажены фруктовые деревья, поддерживающие виноград или шелковицы. На земле под деревьями выращиваются горох, спаржа, картофель, фасоль. Эта схема дополняется прядильными растениями, льном или коноплей, высаженными вокруг крестьянского дома, а также свиноводством, птицеводством и, в наиболее продвинутых хозяйствах, разведением крупного рогатого скота (рис. 3, табл. 1). Фермер получает разнообразную продукцию, которую можно продавать на рынке, сдавать в переработку или перерабатывать, включаясь, в последнем случае, в более сложные, но одновременно рентабельные рыночные сети продажи полуфабрикатов, как мы видим на примере прядения конопли и льна (Celetti, 2020b: 315–344) или разведения шелкопряда (Celetti, 2015: 467–487; Шипилов, 2017: 106–112; Болонев, 2017: 467–470).

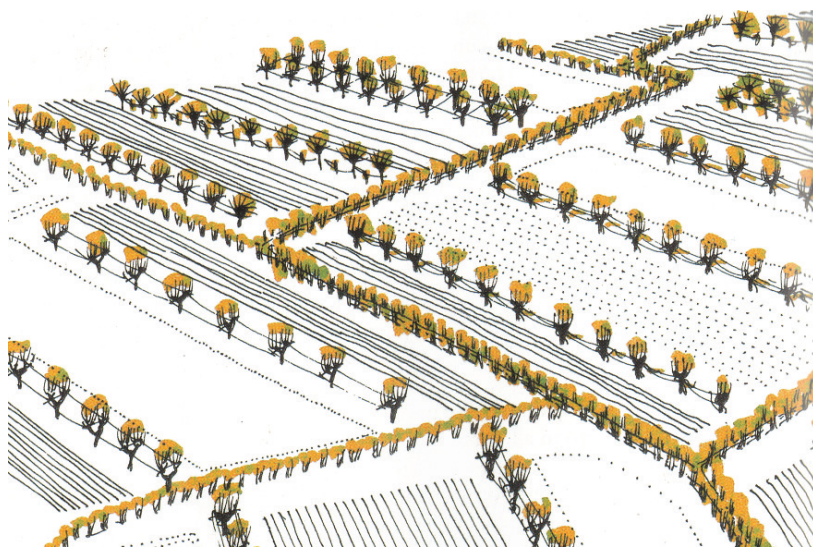

Рис. 3. Схема смешенного земледелия
Источник: Ferrario, 2019: 209.

Таб. 1. Культуры смешенного земледелия (Провинция Падуя — гектары — 1931)
 Источник: Подсчитано автором по данным *Economia della Provincia di Padova. Annuario Statistico per 1931. Padova: Pubblicazioni del Consiglio dell'economia della Provincia di Padova. 1931. P. 308, T. 55; ISTAT, Catasto Agrario, 1929.*

продукция	пшеница	кукуруза	виноград	фруктовые деревья и шелковица	фасоль	другие	итого
Гектары	15302	10341	23649	23303	8010	2012	82617
Процентное соотношение	18,52	12,52	28,62	28,21	9,70	2,44	100,00

Типичной производственной единицей выступает крестьянская самостоятельная семья, так называемая *famiglia colonica appodera* — термин, подчеркивающий связь между социальной структурой расширенной семьи и участком земли (Khorasani Zadeh, 2020: 123–154). Австрийские военные топографические карты, разработанные в конце XVIII века, и первый земельный кадастр начала XIX века наглядно демонстрируют, как типология землепользования структурирует территорию, превращая ее в череду автономных участков земли, включающих в себя крестьянский жилой дом, иногда хозяйственные постройки (сеновалы, амбары, склады) и подъездную дорожку³ (рис. 4).

Рис. 4. Территория смешенного земледелия (Северно-западная падуанская равнина)

Источник: Von Zach A. 2005: X.14 (Отмечаются в равнине к востоку от реки Брента поля, отграниченные рядами деревьев, и крестьянские дома, разбросанные по сельской местности вблизи дорог).

3. Archivio di Stato di Venezia (далее ASV), Censo Stabile, Mappe napoleoniche, Distretti censuari di Padova, Camposampiero, Piazzola, Camisano e Cittadella.

Описанный подход к землепользованию обеспечивает полную занятость семейной рабочей силы и максимальную рентабельность имеющейся земли, являющейся наиболее ограничительным производственным фактором на фоне позитивной демографической динамики⁴. С точки зрения организации труда система ведет к увеличению разнообразия и дифференциации задач в рамках отдельных ферм, сочетая производственную и сельскохозяйственную деятельность при возрастающей интенсивности «самоэксплуатации» семейной работы (Sumida, 2022: 29–61; Denham, 2023: 671–690). С другой стороны, описанный подход не только помогает выживанию крестьянской семьи в контексте ухудшения условий торговли сельскохозяйственной продукцией, увеличения крестьянского населения и повышения ренты, характерных для итальянской экономики с конца XVIII века, но и содействует приобретению новых знаний, включая технические, организаторские и предпринимательские навыки управления маленьким, но сложным предприятием (Khorasani Zadeh, 2020: 123–154).

Корни традиционного вида смешанного фермерства в некоторых районах Северной Венецианской равнины, как, например, в сельской местности между городами Падуя и Кампосампьеро (рис. 1–2, 5), восходят к землеустройству эпохи Римской республики, предполагавшему регулярное расположение в рамках ортогональной сетки сельскохозяйственных участков, выделенных новым поселенцам (часто отставным легионерам) отдельных ферм, производящих необходимое для поселенца и его семьи, включая зерно, виноград, фрукты, прядильные культуры (Matteazzi, 2012: 343–349; Turchetto, 2023: 93–105; Rodriguez-Anton, 2023: 1–16). Этот вид организации производства сохраняется в Средние века и в эпоху Возрождения, когда распространение системы парцеллярной краткосрочной аренды латифундий местного и венецианского дворянства позволяло крестьянской семье дополнять собственные поля арендованными и повышать, таким образом, производство и доходы (Altieri, 1981: 5–37).

Вышеописанный процесс, с другой стороны, обуславливает рост земельной ренты, создавая основы экономической неустойчивости мелких и средних хозяйств, все чаще подвергающихся риску роста задолженности в случае неурожая. Уже с XVIII века наблюдается рост слоя бедных крестьян, с трудом арендующих землю. Несмотря на неблагоприятную тенденцию, на изучаемой территории крестьянство не подвергалось процессу пролетаризации, как, например, на Южной Венецианской равнине, а сохраняло самостоятельность за счет развития все более интенсивных способов эксплуатации принадлежащей им земли и систематического обращения к альтернативным видам деятельности, включая временную эмиграцию. Эти тенденции усугу-

4. С 1800 по 1858 год население региона увеличилось с 1 844 675 жителей до 2 293 729, свидетельствуя о ежегодном приросте в 0,41% (Dewerpe, 1985: 199).

бились в XIX веке на фоне роста населения (табл. 2)⁵, экономических кризисов и политической неопределенности (Dal Lago, 2002: 179–193). Включение региона сначала в наполеоновский контекст, затем в австрийское Ломбардо-Венецианское королевство и, наконец, в Итальянское Королевство расширяло рынки, но и усиливало конкуренцию, особенно со стороны крупных и более современных ферм капиталистического типа Северо-Западной (Ломбардия и Пьемонт) и Центральной Италии (Эмилия-Романья). Аграрный кризис конца XIX века осложнил положение мелких производителей, не имевших необходимого капитала для механизации и модернизации производства (A’Hearn, 2003: 351–181). Однако, в отличие от некоторых регионов, например, Южной Венецианской равнины, в анализируемом районе не наблюдалось серьезного сокращения количества мелких хозяйств и тем более их исчезновения в пользу создания более крупных ферм капиталистического типа. Как подтверждается данными картографии, кадастров и переписей населения XIX и XX веков, традиционное земледользование и землевладение остаются ведущей моделью местного сельского хозяйства до 1960-х годов (табл. 3).

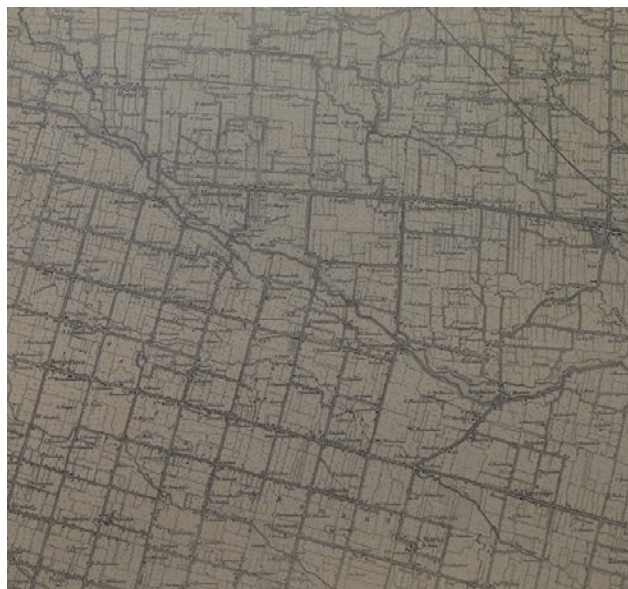

Рис. 5. Территория смешенного земледелия (Кампосампиеро)
Источник: Istituto Geografico Militare (IGM), 51 IV SO_Noale 1894.

5. В таблице представлены процентные изменения численности населения провинции Падуя и наиболее важных муниципалитетов ее Северо-Западной равнины, что доказывает положительную демографическую тенденцию, за исключением десятилетий 1950–1960 и 1960–1970 годов, когда происходила серьезная эмиграция.

Вышеописанный процесс, с другой стороны, обуславливает рост земельной ренты, создавая основы экономической неустойчивости мелких и средних хозяйств, все чаще подвергающихся риску роста задолженности в случае неурожая. Уже с XVIII века наблюдается рост слоя бедных крестьян, с трудом арендующих землю. Несмотря на неблагоприятную тенденцию, на изучаемой территории крестьянство не подвергалось процессу пролетаризации, как, например, на Южной Венецианской равнине, а сохраняло самостоятельность за счет развития все более интенсивных способов эксплуатации принадлежащей им земли и систематического обращения к альтернативным видам деятельности, включая временную эмиграцию. Эти тенденции усугубились в XIX веке на фоне роста населения (табл. 2)⁶, экономических кризисов и политической неопределенности (Dal Lago, 2002: 179–193). Включение региона сначала в наполеоновский контекст, затем в австрийское Ломбардо-Венецианское королевство и, наконец, в Итальянское Королевство расширяло рынки, но и усиливало конкуренцию, особенно со стороны крупных и более современных ферм капиталистического типа Северо-Западной (Ломбардия и Пьемонт) и Центральной Италии (Эмилия-Романья). Аграрный кризис конца XIX века осложнил положение мелких производителей, не имевших необходимого капитала для механизации и модернизации производства (A'Hearn, 2003: 351–181). Однако, в отличие от некоторых регионов, например, Южной Венецианской равнины, в анализируемом районе не наблюдалось серьезного сокращения количества мелких хозяйств и тем более их исчезновения в пользу создания более крупных ферм капиталистического типа. Как подтверждается данными картографии, кадастров и переписей населения XIX и XX веков, традиционное землепользование и землевладение остаются ведущей моделью местного сельского хозяйства до 1960-х годов (табл. 3).

Первая современная карта региона Венето, выполненная в конце XVIII века под руководством австрийского офицера-географа Антона фон Заха, с особой ясностью демонстрирует влияние смешанного земледелия на территориальную структуру. На карте детально прорисованы границы полей⁷, обозначенные рядами деревьев, крестьянские жилища, разбросанные на местности, сеть дорог и тропинки, обеспечивающие доступ к отдельным участкам. Картографические материалы и сопровождающие их записки также поясняют роль ремесленного, торгового и административного центра,

6. В таблице представлены процентные изменения численности населения провинции Падуя и наиболее важных муниципалитетов ее Северо-Западной равнины, что доказывает положительную демографическую тенденцию, за исключением десятилетий 1950–1960 и 1960–1970 годов, когда происходила серьезная эмиграция.

7. Одно поле приравнивается к 0,4 га.

которую играют небольшие города и селения, радикально отличающиеся своим видом от крестьянских построек из дерева с соломенной крышей (рис. 4).

Таб. 2. Процентное изменение населена Падуанской провинции и муниципалитетов северо-западной падуанской равнины.
Источник: Подсчитано автором по данным переписей населения (ISTAT, 1871–1981)

	1871-81	1881-1901	1901-11	1911-21	1921-31	1931-36	1936-51	1951-61	1961-71	1971-81
Carmignano di Brenta	17,96	32,97	41,34	12,7	8,58	5,58	21,09	10,66	15,29	4,95
Cittadella	5,39	7,23	17,01	10,4	1,38	2,22	7,3	-0,76	15,29	8,52
Fontaniva	3,69	23,1	25,65	9,97	2,79	1,85	2,17	0,8	16,41	7,08
Grantorto	9,73	24,56	29,07	15,13	4,58	4,02	0,96	-14,74	8,63	8,61
San Pietro in Gu'	16,87	24,07	19,96	8,54	-3,21	0,95	8,61	-10,18	10,14	15,45
Provincia di Padova	9,1	11,81	18,9	12,16	7,91	7,59	3,93	19,44	-8,32	5,22

Таб. 3. Фермы по размерным классам. (1930)
Источник: Подсчитано автором по донным ISTAT, 1930: 52–53.

	итог	гектары												
		до 0,01	0,02-0,10	0,11-0,50	0,51-1	1,01-3	3,01-5	5,01-10	10,01-20	20,01-50	50,01-100	100,01-200	200,01-500	
северная падуанская равнина	5.855	41	345	863	1.080	2.140	674	499	167	39	4	2	1	
Провинция Падуа	66.501	1.860	6.796	10.065	10.918	21.087	6.446	5.108	2.517	982	141	30	9	1
процентное соотношение														
северная падуанская равнина		0,70	5,89	14,74	18,45	36,55	11,51	8,52	2,85	0,67	0,07	0,03	0,02	
Провинция Падуа		2,80	10,22	15,14	16,42	31,71	9,69	7,68	3,78	1,48	0,21	0,05	0,01	0,0015
гектары		0,01-5					5 - 2500							
северная падуанская равнина		87,84					12,16							
Провинция Падуа		85,97					13,22							

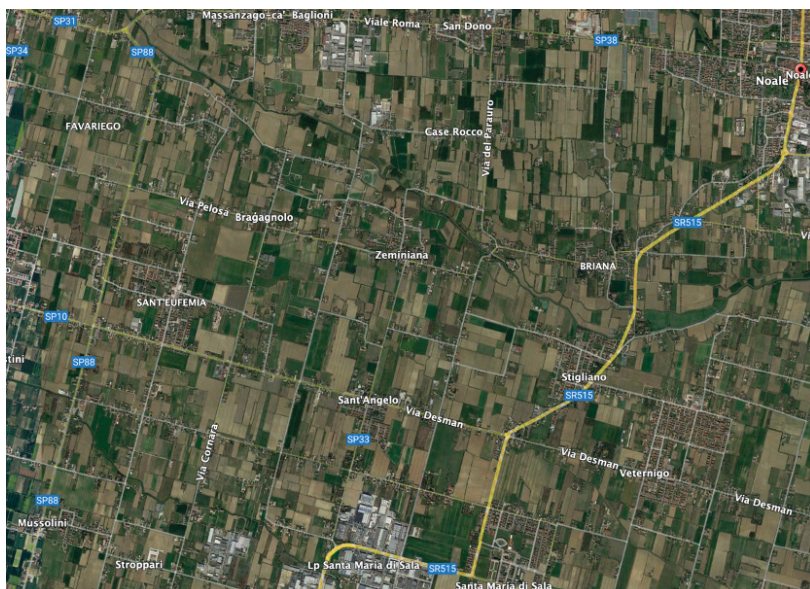

Рис. 6. Noale – Santa Maria di Sala – Massanzago 2023

Источник: Google Earth (дата доступа: 01.08.2024).

Рис. 7. Santa Maria di Sala

Источник: Google Earth (дата доступа: 01.08.2024).

Облик землевладения и территориального расположения жилищ нашли отражение также в первом кадастре XIX века (1811–1849)⁸. Документы позволяют выявить структурные особенности сельского хозяйства и положение крестьянства. Картография подтверждает, прежде всего, дробление собственности на небольшие независимые единицы, иногда менее одного гектара, которым соответствуют жилища, расположенные у границ каждого участка рядом с дорожной сетью⁹. Отмечается, что крестьяне многочисленны по отношению к имеющимся землям, но, учитывая методы эксплуатации, основанные на смешанном земледелии, значительного избытка рабочей силы не возникает. Более того, крестьянская семья дополняет доход, получаемый с собственной земли, альтернативными занятиями. Например, на административной территории села Понте-ди-Брента (на северной границе с городом Падуа) среди крестьян широко распространено производство стульев и керамических изделий¹⁰; в Пьяццолле (к северо-западу от города Падуа, рис. 1–2) — изготовление соломенных шляп¹¹, на территории Гаццо (на западной границе с Пьяццолой) — сезонная работа на местных рисовых полях¹². Крестьянская собственность широко распространена, но она слишком мала для содержания семьи, которая вынуждена арендовать дополнительное пространство. Аренда, как правило, смешанная и платится в натуральной и денежной форме¹³. Некоторые сельскохозяйственные предприниматели более современного типа приобретают большие участки, которые обрабатывают наемные работники, но это скорее исключение. Состояние крестьян нельзя назвать плачевным, однако почти весь их доход тратится на уплату налогов, аренды и приобретение тех немногих товаров, которые не производились самой крестьянской семьей. К тому же большинство фермеров не имеют собственного скота, необходимого для обработки полей, и вынуждены арендовать его, как и сельский инвентарь. Качество их жилья низкое, в основном это деревянные или кирпичные до-

8. ASV. Censo Stabile. Atti Preparatori. 22–23 (Padova); 32 (Camposampiero); 35 (Piazzola); 131–132 (Camisano); 135 (Cittadella) / Nozioni Generali Territoriali. 19. Case Coloniche.

9. ASV. Censo Stabile. Mappe Napoleoniche_Camosampiero/014426–27;_Villa del Conte/07171–73;_Bronzola/017132–33;_Loreggia/015289–91;_Messanzago/015215–16;_San Giorgio delle Pertiche/013994.

10. ASV. Censo Stabile. Atti Preparatori. 23. Comune Censuario di Ponte di Brenta/Nozioni Generali Territoriali. 11. Agricoltori.

11. ASV. Censo Stabile. Atti Preparatori. 35. Comune Censuario di Piazzola/Nozioni Generali Territoriali. 11. Agricoltori.

12. ASV. Censo Stabile. Atti Preparatori. 131. Comune Censuario di Gazzo/Nozioni Generali Territoriali. 11. Agricoltori.

13. Распространение крестьянской собственности на землю является структурной особенностью Венецианской равнины, как подтверждается земельными кадастрами XX века (табл. 3).

мики с соломенными крышами. Лучшие каменные дома находятся только в селениях и, как правило, принадлежат буржуазии или местным ремесленникам¹⁴.

Военные и административные топографические карты XIX и XX веков показывают некоторые изменения ландшафта: с 1880-х годов развиваются сети железных дорог, с нового века — автомобильных, увеличивается количество населенных пунктов, а с 1950-х годов появляются промышленные зоны¹⁵. Аналогичные заключения можно сделать из исследования о положении крестьян (Lampertico, 1882: 550–554; 562–565; 568–576; 583–586) и статистики сельскохозяйственных предприятий 1910, 1929, 1961 и 1970 годов¹⁶. Эти документы подтверждают, с одной стороны, наличие традиционных аграрных структур, а с другой — показывают ухудшение экономического положения крестьян, обусловленное высокой стоимостью сельскохозяйственной ренты, общим снижением цен на продукты на национальном рынке, позитивной демографической динамикой. Конгломерации мелких и средних производителей поддерживаются в том числе за счет эмиграции, сначала временной и сезонной, а с XX века окончательно, а также путем расширения сферы альтернативной деятельности, среди которой, помимо вышеупомянутых ремесел и разведения шелкопряда, появляется, особенно со второй половины XIX века, и промышленная занятость в качестве рабочих (Pagano, 2023: 33–55; рис. 8).

14. ASV. Censo Stabile. Atti Preparatori. 22-23 (Padova); 32 (Camposampiero); 35 (Piazzola); 131-132 (Camisano); 135 (Cittadella) / Nozioni Generali Territoriali. 19. Case Coloniche.

15. Biblioteca Ca' Borin-Geografia dell'Università di Padova. Orazio Morello, Carta idrografica stradale amministrativa consorziale della città di Padova. 1862; Istituto Geografico Militare (далее IGM), 50-II-NE_Vigodarzere (1890, 1824, 1853, 1970); 50-I-SE_Camposampiero (1890, 1910, 1935, 1953, 1972); 50-I-NO_Cittadella (1902, 1924, 1935, 1953, 1971); 50-IV-NE_Sandriago (1902, 1935, 1970); 50-IV-NE_Dueville (1890, 1902, 1935, 1953, 1970); 50-I-SO_Camisano Vicentino (1890, 1910, 1935, 1953, 1972); 51-IV-SO_Noale (1894, 1910, 1940, 1968).

16. ISTAT, 1919: Vol. III, Compartimento del Veneto; ISTAT, 1929-VIII: Provincia di Padova; ISTAT, 1961: Provincia di Padova; ISTAT, 1970: Provincia di Padova.

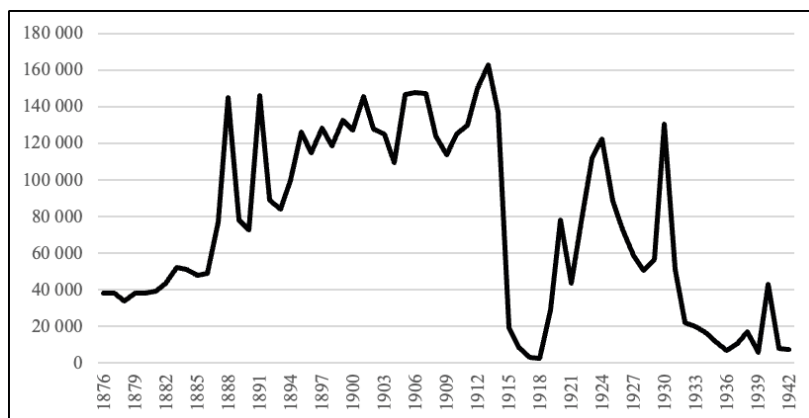

Рис. 8. Окончательная эмиграция из Северо-восточной Италии (1876–1942)

Источник: Подсчитано автором по данным Государственного статистического Института (ISTAT).

Индустриализация сельской территории

Анализируемые документы показывают, что на данной территории различные процессы содействуют выживанию традиционной крестьянской семьи, хотя и в более сложных условиях, открывая новые источники доходов вне сельскохозяйственной активности.

Увеличиваются в первую очередь роль и разнообразие производственных занятий крестьянской семьи. В предгорьях развивалось прядение льна и конопли, на равнинах — обработка соломы и глины, изготовление сельскохозяйственных орудий. Также отмечается значительное расширение разведения шелкопряда. Иными словами, повышение интенсивности труда в рамках привычных моделей многоукладной организации работы компенсирует снижение сельскохозяйственных доходов и создает дополнительные занятия членам домохозяйств (Dewerpe, 1984: 896–914; Celetti, 2015: 476–487).

Увеличивается и число крестьян, ищущих работу в городах. До 1870-х годов эмиграция носит временный характер, подчиняется ритму сезонов и касается в основном мужчин, которые уезжают осенью после сбора винограда, работают на фабриках, шахтах, строительстве магистралей и железных дорог и возвращаются в деревню к первой пахоте (Lampertico, 1882: 564–570; Morpurgo, 1882: 108–110). Постоянная или, во всяком случае, долгосрочная эмиграция остается второстепенным и маргинальным вариантом вплоть до 1880-х годов, когда появляются первые значительные потоки рабочих, направляющихся в индустриальные города Северо-Западной Италии, в Центральную и Северную Европу, а также в Америку (Кудеярова, 2023: 20–32; рис. 8). Эмиграция снижает давление

на землю и приносит дополнительные доходы членам семьи, оставшимся в деревне. Этот процесс создает дальнейшее и более радикальное разделение задач внутри сельского домохозяйства, но все же без разрушения мелкого хозяйства. Денежные переводы эмигрантов, наоборот, способствуют сохранению земельной собственности (Strangio, 2018: 603–619; Vecoli, 1995: 114–122).

После итальянского объединения¹⁷ на Северной Венецианской равнине мелкое крестьянство находит поддержку у некоторых политических и религиозных кругов, в основном католической ориентации, опасаящихся социальных перемен, в том числе порождаемых эмиграцией, создающих угрозу христианским ценностям и являющихся причиной расширения городского пролетариата, уже тогда восприимчивого к социалистическим идеалам. Католическая церковь, особенно обеспокоенная распространением марксистской мысли, мобилизуется для сохранения и защиты традиционных структур крестьянского сословия, в том числе экономических. Первый итальянский католический конгресс 1874 года, энциклика *Rerum Novarum* (Backhaus, 2017) и католический конгресс 1892 года создают христианскую политическую и экономическую платформу, в центре которой находится поддержка традиционной сельской семьи с целью ограничения влияния мировоззрения левых партий (Trusco, 1966: 140–152; Di Marino, 1970: 260–274). Этот результат достигается в первую очередь путем создания сети сельских кооперативных банков, потребительских и производственных кооперативов. Доступ к льготным займам, дешевым товарам и расширение возможности переработки сырья, как в случае с молочными кооперативными заводами, открывают перспективы для инвестиций, производства аграрной продукции и, как следствие, — новых доходов, укрепляя, таким образом, положение мелких производителей (Cafaro, 2014: 87–105; Battilani, 2017: 584–613).

Стремление крестьян к закреплению собственности, центральная роль традиционной патриархальной семьи и, наконец, растущее влияние католической церкви на экономические отношения, усиливающее, в свою очередь, симбиоз между производственной, семейной, идеологической и религиозной сферами, формируют специфическое общество, находящееся, с одной стороны, в шатком патримониальном равновесии, а с другой — защищенное от рисков и трудностей, вызванных распространением в деревнях капиталистических производственных отношений (Sereni, 1968; Savino, 2019: 108–127; Cova, 1993).

Одновременно с вышеописанными процессами ясно прослеживается динамика модернизации, тесно связанная с созданием современных промышленных предприятий. Первая региональная индустриализация, сосредоточенная в основном в текстильном, бумажном и механическом секторах, разворачивается уже с начала

17. Венето вошло в состав Итальянского Королевства в 1866 году.

XIX века в районах вдоль предгорных поясов вблизи горных потоков и важнейших рек, таких как Адидже и Брента, с целью эффективного использования гидравлической, а затем гидроэлектрической энергии, а также обеспечения доступа к разным видам сырья, таким как шерсть, шкуры, лесоматериал. Предгорная территория также поставляет дешевую рабочую силу из беднейших слоев сельского общества (рис. 9). Минимальная заработная плата рабочего, по-прежнему связанного с сельской местностью, ниже, чем у его городских коллег, поскольку он может рассчитывать на продукты своего хозяйства в качестве дополнительного дохода в форме прямого потребления (Dewerre, 1985; De Rosa, 1988: 467–490).

Рис. 9. Бумажная фабрика Росси (Cartiera Rossi) – Пред-Альпы Провинции Виченца

Источник: Неизвестный художник (начала XX века - частная коллекция автора).

Таким образом, промышленность и сельское хозяйство не противопоставляются, а, наоборот, дополняют и усиливают друг друга. Политика управления персоналом наиболее важных компаний, таких как Lanerossi или Marzotto (обе расположены в субальпийском поясе), подтверждает функциональность этой модели, в частности разрешениями на выезд с завода, выдаваемыми трудящимся во время сезонных пиков сельской деятельности (Fontana, 2005: 169–195; Tusset, 2016: 177–191).

С 1880-х годов процесс индустриализации определяется в основном предприятиями в традиционных отраслях региональной экономики, таких как керамика, ювелирное, кожевенное и обувное производство, легкое машиностроение. Фабрики, чаще всего среднего и мелкого размера, рассредоточены в сельской местности к югу

от Альп, повторяют модель ранней промышленности, полностью интегрируясь в территорию и сельское общество. Многопрофильная деятельность все более и более основывается на союзе индустриальной и сельскохозяйственной работы на семейном уровне. Труд на фабрике, со своей стороны, не только способствует поддержанию крестьянского хозяйства, но и содействует распространению в деревнях новых навыков, знаний, опыта и привычек, приобщая крестьянина к особенностям промышленной деятельности (Celetti, 2022).

Местные администрации, как на муниципальном, так и на провинциальном уровне, поддерживают индустриализацию сельской местности как альтернативную форму развития по сравнению с созданием крупных производственных центров в модели «промышленного треугольника» Турин — Генуя — Милан (Chiaiese, 2024: 3–42). Правящий класс широко инвестирует в крупные инфраструктурные проекты, прежде всего новых автомобильных и железных дорог, соединяющих сельские районы с городскими центрами. Таким образом повышается эффективность перемещения людей и товаров и, соответственно, конкурентоспособность «фабрик в деревне». Также поддерживается распространение образовательных профессиональных учреждений вне городов (Favero, 2012: 150–172.).

Этот подход не меняется в период фашизма, а после Второй мировой войны обретает новую силу на фоне обширных планов государственной помощи, предоставляемой в виде налоговых льгот для создания промышленных предприятий в экономически более отсталых районах страны. Именно в этот период проявляются черты «урбанизированной и индустриализированной сельской территории» (табл. 4; Mioni, 1978: 213–237).

Таб. 4. Население по видам занятости. (Провинция Падуа. 1936–1961)

Источник: Подсчитано автором по данным CCIAPd, 1953: 19-20; CCIAPd, 1961: 20-24.

Район	1936				1961			
	сельское хозяйство	промышленность	другие	итого	сельское хозяйство	промышленность	другие	итого
холмы	12.749,00	6.118,00	2.677,00	21.544,00	5.812,00	6.997,00	4.139,00	16.948,00
северная равнина (включая город Падуа)	72.576,00	48.216,00	41.717,00	162.509,00	34.823,00	75.387,00	68.946,00	179.156,00
южная равнина	69.403,00	20.454,00	15.316,00	105.173,00	30.904,00	25.226,00	13.693,00	69.823,00
итого	141.979,00	68.670,00	57.033,00	267.682,00	71.539,00	107.610,00	86.778,00	265.927,00
	процентное соотношение				процентное соотношение			
холмы	59,18	28,40	12,43	100,00	34,29	41,29	24,42	100,00
северная равнина (включая город Падуа)	44,66	29,67	25,67	100,00	19,44	42,08	38,48	100,00
южная равнина	65,99	19,45	14,56	100,00	44,26	36,13	19,61	100,00
итого	53,04	25,65	21,31	100,00	26,97	40,56	32,71	100,24

Результаты политики поддержки менее развитых районов особенно заметны в изучаемом крае, преобразованном в течение 30 лет

из сельскохозяйственного пространства в третий по величине промышленный район Италии (Buzzacchi, 2022: 37–79).

Региональная модернизация определяется в данном исследовании как ответ местного сельского общества на экономические перемены Новейшего времени. Привычка самостоятельного управления фермой в рамках многоукладного производства, владение необходимыми для работы на фабрике навыками, обладание капиталом в виде земли и недвижимости позволяют крестьянам участвовать в процессах индустриализации не только в качестве рабочих, но и создавая небольшие фабрики, ориентированные на удовлетворение потребностей местного рынка или связанные с крупными компаниями субподрядными отношениями. Крестьянство позитивно реагирует на возможности, предоставленные меняющимся локальным экономическим положением уже в XIX веке, и полностью использует послевоенную реконструкцию и «итальянское экономическое чудо» 1950-х и 1960-х годов, завершая в 1980-х годах процессы модернизации (табл. 4). Именно в этот период территория приобретает свои отличительные черты, существующие до сих пор (Mariotti, 2020: 523–546; рис. 6–7).

Промышленность и сельское хозяйство остаются тесно интегрированными как с семейной, так и с территориальной точки зрения. Сельскохозяйственная инфраструктура — дома, склады, амбары, — размещавшие первые фабрики и обеспечившие материальную основу для первоначального развития процесса местной индустриализации, сохраняет ее структурные и часто также функциональные элементы, представляя собой одну из наиболее заметных черт внегородского ландшафта (Fregolent, 2017a: 75–94). Этот аспект отражает отношение местного общества к аграрному прошлому. Несмотря на то что многофункциональность теряет значение и сельский доход становится побочной частью семейного бюджета, принадлежащие им поля продолжают обрабатываться, чаще всего специализированными фирмами, свидетельствуя, таким образом, о прочной культурной связи между обществом, переживающим обширную модернизацию, и сельскими традициями, составляющими его исторические корни. Современная территориальная конфигурация и структура промышленных и аграрных зон интерпретируется также как результат культурного, а не только экономического выбора (Geminiani, 2016: 503–524; Tempesta, 2017: 7–30; Zolin, 2020: 7587–7605).

Выводы

Ландшафт «рассеянного города» (Indovina, 1990) Северной Венецианской равнины является результатом индустриализации, опирающейся на структуры «смешанного земледелия». Распространение фабрик на сельской территории вне городских центров — вековой

процесс. Он вызван рядом факторов, среди которых существенную роль играет активное содействие модернизации независимых крестьян среднего и низшего слоя деревенского сообщества. Вовлечение крестьянства в региональную модернизацию XIX и XX веков способствует обеспечению постепенного перехода от аграрной к промышленной экономике, избегая, таким образом, травматичных разрывов и позволяя сохранять прочные связи, как с социальной, так и с экономической точки зрения, между сельским и индустриальным миром. Вышеописанными преобразованиями создается текущий контекст, характеризующийся в первую очередь сосуществованием и соприкосновением фабрик и ферм, жилых, промышленных и аграрных районов. Общественное внимание и переживания вызывают к жизни, с другой стороны, сложное территориальное управление и постепенное расширение организованного пространства на фоне ухудшения экологической ситуации.

Однако в последние два десятилетия проявляются новые тенденции территориального преобразования, влияющие на отношение к природе и к роли сельского хозяйства в региональной экономике и обществе. Темп роста промышленности с 1990-х годов значительно сокращается. Вынесение вовне высокотрудоемких производств в рамках глобализации девяностых и двухтысячных, кризис 2008–2014 годов и экономическая деградация в настоящее время, сопровождаемые демографической стагнацией, отодвигают на задний план программы индустриального и гражданского строительства (Fregolent, 2017b: 149–159; Fabian, 2012: 11–22). С другой стороны, сельское хозяйство, хотя и разрозненное, включает в себя переловые сектора, ставшие конкурентоспособными на мировых рынках. Наконец, само общество воспринимает «зеленые» пространства, включая сельскохозяйственные, как возможность повышения уровня жизни путем создания местными фермерами натуральных продуктов питания в рамках коротких цепочек производства и потребления и сохранения «зеленых поясов» (Di Felice, 2014: 265–276; Расе, 2024: 81–124). Таким образом, типичные черты ландшафта Северной Венецианской равнины являются в контексте текущих перемен основами иных перспектив устойчивого развития сельского хозяйства, преодолевающего традиционные дихотомии и границы между городским и сельским, и создающего новые сочетания между разными видами экономической деятельности на той же самой территории (Souviney, 2024).

Архивный, картографический и статистический материал

Archivio di Stato di Venezia (далее ASV). Censo Stabile, Mappe napoleoniche, Distretti censuari di Padova, Camposampiero, Piazzola, Camisano e Cittadella.

ASV. Censo Stabile. Atti Preparatori. 22-23 (Padova); 32 (Camposampiero); 35 (Piazzola); 131-132 (Camisano); 135 (Cittadella).

- Camera di Commercio Industria e Agricoltura di Padova, далее CCIAPd (1953). Compendio Statistico della Provincia di Padova.
- CCIAPd (1961). Compendio Statistico della Provincia di Padova.
- Consiglio dell'Economia della Provincia di Padova. L'Economia della Provincia di Padova. Annuario Statistico per 1931.
- Istituto Centrale di Statistica del Regno d'Italia, далее ISTAT, (1919). Catasto Agrario. Vol. III. Compartimento del Veneto.
- ISTAT (1930). Censimento Generale dell'Agricoltura.
- Istituto Centrale di Statistica, далее ISTAT, (1951). Censimento Generale della Popolazione.
- ISTAT (1961). I Censimento Generale dell'Agricoltura.
- ISTAT (1970). Censimento Generale dell'Agricoltura.
- ISTAT (1981). Censimento Generale della Popolazione.
- ISTAT (1991). Censimento Generale della Popolazione e delle Abitazioni.
- Istituto Geografico Militare (далее IGM), 50-II-NE_Vigodarzere (1890, 1824, 1853, 1970); 50-I-SE_Camosampiero (1890, 1910, 1935, 1953, 1972); 50-I-NO_Cittadella (1902, 1924, 1935, 1953, 1971); 50-IV-NE_Sandrigio (1902, 1935, 1970); 50-IV-NE_Dueville (1890, 1902, 1935, 1953, 1970); 50-I-SO_Camisano Vicentino (1890, 1910, 1935, 1953, 1972); 51-IV-SO_Noale (1894, 1910, 1940, 1968).
- Lampertico D. (1882). Inchiesta Jacini: Atti della Giunta per la Inchiesta Agraria e sulle condizioni della classe agricola. 5. Monografie agrarie allegate alla relazione sulla 11. Circoscrizione. Monografia Agraria dei Distretti di Vicenza, Lonigo e Barbarano. Roma: Fonzani.
- Ministero di Agricoltura, Industria e Commercio, далее MAIC, (1885). Censimento della popolazione del Regno d'Italia. Roma: Botta.
- MAIC (1911). Censimento della Popolazione del Regno.
- Ministero per il lavoro e la Previdenza Sociale (1921). Censimento generale della popolazione del Regno.
- Morpurgo E. (1882). Inchiesta Jacini: Atti della Giunta per la Inchiesta Agraria e sulle condizioni della classe agricola. 4. Relazione sulla 11 Circoscrizione (province di Verona, Vicenza, Padova, Rovigo, Venezia, Treviso, Belluno e Udine). Roma: Fonzani.
- Von Zach A. Das Herzogtum Venedig auf der Karte Antons von Zach. (Carta del Ducato Di Venezia, 1798-1805 — Fondazione Benetton Studi e Ricerche. Treviso: Grafiche Bernardi. 2005)

Библиография

- Болонев Ф. Ф. (2017). Лен и конопля в хозяйстве русских крестьян Сибири XVII — начала XX века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 203. С. 467–470.
- Веселова Ю. В., Тимчук А. Д., Гладкая А. Д., Драченина Е. А. (2024). Стратегия аутсорсинга как элемент общей бизнес-стратегии современного предприятия // Экономика и предпринимательство. Т. 165. № 4. С. 1022–1015.
- Гакашев М. М. (2013). Промышленные кластеры и их роль в формировании региональной промышленной политики // Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Т. 5. № 34. С. 162–164.
- Кощеев Д. А., Третьякова Е. А. (2020). Роль индустриального кластера в экономике региона: системно-агломерационный подход и механизм взаимного влияния // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. Т. 14. № 4. С. 512–550.
- Кудярова Н. Ю. (2023). Социальные и демографические предпосылки массовой миграции в Италию и Испании в XIX веке // Новая и новейшая история. № 1. С. 20–32.
- Турганбаев Е. М., Козлова М. В. (2010). Комбинированный подход к идентификации индустриальных кластеров // Вестник КАЗЭУ. Т. 77. № 5.

- Цзяо Т., Хуан Т., Сюй Х. (2023). Современные подходы к оценке эффективности деятельности инновационно-промышленных кластеров // Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем. Сборник научных трудов. Минск: Белорусский государственный университет. С. 77–80.
- Шипилов А. В. (2017). Текстильный промысел в России в первой половине XVIII века // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Т. 275. № 2. С. 106–112.
- A'Hearn B. (2003). Anthropometric evidence on living standards in Northern Italy, 1730–1860 // *Journal of Economic History*. Vol. 63. №. 2. P. 351–381.
- Althukov A. I., Drokin V. V., Zhuravlyov A. S. (2015). Food security and import substitution: Major strategic objectives of contemporary agricultural policy // *R-Economy*. Vol. 1. № 3. P. 487–494.
- Altieri M. (1981). Agriculture: Mixed farming systems // *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*. Vol. 23. № 10. P. 5–37.
- Backhaus J., Chaloupek G., Frambach H. A. (2017). On the Economic Significance of the Catholic Social Doctrine. 125 Years of *Rerum Novarum*. Cham: Springer International Publishing.
- Bartolini F. (2021). Back to a future civilization: Cities and countryside in the “Third Italy” // *Urban History*. Vol. 48. № 1. P. 108–124.
- Battilani P. (2017). Consumer co-operation in Italy: A network of cooperatives with a multi-class constituency // *A Global History of Consumer Co-operation since 1850* / M. Hilson, S. Neunsinger, G. Patmore (eds.). Leiden — Boston: Brill. P. 584–613.
- Béaur G. (2020). *Alternative Agriculture in Europe (sixteenth-twentieth centuries)*. Turnhout: Brepols.
- Becattini G., Bellandi M., De Propriis L. (2009). *A handbook of Industrial Districts*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing.
- Belfanti C. A. (1996). The proto-industrial heritage: Forms of rural proto-industry in northern Italy in the eighteenth and nineteenth centuries // *European Proto-Industrialization: An Introductory Handbook* / S. C. Ogilvie, M. Cerman (eds). Cambridge: Cambridge University Press. P. 155–170.
- Bianco F. (2009). Intermediaries in agriculture. Gastaldi, land agents and stonisti in the countryside of northeastern Italy in the modern era // *Acta Histriae*. Vol. 17. № 3. P. 353–380.
- Bianchi G. (1998). Requiem for the third Italy? Rise and fall of a too successful concept // *Entrepreneurship & Regional Development*. Vol. 10. № 2. P. 93–116.
- Bitsani E., Kavoura A. (2012). Connecting oenological and gastronomical tourisms at the wine roads, Veneto, Italy, for the promotion and development of agrotourism // *Journal of Vacation Marketing*. Vol. 18. № 4. P. 301–312.
- Buzzacchi L., De Marco A., Governa F., Salone C. (2022). The shift of the triangle: density and economic transformation in Northern Italy // *Industria*. Vol. 43. № 1. P. 37–79.
- Cafaro P., Berberini E. (2014). The creation and expansion of the catholic credit cooperative in Italy // *A Geographical Approach to the European Financial Crisis* / M. G. Lucia, L. S. Rizzo (ed.). Ariccia: Aracne Editrice P. 87–106.
- Celetti D. (2015). Le commerce au détail des fils de lin et de chanvre. Acteurs, espaces et réseaux dans la Vénétie et la Bretagne d'Ancien Régime // *Retail Trade. Supply and Demand in the Formal and Informal Economy from the 13th to the 18th Centuries* / S. Cavaciocchi (ed.). Firenze: Istituto Datini — Le Monnier. P. 467–487.
- Celetti D. (2020). Small businesses in the global market: Evidence from the fashion system of Vicenza Province (Italy) // *R-Economy*. Vol. 6. № 2. P. 74–88.
- Celetti D. (2020b). Considerations on hemp and alternative agriculture in Italy, France and Russia from the seventeenth to the nineteenth century // *Alternative Agriculture in Europe (sixteenth-twentieth centuries)* / G. Béaur (ed.). Turnhout: Brepols. P. 314–344.
- Celetti D. (2022). Territorial distribution of economic activities and resilience in Vicenza's jewelry industry // *R-Economy*. Vol. 8. № 4. P. 384–395.

- Celetti D.* (2022). Mixed agriculture and diffused industrialization. Aspects of North — Eastern Italy economic development path // *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*. Vol. 15. № 5. P. 131–155.
- Celetti D., Bozhko L., Avetisyan R.* (2023). Industrial districts and industrial clusters. Conceptual approaches from Italian and Eurasian experiences // *Landmarks for spatial development. Contributions to Regional Science* / S. Martinat, V. Kumar, F. Torre, Y. Lavrikova, T. Kuzmin (eds.). CHAM: Springer. P. 169–187.
- Chernova O. A., Liu L., Wang X.* (2023). Role of digitalization of logistic outsourcing in sustainable development of automotive industry in China // *R-Economy*. Vol. 9. № 2. P. 123–139.
- Chiaese D.* (2024). Provincial estimates of the Italian value-added in the Liberal Age. 1871–1911 // *Rivista di Storia Economica*. Vol. 40. № 1. P. 3–42.
- Ciaschini C., Quaranta G., Salvia R., Salvucci G., Escrivà F., Rinaldi F.* (2024). Regional development, settlement models, and urban change // *Urban Crisis: Social and Economic Implications for Southern Europe* / A. Sateriano (ed.). Hauppauge: Nova Science Publishers. P. 57–88.
- Cova A.* (1993). I cattolici italiani e la questione agraria (1874–1950). Roma: Studium.
- Cutrini E., Ninivaggi F.* (2024). Pandemic crisis and firm survival: Evidence from the Italian manufacturing industry // *Journal of Industrial and Business Economics*. Vol. 51. № 2. P. 265–297.
- Dal Lago E.* (2002). Society, economy, and politics in restoration Italy: Towards a regional synthesis // *The Historical Journal*. Vol. 45. № 1. P. 179–193.
- Dal Ferro N., Cocco E., Lazzaro B., Berti A., Morari F.* (2016). Assessing the role of agri-environmental measures to enhance the environment in the Veneto Region, Italy, with a model-based approach // *Agriculture, Ecosystems and Environment*. Vol. 232. № 1. P. 312–325.
- Demo E.* (2013). Industry and production in the venetian terraferma (15th–18th centuries) // *A Companion to Venetian History, 1400–1797* / E. Dursteler (ed.). Leiden: Brill. P. 291–318.
- De Rosa L.* (1988). Urbanization and industrialization in Italy (1861–1921) // *Journal of European Economic History*. Vol. 17. № 3. P. 467–490.
- Dewerpe A.* (1984). The proto-industrial origins of a developed area: Northern Italy 1800–1880 // *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*. Vol. 30. № 5. P. 896–914.
- Dewerpe A.* (1985). L'industrie aux champs: essai sur la protoindustrialisation en Italie du Nord (1800–1880). Rome : Ecole Française de Rome. P. XXXV.
- Di Felice V., De Jesus Soares Besta Batista E. D., Mancinelli R., Ferreira Batista J. G., Campiglia E.* (2014). Rurality and agroecosystem sustainability: A case study at farm-field level in Terceira Island (Portugal) and Viterbo Province (Italy) // *Renewable Agriculture and Food Systems*. Vol. 29. № 3. P. 265–276.
- Di Marino G.* (1970). Movimento Cattolico e Masse Contadine // *Critica Marxista*. Vol. 8. № 1–2. P. 260–274.
- Favero G.* (2012). La metamorfosi di uno spazio regionale: il caso Veneto. 1750–1950 // *TST*. Vol. 22. P. 150–172.
- Felice E.* (2019). The roots of a dual equilibrium: GDP, productivity, and structural change in the Italian regions in the long run (1871–2011) // *European Review of Economic History*. Vol. 23. № 4. P. 93–116.
- Ferrario V.* (2009). Agropolitana: Countryside and urban sprawl in the Veneto region (Italy) // *Journal of Geography*. Vol. 4. № 2. P. 129–142.
- Fregolent L., Vettoretto L.* (2017a). Genesis of a fluid metropolitan space: Urban metamorphoses in Venice and Veneto // *Post-Metropolitan Territories. Looking for a New Urbanity* / A. Balducci, V. Fedeli, F. Curci (eds). London-New-York: Routledge. P. 75–94.
- Fontana G. L., Rielo G.* (2005). Seamless industrialization: The Lanificio Rossi and the modernization of the wool textile industry in nineteenth-century Italy // *Textile History*. Vol. 36. № 2. P. 169–195.

- Franzina E. (1990). La transizione dolce: storie del Veneto tra '800 e '900. Verona: Cierre.
- Gaggio D. (2007). In Gold we Trust. Social Capital and Economic Change in the Italian Jewelry Towns. Princeton: Princeton University Press.
- Galardi M., Filugelli L., Moruzzo R., Diaz S. E., Contalbrigo L. (2022). Challenges and perspectives of social farming in North — Eastern Italy: The farmers' view // Sustainability. Vol. 14. № 14.
- Geminiani C. A. (2016). Emilio Sereni and the horizons of the Italian agricultural landscape. Bibliographical and archival marks of a path between history and geography // Rivista Geografica Italiana. Vol. 123. № 4. P. 503–524.
- Khorasani Zadeh H. (2020). De la parenté au paysage. La généalogie des *famiglie appoderate* comme outil d'analyse territoriale (Vénétie centrale et Flandre intérieure française, ca 1850-2020) // Territoires post-ruraux. Généalogies et perspectives / M. De Marchi, H. Khorasani Zadeh (eds). Roma: Officina Edizioni. P. 123–154.
- Khorasani Zadeh H. (2023). The rise of the peasant land ownership as a driver of social-spatial differentiation in contemporary rural Veneto and French Flanders // Russian Peasant Studies. Vol. 8. № 4. P. 83–101.
- Khotlyarova S. N., Shamova E. A. (2023). Development trends and dynamics of industrial specialization in Russian regions // R-Economy. Vol. 9. № 4. P. 384–404.
- Kitonsa H. (2018). Drone technology for last-mile delivery in Russia: A tool to develop local market // R-Economy. Vol. 4. № 2. P. 51–58.
- Indovina F. (1990). La città diffusa. Venezia: Istituto Universitario di Venezia.
- Iannuzzi E., Berardi M. (2011). Italian industrial districts: Crisis of evolution? // World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development. Vol. 8. № 1. P. 23–36.
- Lanaro P. (ed.) (2006). At the Centre of the Old World. Trade and Manufacturing in Venice and the Venetian Mainland, 1400–1800. Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies.
- Mancinelli S., Mazzanti M. (2009). Innovation, networking and complementarity: Evidence on SME performances for a local economic system in North-Eastern Italy // Annals of Regional Science. Vol. 43. № 3. P. 567–597.
- Mariotti I., Barzotto M., Coró G., Saloriani S., (2020). Industrial districts, urban areas or both? The location behavior of foreign and domestic firms in an Italian manufacturing region // Annals of Regional Science. Vol. 64. № 3. P. 523–546.
- Maskell P. (2001). Towards a Knowledge-based theory of the geographical cluster // Industrial and Corporate Change. Vol. 10. № 4. P. 921–943.
- Matteazzi M. (2012). Between Brenta and Adige: Environmental changes and land use in the Low Venetian Plain (Northern Italy) during Roman times // Variabilités environnementales, mutations sociales. Nature, intensités, échelles et temporalités des changements / F. Bertonecello, F. Braemer (eds.). Antibes : Editions APDCA. P. 343–349.
- Mioni A. (1978). Regional planning and territorial interventions in Italy, 1880-1940 // Landscape Planning. Vol. 5. № 2-3. P. 213–237.
- Muscarà C. (2015). Third Italy: Changes without disposal; or why the “Italia di mezzo” or “third Italy” should be regarded as part of the Northern Italy Megalopolis // Rivista Geografica Italiana. Vol. 122. № 4. P. 525–538.
- Pace L., Gras J. M. (2024). The agri-environmental footprint on the peri-urban landscape // Peri-urban Landscape. The Next Challenge / L. Pace, J. M. Gras (eds). London–New-York: Routledge.
- Pagano E. (2023). Emigrations from Veneto to Biella in the 20th century: The case of Portula // Popolazione e storia. Vol. 24. № 2. P. 33–55.
- Parisi D. (2021). Italian Catholics and the history of economic thought (1943-2000) // Pensiero Economico Italiano. Vol. 29. № 2. P. 239–249.
- Piccinato G. (1993). Urban landscapes and spatial planning in industrial districts: The case of Veneto // European Planning Studies. Vol. 1. № 2.
- Rodríguez-Anton A., Magli G., Gozalez-Garcia A. C. (2023). Between land and sky — study of the orientation of Roman centuriation in Italy // Sustainability. Vol. 14. № 4. P. 1–16.

- Rushton P. (1980). Marxism, domestic labour and the capitalist economy: A note on recent discussions // *Sociological Review*. Vol. 28. № 1. P. 32–48.
- Rullani E. (2002). The industrial cluster as a complex adaptive system // *Contribution in Economics*. P. 35–61.
- Sacco P. L., Ferilli G., Blessi G. T., Nuccio M. (2013). Culture as an engine of local development processes: System — wide cultural district I: Theory // *Growth and Change*. Vol. 44. № 4. P. 555–570.
- Savino G. (2019). “Land hunger” of the Italian peasantry: From the unification of the country to the agrarian reform. // *Russian Peasant Studies*. Vol. 4. № 2. P. 108–127.
- Sereni E. (1968). *Agricoltura e sviluppo del capitalismo*. Roma: Istituto Gramsci.
- Souviney M. M., Mattalia G., Pieroni A. (2024). Impacts of industrialization on foraging in peri-urban areas. Insights from Padua, NE Italy // *Human Ecology*. <https://doi.org/10.1007/s10745-024-00513-5>.
- Strangio D. (2018). Migration and institutions: The case of the Veneti // *Journal of Modern Italian Studies*. Vol. 23. № 5. P. 603–619.
- Sumida S., Sanzheev A. S. (2022). Rethinking Marx’s theory of the small-scale mode of production in the perspective of the small peasantry theory // *Russian Peasant Studies*. Vol. 7. № 1. P. 29–61.
- Tempesta T., Vecchiato D. (2017). Valuing the landscape benefits of rural politices actions in Veneto (Italy) // *Aestimum*. Vol. 70. P. 7–30.
- Turgel I. D., Bozhko L. L., Zinovieva E. G. (2019). Cluster approach to organization of special economic zones in Russia and Kazakhstan // *R-Economy*. Vol. 5. № 2. P. 71–78.
- Trivellato F. (2008). *Guilds, technology, and economic change in early modern Venice* // *Guilds, Innovation, and the European Economy, 1400-1800* / S. R. Epstein, M. Prak (eds.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Tusset G. (2016). Labour as culture: The Lombardo-Veneto School // *Economic Thought and History. An Unresolved Relationship* / M. Poettinger, G. Tusset (eds.). London–New York: Routledge. P. 177–191.
- Trucco S. (1966). Giuseppe Toniolo e la “*Rerum Novarum*” // *Studi economici e sociali*. Vol. 1. № 2. P. 140–152.
- Turchetto J. (2023). The Roman centuriation of Patavium and Altinum. A water management system in the central Venetian plain // *Archeology & Pilgrimage: La Rivista di Engramma*. Vol. 204. P. 93–105.
- Vecoli J. R. (1995). *The Italian diaspora, 1876-1976* // *The Cambridge Survey of World Migration* / R. Cohen (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 114–122.
- Zolin M. B., Pastore A., Mazzarolo M. (2020). Common agricultural policy and sustainable management of areas with natural handicaps. The Veneto Region case study // *Environment, Development and Sustainability*. Vol. 22. № 8. P. 7587–7605.

Progressive modernisation. The role of peasants in the industrialisation of North-Eastern Italy

David Celetti, PhD of Economics, Professor of Economic History, Department of Historical, Geographical Sciences and of the Ancient World, University of Padua, 30131 Padova, Via Vescovado 30. E-mail: david.celetti@unipd.it.

Abstract. The process of industrialization of North-Eastern Italy and, in particular the Veneto Region, spread widely outside urban centers, in agrarian territories historically characterised by a specific type of land use based on the harmonious coexistence of different cultures within individual smallholdings. This article focuses on the key shifts that allowed the wide spread of productive activities in rural areas and the active participation of the rural population in industrial production in the absence of significant migration flows in the direction of large industrial centers. The article is organized as

follows: the first section analyses the scientific interpretation of the special path of regional modernization. Section 2 presents the main features of the traditional rural economy of North-Eastern Italy. Section 3 examines the changes in the sectoral structure of the regional economy during the period of industrialization. Conclusions summarize results and ongoing transformation of the Veneto regional economy, society and landscape.

Keywords: economic development, north-eastern Italy, peasant family, traditional agriculture, industrialization, urbanization processes, industrial clusters.

References

- Bolonev F. F. (2017) Flax and hemp in the economy of Russian peasants in Siberia in the 17th — early 20th centuries. *Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*, vol. 203, pp. 467–470. (In Russian)
- Veselova Yu. V., Timchuk A. D., Gladkaya A. D., Drachinina E. A. (2024) Outsourcing strategy as an element of the overall business strategy of a modern enterprise. *Economy and Entrepreneurship*, vol. 165, no 4, pp. 1022–1015. (In Russian)
- Gakashev M. M. (2013) Industrial clusters and their role in the formation of regional industrial policy. *Perm National Research Polytechnic University*, vol. 5, no 34, pp. 162–164. (In Russian)
- Koshcheev D. A., Tretyakova E. A. (2020) The role of the industrial cluster in the regional economy: A system-agglomeration approach and the mechanism of mutual influence. *Bulletin of the Perm University. Series: Economics*, vol. 14, no 4, pp. 512–550.
- Kudeyarova N. Yu. (2023) Social and demographic prerequisites for mass migration in Italy and Spain in the 19th century. *New and Contemporary History*, no 1, pp. 20–32.
- Turganbaev E. M., Kozlova M. V. (2010) Combined approach to the identification of industrial clusters. *Bulletin of KAZEU*, vol. 77, no 5.
- Qiao T., Huang T., Xu H. (2023) Contemporary approaches to assessing the effectiveness of innovative industrial clusters. *Strategy and Tactics of Development of Production and Economic Systems*. Collection of Scientific Papers, Minsk: Belarusian State University, pp. 77–80.
- Shipilov A. V. (2017) Textile industry in Russia in the first half of the 18th century. *Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University*, vol. 275, no 2, pp. 106–112.
- A'Hearn B. (2003) Anthropometric evidence on living standards in Northern Italy, 1730–1860. *Journal of Economic History*, vol. 63, no 2, pp. 351–381.
- Althukov A. I., Drokin V. V., Zhuravlyov A. S. (2015) Food security and import substitution: Major strategic objectives of contemporary agricultural policy. *R-Economy*, vol. 1, no 3, pp. 487–494.
- Altieri M. (1981) Agriculture: Mixed farming systems. *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*, vol. 23, no 10, pp. 5–37.
- Backhaus J., Chaloupek G., Frambach H. A. (2017) *On the Economic Significance of the Catholic Social Doctrine. 125 Years of Rerum Novarum*, Cham: Springer International Publishing.
- Bartolini F. (2021) Back to a future civilization: Cities and countryside in the “Third Italy”. *Urban History*, vol. 48, no 1, pp. 108–124.
- Battilani P. (2017) Consumer co-operation in Italy: A network of cooperatives with a multi-class constituency. *A Global History of Consumer Co-operation since 1850* (M. Hilson, S. Neunsinger, G. Patmore eds.), Leiden — Boston: Brill, pp. 584–613.
- Béaur G. (2020) *Alternative Agriculture in Europe (sixteenth–twentieth centuries)*, Turnhout: Brepols.
- Becattini G., Bellandi M., De Propris L. (2009) *A Handbook of Industrial Districts*, Cheltenham, Edward Elgar Publishing.
- Belfanti C. A. (1996) The proto-industrial heritage: Forms of rural proto-industry in northern Italy in the eighteenth and nineteenth centuries. *European Proto-Industrialization*:

- An *Introductory Handbook* (S. C. Ogilvie, M. Cerman eds), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 155–170.
- Bianco F. (2009) Intermediaries in agriculture. Gastaldi, land agents and stonisti in the countryside of northeastern Italy in the modern era. *Acta Histriae*, vol. 17, no 3, pp. 353–380.
- Bianchi G. (1998) Requiem for the third Italy? Rise and fall of a too successful concept. *Entrepreneurship & Regional Development*, vol. 10, no 2, pp. 93–116.
- Bitsani E., Kavoura A. (2012) Connecting oenological and gastronomical tourisms at the wine roads, Veneto, Italy, for the promotion and development of agrotourism. *Journal of Vacation Marketing*, vol. 18, no 4, pp. 301–312.
- Buzzacchi L. De Marco A., Governa F., Salone C. (2022) The shift of the triangle: Density and economic transformation in Northern Italy. *Industria*, vol. 43, no 1, pp. 37–79.
- Cafaro P., Berberini E. (2014) The creation and expansion of the Catholic credit cooperative in Italy. *A Geographical Approach to the European Financial Crisis* (M. G. Lucia, L. S. Rizzo eds.), Ariccia: Aracne Editrice, pp. 87–106.
- Celetti D. (2015) Le commerce au détail des fils de lin et de chanvre. Acteurs, espaces et réseaux dans la Vénétie et la Bretagne d'Ancien Régime. *Retail Trade. Supply and Demand in the Formal and Informal Economy from the 13th to the 18th Centuries* (S. Cavaciocchi ed.), Firenze: Istituto Datini — Le Monnier, pp. 467–487.
- Celetti D. (2020) Small businesses in the global market: Evidence from the fashion system of Vicenza province (Italy). *R-Economy*, vol. 6, no 2, pp. 74–88.
- Celetti D. (2020b) Considerations on hemp and alternative agriculture in Italy, France and Russia from the seventeenth to the nineteenth century. *Alternative Agriculture in Europe (sixteenth-twentieth centuries)* (G. Béaur ed.), Turnhout: Brepols, pp. 314–344.
- Celetti D. (2022) Territorial distribution of economic activities and resilience in Vicenza's jewelry industry. *R-Economy*, vol. 8, no 4, pp. 384–395.
- Celetti D. (2022) Mixed Agriculture and diffused industrialization. Aspects of North — Eastern Italy economic development path. *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*, vol. 15, no 5, pp. 131–155.
- Celetti D., Bozhko L., Avetisyan R. (2023) Industrial districts and industrial clusters. Conceptual approaches from Italian and Eurasian experiences. *Landmarks for Spatial Development. Contributions to Regional Science* (S. Martinat, V. Kumar, F. Torre, Y. Lavrikova, T. Kuzmin eds.), CHAM: Springer, pp. 169–187.
- Chernova O. A., Liu L., Wang X. (2023) Role of digitalization of logistic outsourcing in sustainable development of automotive industry in China. *R-Economy*, vol. 9, no 2, pp. 123–139.
- Chiaese D. (2024) Provincial estimates of the Italian value-added in the Liberal Age. 1871–1911. *Rivista di Storia Economica*, vol. 40, no 1, pp. 3–42.
- Ciaschini C., Quaranta G., Salvia R., Salvucci G., Escrivà F., Rinaldi F. (2024) Regional development, settlement models, and urban change. *Urban Crisis: Social and Economic Implications for Southern Europe* (A. Sateriano ed.), Hauppauge: Nova Science Publishers, pp. 57–88.
- Cova A. (1993) *I cattolici italiani e la questione agraria (1874–1950)*, Roma: Studium.
- Cutrini E., Ninivaggi F. (2024) Pandemic crisis and firm survival: Evidence from the Italian manufacturing industry. *Journal of Industrial and Business Economics*, vol. 51, no 2, pp. 265–297.
- Dal Lago E. (2002) Society, economy, and politics in Restoration Italy: Towards a regional synthesis. *Historical Journal*, vol. 45, no 1, pp. 179–193.
- Dal Ferro N., Cocco E., Lazzaro B., Berti A., Morari F. (2016) Assessing the role of agri-environmental measures to enhance the environment in the Veneto Region, Italy, with a model-based approach. *Agriculture, Ecosystems and Environment*, vol. 232, no 1, pp. 312–325.

- Demo E. (2013) Industry and production in the venetian terraferma (15th -18th centuries). A *Companion to Venetian History, 1400–1797* (E. Dursteler ed.), Leiden: Brill, pp. 291–318.
- De Rosa L. (1988) Urbanization and Industrialization in Italy (1861-1921). *Journal of European Economic History*, vol. 17, no 3, pp. 467–490.
- Dewerpe A. (1984) The proto-industrial origins of a developed area: Northern Italy 1800–1880. *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*, vol. 30, no 5, pp. 896–914.
- Dewerpe A. (1985) *L'industrie aux champs: essai sur la protoindustrialisation en Italie du Nord (1800-1880)*, Rome : Ecole Française de Rome, p. XXXV.
- Di Felice V., De Jesus Soares Besta Batista E. D., Mancinelli R., Ferreira Batista J. G., Campiglia E. (2014) Rurality and agroecosystem sustainability: A case study at farm-field level in Terceira Island (Portugal) and Viterbo Province (Italy). *Renewable Agriculture and Food Systems*, vol. 29, no 3, pp. 265–276.
- Di Marino G. (1970) Movimento Cattolico e Masse Contadine. *Critica Marxista*, vol. 8, no 1–2, pp. 260–274.
- Favero G. (2012) La metamorfosi di uno spazio regionale: il caso Veneto. 1750–1950. *TST*, vol. 22, pp. 150–172.
- Felice E. (2019) The roots of a dual equilibrium: GDP, productivity, and structural change in the Italian regions in the long run (1871–2011). *European Review of Economic History*, vol. 23, no 4, pp. 93–116.
- Ferrario V. (2009) Agropolitana: Countryside and urban sprawl in the Veneto region (Italy). *Journal of Geography*, vol. 4, no 2, pp. 129–142.
- Fregolent L., Vettoretto L. (2017a) Genesis of a fluid metropolitan space: Urban metamorphoses in Venice and Veneto. *Post-Metropolitan Territories. Looking for a New Urbanity* (A. Balducci, V. Fedeli, F. Curci eds.), London–New-York: Routledge, pp. 75–94.
- Fontana G. L., Riello G. (2005) Seamless industrialization: The Lanificio Rossi and the modernization of the wool textile industry in nineteenth-century Italy. *Textile History*, vol. 36, no 2, pp. 169–195.
- Franzina E. (1990) *La transizione dolce: storie del Veneto tra '800 e '900*, Verona: Cierre.
- Gaggio D. (2007) *In Gold we Trust. Social Capital and Economic Change in the Italian Jewelry Towns*, Princeton: Princeton University Press.
- Galardi M., Filugelli L., Moruzzo R., Diaz S. E., Contalbrigo L. (2022) Challenges and perspectives of social farming in North — Eastern Italy: The farmers' view. *Sustainability*, vol. 14, no 14.
- Geminiani C. A. (2016) Emilio Sereni and the horizons of the Italian agricultural landscape. Bibliographical and archival marks of a path between history and geography. *Rivista Geografica Italiana*, vol. 123, no 4, pp. 503–524.
- Khorasani Zadeh H. (2020) De la parenté au paysage. La généalogie des familles appodérate comme outil d'analyse territoriale (Vénétie centrale et Flandre intérieure française, ca 1850-2020). *Territoires post-ruraux. Généalogies et perspectives* (M. De Marchi, H. Khorasani Zadeh eds.), Roma: Officina Edizioni, pp. 123–154.
- Khorasani Zadeh H. (2023) The rise of the peasant land ownership as a driver of social-spatial differentiation in contemporary rural Veneto and French Flanders. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 4, pp. 83–101.
- Khotlyarova S. N., Shamova E. A. (2023) Development trends and dynamics of industrial specialization in Russian regions. *R-Economy*, vol. 9, no 4, pp. 384–404.
- Kitonsa H. (2018) Drone technology for last-mile delivery in Russia: A tool to develop local market. *R-Economy*, vol. 4, no 2, pp. 51–58.
- Indovina F. (1990) *La città diffusa*, Venezia: Istituto Universitario di Venezia.
- Iannuzzi E., Berardi M. (2011) Italian industrial districts: Crisis of evolution? *World Review of Entrepreneurship, Management and Sustainable Development*, vol. 8, no 1, pp. 23–36.

- Lanaro P. (ed.) (2006) *At the Centre of the Old World. Trade and Manufacturing in Venice and the Venetian Mainland, 1400–1800*, Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies.
- Mancinelli S., Mazzanti M. (2009) Innovation, networking and complementarity: Evidence on SME performances for a local economic system in North-Eastern Italy. *Annals of Regional Science*, vol. 43, no 3, pp. 567–597.
- Mariotti I., Barzotto M., Coró G., Salorini S. (2020) Industrial districts, urban areas or both? The location behavior of foreign and domestic firms in an Italian manufacturing region. *Annals of Regional Science*, vol. 64, no 3, pp. 523–546.
- Maskell P. (2001) Towards a knowledge-based theory of the geographical cluster. *Industrial and Corporate Change*, vol. 10, no 4, pp. 921–943.
- Matteazzi M. (2012) Between Brenta and Adige: Environmental changes and land use in the Low Venetian Plain (Northern Italy) during Roman times. *Variabilités environnementales, mutations sociales. Nature, intensités, échelles et temporalités des changements* (F. Bertonecello, F. Braemer eds.), Antibes: Editions APDCA, pp. 343–349.
- Mioni A. (1978). Regional planning and territorial interventions in Italy, 1880-1940. *Land-scape Planning*, vol. 5, no 2-3, pp. 213–237.
- Muscarà C. (2015) Third Italy: Changes without disposal; or why the “Italia di mezzo” or “third Italy” should be regarded as part of the Northern Italy Megalopolis. *Rivista Geografica Italiana*, vol. 122, no 4, pp. 525–538.
- Pace L., Gras J. M. (2024) The agri-environmental footprint on the peri-urban landscape. *Peri-Urban Landscape. The Next Challenge* (L. Pace, J. M. Gras eds.), London–New-York: Routledge.
- Pagano E. (2023) Emigrations from Veneto to Biella in the 20th century: The case of Portula. *Popolazione e storia*, vol. 24, no 2, pp. 33–55.
- Parisi D. (2021) Italian Catholics and the history of economic thought (1943-2000). *Pensiero Economico Italiano*, vol. 29, no 2, pp. 239–249.
- Piccinato G. (1993) Urban Landscapes and spatial planning in industrial districts: The case of Veneto. *European Planning Studies*, vol. 1, no 2.
- Rodriguez-Anton A., Magli G., Gozalez-Garcia A. C. (2023) Between land and sky — a study of the orientation of Roman centuriation in Italy. *Sustainability*, vol. 14, no 4, pp. 1–16.
- Rushton P. (1980) Marxism, domestic labour and the capitalist economy: A note on recent discussions. *Sociological Review*, vol. 28, no 1, pp. 32–48.
- Rullani E. (2002) The industrial cluster as a complex adaptive system. *Contribution in Economics*, pp. 35–61.
- Sacco P. L., Ferilli G., Blessi G. T., Nuccio M. (2013) Culture as an engine of local development processes: System — wide cultural district I: Theory. *Growth and Change*, vol. 44, no 4, pp. 555–570.
- Savino G. (2019) “Land hunger” of the Italian peasantry: From the unification of the country to the agrarian reform. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no 2, pp. 108–127.
- Sereni E. (1968) *Agricoltura e sviluppo del capitalismo*, Roma: Istituto Gramsci.
- Souviney M. M., Mattalia G., Pieroni A. (2024) Impacts of industrialization on foraging in peri-urban areas. Insights from Padua, NE Italy. *Human Ecology*. <https://doi.org/10.1007/s10745-024-00513-5>.
- Strangio D. (2018) Migration and institutions: The case of the Veneti. *Journal of Modern Italian Studies*, vol. 23, no 5, pp. 603–619.
- Sumida S., Sanzheev A. S. (2022) Rethinking Marx’s theory of the small-scale mode of production in the perspective of the small peasantry theory. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 1, pp. 29–61.
- Tempesta T., Vecchiato D. (2017) Valuing the landscape benefits of rural polities actions in Veneto (Italy). *Aestimum*, vol. 70, pp. 7–30.
- Turgel I. D., Bozhko L. L., Zinovieva E. G. (2019) Cluster approach to organization of special economic zones in Russia and Kazakhstan. *R-Economy*, vol. 5, no 2, pp. 71–78.

- Trivellato F. (2008) Guilds, technology, and economic change in early modern Venice. *Guilds, Innovation, and the European Economy, 1400-1800* (S. R. Epstein, M. Prak eds.), Cambridge: Cambridge University Press.
- Tusset G. (2016) Labour as culture: The Lombardo-Veneto School. *Economic Thought and History. An Unresolved Relationship* (M. Poettinger, G. Tusset eds.), London–New York: Routledge, pp. 177–191.
- Trucco S. (1966) Giuseppe Toniolo e la “Rerum Novarum”. *Studi economici e sociali*, vol. 1, no 2, pp. 140–152.
- Turchetto J. (2023) The Roman centuriation of Patavium and Altinum. A water management system in the central Venetian plain. *Archeology & Pilgrimage: La Rivista di Engramma*, vol. 204, pp. 93–105.
- Vecoli J. R. (1995) The Italian diaspora, 1876-1976. *The Cambridge Survey of World Migration* (R. Cohen ed.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 114–122.
- Zolin M. B., Pastore A., Mazzarolo M. (2020) Common agricultural policy and sustainable management of areas with natural handicaps. The Veneto Region case study. *Environment, Development and Sustainability*, vol. 22, no 8, pp. 7587–7605.

Д. Челетти

Прогрессивная модернизация: роль крестьян в индустриализации Северо-Восточной Италии

Reform Communists in the twentieth-century global network: The Italian Communist Party's agrarian policies in the postwar period

A. Bonfanti

Andrea Bonfanti, PhD (History), Research Associate Professor, School of Marxism, Wuhan University. Wuchang District, 299 Bayi Road, 430072, Wuhan, China
E-mail: andrea.bonfanti.101@gmail.com

Abstract. This article aims to explain the main agrarian policies of the Italian Communist Party (PCI) in the early postwar period with the analytical category of “reform communism” and the “global network” methodological approach. These tools help to understand the PCI decisions in these years in historical rather than polemical terms. The argument is strengthened by archival materials which include Central Committee meeting minutes, congresses records, internal reports and pamphlets. In the first part, the author introduces the ‘New Party’, which was the evolution of the traditional Communist Party of Italy, to identify its main historical and intellectual coordinates. Then, the article analyzes through those analytical innovations some of the main agrarian policies that the PCI tried, more or less successfully, to implement between 1944 and 1947, i.e. when there existed a series of governments of national unity. These policies were the 1944 Gullo Law, the subsequent organs like Land Committees, and the debates around the Agrarian Reform, which are analyzed respectively in the second, third and fourth parts.

Key words: agrarian policies, Italian Communist Party (PCI), reform communism, Italy, global network, asymmetric interdependencies

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-98-121

This article discusses the agrarian policies that the Italian Communist Party (*Partito comunista italiano*, PCI) implemented or failed to realise in the early postwar period, roughly between 1944 and 1947. At the time, there existed a series of coalition governments of “national unity” (*unità nazionale*) which consisted primarily of the three major Italian mass parties: Communists, Socialists, and Christian Democrats. All of them had contributed to the war against fascism and their unity lasted until the Cold War crept in. In May 1947, Christian Democrats, supported by the Vatican and the US, expelled Socialists and Communists from the government, starting the rule which lasted until the collapse of the Soviet Union in the 1990s. So, if we want to understand what the Italian Communists contribution to the Italian polity at the executive level was, we need perforce to orbit around this historical parenthesis.

This study was inspired by new analytical and methodological tools and also by recently unearthed empirical materials. In Volume

3 of *The Cambridge History of Communism*, historians Silvio Pons and Michele Di Donato (2017: 179) study the “historical phenomenon” of “reform communism”. “Reform communism” serves well to introduce in the scientific literature a useful analytical concept. This category — Pons and Di Donato refrain from using this term — is helpful to understand some transformations of communism in the 20th century and overcome endless debates about so-called “reformists” which are rhetorically charged but often fail to move the limits of our historical comprehension forward. We can define reform communism as a set of strategic ideas and practices driven by an evolutionary and gradualist vision of, and approach to, progressive social change within a capitalist institutional framework, with the ultimate goal of achieving communism¹. According to the two historians, reform communists “clearly leaned toward gradualism and nonviolent transformation more than revolutionary thrust”, both in terms of “lexicon and of practices” (Pons & Di Donato, 2017: 178). For them, it has three characteristics: (1) it was never developed monolithically or systematically, appearing instead in various geopolitical situations (in the Soviet Union between 1953-6, the 1968 Prague Spring, and Eurocommunism from the mid-1970s); (2) although reform communists were close to social-democratic ideas, they never rejected their communist identity, seeking some return to “original inspiration” (Marx, Engels and Lenin) (Pons & Di Donato, 2017: 179); (3) it was a European and Russian phenomenon.

While the main coordinates of the category are valid, some of its boundaries can be expanded still, improving its hermeneutic precision whilst also widening its applicability. Leaving aside the geographic coordinates to do so (think of China), its time limits can be extended further back than those offered by Pons and Di Donato to include Palmiro Togliatti’s PCI. This was suggested by Giuseppe Vacca (2021: 25-26), who has praised the “innovative and “necessary” category” of reform communism, explaining that “one must go back to “wartime anti-fascism” and to the possibility that arose at that time of declining the national-international connection in relatively autonomous ways”. I agree with Vacca’s reading, specifically focusing on the PCI decisions in the agrarian field.

Methodologically, then, the article is based on the world network approach to understand the history of the 20th century by situating the national dynamics of different communist parties, thus rethinking the national-international nexus. This approach implies a global and transnational perspective to appreciate the multidimensional relations of forces at the international level which shaped the dynamics of the 20th century, thus performing a heuristic function for the historical discipline (and for international relations too). The study of com-

1. I owe the inspiration for this definition to Nathan Sperber (private correspondence). See also Pons (2020, 22).

munist networks reflects, perhaps even anticipating it (Kolář, 2020), the broader transnational and global turns in the historical profession in the last decades. And this international framework of asymmetric interdependencies enables us to place single, national histories of communist parties (and their relations with other forces) (Vacca, 2017: ix). So, we explore the PCI agrarian policies in the early postwar period in terms of reform communism, using them to illustrate how the coalition that produced such policies and its collapse encapsulated the tense equilibrium between the two main global poles at the time — the USA and the USSR — and its fortunes depended to a great extent and in the last instance on their interactions. Indeed, failing to use this world network approach leads to missing what certain decisions meant or why certain policy plans were implemented and others failed.

Substantial waves, both recent and dated, of scholarly interest in the rural world of postwar Italy further strengthen the case for applying new research instruments to a period which is historically gravid. The traditional wave is affected by what may be called the “betray of revolution” outlook which grew around the 1970s, an issue that has already been established for some time and which we cannot discuss in details here.² Still, more recent scholarship seems influenced by a certain trend to approximate or ignore historical complexities, which can result in over-simplification and misinterpretation of the past.³ An example illustrates the point. It has recently (Cac-

2. Anna Rossi-Doria (1983) criticised effectively the “revolution betrayed” thesis put forward by Sidney Tarrow (1972) in his classic 1967 study. Daneo (1969: 23) accused the PCI of ‘refut[ing] a revolutionary strategy and reduc[ing] it to a reformist practice’. The issue is not limited to the study of Italian agrarian history. For example, the reading of China conducted by Edoarda Masi (1979) mirrored in many ways debates that coloured 1970s Italy as much as they belonged to the historical analysis of post-Cultural Revolution China. The accusatory implications of many of these works remind one of Bernardo Bertolucci’s *Novecento* (1976), and they seem based more on suppositions and anachronistic hopes rather than on historical agents’ concrete actions, objective facts and situations of the historical process.

3. For an example which is related to but trespasses the field of this piece of research see *Rising ’44* by Norman Davies (2018). Works like his (which often are influential in the Anglo-Saxon academic world and can be easily popularized because they are written in English) rather than reconstructing the complexities of the past, as any serious historian should strive to do, instead simplify them, caricaturizing historical actors. In David’s work, Hitler and Stalin belong to the same plate of the scale and are analysed from some psychological pseudo-category, thus being explained in terms of (and becoming) “evil” or “mad”. While psychological aspects should not be underestimated in historical research, to rely on these terms exclusively belongs more to the world of *The Lord of the Rings* or maybe *Star Wars* than anywhere else. The issue is quite typical for those who use, consciously or not, a certain reading of the “totalitarianism paradigm”. In Davies’ work, when he discusses Stalin’s relations to Poland’s communist leadership, we

ciarru, 2020) been argued that the “landowners’ lobby demonstrated strong political opposition in the central government, so that in 1949 a new Agrarian Reform was discussed. Minister Gullo was replaced as Minister of Agriculture by Antonio Segni, a rich landowner. Under Segni, the law that Gullo had designed was modified so as to remove elements that would have protected peasants’ claims. Even before the approval of Agrarian Reform, much of the land that peasants had managed to gain between 1944 and 1947 had been lost by 1948, and such loss became irreversible in 1949, with the formal approval of the new Agrarian Reform. Hence, Christian Democrats regained the important support of landowners and the majority in parliament”.

This is problematic insofar as it omits the collapse of the anti-fascist alliance and of the government of national unity, the very existence of which was possible due to that alliance. Segni replaced Gullo in July 1946 (Mattone, 2016: 523), when that paradigm came under strain, with Stalin’s reckoning of US atomic supremacy and his initial planning, from early 1946, to establish what became the Cominform, and, later, with Churchill’s Fulton speech on March 5, 1946 (Vacca, 2018: 165-169). Focusing on the immediate legislative action, the view ignores the relation of forces that determined the conditions for a situation to take place, i.e. why landlords managed (were permitted) to force a situation. Commenting the 1950 agrarian reform, Cacciarru (2020) continues, “Southern latifundists’ reaction to expropriation was violent. Powerfully connected, they managed to get some of the expropriated land “re-assigned” to them through coercive actions. They also succeeded in taking control of large portions of land where municipalities had implemented forestry projects”.

Thus, this reading further trivializes the relations of forces that worked at multiple levels in a world that was increasingly bipolar. Its limits are finally confirmed when we read that *Tangentopoli* revealed webs of corruption in the Italian political machinery, ignoring, however, that the investigation which uncovered these webs was allowed only after the collapse of the Soviet Union and, more influentially, after the removal of the US “invisible hand” on its sphere of influence — the same occurred in Japan (Hobsbawm, 1995: 238-239; D’Eramo, 2024).

Indeed, statements like those that we just read downplay or neglect international dynamics characterized by a global network of asymmetric interdependencies (and their national repercussions) which created the conditions for a set of reforms to take place or to fail. Without understanding the significance of the government of national unity (between Communists, Socialists and Christian Demo-

read things like “Yet such is life among gangsters. The big fry beat the lesser fry; and the lesser fry beat the small fry” (David, 2018: 516). This, it seems to us, may well be called, without exaggeration, a process of “stupidification” both of history and of readers.

crats), which was just the Italian manifestation of a deeper, global network of antifascist forces, one is unlikely to appreciate the decisions that Communists made at the time. The “betrayal of revolution” and the over-simplification of situations (systems of events) are equally inadequate to frame that phase of history. In both cases, the result has a limited explanatory potential for the complexities of historical processes.

So, I aim to explain the main lines of the principal PCI agrarian policies in the postwar period with the reform communism analytical tool and the global network methodological approach. My case is strengthened by documents collected at the *Istituto Alcide Cervi*, in the archives of PCI leaders like Ruggero Grieco and Emilio Sereni. In the first part, an excursus introduces the “New Party” to establish its main historical and intellectual coordinates; the detour is necessary because historical and historiographical points of reference about the PCI are often only vaguely known outside of the Italian-speaking world. Then, I explore some of the main agrarian policies of the PCI in the postwar period, illustrating the validity of the article’s analytical terms: the 1944 Gullo Law (part two), the subsequent democratic organs that emerged in the following years like Land Committees (part three), and the debates around the Agrarian Reform (part four).

Striving for democracy (both political and economic) and aware of the possibility of the return of fascism at home and of the relation of forces at the international level that eventually placed Italy in a hostile sphere of influence, the PCI promoted a strategy of reform communism for the advancement of socialism in Italy which informed the party’s policies in the agrarian field. The article explains the agrarian policies of the PCI after World War II with the category of reform communism and within the perspective of the global network of international forces. To put it another way, I bring together and illustrates the workability of a new analytical concept with an efficacious methodological approach, buttressing this with archival evidence. This enriches the toolbox for the study of the international dynamics which constituted the 20th century (and *mutatis mutandis* continue in the 21st), opposing straightforward but facile explanatory models and, thus, improving our understanding of one part of that history.

1. Togliatti, 1944 and the New Party

On March 27, 1944, the PCI leader Palmiro Togliatti returned to Italy after two decades of exile. In a series of speeches (e.g., 30 March, 11 April) and interviews (as on 2 April for *l’Unità*), he introduced and formalized the New Party (*Partito nuovo*) in what came to be known as the Salerno Turn (*svolta di Salerno*) (Canfora, 2021: 33-34). It has been claimed that the turn was imposed by Stalin to Togliatti. In essence, the argument goes, Stalin ordered Togliatti to sup-

port the Badoglio (a royalist) government, a decision that the Italian communist leader had previously denounced due to the King's earlier affiliation with fascism, thus giving up the possibility of a communist seizure of power. The "order" was given on the night of March 3–4, 1944, right before Togliatti left the Soviet Union for (eventually) Italy. This thesis, which relies on some of Georgi Dimitrov's *Diary* entries, was put forward by Elena Aga Rossi e Victor Zaslavsky (1996; 1997) in the late 1990s. It still enjoys some support (Naimark, 2019: 123–125). It has numerous, yet clear, implications engulfing the paternity of the Salerno Turn, the theoretical significance of the New Party and its "progressive democracy", and the historical meaning of the Italian way to socialism.

The work by the two democratic anti-communists caused heated debates, opening a *voxata quaestio*. Aga Rossi and Zaslavsky's reading is problematic and its limits have already been pointed out by numerous scholars. Pons (2007: 196), among others, remarked the inadequacy of isolating the hierarchical relation between Stalin and Togliatti, which betrays the view of a mono-dimensional and unilateral dynamic of subservience to the Soviet autocrat — again, simplifying dialectical complexities and flattening political variables. More recently, Vacca (2018: 19–24) has argued convincingly that Togliatti had envisaged the turn before Stalin's instruction arrived, working — not without twists — to form a government of national unity in light of the anti-fascist struggle for national liberation that required cooperating within the existing Italian government (i.e., the Badoglio government). Before April 1944, Togliatti had framed the historical coordinates to justify this policy of cooperation in his speech at the Hall of Columns in the House of Unions in Moscow on November 26, 1943. Stalin modified his opinion — from refraining to support the PCI entry in the government to its diplomatic recognition after Badoglio's request sent on February 26, 1944 — thus allowing Togliatti to move forward in the direction that he had intended all along. The fact that the two leaders had agreed upon this policy was never a secret, and Togliatti openly recognized it in his speech to the Italian Parliament on March 6, 1953 on the occasion of Stalin's death (Vacca, 2007: 5). The turn was not an order imposed from above: it was in line with the convictions of the Italian reform communist.

On a trajectory of evident reform, the New Party was politicking within the coalition government, abandoning its Bolshevik outlook of professional revolutionaries for the idea of a mass-party that would work within the institutions (Canfora, 2021: 21–35). Even though the turn was announced and took place in 1944, its foundations were laid in the interwar struggle against fascism. According to Donald Sassoon (2014), in 1944 the PCI "reverted back" to policies initiated in the mid-1930s. In fact, their intellectual origins can be traced to the 1924–6 struggle between Amedeo Bordiga and Antonio Gramsci for the leadership of the Pcd'I, which culminated in the Lyon Theses

of January 1926 (Vacca, 2021: 125). At the 7th Comintern Congress in July–August 1935, Togliatti and Dimitrov put forward the “united front” policy in the face of the growing fascist threat (Lussana, 2004: 932–934). They reiterated it as they moved to Spain to fight in an anti-fascist alliance of progressive forces. Togliatti elaborated the theory for a “democracy of a new type” (*democrazia di tipo nuovo*) — which was related to Dimitrov’s “popular democracy” but also differed from the latter’s anchoring to the dictatorship of the proletariat as the form of the State and the October 1917 as a revolutionary model — in the October 1936 essay “On the particularities of the Spanish revolution” (*Sulle particolarità della rivoluzione spagnola*). The new line followed several years of “third period” strategy that was initiated by Stalin at the time of collectivization in 1929 in the belief that capitalism in Europe was about to collapse and that everyone who was not CP-affiliated was a social-fascist (Vacca, 2018: 107–116). The growth of totalitarian fascism in Italy, Germany and Japan and of coalitions to fight it convinced Stalin to alter the third period strategy and, consequently, the dichotomic concept of “social fascists”. Differences between so-called “liberal bourgeois” and fascists had to be reckoned with in an anti-fascist perspective.

The global network in which the New Party could take shape consisted of an anti-fascist alliance. From April 1941, Stalin began to work for the dissolution of the Comintern to operate within an international system of states (Vacca, 2018: 20). The Comintern ceased to exist in May 1943, as the Allies were fighting world fascism. In June 1943, the Italian party changed its name from Communist Party of Italy (*Partito comunista d'Italia*, Pcd'I) to Italian Communist Party (*Partito comunista italiano*, PCI), signaling a shift away from the idea of being a machinery for an international and Bolshevik-styled revolution.

The change in name was no small issue. At the 7th Session of the 2nd Comintern Congress on July 30, 1920, 21 conditions were put forward, and every party that wanted to adhere to the Comintern had to agree to them — the 21 conditions (or at least the one concerning the expulsion of the “reformists”) had caused the rupture between Italian Socialists and Communists in January 1921 during the so-called Livorno split (*scissione di Livorno*) (Canfora, 2021: 22). One of the 21 points stated that the “question of the name is not formal, but a highly political question of great importance” because it differentiated communists from socialists and social democrats (MIA, 1920). So, the end of the Pcd'I name also marked the end of a certain, “Cominternist” phase of Italian communism.

Shortly after the Comintern dissolution, a series of conferences laid the foundations for a postwar world order based on the anti-fascist paradigm. The Teheran Conference of December 1943 emphasized pacific coexistence between the winners of the world war, sacrificing any (realistic or utopian, real or imaginary) plans to spread socialism

(Hobsbawm, 1981: 488). Later, at the Yalta Conference of February 1945, the major global powers indicated the emergence of new spheres of influence — not of blocs (Vacca, 2021: 135). In July 1944, the Bretton Woods meetings started to remove the restrictions of the previous world order and to create the conditions for a new set of asymmetric interdependencies of global scale by linking (with the active support of the Soviet Union) the emerging system to the US dollar, at the expense of the British sterling and to the detriment of the empire it represented (Vacca, 2016: 80-94). However, the anti-fascist paradigm had a short life. The world was divided into two camps led respectively by the United States and the Soviet Union, with their relations freezing at the start of the Cold War in 1946-7.

What was the New Party conceptually? As Mario Tronti (2015) said, “the New Party was the Revolution in the West. It was the way to build socialism in the West”, to build socialism without following the Soviet statal model (dictatorship of the proletariat), the limits of which Togliatti had seen with his own eyes during two decades in the Soviet Union, between the 1920s-40s. The New Party was Togliatti’s translation of 1917 to the Italian context and an answer to the end of the revolutionary phase in Western Europe in the early 1920s. It was the “conversion” of the Bolshevik October — which, however, never led the PCI at the helm of the Italian polity —, and therefore the revolution started to be conceptualized in terms of both “moment X” and long process, as opposed to the 1917 swift turning point (Gozzini, 2019: 149; Sereni, 1978: 66-69).

The New Party was a mass party. Its membership grew from about 5,000 in 1943 to almost 2 million by December 1945. The PCI was the largest Communist Party in the West (Sassoon, 2014: 64). This sudden expansion meant that the essence of the party was designed to change. The Leninist conception of a small group of professional revolutionaries (explained in *What is to be done?*) was dropped, encouraging a national policy of unity of strata (not classes). The nation was considered the most effective category to reflect upon modernity as a set of, thus through, nation-states (Vacca, 2014: 197-215). National ways to socialism became the path forward. For instance, at the 5th PCI Congress held between December 1945 and January 1946, national issues were discussed first. This is significant because traditionally the international situation was analyzed first and foremost, and only then the national condition was considered (Vacca, 2018: 32).

The New Party tried to implement a “progressive democracy” — of which the concrete political mechanisms to reach socialism were somewhat ambiguous and nebulous (Hobsbawm, 1981: 478-490). This was a transitory form to build up momentum and provide a foundation for a new mechanism of mass participation in society through parliament, collaboration between political parties, and structural reforms in the economic, social and institutional fields. The goal was to reorganize the polity along progressive lines and insert the mass-

es into the life of the nation, in theory ensuring the slow ousting of capitalist production and market relations and enabling the evolution of socialism in the long term; these trajectories differed from the so-called dictatorship of the proletariat and the collectivization model of the Soviet Union. Togliatti's pendulum swayed "towards democracy rather than Bolshevism", and his intellectual axis for the development of Italy was based on economic productivism, democracy and peace (Barbagallo, 1985: 543).

The form of the State was republican, with a Constitution approved on December 22, 1947. The PCI was "the only communist party that participated in the birth of a democratic republic based on the principles of European constitutionalism" (Vacca, 2018: 19). Although the PCI was an ardent defender of the republican Constitution, its "progressive democracy" was accused of deceitfulness (*doppiezza*) by both the PCI opponents and parts of its rank-and-file. That is, many believed that Togliatti was only waiting for the right moment to launch a violent uprising, and progressive democracy was only meant to buy time and leave the stage for "The Revolution" to break out at the right moment. In actual facts, the PCI leadership was far from this conception of politics (Canfora, 2021: 21-41). Even Pietro Secchia (1979: 421), the partisan leader and a left-critic of the "moderate" line at the time, explained that: "What did I want? To make the revolution? No, this is the usual nonsense ... I don't think at all that in 1945 we could start a revolution. Our country was occupied by the Anglo-Americans, etc. I fully agree with the party's analysis made at that time and with the conclusions it reached. But we should have defended better certain positions. We should have done something concrete and positive when we were in government. Also, the Anglo-Americans left at some point, and we should have put down our foot with more decisiveness." Of course, there were disagreements about the application of the labels of "socialism" and "democracy", about the stage of development the Italian polity had reached and therefore about the appropriate way to proceed. But to seize power violently was out of the question.

In addition to the historical and intellectual coordinates mentioned above, it is useful to outline the analysis of fascism that the PCI developed to comprehend the party policies after 1944 which we are about to study. The most significant examination in this sense is Togliatti's "Lessons on fascism" which constitute the main part of the broader *Course on the adversaries*. Togliatti articulated them during a series of lectures that he delivered at the International Leninist School in Moscow from January to April 1935 (Vacca, 2022: 99-112). In essence, fascism was conceptualized as a mass reactionary regime (Siena, 2019: 9-18). It must not be conflated with liberal democracy (like the social-fascist doctrine predicated) and was the product of Italian capital backwardness and the inability of the bourgeoisie to develop and maintain any hegemonic project on to the Italian nation

(Rapone, 1992: 376). In 1919, the first proportional elections in Italy with universal male suffrage led to the growth of Socialist and Popular mass parties. Fascism was a new phenomenon to keep the working masses excluded from the national political life that organized them violently and from above, and which, in time, grew into a totalitarian state (Vacca, 2022: 42-43).

Togliatti explained some of the most relevant implications of this analysis of fascism on different occasions. In the speech “Middle stratum and Red Emilia” (*Ceto medio e Emilia rossa*) on September 24, 1946 — a well-known instance which we will revisit later —, Togliatti (2014: 704) pointed out the weaknesses of the reformists (Socialists of the Second International), stressing the differences between them and the PCI. He argued that the reformists had made two mistakes at the beginning of the 20th century. One was the problem of particularism (*particolarismo*): losing sight of the general movement of society with its contradictory and stable phases. Two, the reformists had framed or formulated erroneously the peasant problem. Their analysis identified only two classes (agrarian workers and capitalists) but failed to include the middle stratum. Thus, reformists had called for socialization, which Togliatti (2014: 705) termed “dangerous levelling tendencies” because it alienated vast groups of the Italian society, i.e. the middle stratum. In this fracture, fascism had found the space to grow. As he put it, the “defeat of the socialist movement ... was essentially a great rupture between the organized socialist laborers with a collectivist attitude and the intermediate groups in the countryside and the city. This rupture ... was at the origin of fascism” (Togliatti, 2014: 706). Indeed, the goal of the PCI agrarian policy in the postwar period was not to establish collective farming of the Soviet type.

Enriched by the historical experience of fascism in Italy, Togliatti measured the asymmetric relation of forces between the PCI and the other political parties and, more largely, of the two central poles supporting their interests. So he tried to preserve — not to fight against — a tense equilibrium on which the (more or less socialistic) development of Italy could be based. It is on this assumption that in the postwar period the New Party upset the previous connotation of “class cooperation” and “class war”, striving for class collaboration (between labourers and middle stratum) insofar as this prevented the return of fascism and, instead, opposing some abstract concept of class war levelled against any private propertied classes. Anti-fascism remained one of the main characteristics (with its value and limits) of Italian communism. In short, since at least the 1930s Italian communists aimed not at “making The Revolution” (at least not in terms of a swift and violent seizure of power) but at approaching (advancing closer to) communism through democratic forms of progressive movement that growingly allowed masses of workers inside the mechanisms of the State and of production. At the historiographical

level, this means that the category of reform communism explains the decisions taken during this historical phase more convincingly than the pseudo-category of the revolution betrayed. In turn, at the political level, the relevant issue is not whether Togliatti betray the revolution, but rather the extent to which the PCI under Togliatti reached the full limits of what was objectively possible to achieve. This last point is obviously beyond the scope of this article, and I will now show that the PCI main agrarian policies in the years under consideration followed the general line of the New Party.

2. The Gullo Law of October 1944

Renato Guttuso's painting "Occupation of Uncultivated Lands in Sicily, 1949–50" (*Occupazione delle terre incolte in Sicilia, 1949–50*) shows well the situation in rural Italy in the early postwar period. Guttuso was an artist and a long-term member of the PCI. Two of the main policies that the PCI in these years tried to carry out in rural areas were the recognition and extension of the land occupation consolidated by the Gullo legislation of October 1944 and an agrarian reform which was passed in 1950. The partial (and temporary) success of the first and the dire limitation of the second show the diaphragm-like variations imposed by the interactions of the global network within which the dynamics of the PCI agrarian policies must be placed. They also validate the category of reform communism within which the PCI was doing politics.

At the end of World War II, Italian agriculture was structured around *latifundia* (large estates) and small peasant farms. During the war, this had caused the decline of agrarian workers' life standards which led to widespread and growing discontent (Bonanno, 1988: 136). In summer 1943 fascism collapsed. Social tensions in Italy became explosive and peasants in the South began to occupy abandoned lands. For instance, in September 1943, the Crotone marquisate (*Marchesato di Crotone*) witnessed the occupation of lands by the impoverished peasantry (Santarelli, 1997: 71). Such grabs continued throughout 1944, reaching more violent forms in parts of the country: in September–October 1944 a number of (medium-sized and large) landowners with fascist sympathies were killed around Bologna by partisans (Dondi, 2012). Under these circumstances, in October 1944, the communist Minister of Agriculture Fausto Gullo approved a decree to recognize the occupation of abandoned lands. The so-called Gullo Law (*Legge Gullo; decreto legislativo luogotenenziale 19 ottobre 1944, n. 279*) also "allowed peasants organized in cooperatives to acquire land belonging to uncultivated or ill-cultivated *latifundia*" (Bonanno, 1988: 136). The land request was to be submitted by cooperatives, but farming could be individual. Furthermore, the acceptance or rejection of the application was at the discretion of re-

gional officers who were often anti-communists and collaborated with large landowners (Rossi-Doria, 1983: 149-151).

Far from being revolutionary, the Gullo Law was nonetheless a powerful recognition or a ratification of the situation on the ground, accepted by some in the antifascist coalition reluctantly and by others wholeheartedly. As Gullo reiterated in 1945, "It is right and urgent that these peasant masses seriously become the protagonists in the great work of rebuilding the fatherland. There will be a true and definitive rejuvenation of the Fatherland only when these masses, through the pious justice of labour, see the recognition of their rights and will be able, in a climate of absolute freedom and of achieved democracy, to devote all of their activity to the welfare of Italy... We think that small and medium-sized property... can and must be safeguarded. We want small and medium-sized property, even if absentee, to be respected"⁴.

From this passage, the dynamics of reform communism can be evinced with ease, and the principles upon which the statement was made were economic productivism, democracy and social harmony. There was no proposal for a violent revolution, and, instead, the focus was on reconstruction for the benefit of the community identified as the nation (though there is some interesting tension between "fatherland" and "nation"). Still, the legalization of an effectual form of expropriation was an important fact, which is even more significant given that southern and central Italy at the time was under the Allies military occupation (to liberate the country from Nazi-fascists).

To the extent that some lands were given to peasant cooperatives, the Gullo Law can be considered a newer version of the Visocchi Reform (*Decreto Visocchi*) of the early interwar period (Daneo, 1975: 68). In September 1919, this had allocated some land to peasant associations and offered some limited rent incentives (Castronovo, 1976: 26). That reform was also the result of the early interwar peasant movement, and in fact it was abolished by the fascist government in 1923 (Mattone, 1973: 942-3). Similarly, the Gullo Law of 1944 did not aim to extemporaneously abolish or even challenge private property *per se* or to revolutionize the structure of the Italian southern economy. Rather, in the spirit of reform communism, Gullo wanted to consolidate a certain advantageous position that had already been conquered and which was already a raw fact on the ground; he did not prepare the stage for any new revolutionary offensive or further radical action. With the first skirmishes of the Cold War and the untangling of the anti-fascist alliance, on September 6, 1946 the new Minister of Agriculture Antonio Segni passed a law to weaken Gullo's

4. Istituto Alcide Cervi (IAC), Fondo Grieco (FG), File 5 1938-1946, fasc. 16, 1946, Documenti del V congresso del P. C. I. La questione agraria al V congresso [Documents for the 5th PCI Congress. The Agrarian Question at the 5th Congress], Rome: Società editrice l'Unità (1946), pp. 32-33.

achievements — this was a tactical offensive against the Gullo Law. According to the new norm, land concessions could be terminated for lands which were not properly tilled. More importantly, this norm also eliminated any mentions in the Gullo Law regarding credit facilitation for cooperatives, which significantly decreased peasants' ability to work the land (Rossi-Doria, 1983: 151-152).

Indeed, what was needed for the ratification of the Gullo Law and what did exist was a coalition of forces not just at the national level (Italian Socialists, Communists and Christian Democrats) but also at the international level (USA and USSR) — as the alliance against fascism. In other words, we can explain the successful implementation of the — certainly progressive, but not revolutionary — Gullo Law only by the interactions of a global network of political forces.

3. Land Committees

The Gullo Law created cooperatives of poor and middle peasant households. These included the majority of the agrarian movement in southern Italy, where the Gullo Law had been mostly effective: around 70% of peasants in the south as opposed to 25% nationally (Rossi-Doria, 1983: 145). The evolution of these cooperatives in the following years is symptomatic not only of the global network at play but also of the validity of the reform communism category to understand the PCI choices in the field of agrarian policies. The PCI strategy was to avoid open confrontations and, instead, to defend and to try to preserve a coalition of antifascist forces (workers and middle stratum) for the sake of developing Italy in a democratic way, both economically and politically. A sign of this was the transformation in December 1947 of peasant cooperatives into Land Committees (*Comitati per la terra*) under the auspices of the PCI. Similarly, in the Italian north, Farm Councils (*Consigli di fattoria*) and Farmstead Councils (*Consigli di cascina*) were also organized. A detailed account of their features is of great interest but not of primary relevance to illustrate the reform communist concept and the global network of asymmetric interdependencies, which are the kernel of this article. Thus, we shall discuss them only to the extent that they are relevant to prove the usefulness of our analytical instruments.

Land Committees attempted to unite different strata of the rural population to increase production and to defend their interests against large landowners, at the same time also mobilizing masses for the planned agrarian reform. Two long paragraphs from the 1949 article “Land Committees” by Ruggero Grieco (1968: 88), at the time responsible for the PCI Agrarian Commission (*Sezione agraria*), illustrate this: “The aim of the land committees is to promote the social and political alliances necessary for a victorious struggle for the land reform. This objective does not interest only a specific party or a specific category of land workers: it interests, and it must interest, all land work-

ers and indeed the entire rural population. In fact, it interests all those who want to fight for a profound renewal of social life in our countryside. How can we bring together these forces which are different and heterogenous socially and politically? The initiators of the Land Constituent [*Costituente della terra*] said: the village assemblies, the rural village assemblies shall elect their own committees with broad representative functions, directing the struggle for that set of demands (economic, social, cultural) that go under the name of agrarian reform. These committees will thus enjoy a popular basis for designation and control. They will have authority and tasks to perform. If we proceed in this way, it is *impossible* for the land committee to be identified or confused with any other form of organization. This is because its nature, its origin, its composition, its character and its aims are different from those of any other existing organization. The land committee is the organized form of a social (and political) *alliance* for a given goal, it has a transitory function determined by the goal to achieve”.

Casting aside hypotheses about dubious revolutionary projects, Grieco picked his lexicon, and followed it up through actions, within a cast of reform communism that called for the political unity of different social strata. The emphasis was on a strategy of large alliance for the land reform vis-à-vis class struggle and on educating the militants about the new forms that the party intended to follow to exercise power in postwar Italy. As the article continues (Grieco, 1968: 88-89), “In some provinces, we have encountered a certain delay in the development of the land committees movement. There can be no doubt that the main causes for this are the lack of understanding and application of the policy of alliances and, therefore, the insufficient study of the organizational forms suitable for consolidating such alliances. This situation constitutes a weakness in the party’s general agrarian and peasant policy. This cannot be limited to trade union action. Instead, it must aim at determining new situations in the countryside (thus in the country), which is possible only by intervening in the right way *in the movement of all classes, of all strata and of all social groups* that gravitate in the countryside”.

In light of the principles of progressive democracy, among the tasks of these councils was to “make workers participants — active participants — in the productive process of factories, workshops and farms. There is a function of leadership, therefore, which must enable farm workers to have an economic policy to oppose to that of the landlords when the latter proves unsuccessful” (Grieco, 1968: 202). In this spirit, Article 46 of the approved Constitution explained that “the Republic shall recognize the rights of workers to collaborate in the management of enterprises”⁵. Although the insertion of workers in

5. Costituzione, Parte I, Titolo III — Rapporti economici, Art 46. Available at: <https://www.senato.it/istituzione/la-costituzione/parte-i/titolo-iii/articolo-46>.

the productive process was now an open possibility, the strategy did not translate in generic expropriation. Small and medium land property was defended: on December 20, 1949, Grieco (1968: 96-98) published the article “In Defence of Small Private Property” (*In difesa della piccola proprietà*). The PCI targeted large properties, trying to limit them; though somewhat generically, Article 44 states that “For the purpose of ensuring a rational use of land and equitable social relationships, the law shall impose obligations and constraints on private land ownership; set limitations to the size of property according to the region and the agricultural area; encourage and impose land reclamation, the conversion of large estates and the reorganisation of farm units; and assist small and medium-sized properties”⁶.

Over time, Land Committees’ tasks became increasingly challenging not only because their interests started to vary conspicuously but also, and even more importantly, because the progressive consolidation of the confrontational stance dictated by the Cold War started to unravel the anti-fascist alliance. In his classic study, Sidney Tarrow (1972: 252) argued with reference to the Land Committees that the “main drawback of these bodies was that, in their quest for a broad and popular appeal, they dispersed the fundamental objectives of the party and its revolutionary force: farm labourers and poor peasants. ... The formation of Land Committees incorporated the peasants in the “Movement for the Rebirth of Southern Italy” created by the party. This movement’s aims were broad and reformist rather than concentrated and revolutionary.” This misreading of PCI actions was based on the “revolution betrayed” pseudo-category and has already been effectively criticised (Rossi-Doria, 1983: 171-3). The PCI did not just “give up” poor peasants, but, given Togliatti’s analysis of Mussolini’s regime, it strove to latch the middle stratum to avoid the resurgence of fascism. Moreover, the development of global events was turning more confrontational, so the range of actions at the disposal of Italian communists shrank significantly. Indeed, many lands which ought to be redistributed returned to old large proprietors (Rossi-Doria, 1983: 152).

The formation of these institutions in agriculture (Land Committees and Farm and Farmstead Councils) was based on the same reform communism which also influenced communist industrial policy. To this extent, these organs in the agrarian sphere mirrored Management Councils (*Consiglio di Gestione*, CdG) in the factories. CdGs

6. Costituzione, Parte I, Titolo III — Rapporti economici, Art 44. Available at: <https://www.senato.it/istituzione/la-costituzione/parte-i/titolo-iii/articolo-44> (accessed 22 June 2024).

The term “abolition” (abolizione) was replaced by “conversion” (trasformazione) during the discussion of the draft article in the Constituent Assembly. The liberal (and landowner) Luigi Einaudi led the staunch opposition to the term “abolition” (Pacelli, 2012: 30).

aimed to connect industrial workers (proletariat) with technicians and capitalists in order to orient and manage together the life of the factory — the point was never to expropriate property or to install some collective organs on the model of the workers' councils of the *Biennio rosso*. Emilio Sereni was the main architect behind the CdGs, and he explained in 1946 that “a condition for the effective action of the working class, the technicians, the white-collars, for the sake of national reconstruction” was “their close collaboration with the other elements representing capital” (CGII, 1947: 239). The gradualist approach for the development of Italy was evident, and Sereni (1945: 17) had already stated in his speech in December 1945: “We, communists, wish to stand alongside all patriots regardless of their class or stratum [*ceto*], alongside and at the head of all those who sincerely wish to contribute to the work of reconstruction. We have not hesitated to declare that in this work of reconstruction we are ready to collaborate with those capitalists who honestly orient their activity in a productive, and not speculative, direction”.

At the 5th PCI Congress, Grieco stated that “Wherever there is management in a farm, peasants must participate in such management through Farm Councils [*Consigli di fattoria*]”⁷. Similarly to the CdGs, then, as a pamphlet of (probably) late 1948 indicated: “Farm Councils [*Consigli di Cascina*] ... must be immediately created by the workers of the land in agreement with technicians and all those farmers who have understood that the enemies of production are not the workers, but the large parasitic landowners who live off the labor of both farmers and entrepreneurial farmers [*agricoltore imprenditore*]. By the spring sowing, these Councils must be organized so that workers can participate in production management and crops control, which must aim especially at the realization of the National interest and no longer at individual selfish interests”⁸. The organization of various forms of councils was to mirror the CdG structure, and the pamphlet's first article defined the Farm Council as “a collegial body with the task of introducing workers into the effective management of the company [*azienda*]”⁹. Both workers and landowners (who were not abolished as such) were to participate in the management and overall life of the agricultural enterprise.

Revisiting those days with historical insights while also expounding some of the PCI strategic limits, the communist leader Giorgio Amendola (1962: 91) confirmed that “at times Management Councils

7. IAC, FG, File 5 1938-1946, ‘fasc. 16, 1946’, ‘Documenti del V congresso del P. C. I. La questione agraria al V congresso’, p. 21.

8. IAC, FG, File 6 1947-1951, ‘fasc. 17, 1947-1948’, ‘Riforma agraria e Consigli di cascina’ [copies of the pamphlet titled ‘Agrarian Reform and Farmstead Councils’ by G. Pianezza], pp. 3-4.

9. IAC, FG, File 6 1947-1951, ‘fasc. 17, 1947-1948’, ‘Riforma agraria e Consigli di cascina’, p. 5.

[and] Land Committees ... fulfilled this function as new, democratic and unitarian organs of mobilization from below". By working in tandem, they attempted to unite workers and the middle stratum, building up (so trying to win) popular support for the PCI and its policies, like an agrarian reform, within a parliamentary polity. They aimed to be intra-class and popular tools, not instruments for class struggle or violent insurrection. Their importance should not be underestimated, and during the meeting of the PCI Central Committee of April 26, 1948, shortly after it had become clear that the PCI (united with the PSI in the Popular Democratic Front) had lost the elections against the Christian Democrats, Sereni stated: "Our fundamental deficiency was the lack of a serious struggle and also the fact that our campaign should have been based on the Land Committees and Management Councils, but it was not. That is, our campaign should have been set up as a struggle of all the popular organizations. In short, the party did not carry out the policy developed during its last Congress"¹⁰.

Symptomatic of the inter-class approach of the Land Committees and of the PCI overall policies in these years — which fall under the category of reform communism — is also Togliatti's speech on the middle stratum which we mentioned earlier. Emilia Romagna was a region of advanced agriculture, so this speech is typically viewed as one of the most relevant when studying the PCI agrarian strategy in the postwar years. It was preceded by another speech on the same lines by Sereni which was titled "Middle strata and the Constituent Assembly" (*I ceti medi e la Costituente*) and delivered on May 12, 1946 (Barbagallo, 1985: 530).

In September 1946, Togliatti explained several things. (a) He praised the so-called 'New Path' (*nuovo corso*) in economy. This meant safeguarding small and medium private property and building a form of state capitalism, i.e. a mix of statism (e.g., tax exemption and other benefits for private enterprises) and of state capital (State monopolies) (Sperber, 2019). (b) Togliatti's class analysis included wage-labourers (*salaritanti*), capitalists (large owners of the means of production) and the middle stratum (*ceto medio*). The middle stratum was very heterogenous: sharecroppers (*mezzadro*), land tenants (*fittavolo*), small and medium proprietors, small and medium shop-keepers, teachers, intellectuals, priests, poets, artists, scientists. They were not a "uniform mass", evidently, but economically they constituted the middle stratum. (c) Togliatti stressed productivity (at the expense of relations of production), since the improvement of the standards of life of the masses was part of the process to build a socialist nation. (d) He continued his project of the invention of a national tradition. In this sense, the forces which enjoyed a progressive character in the movement of history had created "the symbol of

10. Fondazione Istituto Gramsci, Fondo Mosca, mf. 199 'Verbale Direzione Pci', April 26, 1948, folio 10.

our national unity, the *tricolore* [the Italian national flag]” (Togliatti, 2014: 700). In short, the progressive forces were the national forces.

Togliatti delivered his speech in Emilia Romagna, which was a region that had witnessed intense communist partisanship during the War of Liberation and its aftermath (Casali, 2019: 223-5). So, he was effectively trying to ensure that the more radical factions of the PCI understood the necessity of inter-class cooperation. He intended to avoid any radicalism, which was dangerous and unnecessary due to the possibility of a fascist return and also to the *de facto* American military occupation of Italy which would have prevented any communist uprising (the tragedy of Greece was unfolding closely) (Naimark, 2019: 145-146). Togliatti’s speech has been said to contain a “eulogy to reformist socialism” (Casali, 2019: 226). But the category of reform communism is more precise and works more accurately to understand in historical terms Togliatti’s thinking. Togliatti was wary of the fascist threat and also enriched by the social analysis deriving from that phenomenon and which it tried to explain; he was also well aware of the necessary asymmetric interdependence between the PCI and other political parties and, more largely, of the deeper forces supporting their respective interests. It is in this sense that we must locate the initial formation and evolution of the organs which we have outlined above.

4. Towards the 1950 Agrarian Reform

In his speech “Middle stratum and Red Emilia”, Togliatti (2014: 698) also spoke of the “need for land reform to free a large share of our farmers from the excessive burden of land rent”. In the years after the end of World War II, struggles for land continued with varied intensity. Tensions culminated in 1949, which Guttuso represented in his piece of art that we mentioned above. A general strike for the renegotiation of labor contracts in agriculture was followed, on May 1, 1949, by the Portella della Ginestra massacre (Bonanno, 1988: 137-138). 11 people were murdered by the (in)famous bandit Salvatore Giuliano, probably hired by Mafia mobsters and latifundia landowners. Later, in early October 1949, a woman was killed by the police, and shortly after, on October 30, 1949, the Melissa massacre took place: 3 people were killed and 15 wounded by the police. More blood was spilled. All of this forced the government and opposition to work out an agrarian reform.

The agrarian reform was passed in 1950. It consisted of three parts: the Sila Law (*legge Sila* l. 230/1950), the so-called *legge stralcio* (l. 841/1950) which extended the previous one to other parts of Italy, and a specific law for Sicily (l. 104/1950) (Bonanno, 1988: 139). The reform did not constitute a major change for Italian agriculture, and virtually all historians agree upon its very limited nature, though some fail to recognize the untangling of the anti-fascist alliance as the

ultimate cause of this defeat. Less than one million hectares were either redistributed to or bought with incentives by poor peasants. That is less than what peasants had managed to obtain in the wake of the Great War (Bevilacqua, 2012: 229). There is a humorous, if not tragic, anecdote about the dire limits of this reform by one of its main protagonists, Manlio Rossi-Doria (who was not a communist at that time). As he put it, quite cynically, “The only land reform worth discussing is the Gracchi reform of Republican Rome”, i.e. what had taken place in the second century BCE (Bevilacqua, 2012: 229).

In 1950, the PCI had already been ousted from national governance for about three years. It did not have much space to affect this legislation except than from the oppositional bench. Thus, to study what the party was planning to achieve when it was still a member of the national unity government is more helpful to evaluate the usefulness of the reform communism category and of the global network methodology. The records of the PCI commission called to elaborate drafts and plans for a land reform are indicative in this sense. During meetings in November 1945, Sereni held that “thorough agrarian reform means agrarian revolution”, and this was an “essential element in the construction of democratic and progressive Italy”¹¹. Similarly, Gullo “affirm[ed] that the solution leading to the expropriation of large estates in the *Mezzogiorno* and, instead, the respect of smallholdings is an unavoidable requirement” of any viable reform¹². These goals were consistent with the New Party’s bases of productivity, democracy and peace. The “Outline for the Land Reform” was based on the principles of (1) “promoting... the technical development of Italian agriculture and therefore agrarian production”; (2) “ensuring peace of mind to land workers”, which meant “absolute respect for small and medium property and our commitment to defend it”; and (3) “implementing a series of measures so that large-landed property be available for the reconstruction of the country”¹³. These principles were reiterated shortly after by Togliatti¹⁴.

11. IAC, FG, File 5 1938-1946, ‘fasc. 15, 1944-1945’, ‘Verbale riunione della commissione di studio per la riforma agraria del 10/11/1945’ [Minutes of the meeting for the study commission for the land reform, November 10, 1945], folio 3.

12. IAC, FG, File 5 1938-1946, ‘fasc. 15, 1944-1945’, ‘Verbale riunione della commissione di studio per la riforma agraria’ [These notes are on sheets that follow those regarding the Minutes cited above. The format is slightly different from that of the Minutes, though the page number added in pen is continuous to those of the Minutes. Another indication (‘Last night, Comrade Sereni, ...’) indicates with all probability that the papers record a second meeting, on the same issue, that followed that of November 10 by a few days], folio 12-13.

13. IAC, FG, File 5 1938-1946, ‘fasc. 16, 1946’, ‘Lineamenti della riforma agraria’ [Outlines of the land reform. The document belongs to notes of the PCI Fifth Congress (December 29, 1945 — January 6, 1946)], folio 2-4.

14. IAC, FG, File 5 1938-1946, ‘fasc. 16, 1946’, ‘Documenti del V congresso del P. C. I. La questione agraria al V congresso’, p. 7.

The note that Grieco wrote to the PCI secretariat of November 14, 1945, on the findings of the commission is also insightful. Grieco recognized the existence of “two fundamental alternatives” of land reform which circled around the terms of land expropriation¹⁵. Significantly, both alternatives shared the ideas about the value of the anti-fascist paradigm and of the prerequisite of preventing the return of the black regime prior anything else. As Grieco had it, “Different and in part conflicting demands were put forward in the various speeches. But they were all, in the end, in agreement on this fundamental conviction: since anti-fascism is the essential content of the democratic revolution underway, an agrarian reform conceived within its framework must have as its most immediate and pre-eminent objective the destruction of the roots of fascism in the countryside. In so doing, it must strike the base of large landowners, whether absentee or entrepreneurial”¹⁶. Even the most radical option that called for the expropriation of all land marked by absenteeism and of large property (100 hectares in the north, 200 in the south) was to be implemented through gradual forms “to avoid the break-up of the current policy of national unity”¹⁷. Indeed, Grieco was reasoning within the space of reform communism.

In addition to this category, we have also used another tool to study the PCI agrarian policies in the early postwar period. In turn, then, to notice the growing tension among the government of national unity as the anti-fascist paradigm collapsed illustrates the global network methodology, finally confirming its historiographical utility. One of many examples of this tension is Sereni’s *Il Mezzogiorno all’opposizione* (*Mezzogiorno in Opposition*), which was published in 1948. The author indicated that the text was completed by September 23, 1947, which essentially coincided with the Cominform founding conference. Some salient passages from the book indicate the unravelling of a fragile alliance and the rise of the oppositional mentality characteristic of Cold War blocs. Sereni (1948: 11) did not mince words from the very opening sentence: “The coup d’état which led to the formation of Mr De Gasperi’s “Black Government” marks, without a doubt, a turning point in the development of the Italian political situation”. In line with Andrei Zhdanov’s two-bloc stance, Sereni (1948: 13) saw a “clear contraposition between the

15. IAC, FG, File 5 1938-1946, ‘fasc. 15, 1944-1945’, ‘Nota per la Segreteria — Riforma agraria’ [Grieco’s note to the PCI secretariat on the land reform, November 14, 1945], folio 1. These two lines depended on different historical-analytical assumptions and had important political consequences. The details of these alternatives cannot be untangled here. See, Rossi-Doria (1983: 184-198).

16. IAC, FG, File 5 1938-1946, ‘fasc. 15, 1944-1945’, ‘Nota per la Segreteria — Riforma agraria’, folio 1.

17. IAC, FG, File 5 1938-1946, ‘fasc. 15, 1944-1945’, ‘Nota per la Segreteria — Riforma agraria’, folio 2-3.

imperialist bloc of war provocateurs and the bloc of democracy and peace". The main political category retreated to "struggle" (against American imperialism), and this even implied the "overcoming of constitutional illusions" of the precedent period (Sereni, 1948: 13). The "struggle for an agrarian reform" was now placed in the conceptual field that privileged the notion of conflict, meaning the "effective democratization of the state structures", and the stakes included "peace", "national independence" and "freedom" (Sereni, 1948: 14; Bevilacqua, 1980).

The air was palpably heavy, and Togliatti became the victim of an assassination attempt on July 14, 1948 (Naimark, 2019: 149). Preparing for the general elections of April 18, 1948, in which Communists and Socialists were defeated by Christian Democrats, Grieco expanded the horizons of the confrontation: "The struggle for a land reform shall be placed on the broader level of national struggle in which this problem can be solved" (Anon., 1948: 3). The democratic organs that we have studied above were re-oriented in accordance with these directives, and Grieco explained that the "agrarian reform is not just a sectorial request of trade union organizations. The agrarian reform affects all problems and sectors of the national life. It affects all the political, economic and social forces of the Nation. For this reason, at the center of the struggle for the agrarian reform there are and must be land committees. In them, all the living forces of the nation must be represented, from peasants to workers, intellectuals and democratic municipalities" (Anon., 1948: 3).

In lieu of a conclusion, let us highlight two points. One concerns the agrarian reform, the other relates the dynamics of Italian development to global tendencies (the global network methodology). The first point is that the reform was "late" insofar as agriculture was on the path of becoming much more marginal for the model of Italian development than it had ever been before due to peasant migration and proletarianization. International capitalist growth in the 1950s–60s and the peasant outflow to the city were its economic driver: low salaries in the industry promoted growth. As Piero Bevilacqua (2012: 231), the leading scholar of agrarian issues in Italy, has put it, the "reform acted in an area that had been dominant in the past, and which was now destined to become marginal".

The second point concerns the impossibility of isolating these struggles and the state of Italian agriculture from the broader network of the 20th century. The bills that provided peasants with incentives to purchase lands in 1947–8 and those that constituted the agrarian reform were being discussed as Italy entered the Western camp. This was the precondition to access the coffers of the Marshall Plan, which was announced in June 1947, and Italy adhered to NATO at its foundation in 1949. In short, as common positions started to crumble in 1946–7, landlords had the strength (because now they also had support) to reject proposals from the Italian peasant move-

ment. Peasants, on the contrary, could now rely mainly on the limited weapon of organized struggles (strikes) to try to change the situation by force (Bevilacqua, 1980: 813-814). Schematizing things too much is inappropriate, of course, and the Christian Democrats were not just the Vatican's pawn or the landlords' puppets or the unconscious tool of the US (Forlenza, 2010: 332-334). Still, Italian agriculture from at least 1947 was submitted to the "Western choice" (Bevilacqua, 1980: 800-806), which implies another choice in the scary world of two camps that was being formed after the collapse of the anti-fascist alliance.

References

- Aga-Rossi E., Zaslavsky V. (1996) The Soviet Union and the Italian Communist Party, 1944–48. *The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–53*. (Ed. by F. Gori, S. Pons), Basingstoke: Macmillan, pp. 161–184.
- Aga-Rossi E., Zaslavsky V. (1997) *Togliatti e Stalin. Il PCI e la politica estera staliniana negli archivi di Mosca*, Bologna: il Mulino.
- Amendola G. (1962) *Lotta di classe e sviluppo economico*, Rome: Editori Riuniti.
- Anon (1948, January 7). La lotta delle masse contadine nell'intervento del compagno Grieco. *l'Unità*, pp. 3–4.
- Barbagallo F. (1985) Il Pci, i ceti medi e la democrazia nel Mezzogiorno (1943–1947). *Studi Storici*, vol. 26, no 3, pp. 523–544.
- Bevilacqua P. (1980) Dopoguerra, campagne, Mezzogiorno. *Studi Storici*, vol. 21, no 4, pp. 797–818.
- Bevilacqua P. (2012) Conclusioni. *Riforma fondiaria e Paesaggio. A sessant'anni dalle Leggi di Riforma: dibattito politico-sociale e linee di sviluppo*. (Ed. by G. Bonini), Soveria Mannelli: Rubbettino, pp. 292–232.
- Bonanno A. (1988) Theories of the state: The case of land reform in Italy, 1944–1961. *Sociological Quarterly*, vol. 29, no 1, pp. 131–147.
- Cacciarru A. (2020) The agrarian reform in Italy: Historical analysis and impact on access to land and social class composition. 10.11.2020. URL: <https://www.europenowjournal.org/2020/11/09/historical-analysis-of-the-agrarian-reform-in-italy-impact-on-access-to-land-and-social-class-composition>.
- Canfora L. (2021) *La metamorfosi*, Bari-Rome: Editori Laterza.
- Casali L. (2019) *Ceto medio e Emilia rossa: riflessioni su un discorso di Togliatti e su Serenini. Emilio Sereni: L'intellettuale e il politico*. (Ed. by G. Vecchio), Rome: Carocci, pp. 223–231.
- Castronovo V. (1976) La politica economica del fascismo e il Mezzogiorno. *Studi Storici*, vol. 17, no 3, pp. 25–39.
- CGII — Confederazione Generale dell'Industria Italiana (1947) Discorso pronunciato dall'On. Sereni, Ministro dell'Assistenza Post-bellica, al I Convegno Nazionale dei Consigli di gestione (Milano, 13 ottobre 1946). *I Consigli di gestione. Esperienze e documenti sulla partecipazione dei lavoratori alla vita delle aziende nell'ultimo trentennio. Vol. II*, Rome: Stabilimento tipografico Fausto Failli, pp. 239–241.
- D'Eramo M. (2024) Denegation. *Sidecar NLR*. 11.01.2024. URL: <https://newleftreview.org/sidecar/posts/denegation>.
- Daneo C. (1969) *Agricoltura e sviluppo capitalistico in Italia*, Turin: Einaudi.
- Daneo C. (1975) *La politica economica della ricostruzione, 1945–1949*, Turin: Einaudi.
- Di Siena P. (2019) Introduzione. *Lezioni sul fascismo*. (Ed. by P. Togliatti), Rome: Editori Riuniti, pp. 9–18.

- Dondi M. (2012) *Il conflitto sociale. Dagli albori della sindacalizzazione alla trasformazione delle campagne*, Bologna: Archetipo Libri.
- Forlenza R. (2010) A party for the Mezzogiorno: The Christian Democratic Party, agrarian reform and the government of Italy. *Contemporary European History*, vol. 19, no 4, pp. 331–349.
- Gozzini G. (2019) Emilio Sereni e il PCI. *Emilio Sereni: L'intellettuale e il politico*. Ed. by G. Vecchio, Rome: Carocci, pp. 133–150.
- Grieco R. (1968) *Scritti scelti II. La questione agraria e l'ordinamento dello Stato*, Rome: Editori Riuniti.
- Hobsbawm E. (1981) Gli intellettuali e l'antifascismo. *Storia del marxismo. Vol. III: Il marxismo nell'età della Terza Internazionale. Parte II: Dalla crisi del '29 al XX Congresso*, Turin: Einaudi, pp. 441–490.
- Hobsbawm E. (1995) *The Age of Extremes. The Short Twentieth Century, 1914–1991*, London: Abacus.
- Kolář P. (2020) Studiare il comunismo nell'epoca della storia transnazionale e globale. *Globalizzazioni rosse. Studi sul comunismo nel mondo del Novecento*. (Ed. by S. Pons), Rome: Carocci, pp. 29–44.
- Lussana F. (2004) Lettere dalla Russia. Vivere o morire di comunismo negli anni Trenta. *Studi Storici*, vol. 45, no 4, pp. 905–937.
- Masi E. (1979) *Breve storia della Cina contemporanea*, Rome-Bari: Editori Laterza.
- Mattone A. (1973) Partito comunista e contadini nel Mezzogiorno. *Studi Storici*, vol. 14, no 4, pp. 940–952.
- Mattone A. (2016) Il ministro Antonio Segni “agrarista”. Politica e scienza giuridica nell'elaborazione della riforma fondiaria e della legge sui contratti agrari (1946–1950). *Studi Storici*, vol. 57, no 3, pp. 523–575.
- MIA — Marxist Internet Archives (1920) *Minutes of the Second Congress of the Communist International, 7th Session, July 30*. URL: <https://www.marxists.org/history/international/comintern/2nd-congress/cho7.htm>.
- Naimark N. (2019) *Stalin and the Fate of Europe. The Postwar Struggle for Sovereignty*, Cambridge: Harvard University Press.
- Pacelli M. (2012) Il contesto storico-politico. *Riforma fondiaria e Paesaggio. A sessant'anni dalle Leggi di Riforma: dibattito politico-sociale e linee di sviluppo*. Ed. by G. Bonini, Soveria Mannelli: Rubbettino, pp. 23–36.
- Pons S., Di Donato M. (2017) Reform communism. *The Cambridge History of Communism. Vol. III. Endgames? Late Communism in Global, 1968 to the Present* (Ed. by J. Fürst, S. Pons, M. Selden), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 178–202.
- Pons S. (2007) *Togliatti e Stalin. Togliatti nel suo tempo*. Ed. by R. Gualtieri, C. Spagnolo, E. Taviani, Rome: Carocci, pp. 195–214.
- Pons S. (2020) Una globalizzazione alternativa? L'internazionalismo comunista nel Novecento. *Globalizzazioni rosse. Studi sul comunismo nel mondo del Novecento*. (Ed. by S. Pons), Rome: Carocci, pp. 11–28.
- Rapone L. (1992) Concezioni socialiste dello sviluppo negli anni del fascismo. *Studi Storici*, vol. 33, no 2/3, pp. 367–392.
- Rossi-Doria A. (1983) *Il ministro e i contadini. Decreti Gullo e lotte nel Mezzogiorno. 1944–1949*, Rome: Bulzoni Editore.
- Santarelli E. (1997) *Storia critica della repubblica. L'Italia dal 1945 al 1994*, Milan: Feltrinelli.
- Sassoon D. (2014) *Togliatti e il partito di massa. Il Pci dal 1944 al 1964*, Rome: Castelvecchi.
- Secchia P. (1979) *Annali Fondazione Giangiacomo Feltrinelli: Anno Diciannovesimo. Archivio Pietro Secchia 1945–1973*. (Ed. by E. Collotti), Milan: Feltrinelli.
- Sereni E. (1945) *I Consigli di gestione nazionale. Testo stenografico del rapporto informativo tenuto il 16 settembre 1945 nella sala del cinema Odeon di Milano*, Milan: Casa editrice l'Unità.
- Sereni E. (1948) *Il mezzogiorno all'opposizione*, Turin: Einaudi.
- Sereni E. (1978) *La rivoluzione italiana*. (Ed. by G. Prestipino), Rome: Editori Riuniti.

- Sperber N. (2019) The many lives of state capitalism: From classical Marxism to free-market advocacy. *History of the Human Sciences*, vol. 32, no 3, pp. 100–124.
- Tarrow S. (1972) *Partito comunista e contadini nel Mezzogiorno*, Turin: Einaudi.
- Togliatti P. (2014) Ceto medio ed Emilia Rossa. *Palmiro Togliatti. La politica nel pensiero e nell'azione. Scritti e discorsi. 1917–1964*. (Ed. by M. Ciliberto, G. Vacca), Milan: Bompiani, pp. 688–719.
- Tronti M. (2015) *Presentazione del volume "Palmiro Togliatti"*. 26.02.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7m86bRy6W6I&t=1202s>.
- Vacca G. (2007) Togliatti e la storia d'Italia. *Togliatti nel suo tempo* (Ed. by R. Gualtieri, C. Spagnolo, E. Taviani), Rome: Carocci, pp. 3–21.
- Vacca G. (2014) *Togliatti e Gramsci. Raffronti*, Pisa: Edizioni della Normale.
- Vacca G. (2016) *Quel che resta di Marx. Rileggendo il Manifesto dei comunisti*, Rome: Salerno Editore.
- Vacca G. (2017) *Modernità alternative. Il Novecento di Antonio Gramsci*, Turin: Einaudi.
- Vacca G. (2018) *L'Italia contesa. Comunisti e democristiani nel lungo dopoguerra (1943–1978)*, Venice: Marsilio Nodi.
- Vacca G. (2021) *Il comunismo italiano. Una cultura politica del Novecento*, Rome: Carocci.
- Vacca G. (2022) *La tragica modernità del fascismo. Le analisi di Antonio Gramsci, Palmiro Togliatti e Angelo Tasca*, Rome: Carocci.

Коммунисты-реформаторы в глобальной сети XX столетия: аграрная политика Итальянской коммунистической партии в послевоенный период

Андреа Бонфанти, доктор исторических наук, доцент, Школа марксизма, Уханьский университет. Район Учан, 299 Байи Род, 430072, Ухань, Китай.

E-mail: andrea.bonfanti.101@gmail.com

Аннотация. Цель статьи — объяснить основные положения аграрной политики Итальянской коммунистической партии (ИКП) в начале послевоенного периода с использованием аналитической категории «реформаторский коммунизм» и методологического подхода «глобальной сети», которые помогают рассмотреть решения ИКП в исторической, а не полемической перспективе. Автор использует архивные материалы, включая записи заседаний Центрального комитета и съездов, внутрипартийные отчеты и брошюры. В первой части статьи автор характеризует «Новую партию» как порождение традиционной Коммунистической партии Италии, чтобы определить ее основные исторические и интеллектуальные координаты. Далее в статье обозначены аналитические новации в ряде положений аграрной политики, которые ИКП более или менее успешно реализовала с 1944 по 1947 годы, т. е. при правительстве национального единства: Закон Гулло 1944 года, создание особых органов власти (земельных комитетов) и дебаты об аграрной реформе, которые рассмотрены, соответственно, во второй, третьей и четвертой частях статьи.

Ключевые слова: аграрная политика, Итальянская коммунистическая партия (ИКП), реформаторский коммунизм, Италия, глобальная сеть, асимметричные взаимозависимости

«Кризис нэпа» в северной деревне, или «Пролетаризация» крестьян как специфическая форма «раскрестьянивания» в неземледельческих районах России¹

Т. И. Трошина, О. М. Морозова

Татьяна Игоревна Трошина, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. 163002, наб. Северной Двины, 17, Архангельск, Россия; профессор кафедры гуманитарных наук, Северный государственный медицинский университет. 163000, пр. Троицкий, 51, Архангельск, Россия

Ольга Михайловна Морозова, доктор исторических наук, профессор кафедры «Связи с общественностью», Донской государственный технический университет. 344000, пл. Гагарина, 1, Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: olgafrost@gmail.com,

Аннотация. Вопросы индустриализации и коллективизации в северных губерниях РСФСР исследованы достаточно хорошо, с упором как на положительные, так и негативные их последствия. Изложенный в статье материал может послужить основанием еще для одной дискуссии об альтернативных формах социального, экономического, политического развития страны на примере конкретной территории.

В статье развернут тезис о роли «кризисов нэпа» в окончательном переходе к «форсированной индустриализации». Известны два крупных кризиса — «кризис сбыта» (1923–1924) и «кризис хлебозаготовок» (1927–1928), каждый из которых в той или иной степени повлиял на переход к плановому хозяйству. Менее известен кризис рабочих рук, разразившийся в северных (лесных) губерниях Европейского Севера в заготовительный сезон 1925/26 года и сыгравший аналогичную роль в индустриализации советской лесной промышленности. Суть этого «кризиса» — в конкуренции заготовительных организаций, которая способствовала стремлению крестьян — лесорубов и сплавщиков отказываться заключать договоры, дожидаясь более выгодных предложений. Полукрестьянское хозяйство лесорубов позволяло им быть достаточно независимыми от заработка в лесной отрасли. Саботирование заключения договоров с лесозаготовителями, отказ от выполнения уже заключенных соглашений вели к срыву производственных планов, невыполнению обязательств по экспорту древесины, особенно у «неповоротливых гигантов» — государственных трестов, и создавало предпосылки к принятию правительственных мер по плановому использованию рабочей силы. То же касается вопроса «колонизации» региона, поскольку постоянный дефицит рабочей силы существенно удорожал стоимость экспортной древесины. Все чаще возникали мысли о необходимости введения специализации регионов, в конечном счете — «пролетаризации» крестьянства, занятого лесозаготовками.

-
1. Статья написана в рамках исследования, поддержанного грантом РНФ (проект № 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России»).

Эти радикальные идеи на фоне реальных проблем стали овладевать умами и более рациональных хозяйственников. Негативные результаты полугосударственного хозяйствования на ресурсных территориях периода нэпа создали представление о пятилетних планах как наиболее перспективном и быстром способе их преодоления. Несмотря на сохранявшийся революционный энтузиазм с его идеями свободы, практики все чаще соглашались с предложениями предпринимателей XIX века о необходимости использовать здесь принудительный труд. Заселение лесных районов административно высланными крестьянами, а также твердые задания по лесозаготовкам для местного населения, включая колхозников, виделись единственным выходом из создавшегося кризиса, который рассматривается в статье как еще один «кризис нэпа». Для обоснования своих выводов авторами привлечен большой комплекс источников, в первую очередь архивных документов.

Ключевые слова: Европейский Север России, северные крестьяне, неземледельческие занятия, новая экономическая политика, индустриализация, лесозаготовки, дефицит трудовых ресурсов, лесная индустрия, формы крестьянского протеста

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-122-143

Новая экономическая политика создала сложности на пути дальнейшей индустриализации промышленности, выразившиеся в так называемых «кризисах нэпа»: «кризис сбыта» (1923–1924) и «кризис хлебозаготовок» (1927–1928) в той или иной степени повлияли на выбор пути к решительному переходу к коллективизации и к плановому хозяйству. Для лесной промышленности страны такое же значение имел кризис рабочих рук в лесных уездах Европейского Севера, разразившийся в заготовительный сезон 1925/26 года и продолжавшийся, несмотря на принимаемые меры, последующие два года. Он повлиял и на инструменты обеспечения экономических мероприятий, и на последующую демографическую картину отдаленных районов страны.

В получившем в последние десятилетия бурное развитие отечественном «крестьяноведении» изучение такого социального слоя, как крестьяне-«полурабочие» периода нэпа, продолжает оставаться как бы в стороне. Причины задержки значительной части крестьян неземледельческих районов страны в этой категории населения нуждаются в изучении. Среди уже названных причин указывались особенности социальной организации северной деревни. Во-первых, отсутствие на значительной части этих территорий выкупных платежей, а также невысокая стоимость пахотной земли не способствовали крепким общинным отношениям (подробнее см.: Трошина, 2011). Во-вторых, это распространение временного найма работников, не оторвавшихся от крестьянских занятий. Сошлемся на Л. В. Милова (Милов, 2001: 487–489), отмечавшего (хотя и применительно к более ранней эпохе, но народная экономика достаточно инерционна, поэтому этот вывод можно использовать и к изучаемому периоду) выгодность найма на определенные виды работ крестьян, нуждающихся в дополнительном приработке и доволь-

ствующихся небольшим заработком. Та же тенденция сохранилась и в советское время в северных губерниях Европейской России, регионе, являвшемся важным сырьевым придатком «валютного цеха страны» (беломорского лесопиления). Таковыми были крестьяне, занятые заготовкой леса и доставкой (сплавом) его к лесопильным заводам. Неустойчивое предложение рабочих рук для обеспечения важных экспортных операций в области лесозаготовок оказывало неожиданно сильное влияние на многие экономические процессы.

Этот, казалось бы, частный вопрос региональной истории важен для понимания предпосылок дальнейших событий: направления спецпереселенцев (раскулаченных крестьян) именно в эти — отдаленные и малонаселенные неземледельческие районы, а затем и специфическая коллективизация северных крестьян, когда им была вменена обязанность заниматься лесозаготовками за минимальную плату.

Новая экономическая политика, в частности кризисные явления, которые в той или иной степени повлияли на политическую жизнь страны, возбуждают интерес отечественных историков (Горин, 1990; Голанд, 1991; Зозуля, 2002).

В последнее время отмечается поворот изучения хозяйственной жизни периода нэпа в сторону региональной проблематики (Бехтерева, 2020: 59). Объектом анализа при этом остается по преимуществу промышленный рабочий класс (Фельдман, 2022; Рапопорт, 1984; Шубин, 2000; и др.).

Лесозаготовки, будучи важным экспортным ресурсом периода восстановления народного хозяйства, вниманием исследователей (как историков, так и экономистов и юристов) не обойдены (Шегельман, 2015; Вавулинская, 2017; Воейков, 2020). Изучение региональных форм их организации в 1920-е годы убеждают, что проблемы были примерно схожие: это и недостаток продовольствия, которое в то время было самой твердой «валютой»; и конкуренция лесозаготовительных организаций (Воейков, 2011), что на малонаселенных территориях позволяло крестьянам при определенных обстоятельствах диктовать нанимателям свои условия.

Положение крестьян-лесозаготовителей рассматривается в том числе и с точки зрения принуждения к труду, однако это скорее относится к колхозному периоду истории северной деревни (Якоб, 2013). Исследуются бытовые проблемы работающих в лесу рабочих (Дианова, 2019; Трошина, 2024), привлекавшие как до Революции, так и в 1920-е годы внимание, прежде всего, близких к эсеровской программе кооператоров.

«Кризис рабочих рук» на лесозаготовках в середине 1920-х годов как отдельная проблема не рассматривался, будучи лишь упомянутым в контексте последующего перехода к коллективизации и плановому хозяйству. Вместе с тем оформился тезис о связи кризиса рынка труда в лесозаготовках с актуализацией планов по колонизации северных территорий, выработанных усилиями хозяйственных и политических органов (Саблин, 2021).

Дореволюционные источники (отчеты губернаторов и уездных начальников) содержат информацию в основном о количестве крестьян, занятых на лесозаготовках, и об уровне их заработков. Формы и условия найма можно восстановить только по фрагментарным сведениям, содержащимся в документах о конфликтах между нанимателем и рабочими, а также — в «демократической печати», достоверность которой, впрочем, нередко вызывает сомнение.

Развитие «кризиса рабочих рук» осенью 1925 года представлено в документах учреждений и ведомств северных губерний РСФСР. Самый широкий круг источников (выступления на партийных и крестьянских конференциях различного уровня; «закрытые письма» партийных комитетов и организаций; газетные публикации; служебная переписка и проч.) позволяют проследить динамику крестьянских настроений, проявившихся преимущественно в инертном отношении к предлагаемым на лесозаготовках заработкам, в которых крестьяне, казалось бы, объективно нуждались. Эти настроения почти одновременно охватили значительные территории нечерноземных и лесных губерний.

Лесорубный промысел как специфическое занятие северных крестьян

Развитие частной лесопильной промышленности в Беломорском районе относится к последней четверти XIX века. Крестьяне уездов этого района перешли от традиционных занятий охотой и морскими промыслами к работе на лесозаготовках. Лесорубный период (зима) и сплавной (поздняя весна и раннее лето) приходились на самое «безработное» время деревенской жизни. Молодежь отправляли работать на лесозаводы, но для значительной части крестьян это были всего несколько лет, обычно — «до женитьбы» или «до армии».

Для занятий лесорубным и особенно сплавным промыслом необходимо было обладать хорошим здоровьем и определенной квалификацией. Именно из этой категории крестьян выдвигались наиболее предприимчивые люди. По воспоминаниям уроженца Пинежского уезда, до Революции крепкие физически лесорубы начинали подсобниками, потом «покупали дешевый “билет” (лицензию) на вырубку трудных лесных участков (поврежденных буреломом или огнем), быстро богатели, покупали хороших лошадей, подыражали других на черную работу, организовывали артель, которая потом и заключала договор с представителем лесопильного завода, приезжавшим в деревню специально для этой цели»². Было принято, что для обсуждения условий дого-

2. Государственный архив Архангельской области, отдел документов социально-политической истории (далее — ГААО. ОДСПИ). Ф. 866с. Оп. 3. Д. 278. Л. 8-10.

вора с артелью приезжий подрядчик накрывал стол с угощением дня на два. Крестьяне-артельщики стремились обговорить более удобный для себя участок под вырубку — недалеко от своей деревни и от сплавных рек, и договор подписывался к удовольствию обеих сторон.

Кроме профессиональной квалификации, непосредственно относящейся к лесозаготовкам, рабочие должны были обладать и другими трудовыми навыками. Для обустройства жизни и работы в лесу в течение нескольких зимних недель им следовало построить лесную избушку с печью, нарами, столом и скамьями и конюшню для лошадей, устроить лесовозную дорогу и катище (скат к реке); весной — расчистить сплавные реки. Все эти умения приобретались с малолетства: лесорубы брали с собой сыновей-подростков. На менее квалифицированные виды работ (вывоз леса к катищам, обрубка сучьев и другая первичная обработка бревен) нанимались к артельщикам-лесорубам бедные и безлошадные крестьяне, как правило, за небольшую плату и готовые харчи.

Демократическая пресса того времени, а также отчеты уездных чиновников обращали внимание на кабальные формы заключения договоров с крестьянами-лесорубами. Пользуясь нехваткой хлебных запасов у населения этих неземледельческих районов, из года в год возникавшей поздней весной и летом, договоры на зимние лесозаготовки заключались не столько за деньги, сколько путем авансирования продовольствием. Революционная пропаганда создавала у северных крестьян «образ врага» именно из заводовладельцев и их подрядчиков, объясняя такие условия найма мошенническими операциями. Вместе с тем производимый с рабочими-лесорубами окончательный расчет был вполне щедрым, и эта категория сельского населения всегда относилась к зажиточной. В отличие от маргинализированных отходников на фабрично-заводские заработки, лесорубы держались за свое крестьянское хозяйство, вкладывая в него немалые заработанные средства.

Уровень заработка в разных зонах лесозаготовки до Революции имел свое обоснование. В смежных районах резкой разницы в расценках не наблюдалось, что было связано с переизбытком рабочих рук и обособленностью лесных участков. Кроме того, в каждом районе обычно действовала одна заготовительная организация³. До Революции были ниже расценки для лесорубов в Вологодской губернии, как более «хлебной»; цены на хлеб тут были ниже, чем в Архангельской. Этот разрыв воспринимался как справедливый и недовольства не порождал⁴.

3. ГААО. Ф. 371 Оп. 1. Д. 376. Л. 32.

4. ГААО. Ф. 371 Оп. 1. Д. 376. Л. 32об.-34.

Первая мировая война привела к остановке работавших на экспорт лесозаводов. Существенно ограничила возможности для лесозаготовок и массовая мобилизация мужского населения деревни. Топливный кризис на последнем этапе Гражданской войны поднял потребность в возобновлении лесозаготовок на уровень вопроса государственного значения.

Первоначально организация заготовок и сплава древесины была передана в руки местных властей традиционных районов лесозаготовки, но это дало плачевные результаты. Для обеспечения рабочей силой в леса вывозились горожане, вплоть до барышень-совслужащих, устанавливалась повышенная зарплата, предоставлялось бесплатное питание (суп мясной, пшенная каша). В отдельных случаях лесорубы выдвигали требования бесплатного отпуска водки, объясняя работой в тяжелых климатических условиях⁵. Помимо скудности средств для материального стимулирования исполкомы столкнулись с нежеланием крестьян возвращения государственного регулирования пользования лесами после короткого периода «свободы» (1917–1918 гг.) (Трошина, 2017).

В 1920 году была сделана первая попытка централизации добычи древесины. В Вологодской губернии работали 25 лесозаготовительных контор, в основном «по непосредственным заданиям центра». Организацией их работ занимались «различные уполномоченные от главков», которые при этом «не брезговали никакими способами», чтобы обеспечить выполнение спущенных из центра заданий⁶. Однако они не могли привлечь рабочих и из-за острой конкуренции между собой, и в связи с обесцениванием денег. Местным органам власти пришлось вводить трудовую повинность, а «для воздействия» устраивать показательные выездные сессии народного суда, нередко с привлечением вооруженных отрядов⁷.

С переходом к новой экономической политике в 1921 году в лесопромышленном секторе Европейского Севера появился «монополист» — государственный лесопромышленный трест «Северолес». Его задачей было максимально быстрое восстановление экспорта древесины на мировой рынок.

В какой-то степени обеспечить приток рабочих рук в отрасль удалось в связи с ситуацией, для сельскохозяйственных районов катастрофической: неурожай 1921–1922 годов заставил северных крестьян, нуждавшихся в дополнительных заработках для закупки воз-

Т. И. Трошина,
О. М. Морозова
«Кризис нэпа»
в северной
деревне...

5. ГААО. ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61. Л. 5. Д. 72. Л. 53 об.

6. Материалы 4, 5, 6, 7-го общего собрания уполномоченный союза лесопромышленных трудовых артелей Северного края (1919–1920 гг.). Вологда, 1922. С. 133, 365, 428.

7. Материалы (доклады, журналы и проч.) общего собрания... 20–22 июня 1919, 1920. Вологда, 1922. С. 367, 430–431.

росшего в цене хлеба и отсутствия из-за плохих погодных условий собственных запасов, активнее идти на лесозаготовки⁸.

Квалифицированных лесорубов стремились привлечь повышенными продовольственными пайками и привилегированным обеспечением ширпотребом. Такая эксплуатация «за кусок хлеба» не отталкивала крестьян промысловых волостей, которые вынуждены были обращаться к властям с просьбой дать им хоть какой-нибудь «лесной» заработок. Признавалось, что в условиях нарушения прежних способов доставки в неземледельческие районы продовольствия «население, желая хоть что-нибудь заработать, идет работать» на любых условиях⁹. В Архангельской губернии, в которой насчитывалось 64 тыс. крестьянских дворов, на лесозаготовках работало 25 тыс. человек — около трети всех трудоспособных мужчин¹⁰.

Решение государственных задач сопровождалось социальным напряжением. По настоятельному требованию одного из организаторов «Северолеса» и его технического руководителя С. И. Либермана к делу были привлечены «спецы» из бывших заводладельцев и управляющих производством (Либерман, 1944), которые начали восстанавливать прежние способы обеспечения заводов сырьем. Артели лесорубов набирались через прежних подрядчиков, что вызывало недовольство беднейшего населения деревни, отражавшееся в закрытой документации местных партийных органов.

В Северо-Двинской губернии в заготовительный сезон 1923/24 года фиксировалось недовольство эксплуатацией лесорубов в районах лесозаготовок¹¹. Так, обращалось внимание, что агенты-лесозаготовители предпочитают заключать договоры не с артелями, собранными из «бедняков», а с «отдельными гражданами», то есть подрядчиками, собиравшими «свои» артели, которым (вероятно, как более надежным) предлагали высокую плату¹². Подогревала недовольство и деятельность государственного «Северолеса» как монополиста. По словам делегата партийной конференции, трест «наживается на [крестьянской] нужде», пользуясь зависимостью северного крестьянина от «лесного» заработка для закупки недостающего хлеба, для расчета с налогами и прочих необходимых трат¹³.

Идеологически мотивированные требования северных партийцев далеко не всегда соответствовали интересам не только лесного экспорта, но и настроениям крестьянства. Основные лесозаготов-

8. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. р-2. О. 1. Д. 1167. Л. 103-104; ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 2, 340б., 49.

9. ГАВО. Ф. п-894. Оп. 1. Д. 12. 1925. Л. 59-60.

10. ГААО. ОДСПИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 163. Л. 30.

11. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 340б.

12. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 2.

13. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 49.

ки для лесозаводов Архангельска проводились в соседних Вологодской и Северо-Двинской губерниях и в Автономной области Коми, где сельское хозяйство было достаточно развитым, хотя и находилось в упадке после «разверсток» периода военного коммунизма. Зарплата на лесозаготовках на 85% выдавалась продуктами и мануфактурой, на 15% — деньгами¹⁴. Осуждая расплату «натурой», власти постоянно вели борьбу за переход к денежным расчетам, что не устраивало крестьян, привыкших получать аванс и расчет продуктами, исходя из собственных потребностей, а не из их стоимости. Кроме продуктов питания (рожь, овес, рыба) в натуральную плату входили дефицитные в послевоенный период топоры и пилы, а также мануфактура и обувь¹⁵.

Классовая шкала, применительно к лесозаготовителям, нарушала традиционный принцип формирования артелей. Разрешение при переходе к нэпу наемного труда автоматически превращало лесоруба, нуждавшегося в помощниках (рубщиках сучьев, возчиков бревен), в «эксплуататора», а относительно высокие заработки — в «зажиточного». Чтобы не быть причисленным к кулакам, лесоруб «вынужден тянуть с собой в лес малолетних и женщин»¹⁶, что приводило к увеличению травмирования таких неподготовленных работников.

Высокие заработки и специальные, «усиленные» пайки способствовали росту напряжения в деревне, негативному отношению крестьянской массы к лесорубам. Профессиональный «союз работников земли и леса» первоначально был рассчитан на батраков и других наемных работников; лесорубы же полагаться на правовую защиту профсоюза не могли. Неслучайно эта наиболее квалифицированная, экономически активная и материально обеспеченная часть крестьянства стремилась к какой-то самоорганизации, все чаще поднимая вопрос о создании собственного профсоюза¹⁷ и даже партии. Так, в 1924 году на уездной партконференции в Сольвычегодске у части делегатов проявилось «недовольство недостаточным вниманием к крестьянству... Мол, если запрещают [вступать в ВКП(б)], то крестьянам надо создать свою партию»¹⁸.

Обозначилось напряжение между городом и деревней, рабочими и крестьянами-лесорубами. С точки зрения партийцев, крестьяне испытывали «ревность» к рабочим, заявляя: «Сколько ни выбирай, лучше не будет. Везде диктатура рабочих, а их немного. Нас, крестьян, миллионы, нужна диктатура крестьян»¹⁹. Со стороны рабочих тоже было недовольство: «В Архангельской губернии крестья-

14. ГААО. ОДСПИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 163. Л. 30.

15. ГААО. Ф. 4425. Л. 1. Д. 3. Л. 324-326.

16. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 49.

17. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 93.

18. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 86-98.

19. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1446. Л. 147.

нин [на лесозаготовках] зарабатывает не меньше, чем пролетарий на заводе»²⁰, что считалось недопустимым, поскольку у рабочего не было иных источников доходов и средств пропитания, в отличие от крестьянина. С другой стороны, «с мест», от партийных и беспартийных крестьянских конференций, от профсоюзных организаций приходила информация о беззащитности лесорубов и сплавщиков перед лесозаготовителями, о пренебрежении защитой их прав на том основании, что они «не пролетарии».

В лесозаготовительный сезон 1925/26 года в связи с ростом внутреннего потребления древесины проблема рабочих рук в отрасли неожиданно вновь обострилась. Помимо прежних заготовителей, которые обеспечивали сырьем работавшие на экспорт архангельские лесопильные заводы, началось «вторжение» новых заготовительных организаций, ориентированных на внутренний рынок²¹. В связи с падением цен на мировом лесном рынке и переходом СССР к индустриализации ходатайствовать о разрешении продавать часть лесопромышленной продукции внутри страны стали и иностранные фирмы, получившие лесные концессии в северных губерниях Европейской России на условиях работы исключительно на экспорт.

Конкурируя за рабочие руки, лесозаготовители перебивали друг другу цену, что «в малолюдном крае превратилось в злостный ажиотаж»²². В некоторых лесных районах заработок лесорубов стал весьма высок и сравним с заработной платой промышленных рабочих²³. В этих условиях конкуренции лесозаготовительных организаций возникли крайне неравномерные заработки лесорубов. Например, в некоторых районах, прежде всего вдоль железных дорог, расценки на труд были значительно выше. Быстро распространившись по Северо-Восточной экономической области (в которую входили северные территории Европейской России), слухи о «баснословных заработках» вызвали «отток» рабочих рук в более выгодные районы, а остававшимся в традиционных районах лесозаготовок — давало возможность выставлять собственные требования.

Но еще худшей стала ситуация, когда лесорубы, пользуясь относительной продовольственной независимостью, вернувшейся к ним с восстановлением сельского хозяйства, стали тянуть с заключением договоров с заготовительными организациями, дожидаясь от последних лучших предложений. По свидетельству концессионеров, рабочая сила в малолюдных районах «используется нерационально: рабочие сплошь и рядом подряжаются [различным организациям] и выжидают, кто даст дороже, и начало работ затягивается»²⁴.

20. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 568. Л. 118.

21. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 32.

22. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 32-32об.

23. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 568. Л. 118.

24. ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 666-а. Л. 27-30.

Государственный трест «Северолес», основной работодатель в северных губерниях, в «рыночных» условиях терявший свое монопольное положение, обращал внимание центральной власти, что отсутствие единого заготовителя не только удорожает работы путем явных и скрытых обходов согласованных цен, но ведет к уменьшению объема лесозаготовки, так как крестьяне в ожидании, что тот или другой конкурент лишится спокойствия и прибавит цену, не выезжают в лес в первую часть зимы, т. е. в наиболее удобный для заготовок период²⁵.

В отчетах хозяйственных органов подобные действия крестьян характеризовались как «волынки» (или забастовки). В марте 1926 года «забастовка» состоялась в Холмогорском уезде Архангельской губернии, где крестьяне демонстративно отказывались заключать трудовые договоры, дожидаясь, когда «перетягивание рабочей силы» между лесозаготовителями приведет к предложению повышенных расценок²⁶. Тогда же в одной из волостей Пудожского уезда Карелии общее собрание лесорубов потребовало увеличения зарплаты, сокращения норм выработки, предоставления инструкторов, заявив, что в случае отсутствия ответа в течение трех дней отказываются выходить на работу и что трехдневный прогул должен оплатить наниматель²⁷. Много случаев отказа лесорубов от работы в связи с низкими расценками фиксировалось в Северо-Двинской губернии, основном районе лесозаготовок для архангельских лесозаводов. Согласившись на предлагаемые условия, лесорубы выезжали на участки, но отказывались работать, настаивая на повышении расценок²⁸.

Информационные отчеты партийных органов дают представление о «рассуждениях» рабочих, занятых на лесозаготовках. Они ждали повышения расценок к весне, по примеру прошлых лет: «Сейчас цены назначены низкие, никто из нас в лес не поедет, выйдем, пока дадут цены...»²⁹.

Фиксировалось «нарушение договорной дисциплины» всеми сторонами. Агенты-лесозаготовители обманывали лесорубов: при найме им предлагали лучшие условия для работы, чем те, которые артельщики обнаруживали, уже прибыв на место³⁰. Стремясь обеспечить лесозаготовки рабочими руками, агенты выдавали завышенные авансы, нередко превышавшие ожидаемый заработок — до 10 руб. в день³¹ (при средней зарплате промышленного рабочего 46

25. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 414. Л. 20-21.

26. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1285. Л. 12.

27. Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 59. 1925-1926. Л. 34-35.

28. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1948. Л. 138.

29. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 44.

30. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1285. Л. 8.

31. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 5-7.

руб. в месяц). Повышенные авансы, которыми заготовители заманивали лесорубов, не означали благоприятных условий найма для рабочих. Итоговый расчет был низок, случалось, что его вообще не выдавали, а аванс был уже «проеден»³². Таким образом, добившись уступок, крестьяне-лесорубы оказывались нередко в худшем положении.

Судебные дела показывают махинации и со стороны артелей, пытавшихся получить лучшие условия, чем было оговорено при заключении договора: «часто рабочие получают задатки по 5–25 руб., а на работу не выходят»³³, выжидая повышения расценок якобы в связи с нарушением прописанных в договоре условий работы.

Надеясь на повышение расценок, крестьяне Ухтинского уезда Карельской АССР, сговаривались начать работу, а потом внезапно ее прекратить: «Будем договариваться о повышении, если не добьемся, то объявим забастовку. Администрация, чтобы не сорвались планы, пойдет на уступки»³⁴. Попытки привлечь к сплавным работам крестьян из других губерний вызывали «недовольство крестьян», что в политических обстоятельствах того времени было для власти нежелательным³⁵.

Объективным основанием для пересмотра договоренностей был рост цен на продовольствие, от чего зависел минимальный заработок, на который крестьянин готов был согласиться. Профсоюзы, которые в конце концов на период работы на лесозаготовках и лесосплаве стали объединять всех занятых этой деятельностью крестьян, видели причину кризиса в деятельности агентов заготовительных организаций, дожидавшихся безвыходного положения в деревнях, наступающего в период весенней «бескормицы», когда крестьяне будут «вынуждены в силу необходимости работать просто за кусок хлеба». Такой метод экономии издержек в действительности приводил к «громадному перерасходу» средств и нарушению плана заготовок³⁶.

Что делать?

Хозяйственные и партийные органы тщательно анализировали причины провала лесозаготовительного сезона 1925/26 года. В Северо-Двинской губернии цинично рассчитывали на неурожай хлеба в 1926 году, что «подавало надежду» на привлечение рабочих на следующий лесозаготовительный сезон. При этом присутствовало понимание необходимости наведения порядка в деле привле-

32. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 5-7.

33. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 113; ГААО. Ф. 4425. Д. 3. Л. 1 и др.

34. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 106.

35. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 5-7.

36. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 59. Л. 34-35.

чения рабочей силы³⁷. Стремилась ввести запрет на «внешнюю» вербовку «без соответствующего разрешения регулирующих органов»³⁸. Например, вологодским лесозаготовителям была запрещена любая вербовка («легальным и нелегальными путями») в Северо-Двинской губернии. Для заготовителей прижелезнодорожных территорий был разрешен организованный набор по специальным квотам, но лишь по окончании вербовки рабочих лесными концессиями, поскольку обеспечение экспортных операций оставалось первоочередным³⁹. Обсуждались вопросы «увязки расценок на рабочую силу на лесозаготовках в районах, смежных с соседними губерниями»⁴⁰. При заключении коллективных и трудовых договоров стремились закрепить первоначальные расценки, чтобы не допускать требований о повышении со стороны рабочих коллективов, уже приступивших к работам. Губернии были разделены на категории по расценкам на труд, которые учитывали наличие собственного продовольственного обеспечения и стремление крестьян искать дополнительный заработок (в таких случаях расценки были ниже, чем, например, в непроизводящей и малонаселенной Архангельской губернии). Чтобы не создавать опасной «утечки» рабочих на более выгодные работы, устанавливались одинаковые расценки на труд на смежных территориях соседних губерний.

В лесозаготовительный сезон 1926/27 года в северных губерниях перешли от торгов к плановому отпуску леса, для чего официально были установлены твердые цены на труд и осуществлено районирование лесоучастков. Однако крестьяне не сразу поверили в прочность твердых цен и продолжили не выходить на работы в ожидании прибавки. Повсеместно заготовки не начались вовремя, и часть зимнего сезона была упущена⁴¹.

Несмотря на установленные расценки, представители лесозаготовительных организаций вынуждены были идти на «замаскированные» формы ее повышения, например, выдачу рабочим вина за счет нанимателя⁴². Вологодская газета (видимо, не без преувеличения) описывала, как «агенты лесозаготовительных организаций с торгашеской ловкостью шныряли по деревням, по крестьянским избам. «Приманивали» крестьян на лесоразработки. Одни обещали — катать на паре с бубенцами, другие — водку с огурчиком, третьи — граммофон с ухарскими пластинками...»⁴³. Допущенный к лесозаготовкам капитализм в лице «смешанных» (русско-английской, русско-голландской, русско-норвежской) лесных концессий

37. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1842. Л. 1.

38. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 29.

39. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 29.

40. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 31.

41. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 320б.

42. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. 1926. Л. 5-7.

43. В густом лесу // Красный Север. 1927. 4 декабря. № 276. С. 6.

стремился повысить расценки рабочим-лесорубам по сравнению с утвержденными государством нормами, что являлось грубым нарушением. Случай, когда концессионеры подняли расценки на 60%, дошел до Москвы и стал предметом разбирательства⁴⁴. Ссылаясь на недостаток и дороговизну местной рабочей силы, агенты концессий завозили лесорубов и сплавщиков из соседних перенаселенных уездов⁴⁵. Помимо возмущения местных крестьян, недостатком такой вербовки была крайне низкая квалификация приезжих лесорубов, которым к тому же полагался более высокий заработок, поскольку, оторванные от дома, они нуждались в оплате жилья и покупке продовольствия.

Однако расширение лесозаготовок для развития лесного экспорта было требованием центральных органов власти. Циркулярным письмом из Архангельского губкома ВКП(б) секретарям уездных и волостных комитетов ставилась задача в полтора раза увеличить заготовку экспортной древесины. Со стороны правительства обещалось усиленное снабжение губернии хлебом, овсом и товарами — чаем, растительным маслом, крупой, мануфактурой⁴⁶. В таких обстоятельствах «подняла голову» кооперация, демонстрируя свои преимущества перед государственными заготовительными организациями⁴⁷, что было для правящей партии недопустимо.

Основной недочет проведенных перед началом лесозаготовительного сезона 1927/28 года мероприятий, по мнению специалистов более всего страдавшей от требований крестьян-лесорубов Архангельской губернии, заключался в том, что новые расценки устанавливались в соответствии не с экономическим районированием, а с административно-территориальными образованиями (губерниями). Иногда на соседних лесоучастках с одинаковыми условиями труда разница в зарплате составляла 20% и более, что вело к «перетягиванию» рабочих. «Руснорвеголес», которому по концессионному договору были выделены лесные участки вдоль р. Онеги, проходящей по Архангельской и Вологодской губерниям, где закреплены были разные нормы заработка, ходатайствовал о сравнении заработков лесорубов, проживающих в соседних районах, а также — о разрешении поднять плату лесорубам на 10%, объясняя это возможностью выполнить экспортный план только при этих условиях⁴⁸. Подобные привилегии могли бы еще более усугубить проблему «перетекания» дефицитной рабочей силы в другие районы.

44. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7758. Оп. 1. Д. 73. Л. 104, 105.

45. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 17.

46. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1241. Л. 24.

47. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1241. Л. 7.

48. РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1. Д. 73. Л. 44-46.

При введении твердых цен на труд не были учтены условия жизни рабочих на лесоучастках, а потому нормальные цены для одних, для других, зависящих от дорогого привозного хлеба, были низкими⁴⁹.

Завышенными по сравнению с другими лесорайонами оказались заработки у работавших в так называемых «железнодорожных районах». В северных губерниях дороги проходили по малонаселенным местностям, и более высокие расценки диктовались необходимостью привлечь рабочих. Оказывалось, что вроде бы справедливая дифференциация вела к тому, что лесорубы стремились работать именно там, оставляя другие участки без рабочей силы. При этом рациональное лесопользование требовало включения отдаленных территорий в зону вырубki, поскольку еще до Революции отмечался перекоc: в хорошо заселенных местностях вдоль рек лес был вырублен, а в междуречье ценная древесина пропадала «на корню». Для этого, по мнению специалистов из Архангельска, заинтересованных в обеспечении сырьем работающих на экспорт лесозаводов, следовало повысить расценки на труд в районах «с острым недостатком рабочих рук, отдаленностью массивов от жилья», то есть там, куда приходилось завозить рабочую силу, а также в районах, где «из-за отдаленности от удобных путей» наблюдалась дороговизна продовольствия и промтоваров.

Поднять расценки предлагалось и в районах, близких к заводской зоне, — «где можно хорошо заработать» (на лесозаводах и лесных биржах), что также создавало сложности с рабочими руками для лесозаготовок⁵⁰.

Из-за негативной реакции представителей лесной отрасли других северных губерний многие рекомендации специалистов из Архангельска не были приняты. Так, неприемлемой показалось предложение поставить заработок в зависимость от квалификации работника и сложности выполняемой им работы. Отказались и от идеи премирования, поскольку она не учитывала приверженности крестьян к «равенству»: «у крестьян сложилось впечатление, что премии — это замаскированные прибавки к установленным ценам», которые выдаются «по родству и свойству»⁵¹.

В поисках решения проблемы рабочих рук высказывались предложения поднять производительность труда рационализацией и модернизацией лесозаготовок: строить временные дороги-ледянки, узкоколейные железнодорожные пути (декавилки), монорейсовые подвесные дороги для вывоза леса и использовать трактора, что позволило бы сократить зависимость от рабочей и тягловой (лошадиной) силы⁵². Однако тогда остановились именно на приме-

49. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 320б.-34.

50. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 350б.-360б.

51. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 350б.-360б.

52. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 118, 119, 120.

нении человеческого труда — возможно, потому, что параллельно с обсуждением этого вопроса выплывало немало примеров бесхозяйственности при использовании инновационных технологий. Люди, казалось, были надежнее.

Несмотря на применяемые меры, сезон 1926/27 года также закончился «весьма неудачно»⁵³: намеченный производственный план вновь был сорван, обострились конфликты с крестьянами-лесорубами, заводы закрывались в связи с недостатком сырья, что, соответственно, приводило к недовольству и рабочих, и усугубляло экономические проблемы государства. Из-за вынужденной остановки на архангельских лесозаводах не было выработано экспортной древесины на сумму более 1 млн зол. руб.⁵⁴

Кто виноват?

Нэп оживил частнособственнические настроения предприимчивой части крестьянства, у них все чаще возникал интерес к высоким доходам за лесоэкспорт, получаемым не только государственными, но и частными компаниями. В 1924 году на партийной конференции Сольвычегодского уезда «с мест» делались такие предложения: «Не надо спецов на лесозаготовках, пусть крестьяне сами на комиссионных началах отправляют лес за границу!»⁵⁵. Подобные настроения крестьян использовали и власти, чтобы канализировать недовольство населения неуспешными хозяйственными действиями в противоположную от себя сторону.

В политических условиях середины 1920-х годов революционные методы нужных результатов уже не давали. Политика «раскола» северной деревни с опорой на бедняка оказалась провальной. Не увенчались особым успехом и попытки создать через «комитеты крестьянской взаимопомощи» артели из «бедняков». Низкий профессиональный уровень таких «полупролетариев» вел к частым травмам, удорожая и замедляя заготовки. Постоянные конфликты между опытным артельщиком и рабочими, набранными по классовому принципу, создавали дополнительные трудности и не способствовали качеству работы, что совершенно не устраивало государство, заинтересованное в экспортном сырье — в первую очередь качественном, ну а потом уже — относительно дешевом.

Подрядчики, работавшие в лесорайонах с дореволюционных времен, стремились заключить договоры именно со своими, старыми и надежными работниками, которым предлагалось набрать артели, и те, согласно жалобам обиженных крестьян, вербовали по род-

53. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 320б.

54. ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 376. Л. 118.

55. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 86-98.

ству и по свойству — в действительности же, стремились собрать свою прежнюю, опытную артель.

Власти, не желая при проведении политики «смычки между городом и деревней» ссориться с крестьянами, даже зажиточными, пытались воспользоваться проверенной практикой обвинения во всем «старых спецов». Архангельский обком на запрос ЦК ВКП(б) о плохой работе концессионных предприятий нашел причину: «по имеющимся сведениям, заготовительный аппарат состоит в большинстве из прежних работников...»⁵⁶. Депутаты советских съездов придерживались такого же мнения: «В лесозаготовительном аппарате больше всего чуждого элемента, старых лесопромышленников — специалистов, получающих большие ставки. Они тянут к себе кулацкий элемент. Можно обойтись и без спецов, заменить их практиками-лесорубами, и ставки можно поубавить... Лесозаготовительный аппарат у нас плохой, т. е. есть кулаки и покровительствующие кулачеству элементы, необходимо его хорошенько почистить. Не только штатный аппарат загнил, но и вербовщики рабсилы и старшие рабочих групп явно разложились и не соответствуют нашим требованиям»⁵⁷. Как видим, со временем принцип комплектации аппарата лесотрестов стал не соответствовать настроениям партийцев и рабочих-лесорубов.

Крестьяне жаловались на «плохих десятских», которые неправильно оценивают труд рабочих, грубы, не прислушиваются к их пожеланиям, грозят увольнением и т.п. Профсоюзы, недовольные «уклонением» лесозаготовительных организаций от заключения коллективных договоров, причину видели также и в «старых» формах работы лесозаготовительного аппарата: «Наем рабочих и увольнение проводится не в соответствии с указаниями [партийных органов]: принимают зажиточных, бедняков устраняют...»⁵⁸. Подрядчик «подбирает себе в артель по знакомству, которых и протезирует»⁵⁹.

После «ликвидации» (как было заявлено на пленарном докладе Архангельской партконференции в июле 1926 года) в ходе Революции «лесопромышленников, подрядчиков, эксплуататоров... кулацкие элементы, потеряв своих господ, пытаются отвоевать кусочек в лесной промышленности»; «вычищенные» из «Северолеса», они устремились в артели. В [1925] году происходило завоевание артелей лесорубов такими элементами... [И теперь] в лесорубочных артелях растет число чуждого элемента. Туда пролезают бывшие белые офицеры, приказчики, под руководством которых артель ставит условие: дашь такую плату — пойдем, не дашь — не пойдем...»⁶⁰.

*Т. И. Трошина,
О. М. Морозова
«Кризис нэпа»
в северной
деревне...*

56. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 15-16.

57. ГААО. Ф. 2325. Оп. 1. Д. 15. Л. 14, 41.

58. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 2506-27.

59. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1285. Л. 8.

60. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1446. Л. 148.

«Коммунизирование и чистка», по мнению Северо-Двинского губкома, требовалась даже низовому аппарату лесного ведомства, это — заведующие лесными районами, лесники, объездчики и другие специалисты, которые контролировали заготовки, исходя из требований сохранения лесов. «Воспитанные при царизме», эти работники, считалось, отличались «реакционностью», производя «отталкивающее впечатление [на] рабочих и население», которые называют работников лесных отделов «белогвардейским аппаратом». Здесь всегдашняя нелюбовь крестьян к работникам лесного ведомства, не позволявшим им распоряжаться лесом по своему усмотрению, вполне соответствовала желанию лесозаготовительных организаций избавиться от строгого надзора со стороны лесников. Проблему эту, как казалось критикам существующей системы лесозаготовки, решить будет легко: «выделить двух-трех хозяйственников-коммунистов, знакомых с лесным делом... устроить курсы по лесному хозяйству, выделить туда коммунистов»⁶¹.

Причину недовольства крестьян условиями договоров на заготовку видели и в «стариках», утверждавших, что теперь «цены [на труд] гораздо ниже дореволюционных... а молодежь склонна верить»⁶². Виновных продолжали искать среди «кулачества» и «затесавшихся» в советские хозяйственные органы «спецов», которые своей «нечуткостью, формальностью и неподготовленностью... тормозят дело лесозаготовок»⁶³.

В Виноградовском районе представитель «Северолеса» шесть суток не мог добиться от крестьян подписания договора, объясняя это «давлением кулачества», под которым якобы лесорубы и не соглашались выходить на работы до повышения расценок на свой труд⁶⁴. В «сводках о подготовке лесозаготовок» появляются и труднопроверяемые факты, например, о случаях «пожара пунктов и контор в местах лесозаготовок», чем «темные силы деревни... пытаются внести дезорганизацию в начавшиеся лесозаготовки». Или о появившейся «на коре берез вырезанной ножом кулацкой прокламации: “Довольно работать по 12 часов. Можно и отдохнуть. Можно потише работать, куда нам торопиться”»⁶⁵.

Несмотря на активные поиски некоего «врага», создающего сложности для государственной важности лесозаготовок, деревня все более спланировалась в стремлении бороться за свои интересы, которые вступали в противоречие с общегосударственными. Необходимо было обеспечить лесозаготовки достаточным количеством рабочих рук, при этом людьми, для которых такая работа была важнейшим источником дохода.

61. ГАВО. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 123.

62. НАРК. Ф. п-3. Оп. 2. Д. 35. Л. 44.

63. ГАВО. Ф. п-1855. Оп. 1. Д. 29. Л. 109об.

64. ГАВО. Ф. п-1855. Оп. 1. Д. 29. Л. 110.

65. ГАВО. Ф. п-1855. Оп. 1. Д. 29. Л. 111.

Хозяйственники стали возвращаться к идее, которую вынашивали представители экономически активной общественности северных губерний в начале XX века — о необходимости переселенческих мероприятий из регионов с избыточным населением. 1920-е годы известны высоким уровнем безработицы. Даже в Архангельской губернии были территории с избыточным «безработным» крестьянским населением. Например, в преимущественно сельскохозяйственном Шенкурском уезде «крестьянство имеет колоссальный избыток рабочей силы... трудно найти город, где бы нельзя было встретить шенкурца в поиске работы»⁶⁶.

При этом все чаще признавалось, что дальнейшему планированию производства и привлечению рабочей силы мешает наличие частных крестьянских хозяйств, обеспечивающих рабочим на лесозаготовках относительную самостоятельность. Планировалось переселение людей из обжитых мест в глухие леса, поближе к местам работы. В таких лесных поселках жители занимались бы преимущественно лесоповалом, имея лишь небольшие огороды для собственного обеспечения.

Заключение

Задачи индустриализации лесного хозяйства заставили отказаться и от «трудовых мобилизаций» периода военного коммунизма, и от дореволюционных методов найма рабочей силы. Среди новых форм обеспечения отрасли рабочими кадрами предпочтительным выглядело максимальное «пролетаривание» лесорубов, несмотря на выгоду, казалось бы, от использования сезонного труда крестьян, имеющих независимый источник продовольственного обеспечения — собственное хозяйство. Однако «кризис рабочих рук» напугал хозяйственников именно такой независимостью работников, позволяющей им достаточно долго держать «стачку» для достижения более выгодных для себя условий найма.

При этом, судя по документам, искушения искать источники политических «заговоров» не было; по обычаю того времени, обвиняли в срыве лесозаготовок, произошедших по причине массового отказа крестьян-лесорубов от работ, «спецов» и «кулаков».

Проекты дореволюционных хозяйственников и их коллег в 1920-е годы о «колонизации» северного края с целью обеспечить рабочими руками лесную промышленность были, в конце концов, реализованы, но в более жесткой, чем задумывалось, форме. На Европейский Север были направлены десятки тысяч семей раскулаченных земледельцев, которые в вынужденных обстоятельствах приобретали незнакомые им до этого умения лесорубов.

66. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1234. Л. 28-29.

После проведенной в северных губерниях коллективизации местные крестьяне получали спускаемые сверху планы, прежде всего, по лесозаготовкам. В целом северная деревня стала «раскрестьяниваться». Большинство колхозников в северных, лесных территориях воспринимали себя более пролетариями, чем крестьянами. А сельское хозяйство стало принимать формы вспомогательного занятия.

Достаточно высокие заработки и хорошее снабжение постепенно стали привлекать сюда вольнонаемных работников из других регионов страны, которые обосновывались в «лесных поселках», становясь особым отрядом рабочего класса.

К 1980-м годам интенсификация лесозаготовок способствовала сокращению лесных площадей, что, в свою очередь, вело к закрытию лесных поселков. Население их, в основном пришлое, покидало обжитые места, создавая все более усиливающуюся проблему сужения географического пространства и обезлюдения стратегически важных для государства северных территорий.

Библиография

- Бехтерева Л. Н. (2010). Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Вып. 1. С. 57-64.
- Вавулинская Л. И. (2017). Лесозаготовки в Карелии и вопросы экологии (история и современность) // Природа и человек в пространстве культуры. Уфа: Башкирский государственный университет. С. 91-95.
- Воейков Е. В. (2011). К истории заготовок местных видов топлива в Поволжье периода нэпа // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. № 23. С. 345-347.
- Воейков Е. В. (2020). Дискуссия об управлении лесным хозяйством в годы новой экономической политики (1925–1927 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т. 2. № 1. С. 23-32.
- Голанд Ю. М. (1991). Кризисы, разрушившие НЭП. М.: Международный научно-исследовательский институт управления.
- Горинов М. М. (1990). Альтернативы и кризисы в период нэпа. (К вопросу о социально-экономических проблемах внутрипартийной борьбы в 20-е годы) // Вопросы истории КПСС. № 1. С. 3-18.
- Дианова Е. В. (2019). Быт лесозаготовителей Европейского Севера (1920-е — начало 1930-х гг.) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. С. 284-290.
- Зозуля О. А. (2002). Зигзаги нэпа: экономические и политические кризисы 20-х годов // Лесной вестник. № 3. С. 162-171.
- Милов Л. В. (2001). Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН.
- Рапопорт Ю. М. (1984). Осуществление экономической политики коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР, 1917–1925 гг. Л.: Ленинградский государственный университет.
- Саблин В. А. (2021). Государственная политика в сфере аграрной колонизации Европейского Севера России в 1920–1930-е годы // Вестник Вологодского государственного университета. Сер.: Исторические и филологические науки. № 4 (23). С. 25-30.

- Трошина Т. И. (2011). Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России в первой четверти XX века. Архангельск: Поморский государственный университет.
- Трошина Т. И. (1917). «Крестьянство рубит лес для себя в широких размерах, без всяких разрешений, нет средств прекратить самовольные порубки». Северная деревня в 1917 г. // Вестник архивиста. № 2. С. 87-101.
- Трошина Т. И. (2024). Медицинская и медико-санитарная помощь в районах лесозаготовительной деятельности иностранных концессионеров в северных губерниях Европейской России в 1920-е гг. // Здоровьесбережение в повседневной жизни: история и современность: в 2 т. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. Т. 2. С. 91-95.
- Шегельман И. Р., Кулагин О. И. (2015). Лесозаготовки и лесное хозяйство. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет.
- Шубин С. И. (2000). Северный край в истории России: проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е гг. Архангельск: Поморский государственный университет.
- Фельдман М. А. (2022). Власть, ученые, рабочие СССР в годы нэпа: проблема взаимоотношений. Екатеринбург: Уральский институт управления.
- Яков В. В. (2013). Отношение крестьян Коми Области к труду на лесозаготовках в 1920–1930-е годы // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Сыктывкар. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72). С. 74-81.

Т. И. Трошина,
О. М. Морозова
«Кризис нэпа»
в северной
деревне...

“NEP crisis” in the northern village, or peasant “proletarianization” as a specific form of “de-peasantization” in non-agricultural regions in the interests of industrialization

Tatiana I. Troshina, DSc (History), Professor, Department of Social Work and Social Security, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; Department of Humanities, Northern State Medical University. 163 002, nab. Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk. E-mail: tatr-arh@mail.ru

Olga M. Morozova, DSc (History), Professor, Department of Public Relations, Don State Technical University. 344000, Gagarina sq., 1, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: olgafrost@gmail.com

Abstract. Issues of industrialization and collectivization in the northern regions of Soviet Russia have been well studied, with an emphasis on both positive and negative consequences. The article provides grounds for another discussion — of alternative forms of social, economic and political development of the country on the example of a particular territory. The authors focus on the role of the “NEP crises” in the final transition to the “forced industrialization”. There were two major crises — “crisis of sales” (1923–1924) and “crisis of grain procurement” (1927–1928), which to a greater or lesser extent affected the transition to the planned economy. “Labor crisis” is less known: it broke out in the northern (forest) regions of the European North during the 1925/26 logging season and played a similar role in the industrialization of the Soviet timber industry. The essence of this “crisis” was the competition of logging organizations, which contributed to the peasants’ (loggers and rafters) refusal to conclude contracts, while waiting for more profitable offers. The semi-peasant economy of loggers allowed them to be quite independent from earnings in the forestry sector. Sabotage of loggers and refusal to fulfill already concluded agreements disrupted production plans and, thus, violating export obligations, especially of the “sluggish giants” (state trusts), and created prerequisites for the government measures for the planned organization of the work-

force. The same applies to the “colonization” of the region, since the constant shortage of labor significantly increased the cost of export timber. There were increasingly more suggestions about regional specialization and, eventually, “proletarianization” of the peasantry engaged in logging. These radical ideas under real problems took over rational economic managers’ minds. Negative results of the semi-state management in the resource territories during the NEP period led to the idea of five-year plans as the most promising and quickest way to solve all problems. Despite the persistent revolutionary enthusiasm with its ideas of freedom, practitioners agreed with the ideas of the 19th-century entrepreneurs about forced labor. Sending administratively expelled peasants to settlements in forest areas and setting tough logging tasks for the local population, including collective farmers, were seen as the only way out of the crisis that is considered in the article as another “NEP crisis”.

Key words: North European Russia, northern peasants, non-agricultural activities, “new economic policy”, industrialization, logging, labor shortage, forestry, forms of peasant protest, timber industry

References

- Bekhtereva L. N. (2010) Problemy novoj ekonomicheskoy politiki 1920-h godov v sovremennoj otechestvennoj istoriografii [Issues of the new economic policy of the 1920s in the contemporary Russian historiography]. *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology*, no 1, pp. 57–64.
- Dianova E. V. (2019). Byt lesozagotovitelej Evropejskogo Severa (1920-e — nachalo 1930-h gg.) [Everyday life of loggers in the European North (1920s — early 1930s)] *Prirodno-geograficheskie faktory v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost' (regionalny aspekt)*, Saint Petersburg: Pushkin Leningrad University, pp. 284–290.
- Feldman M. A. (2022) *Vlast, uchenye, rabochie SSSR v gody nepa: problema vzaimootnoshenij* [Soviet Power, Scientists, and Workers during the NEP: Their Relationship], Ekaterinburg: Ural Institute of Management.
- Goland Yu. M. (1991) *Krizisy, razrushivshie NEP* [Crises That Destroyed the NEP], Moscow: International Research Institute of Management.
- Gorinov M. M. (1990) Alternativy i krizisy v period nepa (K voprosu o sotsialno-ekonomicheskikh problemakh vnutripartijnoj borby v 20-e gody) [Alternatives and crises during the NEP (On social-economic issues of the intra-party struggle in the 1920s)]. *Issues of History of the Communist Party of the USSR*, no 1, pp. 3–18.
- Milov L. V. (2001) *Velikorussky pakhar i osobennosti rossijskogo istoricheskogo protsessa* [Great Russian Plowman and Features of the Russian Historical Process], Moscow: Russian Political Encyclopedia.
- Rapoport Yu. M. (1984) *Osushhestvlenie ekonomicheskoy politiki kommunisticheskoy partii v usloviyah Evropejskogo Severa RSFSR, 1917–1925 gg.* [Economic Policy of the Communist Party in the European North of the RSFSR, 1917–1925], Leningrad: Leningrad State University.
- Sablin V. A. (2021) Gosudarstvennaja politika v sfere agrarnoj kolonizatsii evropejskogo severa Rossii v 1920–1930-e gody [State policy in the field of agrarian colonization in the European North of Russia in the 1920s–1930s]. *Bulletin of the Vologda State University. Historical and Philological Sciences*, no 4, pp. 25–30.
- Shegelman I. R., Kulagin O. I. (2015) *Lesozagotovki i lesnoe khozjajstvo* [Logging and Forestry], Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
- Shubin S. I. (2000) *Severny kraj v istorii Rossii: problemy regionalnoj i natsionalnoj politiki v 1920–1930-e gg.* [Northern Region in Russian History: Issues of Regional and National Policy in the 1920s–1930s], Arkhangelsk: Pomor State University.
- Troshina T. I. (2011) *Dinamika i napravlennost' sotsialnyh protsessov na Evropejskom Severe Rossii v pervoj chetverti XX veka* [Dynamics and Direction of Social Processes in the

- Troshina T. I. (2017) "Krest'janstvo rubit les dlja sebja v shirokikh razmerah, bez vsjakih razreshenij, net sredstv prekratit samovolnye porubki". Severnaja derevnja v 1917 g. ["The peasantry cut down the forest for their firewood on a huge scale, without any permissions, and there are no means to stop unauthorized logging". Northern village in 1917]. *Herald of the Archivist*, no 2, pp. 87–101.
- Troshina T. I. (2024) Meditsinskaja i mediko-sanitarnaja pomoshch v rajonah lesozagotovitelnoj dejatel'nosti inostrannykh kontsessionerov v severnykh gubernijah Evropejskoj Rossii v 1920-e gg. [Medical and medical-sanitary assistance in the logging areas of foreign concessionaires in the northern provinces of European Russia in the 1920s]. *Zdoroviesberezhenie v povsednevnoj zhizni: istorija i sovremennost*, Saint Petersburg: Pushkin Leningrad University, vol. 2, pp. 91–95.
- Vavulinskaya L. I. (2017) Lesozagotovki v Karelii i voprosy ekologii (istorija i sovremennost) [Logging in Karelia and environmental issues (history and the present state)]. *Priroda i chelovek v prostranstve kultury*, Ufa: Bashkir State University, pp. 91–95.
- Voejkov E. V. (2011) K istorii zagotovok mestnykh vidov topliva v Povolzhie perioda nepa [On the history of procurement of local fuels in the Volga Region during the NEP]. *News of Belinsky Penza State Pedagogical University*, no 23, pp. 345–347.
- Voejkov E. V. (2020) Diskussija ob upravlenii lesnym khozjajstvom v gody novoj ekonomicheskoj politiki (1925–1927 gg.) [Discussion about forestry management during the new economic policy (1925–1927)]. *News of the Samara Scientific Center of the RAS. Historical Sciences*, vol. 2, no 1, pp. 23–32.
- Yakob V. V. (2013) Otnoshenie krest'ijan Komi Oblasti k trudu na lesozagotovkah v 1920–1930-e gody [Peasants' attitude to logging labor in the Komi Region in the 1920s–1930s]. *Industrializatsija Evropejskogo Severo-Vostoka Rossii: predposylki, sposoby osushhestvlenija i vlijanie na sotsialno-ekonomicheskoe, politicheskoe, etnodemograficheskoe i kulturnoe razvitie regiona. Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS*, issue 72, Syktyvkar, pp. 74–81.
- Zozulya O. A. (2002) Zigzagi nepa: ekonomicheskie i politicheskie krizisy 20-h godov [Zigzags of the NEP: Economic and political crises of the 1920s]. *Forestry Bulletin*, no 3, pp. 162–171.

Т. И. Трошина,
О. М. Морозова
«Кризис нэпа»
в северной
деревне...

Председатели в колхозном социуме Западной Сибири в 1930-е годы: практики коадаптации и дезадаптации¹

В. Б. Лапердин

Вячеслав Борисович Лапердин, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: laperdin2011@mail.ru

Аннотация. В представленной статье речь идет о роли председателя в колхозном социуме. Являясь центральной фигурой в колхозе, председатель во многом определял степень консолидации колхозников. Одновременно он сам являлся «порождением» окружающей социальной среды, а его поведение зачастую наглядно отражало атмосферу в коллективе. Став во главе колхоза, председатель реализовывал заложенные в коллективе возможности. В доброжелательной атмосфере руководитель эффективно действовал на благо всего коллектива. При конфликтных отношениях ему удавалось легче преследовать собственные интересы. Адаптация крестьянства к колхозному социуму протекала внутри колхозных коллективов и ее успешность зависела от взаимоотношений между односельчанами и их главой. Вместе с тем процесс коадаптации председателей и колхозных коллективов также определялся социальной средой. В благоприятной обстановке как крестьяне, так и председатели колхозов успешно приспосабливались к новым условиям жизни. Напротив, в ситуации конфликта происходила дезадаптация председателей и распад трудового коллектива, который терял способность к хозяйственной деятельности и плодотворному социальному взаимодействию. Представленные в статье материалы наглядно иллюстрируют ключевую роль председателей в колхозных коллективах, а также взаимодействие с ними, отражавшееся на хозяйственном уровне, отношении крестьян к колхозу и на характере рабочего и межличностного общения колхозников.

Ключевые слова: аграрная история, колхозы, крестьянство, колхозный социум, председатель, адаптация, Сибирь

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-144-158

Осуществленная государством в 1930-е годы коллективизация советской деревни до неузнаваемости изменила сельский социум. Постепенно, десятилетиями протекавший процесс раскрестьянивания получил мощный импульс. На смену крестьянству приходила новая общность сельских жителей, в основной массе состоявшая из колхозников, рабочих совхозов и МТС. Колхозный социум

1. Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ проект № 24-28-00100, «Социальная адаптация сибирского крестьянства в конце 1920-х — первой половине 1960-х гг.: механизмы, формы, итоги».

вытеснил сельскую общину, установив в деревне принципиально иные производственные отношения и социальную структуру. Теперь ее возглавлял председатель колхоза, опиравшийся в своей работе на членов правления. Данные социальные изменения уже длительное время приковывают внимание исследователей советской деревни, а проблема изучения председателей неоднократно поднималась в различных работах. В советской историографии они рассматривались в качестве новой профессиональной группы в коллективизированной деревне. В соответствии с данным подходом применительно к 1930-м годам исследовались такие вопросы, как формирование председательского корпуса, текучесть кадров, их обучение и профессиональные навыки, количественная характеристика и ряд других. В советский период изменения социальной структуры объяснялись возникновением новых форм производства, что обосновывалось на общесоюзных (Арутюнян, 1971) и региональных материалах, в том числе сибирских (Гущин, Кошелева, Чарушин, 1975; Крестьянство Сибири..., 1985). Данный подход имеет свои преимущества, он позволяет оценить количественные и качественные показатели колхозных управленцев.

В 1990-е годы работы Н. А. Ивницкого, В. П. Данилова, И. Е. Зеленина заложили новую историографическую традицию исследования советской деревни, согласно которой социально-профессиональная дифференциация колхозного социума отходила на второй план и сводилась к «дифференциации бедности» (Данилов, 2011; Зеленин, 2006; Ивницкий, 2000). Основное внимание уделялось изучению причин низкого уровня жизни, в первую очередь аграрной политики государства. Любые различия внутри колхозной среды стирались, главной целью становилось выявление отношений между государством и крестьянством. Впоследствии многие исследователи рассматривали данную проблему именно в такой ее формулировке.

Впрочем, существуют иные попытки ревизии советской историографии. Ш. Фицпатрик считает председателей новой для советской деревни привилегированной профессиональной группой, заинтересованной в улучшении своего статуса (Фицпатрик, 2011). М. А. Безнин и Т. М. Димони предложили собственную интерпретацию дифференциации колхозного общества, в которой профессиональные группы выступают в роли отдельных социальных классов со своим специфическим самосознанием (Безнин, Димони, 2010). Несмотря на критику, их концепция нашла сторонников. Так, Л. В. Изюмова исследует колхозное крестьянство Европейского Севера России, используя данную методологию (Изюмова, 2010). М. Н. Глумная, проведя анализ изменений в управленческом аппарате колхозов, пришла к иному выводу (Глумная, 2011). Руководящий персонал, в том числе председатели, по ее мнению, является профессиональной группой, а не отдельной социальной категорией, как считают М. А. Безнин и Т. М. Димони.

В данной статье на основе материалов по Западной Сибири предпринята попытка охарактеризовать положение председателей в колхозном социуме и раскрыть проблемы их взаимоотношений с колхозным коллективом. Для этого будут использованы источники, в основном относящиеся к середине 1930-х годов. Впрочем, выводы исследования вполне можно распространить на все десятилетие в целом, так как положение колхозного руководства в это время оставалось практически неизменным.

После получения руководящей должности одной из основных проблем для председателей становилось сохранение достигнутого положения. Угрозы исходили как со стороны государственных организаций, так и изнутри — от односельчан. Колхозное руководство могло быть снято местными властями в ходе регулярных чисток, при невыполнении планов сельскохозяйственных кампаний или просто как не справившееся с задачей по укреплению коллективного хозяйства. Особый интерес представляют примеры внутриколхозных конфликтов, целью которых становилось улучшение положения в коллективе. Не стоит недооценивать их важность и остроту, сводя проблему к рассмотрению обычных деревенских склок. За ними стоят такие интересные для исследователей вопросы, как изучение мобильности колхозного социума и проблема адаптации крестьянства к коллективизации. Кроме того, в повседневной жизни самих колхозников подобные конфликты играли значительную роль. Нельзя списывать со счетов степень накала страстей и последствия разворачивающихся драм. Так, например, 29 января 1935 года покончил жизнь самоубийством член ВКП(б), председатель колхоза «Восток» Крапивинского района. Расследование установило, что до суицида его довели недоброжелатели во главе с предшественником, ранее занимавшим председательскую должность, и действующим заместителем². Мотивом стала борьба за положение внутри сельхозартели.

В документах, характеризующих ситуацию на местах, часто упоминается бесхозяйственность колхозной администрации. Пренебрежительное отношение к своей работе со стороны правления приводило к дезорганизации колхозного производства и снижению его эффективности. Как следствие, колхоз выполнял с трудом или же вовсе не справлялся с государственными обязательствами, не засыпал семенные фонды и не выдавал полагающиеся колхозникам на трудодни хлеб и продукты. Нередко халатное отношение к своим обязанностям сопровождалось нарушением прав рядовых колхозников. В такой ситуации могло возникнуть недовольство, а затем оппозиция колхозному правлению.

Наиболее яркие примеры подобных случаев можно найти в документах по чистке колхозов северных районов Западно-Сибир-

2. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-3. Оп. 9. Д. 954. Л. 171-172.

ского края в 1936 году, инициированной ЦК ВКП(б) и Западно-Сибирским крайкомом (Лапердин, 2019). Таежное положение и удаленность от районных центров стали причиной слабого контроля над сельхозартелями со стороны местных властей. Провибившиеся к управлению колхозные группы избирали нужных им председателей и в условиях отсутствия постоянного надзора сверху использовали свое положение в личных целях. Как следствие, в колхозах отмечалась не только бесхозяйственность, но и злоупотребления в отношении рядовых колхозников со стороны администрации. Такое поведение имело определенное обоснование. Ущемление прав участников проигравшей группы победителями являлось мстью своим оппонентам и вместе с тем актом устрашения всех остальных. Подобное публичное самоутверждение демонстрировало власть нового председателя и его приверженцев. Недовольство членов сельхозартелей начальством было использовано комиссиями по чистке для устранения политически неугодных или некомпетентных председателей и членов правления.

Нередко власти вмешивались в процесс выбора руководства. Регулярное смещение не устраивающих местные партийно-хозяйственные организации председателей, их перевод в другие колхозы, многочисленные чистки и репрессии предоставляли случай группам односельчан расправиться с конкурентами и занять их положение. Порой желанию воспользоваться удобной возможностью для сведения счетов внутри колхозных коллективов не могли ничего противопоставить даже представители власти. Кампания по чистке колхозов северных районов Западно-Сибирского края в 1936 году является ярким тому примером. Данная акция предполагала проверку членов колхозных правлений для выявления и устранения политически неблагонадежных. Однако в ходе ее проведения на местах первоначальные цели претерпели сильные изменения. Прибывшие в колхозы районные комиссии имели дело с коллективами, желающими снять неугодных председателей, даже если за ними не было замечено антисоветских действий. Исходная задача кампании, в первую очередь имевшей политический смысл, трансформировалась в широкую по своим масштабам чистку колхозных кадров. В ходе общих собраний колхозники снимали с занимаемых должностей, изгоняли из артелей или переводили в рядовые рабочие председателей и членов правлений. Крайком партии попытался направить деятельность комиссий в нужное русло, настаивая на исключении из колхозов только классово чуждых элементов. Иначе политическое значение проверки руководящих колхозных кадров, по мнению краевой номенклатуры, «смазывалось». Колхозники должны были уяснить политический смысл данной кампании, а не превращать ее в расправу над неугодными односельчанами. Районные власти в ответ оправдывали свои действия желанием самих колхозников навести порядок в хозяйстве, избавившись от слабого руководства. Секретарь Пихтовского райкома следующим образом

объяснял свою позицию: «При проверке руководящих кадров в колхозах были случаи снятия с работы людей, не обеспечивающих выполнение возложенных обязанностей, но это получалось не по инициативе комиссии, а по инициативе общих колхозных собраний. Снятые с работы решениями общих собраний являются главным образом пьяницы, неисправимые разгильдяи, бездельники, о которых колхозники сами выносили решение снять с работы. Я не знаю, как могла иначе поступить комиссия, как не согласиться с решением колхозного собрания, когда колхозники настаивают их снять. Следовательно, в части исправления (согласно вашего указания) этого вопроса также я не знаю, как поступить. Как можно сейчас настаивать перед колхозниками восстановить их на прежней работе, если они заведомо негодные работники и их не хотят держать на руководящей работе сами колхозники»³.

Подводя итог данного сюжета, можно сделать вывод, что комиссии по чистке, осуществляя выявление антисоветских элементов, открыли ящик Пандоры. Целые колхозные коллективы или отдельные крестьянские группировки кинулись сводить счёты с неугодными председателями и членами правления. Накопившиеся за долгое время противоречия между колхозниками разрешились благодаря вмешательству властей. Хотя последние даже не стремились вступать во внутрисельские склоки и не ожидали подобного эффекта.

При слабой консолидации коллектива оторванность руководства от основной массы колхозников приводила к хозяйственной дезорганизации, злоупотреблению властью и росту общего недовольства. Если по каким-либо причинам оппозиция правящей верхушке не возникала (не было лидеров или ее появлению мешала старинная вражда между односельчанами), то негативное отношение колхозников к начальству приводило к росту числа прогулов и выходов из колхоза. При проверке колхоза им. Сталина Усть-Тарского района в 1936 году был исключен и привлечен к уголовной ответственности председатель «Евдокимов за проявление грубого отношения с колхозниками, безразличное отношение к лучшим стахановцам, ударникам, за систематическое пьянство, сопровождающееся семейными скандалами, все это привело к потере трудовой дисциплины в колхозе, колхозники зачастую не выполняют распоряжений предколхоза»⁴. Следствием безалаберности со стороны руководства и отсутствия интереса к общественному труду колхозников стал увеличившийся падеж скота. Что негативно отразилось на финансовом состоянии артели и размере трудового дня. Не видящие перспектив развития коллективного хозяйства колхозники начали игнорировать указания председателя и перестали выходить на работу. По сообщению местных партийных органов, после исключения Ев-

3. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 766. Л. 693.

4. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 766. Л. 767.

докимова дисциплина резко повысилась, а внутриколхозным отношениям был дан новый стимул.

В 1934 году Кемеровский горком докладывал Западно-Сибирскому крайкому о тяжелой ситуации в сельхозартели «Путь Ленина», где за год было исключено или вышло по собственному желанию 47 хозяйств. Проверяющая комиссия установила, что основной мотив бегства колхозников — бездушное отношение к ним председатели и его заместители: «Петрушин и Кашеваров не проявляли никакой заботы о нуждах колхозников. Елин (старик 58 лет) просил перевести его с трудной для него работы на более легкую, но Кашеваров ответил: “Сдохни, но работай”. Подобных примеров много, абсолютно у всех выходцев, неправильно исключенных из колхоза, мнение такое: “Уберите Кашеварова и Петрушина, в колхоз пойдем”»⁵. В данном случае причиной отстранения стало пренебрежительное отношение к колхозникам, вызвавшее рост числа выходов, что, в свою очередь, привлекло внимание Кемеровского горкома. Таким образом, поведение колхозного руководства, ведущее к несогласию коллектива, спровоцировало их замену и арест.

Колхозники далеко не всегда восставали против неугодного начальства. При отсутствии организованной оппозиции и сплоченности руководящего ядра рядовые члены нередко боялись высказывать свое мнение. В 1936 году проводившая чистки в Шегарском районе комиссия отмечала: «Во многих колхозах чувствовалась боязнь открытых выступлений против проверяемых. Отдельные колхозники, не желая выступать, подавали письменные заявления в комиссии. Так, например, в колхозе Буденного боялись выступать против пьяницы и хулигана зам[естителя] председателя правления Булычева, снятого комиссией с работы и отданного под суд. Подано 10 заявлений. В колхозе “Трудовой сибиряк” колхозники так заявили, если откровенно выступить против руководителей, потом горя не оберешься»⁶.

Проблема подобных колхозов заключалась не только в оторванности руководящей группы от основной массы. Зачастую односельчане-единоличники, видя царящие в колхозе порядки, отказывались вступать в него. Формировалось негативное отношение к коллективизации и жизни в сельхозартелях среди сельского населения. Ведение индивидуального хозяйства даже в условиях сильнейшего экономического давления со стороны государства казалось лучше вступления в неблагополучный колхоз. Как следствие, отсутствовал приток новоприбывших активных членов. Подобные отношения отражались на уровне коллективизации и привлекали внимание властей. По сообщению, поступившему в Западно-Сибирский крайком из Барабинского района, «колхоз имени Чапаева организован в 1929 году, но с 1929 года по 1935 год в связи с неудач-

В. Б. Лапердин
Председатели
в колхозном социу-
ме Западной Сиби-
ри в 1930-е годы...

5. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 512. Л. 159.

6. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 701. Л. 221 об.-222.

ным подбором руководящих кадров в колхозе состояло всего 37 дворов, остальные 220 хозяйств оставались единоличниками. Почему так долго затянулась коллективизация в деревне Старо-Карапуз, где неудачно подобранное правление колхоза не занималось организационно-хозяйственным укреплением колхоза, а время проводило в пьянке, в растаскивании колхозного добра и издевательствах над отдельными колхозниками. Все это классовые враги деревни Старо-Карапуз использовали для агитации против колхоза. В результате чего беднота и середняки боялись идти в колхоз и только в 1935 году вступили в колхоз. 1935 год мало чем отличался от предыдущих годов. Председатель колхоза, кандидат ВКП(б) АРТЕМОВ занимался пьянством, многоженством, присвоением колхозных средств и вместе с парторгом ДРУЖИНИНЫМ устраивали скандалы, вплоть до применения оружия к взрослым колхозникам и избияния малолетних детей»⁷. В 1935 году произошло усиление налогового нажима государства на крестьянство. Данный случай показателен тем, что только ужесточение аграрной политики заставило единоличников пойти в столь неблагоприятную сельхозартель.

Далеко не всегда причиной отстранения председателя становились плохие взаимоотношения с колхозниками или бесхозяйственность. Ограниченное количество административных должностей и большое число желающих их занять претендентов стало фактором возникновения высокой конфликтности в колхозном социуме. Ситуация ухудшалась из-за ограниченных материальных средств колхозов, так что руководство не всегда имело возможность обеспечить даже своих родственников и приближенных. В условиях скудных ресурсов и широкого круга лиц, за них конкурировавших, в колхозных коллективах возникали групповые конфликты с целью борьбы за достижение более высокого положения во внутриколхозной иерархии. Ситуация обострялась в периоды неурожая и повышения хлебозаготовительной нагрузки на деревню. Назначенный в 1935 году на должность председателя сельхозартели «Общий труд» Северного района член ВКП(б) Ивкин столкнулся с оппозицией, состоявшей из местного актива и комсомольцев, ранее управлявших колхозом и имевших связи с органами правопорядка: «Эта группа до моего приезда руководила колхозом <...> хорошо работающих колхозников подсаживали и клеветали, писали разные ложные сведения в милицию на тех колхозников, которые выступали против этой группы вредителей, даже честных колхозников судили»⁸. Хотя нового председателя и комсомольскую ячейку должна была объединить пробольшевистская политическая ориентация, между ними началась вражда. Вероятней всего, причиной стало тяжелое хозяйственное состояние колхоза, два года подряд

7. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 634. Л. 25.

8. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 766. Л. 830-830 об.

испытывавшего неурожай. Ухудшившееся материальное положение заставило колхозников распродавать скот и одежду. В условиях ограниченных ресурсов назначение на ключевую должность человека со стороны стало причиной конфликта. И находившаяся ранее наверху колхозной иерархии комсомольская группа повела борьбу за утраченное «хлебное» место.

Вышеприведенные материалы наглядно демонстрируют примеры злоупотребления служебным положением со стороны колхозного руководства и различные модели поведения рядовых членов коллектива, сталкивающихся с произволом. Подобные условия складывались далеко не во всех колхозах. Нередки случаи и нормальных деловых отношений между колхозниками и администрацией. Рабочая атмосфера в таких хозяйствах была здоровой, а члены правления пользовались доверием со стороны односельчан. Впрочем, и здесь встречались свои смутняны, находившие повод для недовольства либо желавшие продвинуться вверх по колхозной иерархии. В сельхозартеле им. Максима Горького Шегарского района председатель ревизионной комиссии Пронин «вел игру» против главы колхоза, добиваясь исключения вместе с ним всех русских семей, после чего в колхозе остались бы только представители мордовской национальности. «Некоторым колхозникам Пронин заявлял так: председатель у нас парень крепкий, если мы ему сейчас при проверке не свернем голову, то он нам свернет, нам надо создать свой мордовский колхоз, чтобы можно было жить спокойно»⁹. Районная комиссия установила как минимум четверых поддерживающих Пронина колхозников. На общем собрании проверяющие акцентировали внимание на разжигании межнациональной вражды и распространении стороной конкурентов порочащих председателя слухов. В итоге Пронина сняли с должности главы ревизионной комиссии, хотя и оставили в колхозе. Неудавшийся переворот стоил ему места. Впрочем, возмутителю спокойствия крупно повезло оказаться в миролюбивом коллективе. «Колхозником Стекольниковым было внесено предложение исключить Пронина из колхоза. За исключение голосовало 14 чел[овек], 3 голосовало против и 61 воздержалось. Воздержавшиеся заявили: раз Пронин дал слово комиссии, что он честно будет работать и исправит свои ошибки, пусть останется и докажет это на деле, а исключить его всегда будет не поздно»¹⁰. В данном случае колхозники поддерживали председателя, но и не стали серьезно наказывать его противника. Гашение конфликтных ситуаций в сельском обществе было так же естественно, как и сами конфликты. Подобная позиция большинства создавала более благоприятную атмосферу в колхозном социуме.

9. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 701. Л. 222.

10. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 701. Л. 222 об.

В сплоченных коллективах руководитель колхоза являлся выразителем общих интересов, а члены правления становились его доверенными лицами. Можно предположить, что в таких колхозах чаще всего утаивали урожай от властей, производили сверхнормативное авансирование, распределяли хлеб по едокам, а не выработанным трудодням. Без поддержки односельчан колхозная администрация просто не смогла бы скрывать подобные действия от проверяющих органов. Особым уважением и защитой со стороны колхозников пользовались руководители, допуская хозяйственные нарушения во благо всего коллектива. Даже если они были связаны с обманом государства и уголовно преследовались. В 1936 году «в колхозе им. Кирова Венгеровского р[айо]на комиссией вскрыта засоренность руководящего состава колхоза: пред[седатель] колхоза Прокопьев — кулак, счетовод Баранов — колчаковский доброволец, бригадир Макеев — колчаковский доброволец, кладовщик Лобков — родственник кулака. Указанные выше лица, будучи связаны круговой порукой, во время хлебозаготовок умышленно сдавали государству худший, зараженный клещом хлеб, сдавали хлебопоставки за единоличников, занимались хищением, спекуляцией, срывали подготовку к севу. Несмотря на это, на общем собрании колхозники выступали в защиту указанных выше лиц»¹¹. Колхозников несколько не смущало антисоветское прошлое руководства. Возможно, им прощали прежние прегрешения за отстаивание интересов односельчан. Или в этом колхозе в принципе не любили советскую власть и в период Гражданской войны с оружием в руках выступали против нее. Подобные деревни и возникшие на их основе колхозы не являлись редкостью в 1930-е годы. Предъявить участие в антибольшевистском движении здесь можно было многим, поэтому на «колчаковскую» биографию членов правления односельчане смотрели сквозь пальцы. «Своим» председателям, пользовавшимся уважением, коллектив прощал не только халатность в работе, но и воровство. В 1936 году «в колхозе “Уралец” Венгеровского р[айо]на комиссией были вскрыты факты хищения колхозного хлеба, бездействия и срыва подготовки весеннего сева со стороны бригадира Кисант — б[ывшего] твердозаданца и кладовщика Гаврилова — разложившегося элемента. Несмотря на проведение явной срывательской работы Гавриловым и Кисант, все выступавшие колхозники стали их защищать»¹².

Порой колхозным коллективам приходилось бороться за «своих» председателей с районными и краевыми организациями. И не только в случаях, когда председателя хотели снять с должности за отстаивание интересов крестьян, провал заготовок или сверхнормативное авансирование. В 1936 году Горно-Шорский райком решил перебросить председателя колхоза «Памяти Ильича» Шарапова

11. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 709. Л. 386.

12. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 709. Л. 386

на работу в МТС и уже получил одобрение Западно-Сибирского крайкома. При этом мнение колхозников никто не спрашивал. Те же, недовольные действиями местных властей, потребовали вернуть Шарапова обратно. Его заместитель наотрез отказался исполнять должность председателя, а колхозники перестали выходить на работу. В «Памяти Ильича» воцарилось безвластие, что грозило хозяйственным провалом. Прибывшей на место районной комиссии в составе заведующего райзо, заместителя директора МТС по политчасти и инструктора райкома пришлось в течение нескольких часов созывать общее собрание. Явившиеся колхозники долгое время обсуждали вопрос об исполнении обязанностей председателя и в итоге общей массой, вопреки давлению со стороны районных властей, проголосовали за оставление Шарапова до конца уборочной кампании. Очевидно, что такой руководитель не просто обладал высоким авторитетом среди односельчан, но и являлся лидером, без которого вся хозяйственная деятельность в артели замирала. В данном случае, хотя можно говорить о недостатке инициативы среди колхозников, отсутствии других авторитетов в коллективе и неспособности принятия самостоятельных решений, тем не менее они не побоялись отстаивать свою позицию перед райкомом партии. Интересно, что мнение самого Шарапова никто не спрашивал — его судьба решалась колхозниками и местными властями¹³.

Похожий случай произошел в Кош-Агачском районе при переводе на другую работу председателя колхоза им. Куйбышева: «По вопросу отзыва тов[арища] Иванова в распоряжение райкома колхозники весьма с неохотой согласились отпустить по причинам умения его руководить колхозом, отзывчивость на нужды и запросы колхозников и товарищеская деловая обходительность с колхозной массой»¹⁴. Впрочем, дело не дошло до конфликта, и вопрос замены председателя решился достаточно быстро. Появление подобных случаев неудивительно, найти достаточно компетентного управленца, способного не только ладить с властями, но и справиться с ведением хозяйства, было не так уж просто.

Немаловажное значение имело то, откуда председатель родом: приезжий-переселенец, назначенный райкомом профессиональный руководитель или местный житель. Как правило, колхозы организовывались на основе сельских населенных пунктов. Идеальной форме коллективизации соответствовала формула «один колхоз — одна деревня». В относительно небольшом селе данное правило удавалось соблюдать, в то время как крупные приходилось разделять на два и более колхоза. Независимо от этого, колхозники зачастую знали друг друга на протяжении многих лет, иногда всю свою жизнь. Выбранный из их среды председатель также был знаком с членами коллектива еще до создания колхоза. Такой руко-

13. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 766. Л. 167.

14. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 766. Л. 297.

дитель автоматически становился «своим». Если не для всех, то для определенной группы, в зависимости от степени сплоченности коллектива. В деревнях, где ранее не наблюдалось острых конфликтов между односельчанами, и коллективизация прошла относительно спокойно, не разобщив местных жителей, колхозники имели высокую степень консолидации. Если в процессе выбора председателя местные власти не навязывали своего кандидата, то «выдвиженец» устраивал подавляющее большинство односельчан. Впоследствии райком мог его сместить за невыполнение хозяйственных планов, или перевести на другое место работы с «повышением», тогда председателя вновь избирали сами колхозники из своей среды, если не было альтернативного претендента от райкома. Порой председателя смещали, а спустя время вновь назначали на должность. Учитывая высокий уровень текучести колхозных кадров, одни и те же люди могли сменять друг друга на руководящих позициях. Иногда это указывало на наличие внутриколхозных групп, борющихся за власть. Но в документах отмечены случаи, когда руководитель отстранялся в силу не зависящих от него обстоятельств (скажем, при желании райкома «убрать» неугодного человека).

Впрочем, смена председателя не всегда означала борьбу за положение в колхозном социуме. Секретарь Татарского райкома описывал такой курьезный случай: «У нас есть колхоз “Заря” Дмитриевского с[ельского] совета, в нем объединено 30 хозяйств. За 3 года в этом колхозе сменилось 25 председателей. Глава семьи почти каждого двора был председателем. Там считают даже неудобным, когда председатель колхоза работает больше 6-ти месяцев, там действуют по принципу „просидел три месяца на председательском месте, дай посидеть другому”»¹⁵. Степень консолидации коллектива в «Заре» оказалась настолько высокой, что любой его член устраивал односельчан в роли председателя, а занятие должности являлось формальностью. Возможно, это свидетельствует о сохранении рудиментов отношений сельской общины и привычки решать основные проблемы «всем миром». Если основная власть принадлежит колхозу, то не имеет значения, кто будет ее «лицом».

Впрочем, данный случай является исключением. Власть практически всегда персонализировалась и закреплялась за определенным индивидом или группой. Прибывший в 1930 году из Ленинграда двадцатипятилетний Миронов описывал ситуацию, сложившуюся в коммуне «Заветы Ильича» Канского района. После переброски председателя на другую работу, несмотря на его высокий авторитет, коллективное хозяйство не развалилось. У бывшего лидера оставались последователи, сумевшие консолидировать колхозников. Однако местные власти, найдя ошибки в их работе, решили сместить с занимаемых должностей лиц, благодаря которым сельхозартель продолжала деятельность. Их отстранение грозило спровоцировать

15. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 98. Л. 147.

падение уровня коллективизации в селе Брожное, где располагались «Заветы Ильича». В своем письме в ЦК ВКП(б) Миронов попытался заступиться за них: «Если это будет допущено, то в коммуне будет сорвана уборочная кампания и в коммуне останется мало людей, так как руководство в лице т[оварищей] Литвинова и Горбача после переброски прежнего председателя пользуются большим авторитетом, чем это предполагает районное руководство»¹⁶. В данном случае власть персонализировалась не в лице одного председателя, а разделилась между ним и его приближенными. Эта группа сумела организовать работу в колхозе, чем заслужила авторитет среди односельчан.

В заключение следует отметить, что взаимоотношения между председателем и остальными членами колхоза выстраивались в зависимости от степени консолидации колхозников и царившей в коллективе атмосферы. Злоупотребление служебным положением в ущерб окружающим в основном происходило в колхозах, раздираемых внутрисельскими склоками, с низким уровнем сплоченности его членов. И наоборот, доброжелательная атмосфера становилась одним из условий появления в коллективе «своего» председателя. Согласно известному выражению, «короля делает свита», в колхозе наличие хорошего или плохого управленца зависело от окружения. Став во главе колхоза, председатель реализовывал заложенные в коллективе возможности. Если он был спаянный, то руководитель эффективней действовал во благо всего колхоза. В конфликтной среде ему удавалось легче преследовать личные интересы. Но не стоит данную тему сводить только к характеру взаимоотношений между членами колхоза. Председатель как хозяйственный руководитель играл заметную роль. Атмосфера внутри колхоза зависела во многом от действий главы. Если его поступки соответствовали требованиям окружения, такому председателю прощались даже некоторые просчеты. В противном случае могла возникнуть оппозиция, целью которой становилось смещение неугодного председателя. Зачастую так и происходило, если сам руководитель не подавлял конкурентов.

Подобные взаимоотношения характерны для многих трудовых коллективов, и колхозы в этом плане не исключение. Что это дает для понимания колхозного социума 1930-х годов, кроме того, что жизнь в колхозах протекала по вполне характерным для человеческого общества правилам? Адаптация крестьянства к колхозному социуму происходила внутри колхозных коллективов. Ее успешность зависела от данных коллективов и складывавшихся в них взаимоотношений между односельчанами. Фигура председателя находилась в центре всеобщего внимания. Во многом от руководителя зависела царившая в сельхозартели атмосфера, а его действия отражались на каждом отдельном индивиду. Колхозы со «сво-

16. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 304. Л. 128.

им» главой в большей степени напоминали крестьянскую общину до коллективизации, хотя ошибочно ставить знак равенства между ними. Можно предположить, что в таких колхозах вчерашние крестьяне-единоличники успешней адаптировались к новым социально-экономическим условиям, чем в колхозах, где между председателем и коллективом отсутствовало сотрудничество.

Фигура самого председателя неразрывно связана с коллективом. Он оказывался погруженным во внутриколхозные дела, даже не относящиеся к хозяйственным вопросам. В том числе во взаимоотношения между членами коллектива. Председатели были не просто выходцами из этой среды, их работа предполагала взаимодействие с односельчанами и знание проблем колхозного общества. Подобные условия способствовали коадаптации председателей и колхозного коллектива. Не только крестьяне лучше адаптировались в благоприятной обстановке к новому жизненному укладу, но и председатели, принимавшие на себя руководящую роль в колхозном социуме. Напротив, в конфликтной среде происходил обратный процесс дезадаптации председателей и разложение трудового коллектива, оказывавшегося неспособным как к хозяйственной деятельности, так и к социальному взаимодействию. Выбор модели поведения главы колхоза во многом определял, будет ли процесс его адаптации успешным и примет ли его коллектив. В противном случае в скором времени он, вероятнее всего, снимался с занимаемой должности либо самими колхозниками, либо местными властями. В таком случае следует говорить о дезадаптации председателя и отторжении его коллективом.

Библиография

- Арутюнян Ю. В. (1971). Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль.
- Безнин М. А., Димони Т. М. (2010). Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х годов // *Российская история*. № 2. С. 25–43.
- Глумная М. Н. (2011). Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х — 1930-е гг.). Вологда: Легия.
- Гущин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. (1975). Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.
- Данилов В. П. (2011). История крестьянства в России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН.
- Зеленин И. Е. (2006). Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука.
- Ивницкий Н. А. (2000). Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН.
- Изюмова Л. В. (2010). Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России). Вологда: ВГПУ.
- Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма (1985). Новосибирск: Наука.
- Лапердин В. Б. (2019). Аграрное освоение северных районов Западно-Сибирского края во второй половине 1930-х годов // *Гуманитарные науки в Сибири*. № 1. С. 11–16.
- Фицпатрик Ш. (2001). Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН.

Chairmen of collective farms in Western Siberia in the 1930s: Practices of co-adaptation and maladaptation

Vyacheslav B. Laperdin, PhD (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia.
E-mail: laperdin2011@mail.ru

В. Б. Лапердин
Председатели
в колхозном социу-
ме Западной Сиби-
ри в 1930-е годы...

Abstract. The article considers the role of the collective-farm chairman in the rural society. As the central figure of the collective farm, the chairman largely determined the degree of collective-farmers' consolidation. At the same time, the head of the collective farm was "created" by social environment, and his behavior often reflected the collective-farm atmosphere. After becoming the head of the collective farm, the chairman realized its community's opportunities. In a friendly atmosphere, the head acted effectively for the benefit of all. In case of conflict relations, he could more easily pursue his own interests. The peasantry adapted to the collective farm society within its communities, and successful adaptation depended on the relations between villagers and their head. At the same time, coadaptation of chairmen and collective farm collectives was also determined by social environment. In a favorable environment, both peasants and collective farm chairmen successfully adapted to new living conditions. On the contrary, conflict relations led to the maladaptation of the chairman and disintegration of the labor collective which lost its ability to economic activity and social interaction. The data presented in the article proves the key role of chairmen in collective farm collectives and describes their interaction as reflected at the economic level, in peasants' attitude to the collective farm and in the nature of work and interpersonal communication of collective farmers.

Key words: agrarian history, collective farms, peasantry, collective farm society, chairman, adaptation, Siberia

References

- Arutyunyan Yu.V. (1971). *Sotsialnaya struktura selskogo naseleniya SSSR* [Social Structure of Rural Population of the USSR], Moscow: Mysl.
- Beznin M. A., Dimoni T. M. (2010) *Sotsialnaya evolyutsiya verkhushki kolkhozno-sovkhoznogo upravlenstva v Rossii 1930–1980-h godov* [Social evolution of the top-management of collective and state farm in Russia in the 1930s–1980s]. *Rossiyskaya Istoriya*, no 2, pp. 25–43.
- Danilov V. P. (2011) *Istoriya krestyanstva v Rossii v XX veke: izbrannye trudy: v 2 ch.* [History of Peasantry in Russia in the 20th Century. Selected Works: in 2 vols.], Moscow: ROSSPEN.
- Fitzpatrick Sh. (2011) *Stalinskie krestyane: sotsialnaya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization], Moscow: ROSSPEN.
- Glumayna M. N. (2011) *Stanovlenie i razvitie upravlencheskogo apparata kolkhozov Evropejskogo Severa Rossii (konets 1920-h–1930-e gg.)* [Formation and Development of the Collective-Farm Administration in the European North of Russia (Late 1920s–1930s)], Vologda: Legia.
- Gushchin N. Ya., Kosheleva E. V., Charushin V. G. (1975) *Krestyanstvo Zapadnoi Sibiri v do-voennyye gody (1935–1941)* [Peasantry of Western Siberia Before the War (1935–1941)], Novosibirsk: Nauka.
- Ivniitsky N. A. (2000) *Repressivnaya politika sovetskoi vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [Repressive Policy of the Soviet State in the Village (1928–1933)], Moscow: IRH RAS.
- Izyumova L. V. (2010) *Stratifikatsiya kolkhoznogo derevni v 1930–1960-e gg. (po materialam Evropejskogo Severa Rossii)* [Stratification of the Collective-Farm Village in the

- 1930s–1960s (On the Materials from the European North of Russia)], Vologda: VSPU.
- Krestyanstvo Sibiri v period uprochneniya i razvitiya sotsializma* (1985) [Siberian Peasantry under the Strengthening and Developing Socialism], Novosibirsk: Nauka.
- Laperdin V. B. (2019) Agrarnoe osvoenie severnykh rayonov Zapadno-Sibirckogo kraja vo vtoroj polovine 1930-h godov [Agrarian development of the northern areas of the West Siberian Region in the second half of the 1930s]. *Humanities in Siberia*, no 1, pp. 11–16.
- Zelenin I. E. (2006) *Stalinskaya “revolutsiya sverkhu” posle “velikogo pereloma”, 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezultaty* [Stalin's “Revolution From Above” After the “Great Turning Point”, 1930–1939: Policy, Implementation, Results], Moscow: Nauka.

Lost Paradise: The phenomenon of ‘Soviet Korean Advanced Kolkhozes’ in Central Asia (Part 2)

Kim Chang Jin

Kim Chang Jin, Dsc (Political Science), Professor, SungKongHoe University. 320 Yeon Dongro, Guro Gu, Seoul, Korea; Visiting Researcher, Institute of Asian Studies, Al-Farabi Kazakh National University, 71 Al-Farabi Avenue, Almaty, Kazakhstan. E-mail: koruskim@gmail.com

Abstract. In the history of Soviet kolkhoz (collective-farm) research, the ‘advanced kolkhoz (millionaire) phenomenon’ remains almost unexplored, although it was a notable social-economic phenomenon. Members of the Korean advanced kolkhozes in Central Asia, which operated since the late 1930s to the 1980s, at first adapted to the kolkhoz system through hard work, but later became very active in creating social-cultural institutions within the kolkhoz system for common benefit (not only ethnic Koreans but also natives). Regionally, the overwhelming majority of Korean advanced kolkhozes, including the legendary ‘Polar Star’ and ‘Polittotdel’, were active in Uzbekistan, followed by Kazakhstan. Perhaps, Korean advanced kolkhozes in Central Asia reached the peak of the Soviet-style socialist agricultural civilization in the 1960s — 1970s. These well-to-do Korean kolkhozes in Central Asia developed a strong social infrastructure in their community as a basis for the contemporary living culture. Local common assets were formed from their own abundant undivided funds, consumption and cultural funds. However, what is more important is that Korean kolkhozes-millionaires not only built an excellent material and technical foundation in the villages based on their high economic performance, but also created harmonious multiethnic communities while enjoying various social benefits similar to city life.

Key words: Soviet Korean advanced kolkhoz, Central Asia, community-wealth building, competent dedicated leader, efficient labor organization, kolkhoz garden city, multiethnic community

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-159-177

Building community wealth: funding and social-cultural infrastructure

Unlike the sovkhov, the kolkhoz was not a business directly managed by the state, so it had to form and expand its assets except for land under permanent lease. The indicator of the kolkhoz assets expansion was indivisible capital (funds) accumulated at the end of fiscal year. Indivisible funds were neither paid to kolkhoz members as their salary nor distributed upon leaving the kolkhoz. According to Article 12 of the 1935 Kolkhoz Code, the kolkhoz was to allocate 15% of its an-

nual income as indivisible capital; however, underdeveloped kolkhozes allocated less than 10%¹.

In the early days of the kolkhoz system, indivisible funds were formed from the socialized property of kolkhoz members and from property received from the state; later such funds consisted mainly of property accumulated through kolkhoz operations. For instance, in 1953 in Kazakhstan, the former accounted for 7.1% and the latter for 89.4%². Indivisible funds were used for production and construction, purchase and improvement of social-cultural infrastructure, in particular, construction of buildings and roads for agriculture and animal husbandry, houses for kolkhoz members and power plants, cultural and welfare facilities (schools, hospitals, resorts); major repairs; purchase of agricultural machinery and transportation (tractors and combines); irrigation; purchase of breeding livestock and other production inputs³.

Therefore, indivisible funds are an economic basis of the kolkhoz system and a financial source for its expansion and reproduction. These funds were mainly replenished by cash income from the sales of the kolkhoz's produce. Thus, as cash income grew, indivisible funds also increased. Due to the agricultural policy innovations of the Soviet state, from 1949 to 1957 the kolkhoz average cash income increased by 11.2 times (Tomlin, 2021: 233). Considering the Korean kolkhoz "Polar Star" in the Tashkent Region, while the labor force increased about threefold from the early 1940s to the mid-1960s, the cash income of kolkhoz members (according to the number of working days) increased by more than 60 times — from 20,230 rubles in 1940 to 1,3 million rubles in 1966 (Inoyatov, Nurullin, 1970: 49). Tables 1, 2 and 3 show the trend and scale of the increase in the indivisible funds of the kolkhozes "Polar Star", "Sverdlov" and "Politotzel".

Table 1

An increase in indivisible funds of the "Polar Star"
in thousand rubles (Kim, 1954: 42)

Year	Indivisible Funds
1940	64.3
1952	1,076.62
1953	1,607.80
Total	3,685.80

1. For instance, in 1949, the financial income of the "Kokzub" kolkhoz in the Karmakchi district of Kazakhstan was 59,700 rubles, but only 4,168 rubles were allocated as indivisible capital. See: Newspaper "Lenin's Banner", 13.09.1950.

2. Newspaper "Lenin's Banner", 09.12.1958.

3. Newspaper "Lenin's Banner", 26.12.1954.

Table 2

An increase in indivisible funds of the “Sverdlov”
in thousand rubles (Nurmatov, 1954: 16; Artykov, 1957: 38–39)

Year	Indivisible Fund
1949	2,752.13
1953	7,255.78
1955	17,000
1956	19,000

Accordingly, the share of unspent and accumulated indivisible funds in the “Sverdlov” was 19.5% in 1949, 28.4% in 1950, 37.6% in 1951, 39.5% in 1952, and over 50% in 1953 (Nurmatov, 1954: 16–17).

Table 3

An increase in indivisible funds of the “Politotdel” in thousand rubles (Hwang, 1961: 27)

Year	Indivisible Fund	Share of money income (%)
1953	29	15.4
1958	627.7	20
1960	1,347.4	25

The total amount of debt on the 1955 indivisible funds of the kolkhoz “Path to Communism” in the South of Kazakhstan was 7.532 million rubles (Hwang, 1956: 12). In the early 1960s, advanced kolkhozes like the “Communism” in the Chili district of Kazakhstan’s Kyzyl-Orda Region and the “3rd International” in the Karmakchi district of the same region were deducting up to 25%–46% of total cash income as indivisible funds monthly, while other kolkhozes like the “Victory” in the Jambul Region were deducting only up to 10%–18%⁴. In the mid-1960s, many advanced kolkhozes were earning more than 1 million rubles a year, deducting hundreds of thousand rubles to their indivisible funds⁵.

Furthermore, the wealth and cultured life of the kolkhoz members depended on consumption and cultural funds formed separately from indivisible funds. Consumption funds were mainly used to cover living, leisure, education and cultural expenses of villagers. If the kolkhoz wanted to pay additional pensions (in addition to those paid by the state) and take extra care of the retired kolkhoz work-

4. Newspaper “Lenin’s Banner”, 24.12.1963; 18.01.1969.

5. Newspaper “Lenin’s Banner”, 29.01.1967.

ers, a separate social security fund⁶ was formed. Since the 1950s, advanced Korean kolkhozes in Central Asia had formed not only indivisible but also consumption and cultural funds. The cultural fund of the “Sverdlov” kolkhoz in the Tashkent Region was 162,000 rubles in 1955 and 210,000 rubles in 1956 (Artykov, 1957: 38–39). The “Uzbekistan” kolkhoz in the Upper-Chirchik district of the Tashkent Region was a large kolkhoz with 2,000 hectares of craft crops such as kenaf and cotton: its income in 1968 was 4.784 million rubles, and in 1969 it allocated more than 100,000 rubles to the cultural fund⁷.

The “Leningrad” kolkhoz in the Syrdarya district of Uzbekistan was organized by 27 peasants in a wasteland in the late 1930s, and in the first year had a small harvest of cotton and grain, watermelons and melons from 80 hectares. In 1970, its cultivated area increased to 2,536 hectares, and in 1975, its income was 1.555 million rubles. The kolkhoz invested more than 8 million rubles in production and welfare facilities over 10 years. As a result, cultural houses comparable to the urban ones were built in the central village of the kolkhoz and its two branches and other facilities such as shops, restaurants, schools, hospitals, kindergartens, daycare centers, clubs and cinemas. There was a motorcycle for every two households, a car for every six households, and every house was equipped with a radio, television, washing machine, refrigerator, and new furniture⁸.

Due to the record-breaking harvests and high productivity the advanced Korean kolkhozes in Central Asia were able to have such abundant indivisible, consumption, social security, and cultural funds. The two main sources of income were crop farming and animal husbandry, while vegetables and grapes were grown for additional profits. Koreans who had lived in temperate regions of East Asia traditionally ate rice, barley and wheat as their staple food, and corn, beans, sweet potatoes and vegetables as side dishes. Additionally, due to the geographical conditions of the Korean Peninsula and Primorsky Region located close to the sea, fish made up a larger part of their diet than meat. Therefore, the first crop cultivated by Koreans in Central Asia was rice.

Kazakhstan with a large desert and dry area had been inviting Koreans from the Far East to learn rice farming techniques since the 1920s. In 1929, 220 Koreans (117 households) moved to Kazakhstan from the Far East and formed the Korean agricultural cooperative “Kazris” around the Chili and Turkestan railway stations in the Kyzyl-Orda Region (Novik, Shcherbakov, 1939: 9). Over time the distri-

6. According to the decision of the Soviet Cabinet of Ministers on September 4, 1964, kolkhozes were to deduct 2.5% of total income in 1964 and 4% in 1965 to the social security fund. Pensioners working in agricultural enterprises were to receive the full pension regardless of their salary.

7. Newspaper “Lenin’s Banner”, 28.06.1969.

8. Newspaper “Lenin’s Banner”, 05.03.1976.

bution of main crops in the advanced Korean kolkhozes changed. For instance, in the Kyzyl-Orda Region, the area under rice had increased until the 1970s, but the kolkhoz near Almaty preferred to grow onions as more profitable. The situation was different in Uzbekistan with the largest number of Korean kolkhozes: according to the national economic policy and by the kolkhoz's decision, the share of rice gradually decreased, while the share of cotton⁹ and kenaf¹⁰ as more profitable craft crops significantly increased. Many Korean kolkhozes grew rapidly in the 1950s–1960s due to record harvests of rice in Kazakhstan and of cotton (“white gold”) with kenaf (“blue gold”)¹¹ in Uzbekistan. The livestock sector that had experienced a decline at first became profitable in the 1960s: cows, horses, sheep and pigs were mainly raised in kolkhozes' barns, while goats, ducks, geese, chickens and quails — on kolkhoz members' farms, which determined the ‘Central Asian Korean advanced kolkhozes’ phenomenon.

In the late 1960s — early 1970s, the average monthly income of many kolkhoz workers was close to that of sovkhos workers¹². On the “Polar Star” kolkhoz in the Tashkent Region, the per capita cash income increased more than 50 times from 1938 to 1968 (Inoyatov, Nurullin, 1970: 48). In the “Politotdel” kolkhoz, the total amount of cash distributions in 1953, when it was an undeveloped farm, was only 200,000 rubles, while in 1960, when it had developed into an advanced farm, — 6 million rubles (in new money). Thus, the income of the kolkhoz member per working day was 3.5 rubles in cash and 1 kg of grain (Khakimov, 1961: 54). The main sources of income for the “Sverdlov” kolkhoz were cotton and livestock: the total cash income was 11,350,200 rubles in 1955 and 13,003,500 rubles in 1956 (Artykov, 1957: 36–37). Therefore, the cash income of its members increased 17 times from 1949 to 1953 (Table 4).

Table 4

Cash income per working day in the kolkhoz “Sverdlov”
(Nurmatov, 1954: 17; Artykov, 1957: 36–37)

Year	1949	1950	1952	1953
Amount	1,24 rubles	12,5	15, 27	20,8

9. By the late 1970s, Uzbekistan's cotton production accounted for 70% of the total Soviet production, and in 1978 its harvest reached 55.5 million tons. Newspaper “Lenin's Banner”, 26.04.1979.

10. Kenaf was originally a subtropical crop that Russia imported from India, Iran and other countries, and its cultivation began in Uzbekistan in 1925.

11. Central Asian farmers called cotton “platinum”, kenaf — “blue gold”, rice — “pearls”, vegetables and fruits — “fruits of the sun”. Newspaper “Lenin's Banner”, 30.03.1971.

12. Newspaper “Lenin's Banner”, 10.11.1970.

In the comparative perspective, in 1950, out of 35,430 kolkhozes in the Soviet Union only 10,695 (30%) had cash income of more than 1 ruble per working day, while out of 25,594 kolkhozes in Russia, only 2,039 (7%) (Tomilin, 2021: 61). The standard of living of rural workers was gradually approaching that of factory workers. However, the comparison of urban and kolkhoz workers' income in cash would create a false impression due to the following: (1) since the 1950s, peasants had basically produced their food; (2) in addition to their regular salaries and bonuses, they also receive profits from the sales of surplus agricultural products of the kolkhoz; (3) another source of profits was the sales of agricultural products from their gardens.

The Soviet rural policy after the post-war restoration can be summarized as “eliminating the difference between urban and rural areas” in terms of living standards¹³. Advanced Korean kolkhozes created an oasis of agricultural civilization in the arid lands of Central Asia already in the late 1940s — early 1950s, and at the latest in the late 1950s — 1960s. From the late 1940s to the mid-1980s, outsiders described the advanced Korean kolkhozes' villages with modern social and cultural facilities, orderly and beautiful scenery as “socialist small towns”, “communist rural areas”, “modern small towns”, “gorgeous kolkhoz villages that turned into small towns”, “true agricultural cities”, “small sanctuaries” and “paradise on earth”. Some further examples show that advanced Korean kolkhozes in Central Asia reached the peak of the Soviet-style agricultural socialist civilization in the 1960s.

High agricultural culture and high productivity of animal husbandry, cultural development and material security of peasants significantly eliminated differences between urban and rural areas. It was difficult to find a difference between the lives of kolkhoz members and city dwellers, since the kolkhoz village became a small town, and the material life of kolkhoz members was connected with their spiritual life¹⁴.

Excellent clubs, hospitals and schools, kindergartens and nurseries (daycare centers), shops and restaurants, stadiums and dance halls, green asphalt streets and cultural houses lined up on both sides, gas and electricity, radio and television — that was the rural landscape of the advanced Korean kolkhozes¹⁵.

One enters the central village of the “Polar Star” kolkhoz with as-

13. In the “Polar Star” kolkhoz village, “boundaries between the city and the countryside were gradually disappearing”. Newspaper “Lenin’s Banner”, 17.06.1960.

14. Newspaper “Lenin’s Banner”, 06.09.1967.

15. Newspaper “Lenin’s Banner”, 23.10.1970.

phalt roads and tall poplar trees that seem to pierce the sky. This village looks like a small town. Amidst the lush greenery, there are white poplar trees and numerous buildings (schools, clubs, management committees, stores, kindergartens, daycare centers (nurseries), inns (hotels), clinics, pharmacies, etc.) surrounded by spacious houses built in rows along the street¹⁶.

Small houses with all conveniences, beautiful cultural centers, clean hospitals, welfare services including tailor shops and barber-shops, asphalt streets, two-three schools and various shops — the central village reminded of any small town. In addition, the “Politotdel” kolkhoz had inns and stadiums that were just as good as those in cities, and there was even the “Happiness Hall” in which people could get married in a grand atmosphere, celebrate an anniversary, and so on¹⁷.

The “Politotdel” was a complete copy of a modern small town; its stadium could accommodate 12,000 people, which is rare in many cities¹⁸. The streets of the central village were hidden by lush greenery, almost all houses were new; kolkhoz members’ houses had four–six rooms, a kitchen, a bathroom, water supply, sewerage, gas, and a vegetable garden with flower beds and an orchard.

The streets were almost completely paved, and the village did not differ much from any city: many restaurants, confectionery shops and other facilities, in which one could order groceries by the phone to have them delivered to one’s home. Kolkhoz built a new stadium, and its football team participated in the national A-level championship. Kolkhoz’s athletic department consisted of hundreds of first- and second-level athletes (track-and-field, wrestling and tennis enthusiasts)¹⁹.

The “Pravda” kolkhoz village looked like a small town. Watching movies was the most popular aspect of its cultural life: movies (soviet and foreign art films, documentaries and science films) were shown in clubs in winter and at outdoor theaters in summer. Since livestock farms could not have special cinema facilities due to the nature of their work, mobile projection units were sometimes set up to show films. The cultural recreation park was open every year from May 1 to late fall and played a significant role in the villagers’ cultural life. This park was densely planted with various ornamental trees, through which even sunlight could not penetrate. In the evening, elec-

16. Newspaper “Lenin’s Banner”, 17.06.1960.

17. Newspaper “Lenin’s Banner”, 29.01.1967.

18. Newspaper “Lenin’s Banner”, 23.08.1968.

19. Newspaper “Lenin’s Banner”, 30.06.1970.

tric lights were as bright as day and the air was cool, making the park a great place for rest for those tired of daytime work²⁰.

Kolkhoz garden city as a common asset

Social welfare and community activities

Community-wealth building with abundant indivisible, consumption and cultural funds formed by advanced Korean kolkhozes by their own labor can be divided into (a) production facilities such as irrigation canals, power plants, livestock farms, warehouses, machinery and automobile repair shops; (b) social infrastructure such as roads, schools, hospitals, pharmacies, youth campsites, resorts and health centers; (c) daily amenities such as restaurants, barbershops, tailor shops, hotels and department stores; and (d) cultural and sport facilities such as palaces of culture, clubs, outdoor movie theaters, parks, stadiums, etc. Among these, (a) is related to the direct economic activities of the kolkhoz, and the rest is a common asset related to the daily and cultural life of kolkhoz members. In particular, (d) was a common space for villagers to strengthen their mutual ties through free activities that made these assets truly common. Village residents' participation can be divided into two types: passive — beneficiaries of programs provided by the facilities (like various commemorative events including concerts, movies and lectures in the palace of culture), and active — organizers of activities (amateur arts troupe consisting of music, dance, theater, and formative/craft genres, various sports activities such as football, volleyball, tennis, and wrestling).

Social welfare and healthcare

From the 1950s to the mid-1980s, the standard of living and social security in advanced Korean kolkhozes in Central Asia was very high compared to the general Soviet level and significantly exceeded the level of most countries in East Asia, including Korea, being close to the level of rural areas in Western Europe. However, what is even more valuable is that kolkhoz members lived in an equal and peaceful multi-ethnic community with mutual trust (beyond abundant material welfare).

The management committee of the advanced Korean kolkhoz paid special attention to providing various services for the daily production activities of its members. One of the specific facilities was the hut — a rest area mainly used by kolkhoz members working in the field in summer: the kolkhoz leadership knew that pleasant rest was

20. Newspaper "Lenin's Banner", 23.07.1969.

an effective way to ensure high productivity. Such huts were often built by work teams, because kolkhoz farms were so large that work sites were quite far from villages. Such huts were usually located in places with beautiful scenery — many trees and water channels, they had yards with flower beds, refrigerators, radios and everything else needed for comfortable rest after hard work. Here, kolkhoz members got hot meals for free, read newspapers and magazines, listened to music, played chess, and enjoyed hobbies. For work units with a large share of young women, temporary kindergartens were opened as a part of the hut auxiliary facilities (Pak, 1963: 18).

In general, the high level of welfare enjoyed by the Korean advanced kolkhoz members is evident in cultural, health care and leisure life. Already in the 1960s, the “Politotdel” kolkhoz in the Tashkent Region had a library with three branches and over 10,000 books in Russian, Uzbek and Korean, and 250 active readers frequently visited it. The library of this kolkhoz was subscribed to 1,200 copies of Soviet and Uzbek newspapers and magazines, 200 copies of the Tashkent Region newspaper, 350 copies of the Korean newspaper “Lenin’s Banner”, 300 copies of the Upper-Chirchik district newspaper, and 30 copies of North Korean newspapers and magazines (Kozlov, Son, 1961: 22–23). The ordering office for delivery of goods, which had been in operation since the fall of 1960, was not only a very convenient system for villagers’ daily life but also an innovative idea that was almost half a century ahead of its time worldwide. Before this system was implemented, kolkhoz members had to go to the accounting department to order clothes and wait for their delivery from the warehouse, but now they just needed to call the ordering office and necessary goods were delivered to their houses. The ordering office had three delivery men who immediately delivered meat, milk, vegetables and other food products ordered by phone or through deliverymen (products were supplied by the kolkhoz). At first, the ordering office delivered more than 150 kg of meat, 300 kg of milk, and 400–500 kg of other food products, but this was not enough to meet the increasing demand; thereby, the initially assigned motorcycle was replaced by a car exclusively for delivery (Kozlov, Son, 1961: 22).

The “Polar Star” hospital built in 1961 consisted of two buildings not far away from the central village, had three doctors and 35 nurses, surgery, obstetrics and gynecology, medical center, dental room, and X-ray room. The front garden of the hospital was full of fruit trees and ornamental plants, and various vegetables were grown in the one-hectare garden to provide supplies for nutritious and delicious meals to the patient cafeteria. Hwang Nina, a doctor born in the Primorsky Region in 1936, was studying at this hospital to apply oriental acupuncture in the future²¹. In 1970, ten years after opening, the “Polar Star” hospital had 30 beds (20 for general patients, 5 for

21. Newspaper “Lenin’s Banner”, 01.05.1964.

children, and 5 for obstetrics and gynecology), 2 doctors, 14 associate doctors, 14 medical technicians, and 4 nurses. At the clinics of its five branches, villagers could be examined and receive treatment on a regular basis since 1969, and in 1970, the number of patients reached 7,836. In 1966, the kolkhoz donated an ambulance “Volga” to the hospital, and the number of beds was to increase to 35 in the future²².

The “Dimitrov” kolkhoz hospital which opened in the early 1960s also received positive feedback from villagers. This hospital consisting of surgery, pediatrics, obstetrics and gynecology, dentistry and acupuncture had the latest medical equipment just as clinics in large cities. The specialized doctors and medical technicians took good care of 35 to 40 patients a day, thereby the number of people coming from the neighboring kolkhoz village for treatment was gradually increasing. To strengthen its sanitation project, the “Dimitrov” kolkhoz organized a sanitation committee of 15 members to take responsibility for cleanliness in rural areas²³.

In the mid-1960s, the “Politotdel” kolkhoz had a hospital with 100 beds, a pharmacy, a clinic, 6 medical centers, a birth center, 4 bath-houses (for 350–400 people a day), and a resort (25 people rested each shift). There were two main areas supported by the kolkhoz cultural fund: every year 250–300 members were on holidays at resorts, and 60–100 members were treated at the central sanatorium²⁴. Three kolkhozes — “Politotdel”, “Pravda” and “Sverdlov” — joined forces to build a tuberculosis sanatorium (Hwang, 1977: 111).

Community activities: palaces of culture, clubs, amateur art troupes, sports

A very interesting part of the daily life of kolkhoz members were lively clubs in the evening. Here, movies were shown every day, even during the busy agricultural season; young members of the kolkhoz filled the evening dance hall with and were enthusiastic about various amateur art troupe activities (Iskhakov, Kim, 1972: 22–23). The “Polar Star” club had shown new films every evening since the 1950s and also showed children’s films twice a week (200–300 visitors a day)²⁵. In addition to movies, libraries were another valuable cultural project of the advanced Korean kolkhoz: the “Politotdel” library had four sections on the second floor of the palace of culture, a collection of 13,000 books and about 800 readers. There was no other rural library of this size in any district or in the entire Tashkent Region (became a district library in 1987)²⁶.

22. Newspaper “Lenin’s Banner”, 11.05.1972.

23. Newspaper “Lenin’s Banner”, 13.12.1964.

24. Newspaper “Lenin’s Banner”, 06.09.1967.

25. Newspaper “Lenin’s Banner”, 17.06.1960.

26. Newspaper “Lenin’s Banner”, 06.07.1988.

Activities of the amateur art troupe during the Soviet period had special significance in that art was not limited to the domain of “privileged artists” but was integrated into daily lives of ordinary people. As William Morris, Lev Tolstoy, Pyotr Kropotkin, and John Berger emphasized, songs, dances, paintings, plays, architecture in the lives of the working people could be both practical and beautiful works of art. Such folk art lack unreality, pretense of gentility, and peculiar intricacies typical for professional artists. Activities of the amateur art troupe could be considered as a form of organic connection between people’s productive labor and living art.

After the 1950s, under the post-war restoration, the Soviet Union provided support for amateur art troupes, including the patronage of urban cultural institutions in rural areas: writers, artists, composers and film makers actively participated in improving the level of rural culture²⁷. Already in the early 1950s, there were about 5 million amateur artists in the Soviet Union — these people had jobs but developed their artistic talents in their free time or for special events. In 1953, they gave 200,000 performances that attracted 175 million spectators. In 1969, there were 113,800 cultural centers and clubs in rural areas, accounting for 9/10 of all clubs in the Soviet Union. There were 131,300 cinema facilities in rural areas (8/10 of their total number), and 88,000 public libraries (124,800 in the Soviet Union)²⁸.

In the mid-1970s, there were 74,000 participants in the Uzbekistan amateur art troupes, 76 of which became people’s art troupes, and the number of troupes participating in the National Amateur Art Troupes Festival was 4,600: they gave performances about 50,000 times a year for about 5.5 million people in rural clubs, palaces of culture, farm huts, and livestock complexes²⁹. There were more than 50 Korean amateur art troupes in Kazakhstan and Uzbekistan³⁰: they consisted of leaders with expertise and dedication to cultural and enlightenment activities in rural areas and people of various occupation and age (kolkhoz workers, tractor and combine drivers, agricultural engineers, milkers, mechanics, housewives, teachers and students). The cultural and artistic activities of the Korean people in Central Asia were represented by the “Korean (Joseon) Theater”³¹ based in Kazakhstan and led by a group of professional artists, and by amateur art troupes of the advanced kolkhozes in the Tashkent Region of Uzbekistan, whose activities were not limited to palaces of culture or

27. Newspaper “Lenin’s Banner”, 28.02.1979.

28. Newspaper “Lenin’s Banner”, 11.12.1969.

29. Newspaper “Lenin’s Banner”, 17.06.1975., 05.03.1977.

30. Newspaper “Lenin’s Banner”, 16.06.1954, 11.03.1960, 17.04.1960. On the other hand, there were “Avant-guard” and “Giant” that were economically advanced but ignored cultural projects.

31. There are many articles about it in the newspaper “Lenin’s Banner”. See also: Hong, 2019.

clubs of their kolkhozes. During the busy agricultural season they performed at the farm hut and toured nearby Korean kolkhozes to strengthen mutual ties through artistic exchange³².

In 1954, about 60 young men and women participated in the “Polar Star” entertainment department (9 musicians, 12 actors, and vocalists)³³. People’s theater in this kolkhoz had worked successfully under the leadership of Choi Gil Jun, a famous artist of the Republic of Uzbekistan, since the 1960s³⁴. The “Polar Star” club yard was filled with people in the evening even during harvest time. Alleys were filled with young people coming to the dance hall, adults coming to the cinema, and other people coming to the reading room³⁵.

The “Northern Lighthouse” amateur art troupe had worked since 1965, supported by the kolkhoz management committee which appointed Jin Woo as its leader for his artistic talent and creative writing. The art troupe consisted of 30 men and women practicing every evening except for the busy farming season. The art troupe toured not only within its district but also to nearby kolkhozes and participated in the Amateur Art Troupe Competition of the Republic of Uzbekistan³⁶.

The “Youth Song and Dance Troupe (Concert Troupe)” of the “Politotdel” kolkhoz was organized in 1955, and in 1970 it was renamed the “People’s Song and Dance Troupe (Concert Troupe)” for its high level. The troupe consisted of the composer Hwang Timofei, its music instructor, 9 musicians (performers), 4 singers, and 7 dancers; their average age was 22 years. Singers — mechanic Vladimir Kang and telephone operator Evgeny Hwang included in their repertoire not only Korean and Japanese songs but also Russian, Ukrainian, Romanian and Spanish, and even Uzbek dances. In 1976, in addition to the palace of culture, outdoor cinema and club, the kolkhoz village had eight schools, a branch of a music school, five libraries, and a dance institute headed by an actor from the National Navoi Grand Theater in Tashkent. At every performance of the troupe, the 1,200-seat hall was packed. The troupe almost reached the level of professional art troupe and received the Lenin Communist Youth League (Komsomol) Award in 1976 for its significant contribution to the cultural life of the rural working youth (Hwang, 1981: 30–31).

In the late 1970s, for the first time in the district, the “Politotdel” created the position of vice-chairman in charge of cultural projects in five areas — propaganda, cultural education, music school and stadium, martial arts center, and three concert groups including the

32. Newspaper “Lenin’s Banner”, 20.30.1962.

33. Newspaper “Lenin’s Banner”, 02.12.1954.

34. Once the theater was recognized as “people’s”, the director and artistic instructors received salaries from the government.

35. Newspaper “Lenin’s Banner”, 04.10.1963.

36. Newspaper “Lenin’s Banner”, 20.06.1967.

troupe. The first vice-chairman was Moisei Hwang³⁷. Cultural workers had the same rights as agricultural experts; for example, all members of the troupe were provided with comfortable housing³⁸.

In the early 1970s, all cultural institutions in the “Pravda” kolkhoz in the Tashkent Region were beautifully decorated. The palace of culture in the central village had various clubs, including dance, choir, solo singing, art, music, and the amateur art troupe. Its musical performances rich in content and artistically well-organized took first place at the Uzbekistan Amateur Arts Festival. The park of culture and recreation in the central village had a dance hall, propaganda room, billiards room, restaurant and teahouse. Even during the busy agricultural season, kolkhoz members gathered at the park every evening and had a pleasant rest. The outdoor movie theater was packed every evening. At the kolkhoz cultural centers, question and answer soirees (evening gatherings), reports on the international situation and on the interpretation of party and government decisions, lectures on literature and art, and talks about agricultural science were systematically held according to the plan. There were 25 such meetings were held annually. In 1971, residents of the “Pravda” central village subscribed to newspapers and magazines for 7,200 rubles, which meant that each household subscribed to 3–4 types of newspapers and magazines. The kolkhoz radio regularly reported national and local news, stories, poems, and interesting articles published in the “Lenin’s Banner” newspaper.³⁹ In 1974, 115 young men and women regularly participated in the activities of the “Pravda” palace of culture⁴⁰.

In addition to cultural and educational projects, most Korean advanced kolkhozes’ leaders considered the development of sports to be closely linked to economic issues⁴¹, thereby supporting football, volleyball, basketball, tennis, cycling, and chess. This was determined by the belief that amateur art troupes and sports activities were not a waste of the kolkhoz’s budget and energy but strengthened residents’ belonging to the kolkhoz through fun and healthy rest, thus improving productivity⁴². The “Politotdel” that became advanced in the late 1950s was the most enthusiastic about sports activities among Korean kolkhozes. Already in the early 1960s, the size of its sports stadium was comparable to that of the “Pakhtakor” in Tashkent, the capital of the republic, and it had a Class B (in the Soviet league) football team of 30 players. In addition to football, which they were most passionate about, kolkhoz members enjoyed almost all sports, including

37. Newspaper “Lenin’s Banner”, 21.12.1979.

38. Newspaper “Lenin’s Banner”, 10.07.1982.

39. Newspaper “Lenin’s Banner”, 13.06.1971.

40. Newspaper “Lenin’s Banner”, 24.09.1974.

41. Newspaper “Lenin’s Banner”, 25.05.1955.

42. Newspaper “Lenin’s Banner”, 21.12.1979.

basketball, volleyball, table tennis, tennis, bicycle racing, gymnastics, boxing, track and field, wrestling, sambo, weightlifting, and chess (Hwang, 1961: 36). Football was so popular that there were four football teams — not only in the central village but also in each branch. Most of the 60 football matches in 1961 were held at the kolkhoz stadium, and the number of spectators sometimes exceeded 10,000 (some even came from Tashkent). On match days, kolkhoz members worked short hours but were encouraged to complete all required work. The “Politotdel” promoted sports activities to the public, which resulted in 350 young men and women participating in various sports in the early 1970s. They had a well-appointed stadium with 20,000 seats, dormitories, restaurants and automobiles⁴³. Such enthusiastic sports activities were based on social principles, namely sports councils (Hwang, 1962: 132). Furthermore, the “Politotdel” founded the first rural hockey team and organized a single sports complex at the level of the entire kolkhoz: 600 people from 11 sectors were engaged in sports activities. In the early 1980s, there were 26 masters of sports, 23 candidates for master of sports, and about 70 first-class athletes⁴⁴.

Conclusive remarks: community-wealth building and the garden city multi-ethnic friendly community

Despite its institutional and economic problems, the kolkhoz system can be said to have been a Soviet path to agricultural and rural modernization. The kolkhoz was not just a frontline organization for implementing the agricultural policy of the Soviet state. It was a collective agricultural production unit maintained by the collective labor of the peasant class in the 1930s–1980s, and at the same time it played a leading social and cultural role as a core institution of the rural community. Unlike the Western world in the 20th century, this unique kolkhoz system was not accompanied by the small-scale or large-scale farming systems. Therefore, the Soviet kolkhoz cannot be sufficiently explained by a narrow approach to agricultural economic history, it requires a combination of various perspectives, including political, social and cultural history.

On the other hand, the advanced kolkhoz phenomenon that has been overlooked by kolkhoz researchers allows to understand the positive potential of the Soviet kolkhoz system which functioned as a social production unit and a central rural community organization. Most researchers strive to show problems and failures of the Soviet kolkhoz system rather than to shed light on the proactive adaptation and participation of the Soviet peasant class through the kolkhoz system and its economic, social and cultural achievements. It was the kolkhoz system which helped the Soviet countryside to maintain its communal charac-

43. Newspaper “Lenin’s Banner”, 18.01.1973.

44. Newspaper “Lenin’s Banner”, 10.07.1982.

ter of mutual assistance while undergoing modernization until the late 1980s. The fact that the Soviet society did not experience the radical exodus (outflow from the countryside) that was common in the West and the Third World since the mid-20th century (despite the gradual outflow due to urbanization in the 1960s) can be explained by the effect of the kolkhoz system which controlled the rural outflow. In Russia and other former Soviet bloc countries, de-agrarianization and de-modernization of rural areas were widespread phenomena in the 1990s, under the collapse of the Soviet Union and the kolkhoz system.

It is not true that the advanced Korean kolkhozes in Central Asia developed smoothly in a friendly environment over half a century (record-breaking yields of agricultural and livestock products, construction of social and cultural infrastructure, rich and beautiful garden cities). As forced immigrants during the Stalin era, from the very beginning they faced harsh natural environments, poor administrative systems, unilateral top-down national planning, uncooperative attitude and irresponsibility of the state-run local agricultural institutions and construction organizations. In addition, through a fierce struggle to escape the political stigma of “subversive immigrants”, Koreans showed remarkable achievements in improving productivity and exceeding national plans almost every year. This phenomenon, which was mainly observed in Uzbekistan and Kazakhstan, is a valuable example that shows the limits of the stereotype that villagers lived much worse than urban residents during the Soviet era.

When considering the experience of the advanced Korean kolkhozes in Central Asia through the connection between economic production and social-cultural life, we discover a virtuous cycle: capable and dedicated leaders → labor discipline and efficient labor organization → increase in yield and productivity → high income → increase in indivisible and consumption funds → construction of social-cultural infrastructure → construction of comfortable and beautiful villages → rich spiritual and cultural life → retention of the youth (in the kolkhoz) or return (from the city) → preservation of labor force. Another interesting fact is the isomorphism of the economic orientation of the advanced Korean kolkhozes (increasing production of agricultural and livestock products) through socialist competition to the development of social and cultural infrastructure construction through mutual imitation and catch-up in relation to the leading kolkhoz. Thus, Korean kolkhozes were constantly improving through cooperation and friendly competition.

On the one hand, Korean kolkhozes-millionaires used two Soviet-style market mechanisms’ — national purchasing system and kolkhoz market; on the other hand, they created common assets through the joint labor and cooperation of kolkhoz members and rural intellectuals. Instead of relying solely on government’s support, Korean advanced kolkhozes formed indivisible, consumption and cultural funds by their own efforts. It can be said that the record-breaking production of the advanced

Korean kolkhozes, their construction of social and cultural infrastructure and various community activities based on those achievements were a part of the Soviet-style commons under the state socialist system. They contributed greatly to the formation and maintenance of multi-ethnic friendly community/society by creating a new social system that shared opportunities and benefits among its members. Advanced Korean kolkhozes can be called innovators who created “Soviet-style commons led by the community sector from below” in rural society. Unfortunately, kolkhoz small towns constructed as commons did not receive as much attention as failed kolkhoz agriculture and rural reality.

In addition, members of the advanced Korean kolkhozes and villagers secured the “kolkhoz-style autonomous local democracy” by active participation in various common activities (palaces of culture, clubs, amateur art troupes, sports teams). Therefore, it is incorrect to judge the “kolkhoz democracy” only by formal indicators (such as the number of regular general meetings or of kolkhoz members attending general meetings, and so on), although in the huge state socialist system called the Soviet Union, there were institutional constraints and practical limitations to ensure that all formal requirements for the “kolkhoz democracy” would be met, while hastily pushing modernization from the top down.

The last thing to note is Soviet internationalism: from the settlement of Koreans who had migrated to Central Asia in the late 1930s to the successful operation of kolkhozes, cooperation and mutually beneficial relationship between Koreans and the locals were contributing to the success of the advanced Korean kolkhozes. In the 1950s, after the large-scale expansion of kolkhozes, a relatively smooth transition of the earlier homogenous Korean kolkhozes to the multi-ethnic friendly kolkhozes was determined by the socialist ideology and education, which emphasized ethnic equality, in addition to the traditional friendliness of the locals and the openness of the Korean people.

References

- Artykov A. (1957) *Sverdlov Cotton-Growing Collective Farm (Yangi-Yul District, Tashkent Region)*, Tashkent: State Publishing House of the Uzbek SSR. (In Russian)
- Babashkin V. V. (2011) *Russia in 1902–1935 as an Agrarian Society*, Saarbrücken. (In Russian)
- Babashkin V. V. (2015) *Contemporary Peasant Studies: Agrarian History of Russia in the 20th Century*, Moscow. (In Russian)
- Beznin M. A., Dimoni T. M. (2014) *Agrarian System of Russia in the 1930s–1980s*, Moscow: Lenand. (In Russian)
- Bollier D. (2014) *Think Like a Commoner: A Short Introduction to the Life of the Commons*, New Society Publishers.
- Braudel F. (1995/1996) *Civilisation matérielle, économie et capitalism*, Paris: Armand Colin.
- Brown M., Jones R. E. (2021) *Paint Your Town Red*, Watkins Media Limited.
- Chayanov A. V. (1927) Organization of the collective economy. *Agronomist's Reference Book*, vol. I, Moscow. (In Russian)

- Chelintsev A. N. (1962) Agricultural regions of the USSR. *Issues of the National Economy of the USSR*, Moscow. (In Russian)
- Decisions of the Party and Government on Economic Issues (1917–1967), vol. 2. (In Russian)
- Guinan J., O'Neill M. (2019) *The Case for Community Wealth-Building*, Polity Press.
- Haruki Wada (1987) Koreans in the Soviet Far East, 1917–1937. *Koreans in the Soviet Union*. (Ed. by Dae-Sook Suh), Honolulu: Center for Korean Studies.
- Hong Woong Ho (2019) Korean theater and culture of the Korean people before 1954 as presented in the newspaper "Lenin's Banner". *Study on Overseas Koreans in Russia III*, Seoul: Seonin. (In Korean)
- Honneth A. (2011) *The Struggle for Recognition. The Moral Grammar of Social Conflicts*. Internet Archive. (In Korean)
- Hwang Man Geum (1961) *Collective Farm Turns to Communism*, Tashkent: State Publishing House. (In Russian)
- Hwang Man Geum (1962) *I Work and Only Work*, Moscow: Publishing House of Agricultural Literature. (In Russian)
- Hwang Man Geum (1977) *The Kolkhoz was a Polity*, Moscow: Kolos. (In Russian)
- Hwang Man Geum (1981) *Bounty of the Land*, Tashkent: Uzbekistan. (In Russian)
- Hwang S. G. (1956) *Collective Farms with High Yields*, Almaty: Kazakhstan State Publishing House. (In Russian)
- Hwang Young-sam (2007) A review of the formation and development of the Korean economic community in Uzbekistan. *Historical and Cultural Studies*, vol. 26. (In Korean)
- Inoyatov Kh., Nurullin R. (1970) *Ascent*, Tashkent: State Publishing House of the Uzbek SSR. (In Russian)
- Iskhakov F. B., Kim M. V. (1972) *Happy People*, Tashkent: Uzbekistan. (In Russian)
- Khakimov R. (1961) *Three Lighthouses of the Collective Farm*, Tashkent: State Publishing House of the Uzbek SSR. (In Russian)
- Kim Brutt (2019) *Hwang Man Geum: Through Olympus and Golgotha*, Tashkent: Baktria Press. (In Russian)
- Kim Brutt (2021) *Equal among the First*, Tashkent: Baktria Press. (In Russian)
- Kim Byung Hwa (1954) *On the Path to Abundance*, Tashkent: State Publishing House of the Uzbek SSR. (In Russian)
- Kim German (2005) *History of Korean Migration*, Seoul: Parkyoungsa. (In Korean)
- Kondrashin V. (1997) History of the village Lokh. *Peasant Studies. Theory. History. The Present Time*, Moscow, pp. 176–216. (In Russian)
- Kondrashin V., Mozokhin O. (2017) *Political Departments of MTS in 1933–1934*, Moscow: Russian Book. (In Russian)
- Kostyashov Yu. (2015) *Everyday Life of the Post-War Village: From the History of the Resettled Kolkhoz in the Kaliningrad Region (1946–1953)*, Moscow: Political Encyclopedia. (In Russian)
- Kozlov V., Song Ding Fa (1961) *In the Struggle for the Integrated Development of the Economy*, Tashkent: State Publishing House of the Uzbek USSR. (In Russian)
- Koznova I. (2016) *Stalin Era in the Memory of the Russian peasantry*, Moscow: Rosspen. (In Russian)
- Kropotkin P. (1902) *Mutual Aid. A Factor of Evolution*, London: Heinemann
- Lee Chae-moon (2007) *Diaspora on the Frozen Land*, Daegu: Kyungbuk National University Press. (In Korean)
- Lim Young-sang (2007) Korean kolkhoz in the Tashkent Province, Uzbekistan. *Historical and Cultural Studies*, vol. 26. (In Korean)
- Makarov N. P. (1966) *Economic Principles of Organizing Production on Collective and State Farms*, Moscow. (In Russian)
- Nikulin A. M. (2017) An omitted intellectual tradition: The Chaianov school on collective farming. Reconciling failure and success: Soviet elites and the collectivized village. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 65, no 3, pp. 423–444.

- Novik D. S., Shcherbakov A. P. (1939) *Collective Farm Kazris*, Almaty: Kazakhstan State Publishing House. (In Russian)
- Nurmatov K. N. (1954) *Organization of the Production and Economy of the Advanced Sverdlov Collective Farm*, Tashkent: State Publishing House of the Uzbek SSR. (In Russian)
- Ostrom E. (1990) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Pak Deok-yeon (1963) *The Golden Decade*, Tashkent: State Publishing House of the Uzbek USSR. (In Russian)
- Scott J. C. (1971) *The Moral Economy of the Peasant Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven: Yale University Press.
- Scott J. C. (1985) *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Haven: Yale University Press.
- Seong Dong-gi (2006) *Kim Byeong-hwa: Immortal Korean Hero of Uzbekistan*, Seoul: Overseas Koreans Foundation. (In Korean)
- Shim Youngseop, Kim German (1999) Korean history in Kazakhstan. *Ancient Documents*, vol. 2, Alma-Ata: Korean Education Center.
- Standing G. (2019) *Plunder of the Commons*, London: Penguin Books.
- Ten E. (2005) *The Legend of Kim Peng Hwa*, Istiklol. (In Russian)
- The Care Collective (2020) *The Care Manifesto: The Politics of Interdependence*, Verso.
- Tomlin V. N. (2021) *State and Collective Farms in 1946–1964*, Moscow: AIRO-XXI. (In Russian)
- Vanin Yu. V. (Ed.) (2006) *Kim Peng Hwa and the Polar Star Collective Farm*, Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian)
- Venzher V. G. (1965) *The Collective Farm System at the Present Stage*, Moscow: Economics. (In Russian)
- Zamagni S., Zamagni B. (2010) *Cooperative Enterprise: Facing the Challenge of Globalization*, Edward Elgar Publishing. (In Korean)
- Zaslavskaya T. I. (2000) Pages of creative biography. *Theoretical Heritage of Agricultural Economists of the 1950s — 1980s and the Contemporary Agricultural Reform. People, Ideas, Facts*, Moscow. (In Russian)

Потерянный рай: феномен «советско-корейских передовых колхозов» в Средней Азии (Часть 2)

Ким Чан Чжин, доктор политических наук, профессор Университета Сунгконгэ. Ён Донгро, 320, Гуро Гу, Сеул, Корея; приглашенный научный сотрудник, Институт азиатских исследований, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, просп. Аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан. E-mail: koruskim@gmail.com

Аннотация. В истории советских колхозных исследований «феномен передового колхоза (колхоза-миллионера)» остается почти неисследованным, хотя это был заметный социально-экономический феноменом. Члены корейских передовых колхозов Средней Азии, существовавших с конца 1930-х по 1980-е годы, сначала адаптировались к колхозной системе посредством самоотверженного труда, а затем активно создавали социально-культурные институты внутри колхозной системы для общего блага не только этнических корейцев, но и коренного населения. В региональном масштабе подавляющее большинство «корейских передовых колхозов», в том числе легендарные «Полярная звезда» и «Политотель», действовали в Узбекистане, реже в Казахстане. Видимо, корейские передовые колхозы Средней Азии достигли пика сельскохозяйственного социалистического развития советского типа в 1960-е — 1970-е годы. Эти богатые корейские колхозы создали сильную социальную инфраструктуру и заложили основу современной живой культуры. Местные общие ресурсы были созданы ими за счет своих богатых неделимых фондов, потребительских и культурных фондов. Корейские колхозы-

миллионеры не только обеспечили деревне прекрасную материально-техническую базу типа города-сад, основанную на высоких экономических показателях, но и жили в гармоничной многонациональной общине, пользуясь различными социальными благами городского типа.

Ключевые слова: советско-корейские передовые колхозы в Средней Азии, компетентный и самоотверженный руководитель, эффективная организация труда, колхозный город-сад, многонациональная дружественная община

Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период¹

Г. А. Назаренко, К. С. Локтионов, А. И. Алексеев

Григорий Андреевич Назаренко, студент бакалавриата кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: nga-02@mail.ru

Кирилл Сергеевич Локтионов, аналитик Научного центра изучения проблем сельских территорий, студент магистратуры кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: leegloktok@yandex.ru

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alival@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления постсоветских трансформаций функциональных типов сельских населенных пунктов ХМАО-Югры и ЯНАО, лежащих в пределах Нижнего Приобья. Исследование выполнено на основе полевых материалов, полученных в ходе экспедиции в июле 2023 года, а также статистических данных Росстата, районных и региональных ведомств, государственных архивов. Трансформация функциональных типов сельских населенных пунктов была рассмотрена через призму воздействия на них факторов различной природы, среди которых: генезис сельских населенных пунктов, этнический состав их населения и сохранность традиционного образа жизни коренными малочисленными народами Крайнего Севера, периферийность и изолированность поселений одновременно с инфраструктурной освоенностью территории, социально-экономические эффекты от реализации ресурсодобывающими компаниями проектов в области нефтедобычи, а также особенности местных институтов и региональной поддержки отраслей хозяйственной специализации. Для выявления основных направлений трансформации авторами была составлена функциональная типология поселений Нижнего Приобья по трем временным срезам: на 1989, 2002, 2021 годы. В результате анализа выделено пять типов постсоветских трансформаций: 1) упрощение функционального типа в результате утраты лесных, аграрных и промыс-

-
1. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-17-00107 «Малые города и сельские населенные пункты в системе расселения регионов России (1989–2021)».

Благодарности. Коллектив авторов выражает свою благодарность за помощь в организации и проведении экспедиции директору АНО «Стремление» А. В. Назаренко, а также А. Веприцкому за помощь в проведении полевых исследований.

ловых функций в ряде отраслевых поселков ХМАО-Югры; 2) развитие сельского хозяйства, рекреационной функции, а также сельско-городских маятниковых миграций в населенных пунктах, находящихся вблизи крупных городов; 3) стабилизация социально-экономического положения в результате возникновения нефтедобычи вблизи поселения; 4) полифункционализация крупных сел — районных центров обслуживания населения; 5) консервация промысловых функций в сельских населенных пунктах с высокой долей КМНС и коми-зырян в населении (более типично для ЯНАО).

Ключевые слова: сельская местность, траектории трансформации, периферия, изолированность, функциональная типология, освоение Западной Сибири, генезис, этническая мозаичность, коренные малочисленные народы Севера, нефтедобыча, институциональный фактор, инфраструктурное освоение

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-178-217

Нижнее Приобье — часть территории Западной Сибири, лежащая вдоль течения р. Оби и приустьевых частей ее притоков, и простирающаяся более чем на 900 км в субмеридиональном направлении от устья Иртыша вблизи г. Ханты-Мансийска на юге и до Обской губы на севере. Сельская местность Нижнего Приобья являет собой яркий пример уникальных этнических, культурных и социальных сочетаний в структуре населения, обусловленных многочисленными миграционными волнами в процессе своего освоения. Специфическая черта сельского расселения Обского Севера — географическая изолированность большинства сельских населенных пунктов и связанная с этим сезонность в транспортном сообщении в течение года. Вместе с тем сочетание сложных физико-географических (наличие очаговой и сплошной многолетней мерзлоты, возникновение боковой эрозии рек и последующего разрушения берегов, наступление высокого половодья) и по ряду параметров экстремальных климатических условий создает значительные лимитирующие условия для развития отдельных отраслей сельского хозяйства (прежде всего растениеводства) и обуславливает увеличение издержек на эксплуатацию и поддержание инженерной и транспортной инфраструктуры.

Основной идеей исследования является оценка влияния основных географических факторов дифференциации на исследуемой территории (генетического, этнокультурного, транспортного, ресурсного и институционального) на эволюцию функциональных типов СНП Нижнего Приобья в зависимости от хронологического периода и от их интенсивности в пространстве.

Цель исследования — составление функциональной типологии СНП Нижнего Приобья по нескольким ключевым для региона временным срезам (1989, 2002 и 2021 гг.) и выделения на их основе типов траекторий трансформации в постсоветский период.

Среди первых работ, посвященных изучению хозяйства и различных аспектов жизни коренного обско-угорского и русского старожильского населения Приобья, ведущее место занимает цикл географических и этнографических очерков о трех уездах Тобольского Севера (Березовском, Самаровском и Сургутском), написанных А. А. Дуниным-Горкавичем на рубеже XIX–XX вв. (Дунин-Горкавич, 1897, 1904–1911). Ранее, в 1870–1880-х гг. были опубликованы отчеты об экспедиционных исследованиях рыбного промысла в долине Оби (Поляков, 1877) и полевые заметки о быте остяцкого населения Березовского края (Соммье, 2012).

Колонизацию сибирских пространств в период с XVI до начала XX в. осветил В. В. Покшишевский в своей монографии «Заселение Сибири», представлявшей собой некоторые главы его фундаментальной докторской диссертации 1947 г. (Покшишевский, 1951).

Ведущим сибирским центром в изучении как географии населения в целом, так и географии сельской местности в частности является Иркутск, где на рубеже 1950–1960-х гг. сформировалась собственная научная школа, у истоков которой стояли В. В. Покшишевский и В. В. Воробьев. В этот период появляются отдельные работы о процессах формирования и развития сети поселений в долинах рек Илим и Ангара (Воробьев и др., 1962), хозяйственных типах сельского расселения Восточной Сибири (Космачев, 1962) и др. В 1970-е и 1980-е гг., как реакция на бурную послевоенную индустриализацию и разработку минерально-сырьевых ресурсов Сибири, возникают комплексные работы, раскрывшие проблемы освоения таежной зоны (Космачев, 1974), а также формирования населения новых промышленных районов на севере Западной Сибири (Мисевич и др., 1973).

На этом фоне сельская местность Приобья оказалась объектом исследования в заметно меньшем количестве работ. Так, томскими историками рассмотрены процессы формирования и сжатия поселенческой сети Среднего Приобья в границах Томской области (Татарникова, 2022; Усольцева, 2018), а одним из наиболее значимых исследований по сельской местности ХМАО стала статья Д. Н. Лухманова об эволюции сельского расселения региона во второй половине XX в. в рамках функционального подхода (Лухманов, 2005). Ретроспективный подход на сжатие сети сельского расселения наиболее ярко проявился в работах Л. Д. Фукса по югу Западной Сибири (Фукс, 2003).

Важное место занимают исследования, посвященные факторам и направлениям постсоветской трансформации отдельных местностей и сельских районов Сибири. В них представлены сюжеты: 1) функционального сжатия сельской местности в пригородном районе под влиянием «внешних» (урбанизация, изменение аграрной отрасли специализации хозяйства, оптимизации сети учрежде-

ний социальной сферы и т. д.) и «внутренних» факторов (Чучкалов и др., 2021); 2) трансформаций сельской местности, возникающих в результате реализации проектов по добыче полезных ископаемых (Демидова и др., 2022); 3) постсоветской адаптации функций сельских населенных пунктов в рамках генетического подхода (Антонов, Сафронов, 2023). Роль этнического фактора как одного из ведущих в эволюции сельского расселения в XX–XXI вв. рассмотрена В. Филипповой на примере Усть-Майского улуса (района) со смешанным русским, эвенкийским и якутским населением (Филиппова, 2022).

*Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев*
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Материалы и методы исследования

Основой для написания статьи послужили три массива данных и материалов. Первый получен в результате проведения в июле 2023 г. полевых экспедиционных исследований сельской местности в нижнем течении Оби на территории трех районов ХМАО (Ханты-Мансийского, Октябрьского и Березовского) и трех — ЯНАО (Шурышкарского, Приуральского и Ямальского). В рамках экспедиции было посещено 23 сельских населенных пункта, а также 7 городов и поселков городского типа (городов Ханты-Мансийск, Салехард и Лабытнанги, пгт Октябрьское, Приобье, Игрим и Березово), из них — четыре районных и окружных административных центра. Основными собранными полевыми материалами являются глубинные интервью с представителями сельских (14 интервью) и районных администраций (8 индивидуальных и групповых интервью с 21 специалистом в области экономики, агропромышленного комплекса, образования, транспорта и инфраструктуры, а также по делам КМНС и др.), работниками сферы образования и культуры (14 интервью, в том числе два с учителями родного языка и литературы), руководителями и работниками сельскохозяйственных организаций и К(Ф)Х (пять индивидуальных и групповых интервью с более чем 10 респондентами), а также с местными жителями, практикующими традиционные виды хозяйственной деятельности, такие как охота и рыболовство (более 10).

Второй массив представляет собой группу статистических материалов, включающих: 1) данные о численности и этническом² составе населения в разрезе 31 сельского населенного пункта по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг.; 2) данные о поголовье крупного рогатого скота³ и лошадей в разрезе сельских населенных пунктов,

2. В рамках статьи для составления этнической типологии и выявления роли этнокультурного фактора в направлениях трансформации СНП Нижнего Приобья были использованы данные Всероссийской переписи 2010 г.
3. Далее по тексту принято сокращение КРС.

предоставленных департаментом АПК ЯНАО и управлением АПК департамента промышленности ХМАО-Югры по состоянию на 1 января 2023 г.; 3) архивные статистические данные об отраслевой структуре и численности занятых, поголовье КРС и лошадей, структуре и количестве посевных площадей в разрезе совхозов и колхозов ХМАО по состоянию на 1970 г. (данные о поголовье лошадей) и 1990 г. (все остальные), полученные в КУ Государственный архив Югры (в г. Ханты-Мансийске); 4) данные о структуре как формальной, так и неформальной занятости населения в разрезе сельских населенных пунктов из глубинных интервью с главами и представителями сельских администраций. Последний, третий массив состоит из различных картографических материалов, представляющих собой как атласы тематического содержания (Атлас Тюменской области, 1971–1976; Атлас ХМАО-Югры, 2006), так и исторические обзорные карты начала XX в. (Дунин-Горкавич, 1903 и др.) по изучаемой территории. Кроме того, для раскрытия специфики и особенностей отдельных социально-экономических процессов явлений в жизни сельского населения Нижнего Приобья использована этнографическая, историческая и краеведческая литература.

Основными методами исследования выступили сравнительно-описательный, историко-географический, статистический, картографический, функциональной типологизации сельских населенных пунктов (методика составления и результаты типологии представлены в главах 4 и 5), экспедиционный и визуального обследования населенных пунктов, а также методы качественной социологии (структурированные и полуструктурированные глубинные интервью, пешеходное интервью в формате «go-along», включенное и невключенное наблюдение).

Факторы дифференциации сельской местности Нижнего Приобья

Генезис поселений

Весьма многогранным и сложным фактором дифференциации поселений Нижнего Приобья является их *генезис*. Обращаясь к *генетической типологии СНП*, мы можем ярко иллюстрировать пространственные «наслоения» различных волн освоения и колонизации Нижнего Приобья. Так, нами было выделено шесть генетических типов поселений (отображены на рис. 1):

- сезоннообитаемые поселения рыболовов и охотников;
- постоянные поселения рыболовов и охотников;
- русские старожильческие села;
- спецпереселенческие поселки;
- колхозные поселки;
- лесные поселки.

Проникновение угорских племен на север из степей Зауралья на пространства Обь-Иртышья проходило в несколько этапов: во второй половине первого тыс. н.э. вниз по Иртышу спускаются первые угры, которые в течение всего Средневековья осваивают практически все нижнее и значительную часть среднего течения Оби и низовий ее притоков. Впоследствии они станут субстратом для формирования современных ханты. Протомансийское же население, к началу второго тыс. н.э. заселявшее долины рек по обеим сторонам Северного Урала, к XV–XVI вв. проникают в бассейн Северной Сосьвы и спускаются по основному ее руслу до места ее впадения в Малую Обь. Так формируется мансийское присутствие на Оби. Характерной чертой расселения каждой из обско-угорской общностей станет возникновение *сезоннообитаемых поселений рыболовов и охотников*, в некоторых случаях становившихся центрами феодальных образований — острожными городками вогульских и остяцких князей. Русская колонизация Сибири XVII–XVIII вв., в совокупности с переселениями коми из-за Большого Камня, положило начало новым генетическим типам поселений в Нижнем Приобье: этнически разнородным *постоянным промысловым поселениям и русским старожильческим селам*. При этом роль коми-зырян и коми-ижемцев в колонизации долины Оби, особенно в границах Двубоья⁴, равна по важности и своей интенсивности русской. Вместе с тем отражением другой — советской волны освоения в середине XX в. — стали поселения, основанные в результате раскулачивания, депортаций и другого рода принудительных миграций (*спецпереселенческие поселки*), сселения полукочевого мансийского и хантыйского населения (*колхозные поселки*), и возникшее как элемент промышленного освоения таежных пространств (*лесные поселки*).

Обско-угорские *сезоннообитаемые поселения рыболовов и охотников* представляли собой небольшие деревни (людностью не более 5–6 семей, часто — представителей одного общего рода). Историческое название для данного генетического типа поселений — *летние или зимние юрты* (Дунин-Горкавич, 1903, 1904; Поляков, 1877; Федорова, 2000). Подобные поселения еще в первой трети XX в. были широко распространены в среднем и нижнем течении обских притоков, тогда как на Оби в ее среднем течении встречались редко, хоть и имели место в Двубоье. Сама же необходимость кочевания с зимних на летние юрты обуславливалась неспособностью тех или иных рыбных и охотничьих угодий обеспечить пропитанием несколько семей в течение всего года, а лишь на протяжении 5–7 месяцев. На пути кочевья от зимних юрт к летним могли возникать временные осенние или весенние селения, состоявшие чаще всего из одной или нескольких полуземлянок (Федо-

4. Двубоье — часть речной долины Оби от точки бифуркации ее основного русла у с. Перегребное на протоки Малая и Большая Обь до их слияния.

рова, 2000). Вместе с тем возникали неписанные правила землепользования и разграничения рыболовных и охотничьих угодий между семьями, родами и, соответственно, поселениями. Так, Стефано Соммье, посетивший в 1880 г. Тегинские летние юрты вблизи уездного г. Березова, отметил в своих записках, что участки реки (речные пески, сора, протоки и т. д.) и тайги передавались по наследству внутри семей местных остяков. Пользование родовыми речными и охотничьими угодьями в целях промысла без разрешения владельцев возбранялось (Соммье, 2012). Во второй трети XX в. в процессе как добровольного, так и насильственного оседания полукочевого и кочевого обско-угорского населения постепенно исчезли таежные зимние юрты, в то время как летние становились постоянно обитаемыми деревнями малой людности (до 100–150 чел.), в которых в 1930–1940-е гг. организовывались первые рыболовецкие артели (например, мансийские дер. Чуанель, Новинская, Лапоры, Шайтанка, хантыйские Войтехово, Пугоры в Березовском районе ХМАО). В 1950–1970-е гг. шел процесс постепенной ликвидации таких СНП путем переселения их жителей в более крупные колхозные и промысловые поселки (так, жители деревень Чуанель, Лапоры были сселены в с. Ванзетур Березовского района). Другой траекторией развития СНП данного типа стало формирование на базе этих поселений *колхозных поселков* в 1950-е гг. (например, дер. Нижние Нарыкары Октябрьского района ХМАО). К генетическому типу летних юрт (сезоннообитаемых поселений рыболовов) относятся Азовы (Шурышкарский район ЯНАО), Аксарка и Горно князевск (Приуральский район ЯНАО).

Этнически разнородные *постоянные поселения рыболовов и охотников*, с наличием подсобного животноводства и земледелия в сочетании с промысловыми избушками в тайге (Федорова, 2000) сформировались на месте остяцких княжских городков XVI–XVII вв. Такие поселения стали форпостами русского освоения и заселения Нижнего Приобья: начиная с XVIII в. в поселениях строились первые церкви для новокрещенных инородцев, возникало скотоводство и очаговое земледелие, развивались торговля и ямской извоз. Для таких СНП уже в XIX в. было характерно этнически смешанное русское и обско-угорское (на Малой Оби ниже Березова также коми-зырянское) население. Оседлые ханты и манси в таких селах чаще вступали в смешанные браки и к началу XX в. в значительной степени ассимилировались, прежде всего с позиций своего быта и ведения хозяйства, а также повседневного использования в общении обско-угорских языков. Несмотря на это, речное рыболовство оставалось основным занятием для хантыйского оседлого населения с тем лишь отличием, что для промысла в летний период рыболовами использовались сезонные избушки (без кочевания всей семьи). Во второй трети XX в. СНП подобного генетического типа испытали значительный приток населения в результате принудительных миграций (до реабилитации большинства категорий

депортированных в 1953–1957 гг. в ряде сел спецконтингент мог составлять до половины населения). С конца 1950-х гг. эти СНП с функциональной точки зрения развивались в нескольких направлениях: во-первых, как крупные аграрные (Шеркалы Октябрьского района ХМАО, центральное отделение коневодческого совхоза Перегребинский) или лесопромышленно-аграрные (Карымкары Октябрьского района ХМАО, организованы леспромхоз «Обской» и животноводческий совхоз) поселки, во-вторых, как рыбопромысловые и охотничьи поселения (Большой Атлым Октябрьского района ХМАО и Шурышкары Шурышкарского района ЯНАО), а в-третьих, как крупные полифункциональные центры обслуживания территории благодаря получению административных, социальных и других функций (Мужи как центр Шурышкарского района).

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

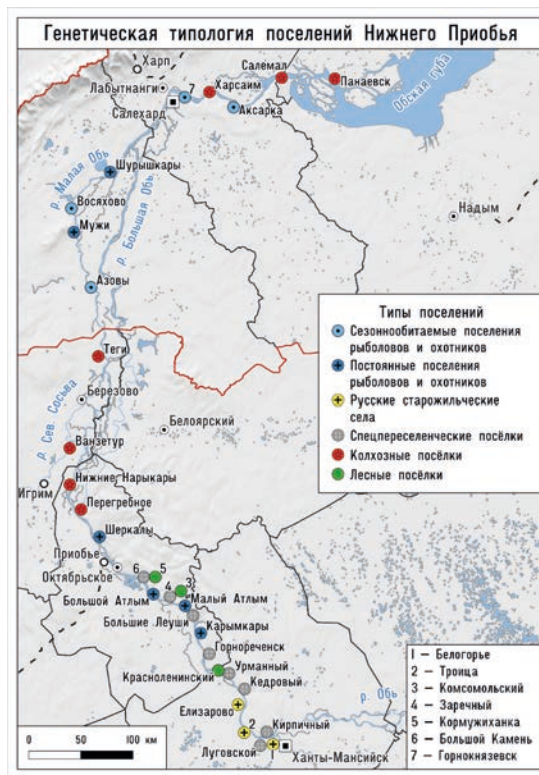

Рис. 1. Генетическая типология поселений Нижнего Приобья

Источник: Составлено авторами по данным (Дунин-Горкавич, 1903, 1904; Зайцева и др., 2012)

Русские старожильческие села возникали на «луговой стороне» Оби — на островах и гривах обширной поймы, в отличие от этнически смешанных поселений «горного» правого берега (лишь в еди-

ничных случаях, таких как д. Белогорье, русские поселения, подобно предыдущему типу, возникали на месте остяцких острогов). Такая дифференциация обусловлена тем, что русские переселенцы стремились осесть на более благоприятных с точки зрения ведения сельского хозяйства территориях: заливные пойменные луга становились основой кормовой базы очагового мясного и мясо-молочного скотоводства, а также коневодства. Уже к середине XIX в. «луговые» села имели полностью русский этнический характер: кержаки⁵ ассимилировали те немногочисленные семьи остяков, еще проживавших в этих поселениях (Дунин-Горкавич, 1904). На протяжении всего XX в. СНП данного генетического типа усиливали свою сельскохозяйственную функцию благодаря организации в 1930–1940-е гг. колхозов, в первой половине 1960-х гг. преобразованных или укрупненных в совхозы с животноводческой специализацией (так, совхоз «Елизаровский» создан на базе трех отделений колхоза «Маяк», а колхозы «Равнина» и «Заря Новой жизни» объединены в совхоз «Ханты-Мансийский»). Картофелеводство и овощеводство были развиты очагово и в небольших масштабах (до 100–200 га и 5–10 га посевных площадей на совхоз соответственно), зерновое растениеводство имело преимущественно кормовой характер. К данному генетическому типу мы можем отнести среди современных СНП Белогорье, Елизарово и Троицу (Ханты-Мансийский район ХМАО).

Спецпереселенческие поселки вдоль правого берега Оби на возвышенности Белогорского материка были основаны в 1930–1950-х гг. в результате насильственных перемещений населения из Европейской части СССР и юга Западной Сибири, что обусловило их пестрый этнический и социальный облик. В составе спецпереселенцев в первой половине 1930-х гг. преобладали раскулаченные крестьяне с территории современных Тюменской, Челябинской и Курганской областей, в 1940-е гг. — калмыки, молдаване, немцы Поволжья и Закарпатья, финны, уроженцы Прибалтики и Западной Украины. С хозяйственной точки зрения отраслями специализации таких поселков при их основании стали рыболовство и заготовка леса. По прибытии спецпереселенцев на место ссылки организовывались рыбо- и лесозаготовительный участки, в некоторых случаях первичная деревообработка (так, в пос. Луговской Ханты-Мансийского района в 1938 г. был запущен деревообрабатывающий завод). В 1970-е гг. на базе этих поселков возникали леспромхозы. К поселениям данного генетического типа относятся СНП Большие Леуши, Большой Камень, Горнореченск, Заречный (Октябрьский район ХМАО) и Кедровый, Кирпичный, Луговской и Урманный (Ханты-Мансийский район ХМАО).

5. Кержаки — локальный этноним русского старожильческого населения, распространенный кроме Приобья и в других частях Сибири.

Колхозные поселки также возникли в 1930–1950-е гг. Обычно формировались вокруг животноводческого колхоза на месте старых летних юрт (Нижние Нарыкары Октябрьского района ХМАО), почтовых ямских станов (Перегибное Октябрьского района ХМАО) или же на совершенно новом, неосвоенном участке вокруг рыболовецкого колхоза посреди тайги (Теги и Ванзетур Березовского района ХМАО), лесотундры (Харсаим Приуральского района ЯНАО) или тундры (Панаевск Ямальского района ЯНАО). Основу населения создаваемого поселка составляли преимущественно переселенные из летних юрт ханты (Теги Березовского района ХМАО) и манси (Ванзетур Березовского района ХМАО и Нижние Нарыкары Октябрьского района ХМАО), а также сброшенные на обской берег в 1931–1933 гг. раскулаченные крестьяне с юга Западной Сибири и депортированные в 1941–1948 гг. немцы, прибалты и калмыки (Ванзетур Березовского района ХМАО, Нижние Нарыкары и Перегибное Октябрьского района ХМАО). Принципиальное отличие колхозных поселков от спецпереселенческих состояло, во-первых, в значительной или преобладающей доле коренных народов Севера в их населении, а также в том, что большая часть трудоспособного населения в 1950–1980-е гг. была занята либо в сельском хозяйстве, либо на рыбном и охотничьем промысле, а не в лесной промышленности.

Лесные поселки были построены в конце 1950-х гг. для освоения лесных ресурсов Белогорского материка. Они возникали вблизи основанных на 25–30 лет ранее спецпереселенческих поселков, промысловых и аграрных по характеру своей хозяйственной специализации, либо на 2–4 км выше по течению обского притока (пос. Комсомольский на р. Малый Атлым, пос. Кормужиханка на одноименном притоке у пос. Большой Камень), либо на окраине ссыльного поселения (Красноленинский вблизи Урманного). Первые два стали лесозаготовительными пунктами леспромхоза «Обской», охватывавшего юго-восточную часть Октябрьского района, тогда как Красноленинский — Ханты-Мансийского. Несмотря на иную историю формирования населения, лесные поселки (преимущественно бывшие лесоучастки) столкнулись с теми же социальными и экономическими проблемами, что и поселки ссыльных, в связи с развалом системы леспромхозов в 1990-е гг. К СНП данного генетического типа относятся Комсомольский, Кормужиханка (Октябрьский район ХМАО) и Красноленинский (Ханты-Мансийский район ХМАО).

Вместе с тем для ряда населенных пунктов обозначение единственного генетического типа не всегда корректно. Возникает сложность в поиске условной хронологической точки отсчета, собственно существования населенного пункта. Так, пос. Салемал Ямальского района ЯНАО, сформировавшийся вокруг артели рыболовецкого колхоза в 1932–1934 гг., возник на месте рыбных пе-

сков⁶, где в конце XIX — начале XX в. уже велся сезонный вылов рыбы и находились временные станы бригад рыбаков, спускавшихся сюда на летний промысел со среднего течения Оби или с Тобольского Прииртышья (Поляков, 1877).

Необходимо брать во внимание то, что история существования одного СНП может включать несколько разных по своему хозяйственному и расселенческому характеру поселений с одним и тем же топонимом, но имевших отличное географическое (топографическое) положение. Так, под топонимом и его производными хантыйского села Теги (Березовский район ХМАО) существовали как минимум три различных поселения:

— *Древние Теги* (хант. Катра Тэк), сезоннообитаемое летнее поселение тегинских ханты, возникшее на левом берегу Малой Оби в 7–10 км ниже по течению от места современного расположения села. Со слов местных старожилов, их предки пришли в XVIII в. с севера, с территории современного Шурышкарского района, спасаясь от набегов и притеснений со стороны самоедов. Само поселение на карте Тобольской губернии 1903 г. под редакцией А. А. Дунина-Горкавича и на карте Березовского уезда 1919 г. обозначены как Тегинские (Устремские) юрты, тогда как на карте Тобольской губернии из Атласа Азиатской России как Тег-горт, что можно перевести с коми языка как *селение* или *поселение Теги*.

— *Средние Теги*, которые строят на правом берегу Малой Оби и протоки Староустремской на совершенно новом и необжитом до того месте: в колхозный поселок рыболовецкой артели «Путь Ленина» в 1932–1934 гг. селяют жителей Древних Тег и 16 других сезонных летних поселений. К 1939 г. в нем оседло проживало 52 хантыйских хозяйства (200 чел.), при этом сохранили кочевой образ жизни только три семьи, кочевавшие с оленями⁷. Вместе с тем поселение просуществовало недолго и уже в 1951–1953 гг. по распоряжению Березовского райкома осуществлен перенос поселка на современное его месторасположение — на левом берегу Малой Оби между проток Васьлорпосл и Сортынгпосл.

— *Новые Теги* (суть — современные Теги) строятся по плану, согласно которому должны иметь регулярную планировку из пяти улиц, идущих параллельно Малой Оби. В марте 1953 г. Новые Теги становятся центральной усадьбой объединенного колхоза имени XIX партсъезда.

Данный пример ярко иллюстрирует, насколько сложной и многослойной является история формирования современных обских селений.

6. Рыбные пески — песчаные отмели вблизи участков рыбного промысла на реках, где в летний период промысловиками ставились временные станы.

7. Источник — информационные материалы школьного музея Тегинской СОШ об истории Тегинского колхоза.

Рассмотрение генезиса поселений важно с точки зрения понимания «стартовых» условий СНП, наделяющих его теми или иными потенциальными адаптационными преимуществами или, наоборот, недостатками. К таковым, во-первых, можно отнести *топографическое положение поселения* относительно рельефа, выбор которого в момент основания мог зависеть или от хозяйственного уклада, образа жизни и этнического происхождения поселенцев (в начале XX в. и ранее), или — от закладываемой отраслевой специализации (в ходе советской волны освоения 1930–1950-х гг.). Во-вторых, таковыми можно назвать механизмы адаптации пришлого населения, выраженные как в желании, так и в способности перенимать навыки выживания и знания о территории у коренного населения. Например, залогом успешной адаптации раскулаченных крестьян Зауралья и представителей депортированных народов из европейской части СССР в условиях неприменимости собственных моделей хозяйствования было *быстрое заимствование (в течение первых нескольких зим ссылки) практик традиционного рыбного и охотничьего промысла коренных народов Севера*. Этот аспект заметно отличал некоренное население спецпереселенческих и колхозных поселков от пришлого населения лесных, сформировавшегося преимущественно в период 1960–1980-х гг. путем добровольной трудовой миграции по экономическим причинам, лучше обеспеченное на тот период социальной, инженерной и другой инфраструктурой, и, таким образом, совершенно немотивированное перенимать хозяйственные практики КМНС. Тем самым население спецпереселенческих и колхозных поселков в период системного кризиса 1990-х гг. смогло быстрее и эффективнее перейти из формальной сельскохозяйственной занятости в неформальную промысловую, в отличие от населения лесных, которое за неимением альтернативных форм занятости быстрыми темпами выезжало на Большую землю.

Этнокультурный фактор

Другим фактором дифференциации СНП Нижнего Приобья, тесно переплетающимся с генезисом поселений, является *этнический облик их населения*, включающий в себя также такую категорию, как *степень сохранности традиционного образа жизни* (оседлого, полукочевого или же кочевого) в среде КМНС и коми-зырян.

На пространстве речной долины Оби от устья Иртыша до южной оконечности Ямальского полуострова при продвижении вниз по течению выражено зональное чередование различных этнических типов поселений (рис. 2, табл. 3 в Приложении) с заметным усилением этнической мозаичности населения с юга на север с локальными отклонениями.

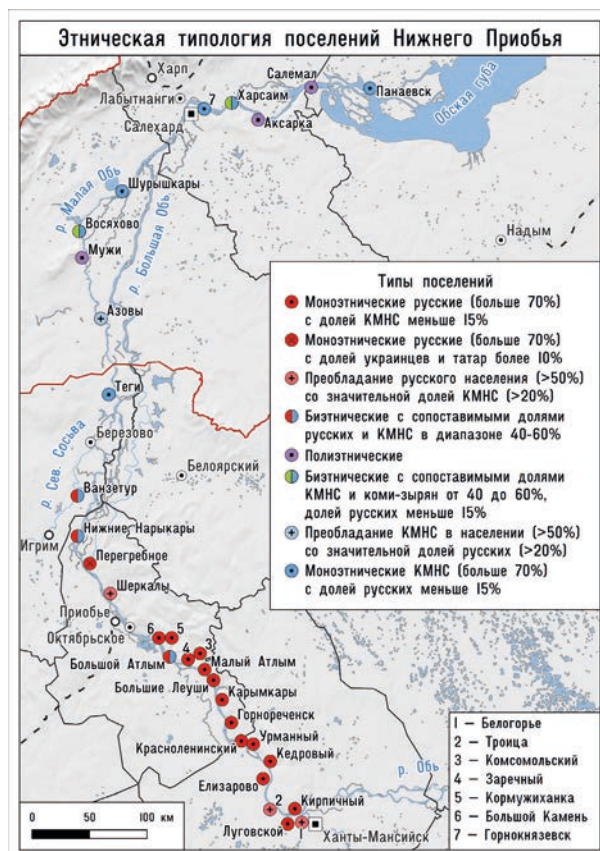

Рис. 2. Этническая типология поселений Нижнего Приобья

Источник: Составлено авторами по данным ВПН-2010 г.

Так, в основном русле Оби в Ханты-Мансийском и Октябрьском районах ХМАО тянется череда моноэтнических русских поселений (рис. 2), в которой выделяются две группы СНП. Первая состоит из спецпереселенческих поселков, приобретших свой русский моноэтнический характер как вследствие возвратных миграций ссыльных на территории выдворения в 1950–1960-е гг. после реабилитации, так и в результате широкого распространения смешанных браков и практически полной ассимиляции русскими украинцев, немцев, поляков и других через 2–3 поколения после депортации к рубежу XX–XXI вв. Вторая же группа поселений представляет собой русские старожильческие (киржачные) села, сохраняющие свой исключительный для Нижнего Приобья русский моноэтнический характер населения с момента своего основания в XVII–XVIII вв. Вместе с тем в некоторых таких СНП переписями 2002 и 2010 гг. фиксируется повышенная доля КМНС на уров-

не 10–20%, обусловленная двумя процессами, характерными для XX в.: во-первых, сселением полукочевого обско-угорского населения с обских притоков в русские села преимущественно в течение 1930-х гг., а во-вторых, формальным приобретением частью русского населения статуса представителя КМНС, обусловленного предоставлением широкого спектра льгот для последних в начале 1990-х гг. Наиболее ярким примером этого явления можно назвать д. Белогорье и с. Троица Ханты-Мансийского района. Так, в Белогорье еще в 1926 г. из 425 жителей 99,8% были отмечены в переписи как русские, а в Троице — все 100% из 224 человек (Зайцева и др., 2012), тогда как по результатам ВПН-2010 г. в Белогорье их доля составила уже лишь 62,9%, а ханты — 25,8%, в Троице — 68,3% и 19,5% соответственно.

Уже в Октябрьском районе начинают возникать села и деревни со смешанным, фактически биэтническим по своему характеру населением: Большой Атлым (48,5% ханты и 43,6% русских), Нижние Нарыкары (43,4% русских, 35,2% манси, 9,1% ханты). Ниже по течению в Березовском районе они сменяются СНП, где обские угры составляют уже большинство населения: Ванзетур (50,9% манси и 33,6% русских), Теги (78,9% ханты и 9,6% русских). В Шурышкарском и Приуральском же районах русские остаются заметными лишь в структуре населения районных центров (в Мужах — 35,6%, в Аксарке — 42,6%) и приграничного по отношению к ХМАО с. Азовы (доля русских — 22,3%, ханты — 59,9%). Приобские селения Ямала примечательны своей возрастающей этнической мозаичностью и практически повсеместным смешанным расселением ханты и коми (доля последних весьма значительна в Харсаиме — 27%, Мужах — 29,2% и в соседнем Восяхово — 45%).

Необходимо подчеркнуть, что в этнической картине Нижнего Приобья сложившийся пространственный градиент, выраженный в увеличении этнической мозаичности и снижении доли русских в населении с юга на север, обусловлен историческими особенностями хозяйственного освоения Западной Сибири. Так, в XVII–XVIII вв. немногочисленная русская волна колонизации, шедшая с юга, пространственно была лимитирована агроклиматическими условиями, а именно возможностью ведения зернового растениеводства (культивирования овса и ржи), которое было рационально на территории современного ХМАО в тот период только в среднем течении р. Конды и нижнем — Иртыша (вкупе с льноводством), тогда как на Оби имело локальный характер южнее линии Сибирских увалов. Русское расселение в Двубоье и вплоть до Обской губы было представлено малолюдными ямскими станами на зимнем тракте Тобольск — Березов — Обдорск. Северное же Приобье стало территорией освоения коми, пришедших в долину Оби из-за Урала двумя волнами в XVI–XVII вв. (преимущественно торговый и промысловый люд) и в середине XIX — начале XX в. (ижемцы-оленоводы) (Повод, 2006). Следствием этих процессов стало значительное разрежение ткани расселения ханты и манси в долине Оби.

Последующие волны советского освоения Тюменского Севера усилили различия между северной и южной частями Нижнего Приобья, т.к. территории Шурышкарского и Приуральского районов ЯНАО не были затронуты лесопромышленным освоением 1930–1950-х гг., а в 1970–1980-х гг. — нефтегазовым, что в обоих случаях обусловлено более низким ресурсным потенциалом в сравнении с территориями Ханты-Мансийского и Октябрьского районов ХМАО.

К началу XXI в. традиционный образ жизни сохранился в разной степени в среде обских угров и коми-зырян практически на всем протяжении Нижнего Приобья, однако его роль в укладе населения усиливается также при продвижении с юга на север и от Оби к верховьям притоков. Среди основных традиционных видов деятельности можно выделить рыболовство, охоту, сбор кедрового ореха и дикоросов (различных видов ягод и грибов), а также оленеводство. Самостоятельным сюжетом выступает сохранение традиции пошива и ношения национальной одежды и обуви, а также изготовления украшений и предметов домашнего обихода. Заимствование части традиционных видов деятельности, прежде всего рыболовства и сбора дикоросов русскими и другими этносами можно считать важнейшим механизмом адаптации и залогом успешного приживания в новых и непривычных для них природно-климатических условиях.

Отличительной чертой приобских поселений Ямало-Ненецкого автономного округа является наличие населения, сохраняющего кочевой или полукочевой традиционный образ жизни. Прослеживается весьма четкая закономерность: перемещаясь вниз по течению Оби от границы ХМАО по территории ЯНАО, мы будем наблюдать постепенное увеличение доли кочевого населения в общей его численности: так, в Шурышкарском районе эта доля колеблется от 5 до 15% в приобских поселениях, в Приуральском районе достигает 29,1% от общей численности населения всего района (41,6% от численности КМНС), тогда как в Ямальском — 35,6% и 47,1% соответственно.

Вместе с тем сезонное промысловое расселение характерно для территории Шурышкарского и Приуральского районов. До 200–300 чел. рыболовов (преимущественно ханты) ежегодно на летний период перемещаются в сезоннообитаемые деревни на песках пойменных проток Двубоья и обских притоков (Войкар, Питляр, Хашгортъеган и др.) из приобских сел и поселков, в которые возвращаются на период зимы.

Усредненный портрет кочевника Приуральского района сегодня — ненец-оленьевод, кочующий в составе моноэтнической бригады, включающей 2–4 семьи, часто — представителей одного рода. Они совместными усилиями перегоняют многотысячные олени стада (до 3–4 тыс. голов) сложившимися уже к XX в. маршрутами: летом на левый берег Оби к Байдарацкой губе и дальше на север в тундры Ямальского полуострова, зимой же — на юг, на правый берег Оби, к границе Ханты-Мансийского округа. При этом еще в конце 1980-х гг. многие оленеводческие бригады были полиэтни-

ческими: «*Раньше-то [в 1980-е гг.] чумы стояли разных народов вместе: и зыряне, и ханты, и ненцы [вместе] были в одной бригаде. Сейчас уже не так...*» (мужчина, 55 лет, наполовину ненец, наполовину ханты, с. Аксарка, Приуральский район).

Сохранение традиционных моделей хозяйствования оказывало сдерживающий эффект на динамику численности населения промысловых поселений с точки зрения их депопуляции в конце 1990-х и начале 2000-х гг. В условиях деградации сельского хозяйства рыболовство и сбор дикоросов становились важными источниками неформальной занятости для трудового населения, высвободившегося из аграрного и лесопромышленного секторов.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Периферийность и изолированность

Качественно уровень периферийности в исследуемых поселениях разделяется на два типа — населенные пункты, соединенные с внешней автодорожной сетью (не изолированные) и нет (изолированные). Имеющие автодорогу населенные пункты с твердым покрытием и выходом за пределы региона — Карымкары, Большие Леуши, Комсомольский, Малый Атлым в Октябрьском районе ХМАО, Горноknязевск, Харсаим и Аксарка в Приуральском районе ЯНАО. Нижние Нарыкары Октябрьского района, соединенные автодорогой с твердым покрытием с поселком Игрим, не относятся к этой категории — связи с внешним миром у этих населенных пунктов по земле нет. Включенность во внешнюю автодорожную сеть влияет на постоянность связи — в межсезонье и период становления автозимника связь с населенными пунктами без автомобильной дороги возможна только по воздуху, в некоторые периоды при помощи вездеходов и воздушной подушки. В поселениях, куда ведет дорога, влияние межсезонья и удаления от логистических центров на стоимость жизни наименьшее. В нефтедобывающих поселениях (Карымкары и Малый Атлым) различается роль Сургута (до него есть автодорога, но это большее расстояние) и Ханты-Мансийска (он ближе и зимой до него ведет автозимник) в зависимости от времени года (в то время как в соседних поселениях Октябрьского и Ханты-Мансийского районов важнейшим центром услуг остается Ханты-Мансийск).

Количественный уровень периферийности в населенных пунктах Нижнего Приобья измеряется расстоянием от важнейших товарных логистических центров (Ханты-Мансийск, Приобье — Нягань, Салехард — Лабытнанги) по Оби (автозимнику в зимний период). Этот аспект влияет на стоимость жизни, роль межсезонья (стоимость жизни и миграционную активность в его период), функционирование бизнеса. Минимальное влияние данный аспект имеет на населенные пункты, имеющие связь с внешней автодорожной сетью.

Важнейшее значение периферийность оказывает на развитие сельского хозяйства — крупнейшие сельскохозяйственные

предприятия Нижнего Приобья и почти все поголовье КРС расположены на расстоянии меньшем чем 60 км от крупных потребителей и логистических центров (рис. 3–4, 6), в отличие от советского периода, когда крупнейшие скотоводческие хозяйства находились на наибольшем удалении относительно крупнейших центров — в Тегах и Ванзетуре (обслуживали Игрим и Березово), Карымкары. Крупнейшие молочные фермы с 2010-х гг. расположены, наоборот, — в близких к Ханты-Мансийску Троице в Ханты-Мансийском районе и Аксарке к Салехарду в Приуральском районе ЯНАО. Исключением является относительно крупная молочная ферма на 100 коров в Мужах — крупном населенном пункте и центре, наоборот, слишком периферийного Шурышкарского района. Меньше зависимость от периферийности у дифференциации поголовья лошадей (исторической животноводческой специализации региона) — но и их распределение приходится в основном на мало- и среднепериферийные поселения. Данный фактор влияет прежде всего на дифференциацию крупных хозяйств — в хозяйствах населения во всем Нижнем Приобье КРС почти не осталось, частично еще присутствуют лошади, а на дифференциацию оленьих стад данный фактор не влияет вовсе.

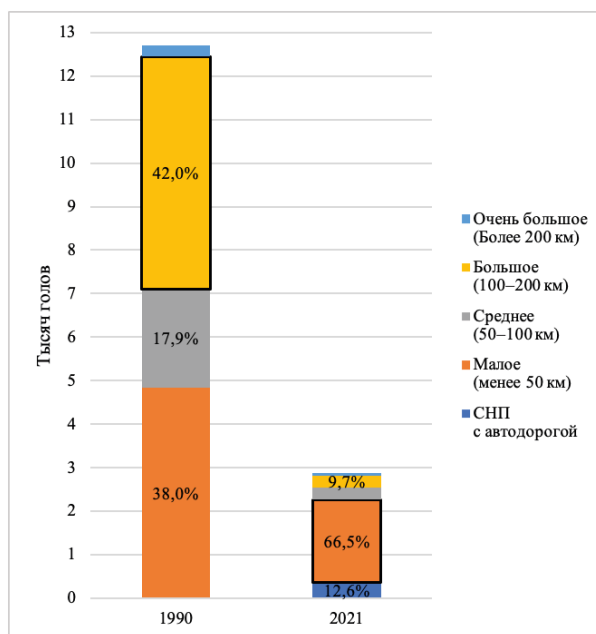

Рис. 3. Распределение поголовья КРС (хозяйств и населения) в населенных пунктах Нижнего Приобья в зависимости от расстояния от логистических центров по реке

Источник: департаменты АПК ЯНАО и промышленности ХМАО, КУ ГА Югры

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология транс-
формаций сельских
населенных пунк-
тов Нижнего При-
обья в постсовет-
ский период

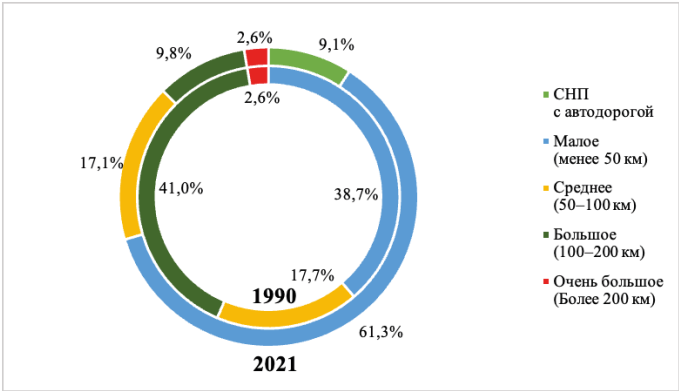

Рис. 4. Распределение поголовья КРС и лошадей в условных головах в населенных пунктах Нижнего Приобья в зависимости от расстояния от логистических центров по реке

Источник: департаменты АПК ЯНАО и промышленности ХМАО, КУ ГА Югры

Таблица 1. Поголовье КРС и лошадей в зависимости от периферийности

Удаленность от центров, км	Поголовье КРС, голов	Поголовье лошадей, голов	Численность населения, 2021, чел.	Доля КРС, %	Доля лошадей, %	Голов КРС на 1000 населения	Лошадей на 1000 населения
Очень большая (более 200)	50	50	648	1,8	4,7%	80,2	77,2
Большая (100–200)	300	100	9367	10,5	9,4%	29,8	10,7
Средняя (50–100)	250	350	5003	8,8	32,9%	53,4	70,0
Малая (менее 50)	1900	550	3911	66,7	51,6%	487,3	140,6
На дороге	350	15	7662	12,3	1,4%	47,2	2,0
В целом	2850	1065	26591	100	100%	107,8	40,1

Источник: департаменты АПК ЯНАО и промышленности ХМАО, КУ ГА Югры, ВПН-2021 г.

Радикально стоимость жизни (в первую очередь отражается в ценах на товары и топливо) возрастает в наиболее периферийных поселениях, расположенных на расстоянии более чем 150 км от логистических центров и не имеющих автодорожной связи, — цены на базовые товары здесь могут быть в 1,5–2 раза выше, чем на Большой земле. В менее периферийных поселениях стоимость жизни (товаров и топлива) почти не различается от степени удаленности — цены в них обычно выше на 20–30% от уровня «материка» и не различаются между собой. Также наиболее периферийные населенные пункты не подключены к внешним сетям (например, электроэнергетическим) — это влияет на стоимость тарифов (иногда кратно) и затрудняет хозяйственное развитие (периферийный Шурышкарский район). Значимым препятствием отсутствие внешней автодорожной сети является для крупных торговых сетей — так, например, магазины «Магнит» в Перегребном, Игриме и Березове в ноябре и декабре пустуют из-за того, что судоходство уже завершилось, а крупные грузовики с высокой грузоподъемностью (которые федеральная компания использует) еще не могут начать ходить по автозимнику. Местные же предприниматели и логисты имеют большой опыт в сфере грузоперевозок и благодаря запасам, использованию разных типов транспортных средств (воздушных подушек, внедорожников) в межсезонье в слабопериферийных поселениях даже не повышаются цены относительно периодов со стабильным транспортным сообщением.

Влияние периферийности на мобильность населения разделяется на три категории:

— *Малое* — расстояние по реке или автомобильной дороге до логистического центра менее 60 км. Возможны ежедневные маятниковые миграции по автозимнику и на водном транспорте (до 40 км — так, например, до Луговского и более близких населенных пунктов ходит три пары судов в день, высока частота хождения судов в зависимости от расписания в Шеркалы и Перегребное). К этой же категории относятся населенные пункты с автодорогой до Салехарда в Приуральском районе (Горнокайзевск, Харсаим и Аксарка). На этом расстоянии *образуется зона высокого влияния крупных логистических центров* — отсюда осуществляется массовая маятниковая миграция, развивается рекреация и дачное строительство, сконцентрировалось поголовье скота в постсоветский период.

— *Среднее* — расстояние по реке до логистического центра от 60 до 150 км. Возможны регулярные поездки (раз в неделю — раз в месяц) в крупные логистические центры без пересадок за различными услугами, иногда — одним днем туда-обратно. К этой же категории относятся удаленные населенные пункты с автомобильной дорогой до Лянтора и Сургута (расстояние — 350–400 км) в Октябрьском районе (Карымкары, Большие Леуши, Комсомольский

и Малый Атлым), частично в них после 1990–2000-х гг. восстановились лесные и аграрные функции с подводом стабильных наземных путей сообщений в 2010-х гг.

— *Высокая* — расстояние по реке до логистического центра более 150 км. Нерегулярное судоходство, высокие цены на билеты до логистических центров, иногда необходимо добираться до них с пересадкой, поездка одним днем невозможна (поездки раз в месяц и реже).

Влияние межсезонья на пассажирские перевозки менее значимо для пассажирских перевозок средней и высокой категорий удаленности — регионы субсидируют перелеты вертолетов (цена билета — 1000–2000 рублей) в логистические центры и между селами с регулярным расписанием, поэтому *полной изоляции населенных пунктов, не соединенных с внешней автодорожной сетью, не происходит*. Таким образом, *наибольшие затруднения изоляция вызывает у жителей, ежедневно едущих в крупнейшие логистические центры (в т.ч. с целью работы) в зонах малой периферийности*)), в период межсезонья. *Малое влияние периферийности имеет и на динамику населения* (рис. 5) — этнический состав и динамика хозяйственного развития имеет большее влияние на демографическую ситуацию.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Рис. 5. Динамика населения в СНП Нижнего Приобья
Источник: ВПН 1989 и 2021 гг.

Рис. 6. Динамика поголовья скота в Нижнем Приобье и лов рыбы в 1989–2021 гг.

Источник: департаменты АПК ЯНАО и промышленности ХМАО, КУ ГА Югры

Развитие нефтедобычи и институциональные факторы

В Нижнем Приобье эксплуатируется одно нефтяное месторождение — Приобское, других значимых источников углеводородов ниже по течению на маршруте исследования не эксплуатируется. Его разработка компанией «Сургутнефтегаз» в районе стартовала в начале 2000-х гг. В непосредственной близости от него (15 км и меньше) оказались сельские поселения Карымкары (ранее, в начале 2000-х гг.) и Малый Атлым (позднее, в конце 2000-х гг.). Помимо них значимую занятость (более 100 чел. вахтовым методом) месторождение обеспечивает для расположенного выше по течению Красноленинского поселения (поселки Красноленинский и Урманый Ханты-Мансийского района). Наиболее активным периодом ввода в эксплуатацию новых участков месторождения были 2010-е гг., но разработка новых скважин все еще продолжается.

В первую очередь нефтедобыча привела к изменениям транспортного положения вышеперечисленных поселений, к ним была

построена автомобильная дорога с твердым покрытием от Лянтора (асфальт на всем протяжении дороги, кроме подъездных к Малому Атлыму, Большим Леушам и Карымкарам протяженностью 5–10 км, полностью асфальтирован участок до Комсомольского). Это привело к появлению важного центра услуг для местных жителей в летний период — приоритетным городом в обслуживании населения за пределами поселений стал Сургут, в зимний период (с установлением автозимника) его роль сопоставима с Ханты-Мансийском. Постоянными стали поставки товаров, снизились цены, понизилась роль межсезонья в жизни поселений.

Развитие нефтедобычи привело к повышению уровня экономической активности в этих селах. Работа в «Сургутнефтегазе» стала одним из основных источников занятости для поселений Карымкары и Малый Атлым, к которым была проведена автомобильная дорога (в изолированных Заречном и Большом Атлыме работа в нефтедобывающей компании не столь распространена). Вместе с этим выросло благосостояние местных жителей. После закрытия в 1990-х гг. лесхозов (советская специализация этих поселений), в конце 2000-х гг. заработали пилорамы — появился спрос со стороны местного населения и излишки леса со стороны нефтяников, возможность вывоза материалов по дороге. В сочетании с улучшением логистики в Карымкарах (первом селе, куда была проведена автомобильная дорога и ближайшем населенном пункте к кустам добычи нефти) развивается розничная торговля для вахтовых работников нефтедобычи, проживающих в общежитиях на промыслах. Частично повышение экономической активности сказывается на восстановлении поголовья скота — после полной деаграризации в 1990–2000-х гг. в Карымкарах появилось относительно крупное скотоводческое предприятие с более 100 голов КРС (рис. 6). Однако не происходит значимого повышения бюджета и сельских поселений — компания «Сургутнефтегаз» в основном помогает поселениям с транспортным и хозяйственным обслуживанием. Политика нефтедобывающих компаний по отношению к прилегающим к промыслам селам различается — например, «Роснефть» выделяет в бюджет сельского поселения Селиярово 25 млн рублей ежегодно (при остальной части бюджета в 55 млн рублей), но не проявляет активного участия в других сферах функционирования поселения.

Развитие нефтедобычи и занятость в этой сфере привели к улучшению демографической ситуации в этих поселениях (также частично в поселке Красноленинском, где высока вахтовая занятость на промысле Приобского месторождения). Убыль населения в вышеперечисленных селах до начала эксплуатации месторождения была одной из самых высоких в Нижнем Приобье в ХМАО — сегодня динамика населения стабилизировалась (табл. 2). В первую очередь сократилась миграция — выпускники

*Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев*
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

школ стали оканчивать профессиональные учебные учреждения со специализацией на нефтяном деле в Сургуте, Нижневартовске или Ханты-Мансийске и возвращаться в свои села, а не уезжать за пределы региона или в его центр для получения высшего образования. В целом нефтедобыча — один из двух позитивных треков развития сельской местности (помимо связей пригородных сел с логистическими центрами) на исследуемом маршруте, при этом влияние его комплексно (положительно отразилось на нескольких сферах жизни села и особенно — на занятых в сфере нефтедобычи).

Таблица 2. Динамика населения поселений в Нижнем Приобье в ХМАО со специализацией на нефтедобыче и других

Сельское поселение	Прирост населения в:		
	1989–2002 гг. Добычи нет	2002–2010 гг. Старт добычи	2010–2021 гг. Добыча
Карымкары	-24,2%	-15,2%	10,5%
Малый Атлым	-24,9%	-10,3%	11,1%
Красноленинское	-28,7%	16,5%	0,0%
Луговское	-22,8%	1,8%	-17,5%
Октябрьское	-33,3%	-30,0%	-30,8%
Шеркалы	-21,5%	-16,4%	25,1%
Ванзетур	-3,2%	-21,9%	11,2%
Теги	-13,5%	-14,2%	-9,0%

Источник: ВПН 1989, 2002, 2010, 2021 гг.

Институциональная поддержка региональными властями сохранения унаследованных с советского периода отраслей специализации и появления новых гораздо эффективнее в ЯНАО, чем в ХМАО. В течение всего постсоветского периода региональные власти финансово поддерживали Аксарковский и Горкинский рыбзаводы, которые имеют свои рыболовецкие участки в нескольких исследуемых СНП и за пределами — в Азовах, Мужах, Восяхове, Шурышкарах, Аксарке и Салемале, благодаря этой поддержке *удалось сохранить промысловую специализацию в ЯНАО*. В каждом из перечисленных СНП имеется 50 и более рабочих мест на рыболовецких участках субсидируемых регионом рыбзаводов, что составляет значительную часть занятости за пределами бюджетной сферы в некоторых из них.

Противоположной ситуация была в ХМАО — в большинстве исследуемых сел на Оби в советский период осуществлялся промышленный лов рыбы, но не поддерживавшаяся регионом отрасль

деградировала, и с 2010-х гг. значительная занятость в рыбной ловле сохраняется только в Большом Атлыме с высокой долей ханты в структуре населения (КМНС имеют право на упрощенное создание рыболовецких артелей и более свободный лов рыбы в них). Сегодня в регионе функционирует только Ханты-Мансийский рыбзавод, аналогичные предприятия в Октябрьском и Березове были ликвидированы. Большая часть рыболовецких участков на исследуемом участке Оби в ХМАО была закрыта в 1990–2000-х гг., а уже в 2010-х гг. с введением ограничений на частную ловлю рыбы в крупных масштабах была утрачена вовсе — в первую очередь в СНП с преимущественно русским населением. При поддержке властей ЯНАО после проведения туда автомобильной дороги также была создана в 2010-х гг. и субсидируется молочная ферма в Аксарке. Предприятие действует частично в экспериментальном режиме, себестоимость литра молока на нем превышает 200 руб., что обусловлено отсутствием собственной кормовой базы — сено доставляется речным транспортом из Тобольского Прииртышья, зеленая масса получается в том числе методом гидропоники. Регион поддерживает сбыт молока при помощи распространения льготной «единой карты жителя Ямала» (карта с зачисляемыми от региона средствами на покупку некоторых видов товаров и услуг) на продукцию молочной фермы и ее распространение среди предприятий социальной сферы.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Типология

На основе материалов глубинных интервью с представителями районных и сельских администраций, представителями местного бизнеса и аграриями, а также статистических данных Росстата, департаментов промышленности ХМАО, агропромышленного комплекса ЯНАО и архивных данных КУ ГА Югры была составлена авторская функциональная типология для 1989, 2002 и 2021 гг. (прил. 3). За основу была принята типология СНП Атласа Тюменской области (Лухманов, 1976), составленная исходя из структуры формальной занятости. За постсоветский период сельская местность региона значительно трансформировалась и в формировании функциональных типов одни факторы утратили свое значение, а другие, напротив, возникли впервые. В связи с этим авторская типология составлена на основе *структуры занятости (как формальной, так и неформальной), отраслевой структуры действующих организаций, а также при учете факторов наличия плотных связей с крупными городскими центрами и деятельностью традиционных видов промыслов народов Крайнего Севера*. Таким образом, было выделено девять основных функциональных типов СНП Нижнего Приобья, существовавших в 1989–2021 гг. (рис. 7).

1. *Аграрный* — тип характеризуется наличием поголовья КРС и лошадей более 300 голов в организациях. Один из наиболее сократившихся функциональных типов в Нижнем Приобье после распада коллективных и государственных животноводческих хозяйств в периферийных селах в 1990-х гг. На 2021 г. к типу отнесены: Белогорье, Троица и Елизарово Ханты-Мансийского района, Шеркалы Октябрьского района ХМАО.

2. *Лесопромышленный* — к типу отнесены СНП с наличием действующего лесозаготовительного или лесоперерабатывающего предприятия с численностью занятых более 50 человек. На 2021 г. функциональный тип среди СНП Нижнего Приобья не присутствует после закрытия деревообрабатывающего завода в Луговском и прекращения действия всех крупных лесозаготовительных пунктов в 1990-х гг. В качестве исключения в тип занесен поселок Перегребное с занятостью на компрессорной станции и сохранивший свою специализацию (для исключения создания отдельного типа).

3. *Лесопромышленный-аграрный* — на конец советского периода некоторые СНП в Ханты-Мансийском и Октябрьском сочетали одновременно наличие как лесопромышленной, так и аграрной отрасли с относительно крупным поголовьем (200 и более голов КРС и/или лошадей) — Луговской, Урманной, Карымкары, Перегребное. На 2021 г. функциональный тип среди СНП Нижнего Приобья не присутствует.

4. *Многофункциональный* — районные центры Мужы Шурышкарского района и Аксарка Приуральского района ЯНАО являются крупнейшими СНП Нижнего Приобья и помимо высокой роли в обслуживании прилегающей к ним сельской местности сочетают в себе на протяжении всего постсоветского периода промышленную и аграрную отрасли, а также являются центрами районной миграции.

5. *Нефтедобывающий* — к типу отнесены СНП со значительной занятостью в нефтедобыче (более 50 человек) с прилегающими к ним нефтепромыслами и автомобильной дорогой, что влияет на стабилизацию социально-экономического положения и частичное восстановление советских отраслей специализации в 2010-х гг. Активно добыча ведется с конца 2000-х гг. К типу отнесены Малый Атлым, Комсомольский, Большие Леуши и Карымкары Октябрьского района ХМАО.

6. *Оленеводческий* — СНП, значительная часть зарегистрированного (прописанного) населения в которых ведет полукочевой и кочевой образ жизни (каслает по тундре), еще некоторая часть жителей имеют в крупных общественных оленьих стадах (более 1000 голов) принадлежащих им животных. С советского периода сохраняет отрасль специализации Панаевск Ямальского района, Восяхово Шурышкарского района приобрел специализацию в 1990-х гг. в связи с закреплением кочевого населения в населенном пункте.

7. *Промысловый* — тип с наличием единственной внебюджетной отрасли специализации на организованной ловле рыбы и частично охоте (более 50 занятых). Промысловая функция деградировала в течение всего постсоветского периода: массовый переход СНП к этому типу в основном русле Оби в Ханты-Мансийском и Октябрьском районах ХМАО в 1990–2000-е гг. связан с утратой других функций, а не развитием рыбной ловли. С окончательной деградацией рыбохозяйственного комплекса в 2010-х гг. в ХМАО промысловая функция СНП региона почти исчезла (за исключением Большого Атлыма Октябрьского района ХМАО со значительной долей КМНС в структуре населения и артельными и единоличными организациями ловли), в отличие от ЯНАО, где сохранение рыболовецких участков связано с институциональным фактором в условиях сохранения традиционного образа жизни. По состоянию на 2021 г. к типу помимо Большого Атлыма в ХМАО отнесены Азовы, Шурышкары и Салемал в ЯНАО.

8. *Пригородный* — населенные пункты, утратившие какую-либо отрасль специализации, но в условиях развитого пригородного речного сообщения (три и более пар судов в крупный центр и обратно в день в период навигации) или наличия автомобильной дороги до города характеризуются наличием стабильной трудовой маятниковой миграцией в него. Также некоторые обладают рекреационным и дачным значением для жителей близлежащих городов. Тип возник в 2000-х гг. в связи с деградацией советских отраслей специализаций и развитием транспортных связей с городами. По состоянию на 2021 г. к типу отнесены Кирпичный и Луговской в зоне влияния Ханты-Мансийска, Нижние Нарыкары в зоне влияния Приобья-Нягани и Игрима, а также Горнокнязевск и Харсаим в зоне влияния Салехарда.

9. *Упрощенный* — периферийные населенные пункты, утратившие какие-либо отрасли специализации и с преобладанием бюджетной сферы в структуре занятости, а также невозможностью развития маятниковой миграции в крупные центры и установления с ними какой-либо стабильной связи из-за удаленности. Тип возникает с окончательной деградацией рыбохозяйственного комплекса в ХМАО в 2000–2010-х гг. и является одним из самых массовых на участке Нижнего Приобья в регионе, в ЯНАО не представлен. В ХМАО по состоянию на 2021 г. к нему отнесены Кедровый, Урманный и Красноленинский Ханты-Мансийского района, Заречный, Кормужиханка и Большой Камень Октябрьского района, а также Ванзетур и Теги Березовского района.

Функциональные типы СНП Нижнего Приобья детерминированы различным влиянием факторов дифференциации в регионе в зависимости от периода. Наиболее равномерным было распределение типов среди всех селений региона на конец советско-

го периода — как в структуре населенных пунктов в целом, так и пропорционально населению. Географически на конец советского периода выделяются две зоны: сочетания аграрной и лесной специализации в основном русле Оби в Ханты-Мансийском и Октябрьском районе ХМАО и Березовском районе (1) и зона с промысловыми функциями на участке маршрута в ЯНАО (2). В 1990–2000-е гг. происходит трансформация функциональных типов СНП ХМАО — утрачиваются советские отрасли специализации, деградирует рыбохозяйственный комплекс. На данном этапе структура функциональных типов максимально упрощена — основным становится промысловый. В 2010-х гг. новые факторы (нефтедобыча и развитие пригородных связей) и окончательная деградация промысловой специализации в ХМАО приводит к формированию новых функциональных типов и наиболее дифференцированной их структуры. В ЯНАО же с сохранением советских отраслей специализации и сохранением коренного образа жизни изменения функциональных типов за постсоветский период (за исключением пригородной зоны Салехарда) не происходит, повышается роль Мужей Шурышкарского района и Аксарки Приуральяского района как полифункциональных центров.

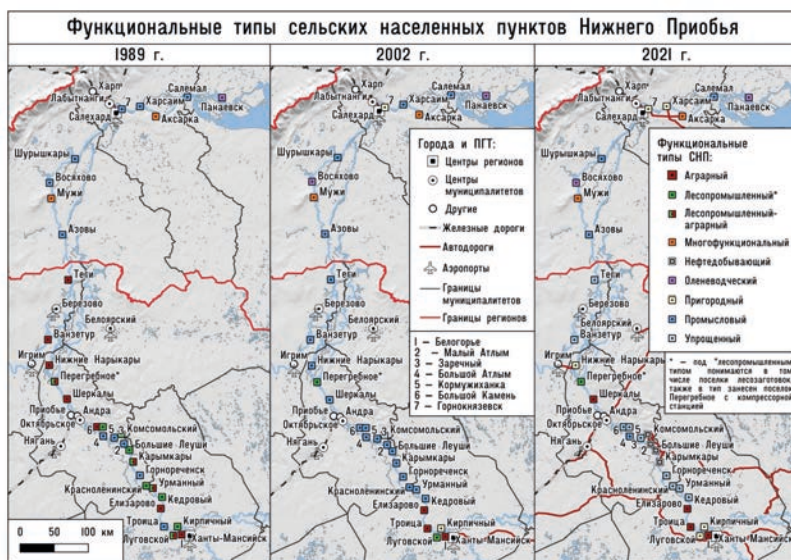

Рис. 7. Динамика изменения функциональных типов СНП Нижнего Приобья в 1989–2021 гг.

Источник: составлено авторами

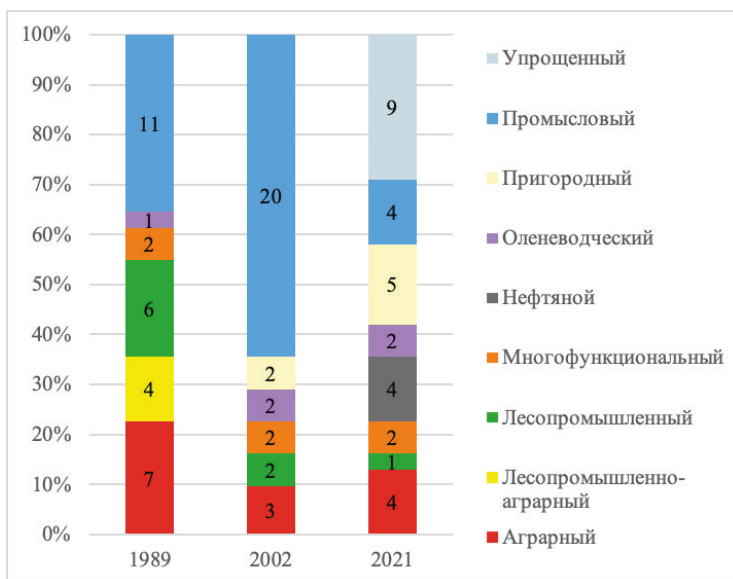

Рис. 8. Динамика структуры функциональных типов СНП Нижнего Приобья в 1989–2021 гг.

Источник: составлено авторами

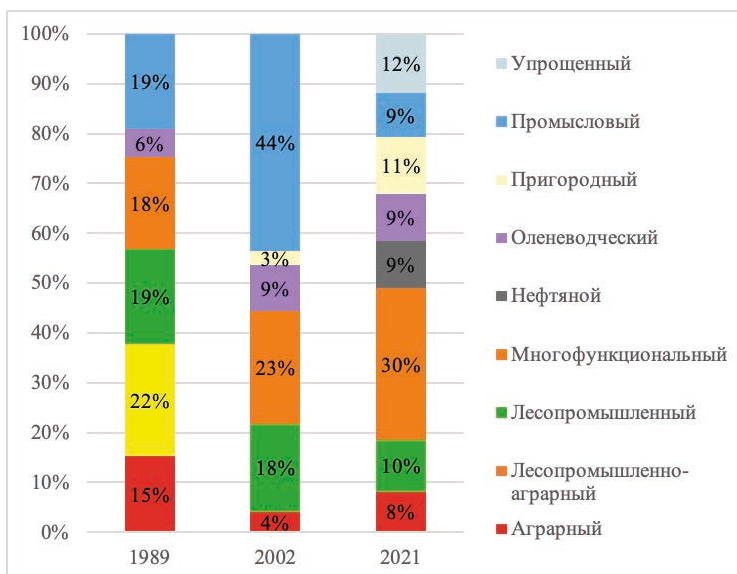

Рис. 9. Динамика структуры населения по отношению к функциональным типам СНП Нижнего Приобья в 1989–2021 гг.

Источник: составлено авторами на основе ВПН-1989, 2002, 2021 гг.

На основе динамики функциональных типов, предложенных в авторской типологии, и изменения социально-экономического положения в постсоветский период были выделены несколько типов трансформаций СНП Нижнего Приобья. Была создана авторская типология, учитывавшая изменение функциональных типов за три периода (1989, 2002 и 2021 гг.), изменение транспортного положения, динамику поголовья скота и лошадей, сохранение традиционных видов хозяйствования народов Крайнего Севера, динамику занятости и сочетание различных отраслей специализации. Всего было выделено пять типов (и дополнительные подтипы для двух из них) трансформаций на основе динамики вышеперечисленных признаков в 1989–2021 гг.

1. *«Упрощение» функционального типа*

СНП данного типа трансформаций за постсоветский период *утратили какую-либо специализацию и с 2010-х гг. в них абсолютно преобладает бюджетная сфера в структуре занятости*, при этом они находятся на значительной периферии и поэтому не имеют стабильных связей с крупными городскими центрами. Все они находятся на периферии основного русла Оби (в Октябрьском районе ХМАО между Ханты-Мансийском и Приобьем) и в удаленном Березовском районе ХМАО. Из данного типа были выделены три подтипа, *основанные на утрате существовавшей советской специализации в этих СНП* — лесохозяйственной, аграрной или промысловой. С деградацией лесозаготовок и животноводства в 1990-х гг., во всех населенных пунктах данного типа в 2000-х гг. основу внебюджетной занятости составляла промысловая сфера, но с распадом рыбохозяйственного комплекса ХМАО и ужесточением артельного лова рыбы с 2010-х гг. была утрачена и эта специализация как массовая сфера приложения труда вне бюджетной сферы. Выделяются подтипы:

— *Утрата «лесных» функций* (Кедровый, Красноленинский, Горнореченск и Кормужиханка Октябрьского района ХМАО).

— *Утрата аграрных функций* (Урмань и Кормужиханка Октябрьского района ХМАО, Ванзетур и Теги Березовского района ХМАО).

— *Утрата промысловых функций* (Заречный Октябрьского района ХМАО).

2. *Связанные с развитием связей с крупным логистическим центром*

СНП, находящиеся в зоне влияния крупных городских центров в постсоветский период, трансформировались по двум траекториям — сохранение или расширение в 2000-х гг. отраслей молочного и мясного скотоводства и табунного коневодства посредством увеличения поголовья КРС и лошадей в организациях в селах, имевших развитые аграрные функции в советский период (1), формирование маятниковой миграции с крупными городскими центрами, а также развитие рекреации и дачного строительства в тех населенных пунктах, которые

в советский период имели преимущественно «лесную» специализацию в ХМАО и промысловую в ЯНАО (2). Для первого типа — «аграризации» — значение фактора близости к городу было высоким и остается таковым с конца 1990-х гг., когда все поголовье скота и лошадей Нижнего Приобья начало концентрироваться в их зоне влияния. Для второго же — «пригородизации» — влияние крупных городских центров нарастало со временем с деградацией лесохозяйственной функции в 1990–2000-е гг. и обеспечением частой навигации, появлением автодорог в 2010-х гг.

— *Развитие/сохранение аграрных функций.* «Аграризация» (Белогорье, Троица и Елизарово Ханты-Мансийского района ХМАО, Шеркалы Октябрьского района ХМАО).

— *Занятость в городе и/или иные связи.* «Пригородизация» (Кирпичный и Луговской Ханты-Мансийского района ХМАО, Нижние Нарыкары Октябрьского района ХМАО, Горноknязевск и Харсаим Приуральского района ЯНАО).

3. *Развитие нефтедобычи* (Карымкары, Большие Леуши, Комсомольский, Малый Атлым Октябрьского района ХМАО)

В СНП «нефтяной» траектории трансформаций в 1990–2000-е гг. происходили *те же изменения, что и в других селах основного русла Оби* (первого типа трансформационной траектории) — утрата советских отраслей специализации и сохранение занятости в рыболовецком хозяйстве. В отличие от населенных пунктов, которые в основном русле Оби утратили в 2010-х гг. и промысловую специализацию и «упростили» свой функциональный тип, в селах данного типа с конца 2000-х гг. начала активно развиваться нефтедобыча. «Сургутнефтегаз» провел автодорогу, предоставил значительную занятость с высокооплачиваемыми рабочими местами, частично восстановились советские отрасли специализации, развивается МСП, обслуживающее вахтовиков, — *стабилизировалось социально-экономическое положение (в том числе отток населения) и дифференцировалась структура экономики и занятости.*

4. *Полифункционализация* (Мужи Шурышкарского района ЯНАО, Аксарка Приуральского района ЯНАО)

Два СНП данного типа в течение постсоветского периода *поддерживали дифференцированную структуру* экономики с аграрными и промысловыми функциями (развивавшимися и в постсоветский период), расширили роль в обслуживании окружающей территории и имели наилучшую демографическую динамику. Это административные центры своих районов и одновременно крупнейшие и самые быстрорастущие СНП Нижнего Приобья (36,1% и 99,7% прироста населения в Мужах и Аксарке в 1989–2021 гг. соответственно, 22,6% и 30,3% от всего сельского населения исследуемых населенных пунктов в 1989 и 2021 гг. соответственно), Аксарка и Мужы концентрируют мигрантов с периферии Шурышкарского, Приуральского и Ямальского районов. В этих селах одна из самых высоких долей КМНС в структуре населения и этническое разнообразие (35,3% и 42,7% рус-

ских в структуре населения в Мужах и Аксарке соответственно в 2010 г., доля ханты, коми и ненцев более 10%), благодаря чему сохраняется промысловое хозяйство. С проведением автомобильной дороги Надым — Салехард, включившей в автодорожную сеть Аксарку, последняя стала центром обслуживания правобережья Оби в Приуральском районе и нижележащих по течению сел Ямальского района.

5. *Консервация промысловых и/или иных функций* (Большой Атлым и Перегребное Октябрьского района ХМАО, Азовы, Восяхово и Шурышкар Шурышкарского района ЯНАО, Салемал и Панаевск Ямальского района ЯНАО)

СНП в ЯНАО с высокой долей КМНС в структуре населения в постсоветский период сохранили оленеводческую и промысловую специализацию, унаследованную с советского периода, что связано с поддержкой рыбзаводов в Аксарке и Горках регионом и сохранением традиционного образа жизни. В ХМАО рыбохозяйственный комплекс деградировал на протяжении всего постсоветского периода и специализацию на рыбной ловле сохранил только умеренно периферийный Большой Атлым (также с высокой долей ханты в структуре населения, 48,5% в 2010 г.), где организована артельная занятость по упрощенной для КМНС процедуре. При этом экстремально удаленные с затрудненным сбытом рыбы Теги и Ванзетур Березовского района с высокой долей обских угров в структуре населения (86,0% и 56,9% в 2010 г. в Тегах и Ванзетуре соответственно) не имеют значительной занятости в отрасли (так, в Тегах рыболовство является основной деятельностью только для пяти семей), в отличие от также удаленных Азов Шурышкарского района, где сохранение рыболовецких участков Горкинского рыбзавода поддерживается регионом и в отрасли занято 60 человек. Исключением является Перегребное, где сохранена унаследованная с советского периода занятость на газокompрессорной станции, а не в промысле.

Вместе с тем необходимо отметить, что направления постсоветских трансформаций СНП Нижнего Приобья были во многом детерминированы своим генезисом (рис. 11). Так, большинство аграрных поселений по своему генетическому типу являются русскими старожильческими селами, сохраняющими и усиливающими свою аграрную функцию на протяжении последних 100 лет благодаря более выгодному ресурсному положению, а именно наличию прямого доступа к основной кормовой базе животноводства — пойменным заливным лугам. Наибольшая доля поселений упрощенного функционального типа наблюдается среди СНП, возникших в ходе советской волны освоения 1930–1950-х гг. как спецпереселенческие и лесные поселки. С одной стороны, это может быть обусловлено директивным выбором в период основания поселений местоположения на высоком правом берегу Оби, что ограничивает возможности для пастбищного коневодства и скотоводства (в советский период необходимость транспортировки баржами скота на летние пастбища на островах пойменного левого берега составляла зна-

чительную долю в структуре расходов животноводческих хозяйств, что в рыночных условиях стало важнейшим лимитирующим фактором). Тогда как с другой — имеет меньше успешных практик выживания в условиях исключительно промысловой занятости, в отличие от кержаков и коренного обско-угорского населения.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Рис. 10. Структура трансформационных типов и доля в населении СНП, прошедших трансформацию

Источник: составлено авторами

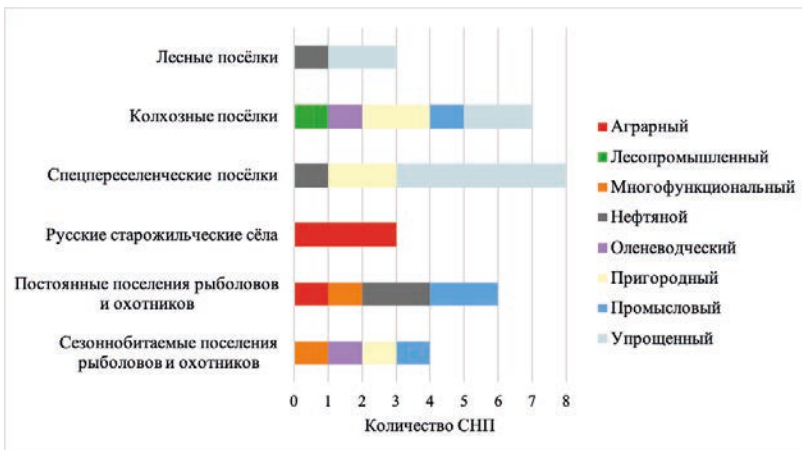

Рис. 11. Распределение функциональных типов СНП в 2021 г. в зависимости от генезиса поселений

Источник: составлено авторами

Рис. 12. Типология трансформаций функциональных типов СНП в Нижнем Приобье в 1989–2021 гг.

Источник: составлено авторами

Выводы

Генезис СНП предопределил ряд направлений трансформации функциональных типов сельских поселений Нижнего Приобья в постсоветский период. Во-первых, выбор местоположения в момент возникновения селения предопределял возможный спектр хозяйственных отраслей специализации в будущем как с ресурсной (наличие пойменных пастбищ и сенокосов, лесов с высоким бонитетом и т. д.), так и с ландшафтной (низкая вероятность подтопления, эрозионная стабильность берега) точки зрения. Во-вторых, быстрое усвоение традиционных практик хозяйствования коренного обско-угорского населения спецпереселенцами в рамках своей

экстремальной адаптации в середине XX в. (в отличие от населения лесных поселков, для которых это заимствование не было залогом выживания) позволило им легче пройти период системного кризиса на рубеже XX–XXI вв.

Этнокультурный фактор играет консервирующую роль в сохранении унаследованных с советского периода отраслей хозяйственной специализации сельских поселений Нижнего Приобья, которая усиливается при движении вниз по течению Оби от устья Иртыша и достигает своей наибольшей интенсивности в поли- и моноэтнических поселениях с низкой долей русского населения в Двубье и ниже до Обской губы. Сохранение навыков и моделей традиционного природопользования и хозяйствования в совокупности с возможностью оперировать значительным пластом знаний о территории своего проживания коренными народами Севера — один из параметров стабильной занятости в рыбном промысле и элементов сезонного заработка.

В исследуемой сельской местности выделяются две зоны с точки зрения периферийности — влияния крупных городских центров (1) и периферии (2). В зонах повышенной транспортной доступности вокруг крупнейших городских центров в постсоветский период сконцентрировались аграрные функции сельской местности Нижнего Приобья, развивались трудовые и иные связи с городом. Влияние нарастающей периферийности же за пределами зон влияния крупнейших городов имеет второстепенное значение (первостепенным является сам факт удаленного транспортного положения) и становится значимым только на экстремальной периферии — стабильная связь различными транспортными средствами налажена и полностью изолированных от Большой земли СНП в исследуемой местности нет. Транспортное положение СНП Нижнего Приобья в течение постсоветского периода улучшалось (были проведены автодороги в некоторые из них), связи с городом в тех пригородных СНП, где были утеряны советские отрасли специализации, приобрели крайне высокое значение.

Развитие нефтедобычи в 2000–2010-х гг. сыграло роль фактора, стабилизирующего социально-экономическое положение. После утраты аграрной и лесохозяйственной отраслей специализации в основном русле Оби в 1990–2000-е гг. в тех СНП, в зоне влияния которых началась добыча нефти и была проведена автомобильная дорога, дифференцировалась структура занятости, частично возродились советские отрасли специализации, получило развитие МСП и существенно сократился миграционный отток населения. Региональные институты поддержки аграрной и промысловой сфер в ЯНАО послужили фактором сохранения унаследованных с советского периода отраслей специализации и консервации функциональных типов СНП в субъекте.

Функциональные типы СНП ЯНАО в постсоветский период были устойчивее благодаря воздействию институционального и этнокультурного факторов, в то время как в ХМАО они динамично трансформировались из-за большей подверженности их советских отраслей специализации кризисным явлениям. В ЯНАО отрасли, унаследован-

*Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев*
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

ные с советского периода, были в основном сохранены и в некоторых случаях (в полифункциональных поселениях) даже усложнены новыми функциями, а также расширилось влияние Салехарда на правобережье Оби в Приуральском районе с проведением автомобильной дороги. В ХМАО процесс трансформации функциональных типов СНП в постсоветский период разделяется на два этапа — деградацию рыбохозяйственного комплекса и утрату аграрной и лесохозяйственной специализации в 1990–2000-х гг. (1) и возникновение новых факторов (нефтедобыча и влияние городов) в 2000–2010-х гг. (2).

Библиография

- Антонов Е. В., Сафронов С. Г. (2023). Сельское расселение Камчатки: генетические и современные факторы развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 87. № 8. С. 1275–1286.
- Атлас Азиатской России (1914). Санкт-Петербург: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.
- Атлас Тюменской области / сост. Тюменской комплексной экспедицией Геогр. ф-та МГУ совместно с ф-кой № 4 ГУГК; ред. коллегия: проф. И. П. Заруцкая (отв. ред.). Москва; Тюмень: ГУГК, 1971–1976. 2 т.
- Демидова К. В., Медведникова Д. М., Алексеев А. И. (2022). Реализация крупных угледобывающих проектов как фактор трансформации сельской местности в Алтайском районе Республики Хакасия // Вестник Московского университета. Серия 5. География. Т. 4. С. 101–112.
- Дунин-Горкавич А. А. (1903). Карта Тобольской губернии.
- Дунин-Горкавич А. А. (1904). Тобольский Север. Т. 1. СПб.: Типография В. Киршбаума.
- Зайцева Е. А., Ключева В. П., Щербич С. Н. (2012). История населенных пунктов Югры: краткий научно-популярный справочник. М.: Издательство Перо.
- Ковалев С. А. (2003). Избранные труды. Смоленск: Ойкумена.
- Космачев К. П. (1962). О хозяйственных типах сельского расселения // География населения Восточной Сибири. С. 144–155.
- Космачев К. П. (1974). Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука.
- КУ Государственный архив Югры (КУ ГА Югры). Ф. 6. Оп. 1. Д. 302.
- КУ Государственный архив Югры (КУ ГА Югры). Ф. 6. Оп. 1. Д. 752.
- Лухманов Д. Н. (2005). Эволюция расселения на территории Югры во второй половине XX в. // Вестник исторической географии. Вып. 3. С. 160–181.
- Мисевич К. Н., Чуднова В. И. (1973). Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск: Наука.
- Повод Н. А. (2006). Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука.
- Покшишевский В. В. (1951). Заселение Сибири: историко-географические очерки. Иркутск: Иркутское областное государственное издательство.
- Покшишевский В. В., Воробьев В. В. (1962). География населения Восточной Сибири. М.: Акад. наук СССР.
- Поляков И. С. (1877). Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской академии наук. С.-Петербург: Типография Императорской академии наук.
- Соммье С. (2012). Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / пер. с ит. А. А. Переваловой; под ред. Я. А. Яковлева. Томск: Издательство Томского университета.

- Татарникова А. И. (2022). Сеть сельских поселений Томского округа в 1920-е гг.: количественные и качественные характеристики // Историко-географический журнал. Т. 1. № 4. С. 54-63.
- Усольцева О. В. (2018). Сельская поселенческая сеть Томской области (1940–1980-е гг.). Томск: ООО «Издательство “ДЕМОС”».
- Федорова Е. Г. (2000). Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский дом.
- Филиппова В. В. (2003). Локальные особенности расселения и динамика численности населения Усть-Майского улуса (района) в XX–XXI вв. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. Т. 38. № 1. С. 34-50.
- Фукс Л. П. (2003). Расселение в Западной Сибири. Самоорганизация и управление, итоги и проблемы. Новосибирск: Изд-во ПРО.
- Чучкалов А. С., Мищук С. Н., Греля Н. К. (2021). Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона (на примере Биробиджанского района Еврейской автономной области) // Крестьяноведение. Т. 6. № 4. С. 136-163.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Typology of transformations in rural settlements of the Lower Ob Region in the post-Soviet period

Grigory A. Nazarenko, Undergraduate Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: nga-02@mail.ru

Kirill S. Loktionov, analyst, Scientific Center for the Study of Rural Problems; Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: leeglokto@yandex.ru

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: alival@mail.ru

Abstract. The article considers the main post-Soviet transformation of functional types of rural settlements in the Khanty-Mansi and the Yamalo-Nenets Autonomous Regions within the Lower Ob Region. The article is based on the field data collected in July 2023 and on the statistical data from the Federal State Statistics Service, district and regional administrative departments, and state archives. The authors show that the transformation of functional types of rural settlements was influenced by the development of rural settlements, their ethnic composition, the traditional way of life preserved by indigenous northern minorities, peripheral and isolated nature of settlements, territorial infrastructural development, projects of extracting companies in oil production areas, peculiarities of local institutions and regional support for economic specialization. To identify the main directions of transformation, the authors provide a functional typology of settlements in the Lower Ob Region for 1989, 2002, and 2021: 1) simplified functional type due to the loss of forestry, agricultural and commercial functions by some industrial settlements, 2) development of agriculture, recreational functions and commuting in settlements near cities, 3) stabilization of the social-economic situation as a result of the oil production near the settlement, 4) polyfunctionalization of large rural settlements turning into district service centers, 5) preservation of traditional economic activities in rural settlements with a high share of minorities.

Key words: rural area, transformation trajectories, periphery, isolation, functional typology, development of Western Siberia, genesis, ethnic mosaicism, indigenous peoples of the North, oil production, institutional factor, infrastructural development.

References

- Antonov E., Safronov S. (2023) Selskoe rasselenie Kamchatki: geneticheskie i sovremennye faktory razvitiya [Rural settlement in Kamchatka: Genetic and Contemporary factors of development]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, vol. 87, no 8, pp. 1275–1286.
- Atlas Aziatskoj Rossii* [Atlas of Asian Russia] (1914), Saint Petersburg: Pereselencheskoe upravlenie Glavnogo upravlenija zemleustrojstva i zemledelija.
- Atlas Tyumenskoi oblasti* [Atlas of the Tyumen Region] (1971–1976), Moscow; Tyumen: GUGK.
- Chuchkalov A., Mishchuk S., Grelja N. (2021) Faktory transformatsii prigorodnoj selskoj mestnosti depressivnogo regiona (na primere Birobidzhanskogo rajona Evrejskoj avtonomnoj oblasti) [Factors of transformation of suburban rural areas in a depressed region (on the example of the Birobidzhan district of the Jewish Autonomous Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 4, pp. 136–163.
- Demidova K., Medvednikova D., Alekseev A. (2022) Realizatsija krupnyh ugledobyvajushchih proektov kak faktor transformatsii selskoj mestnosti v Altajskom rajone Respubliki Khakasija [Major coal mining projects as a factor in the transformation of rural areas in the Altai district of the Republic of Khakassia]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, vol. 4, pp. 101–112.
- Dunin-Gorkavich A. (1903) *Karta Tobolskoj gubernii* [Map of the Tobolsk Province].
- Dunin-Gorkavich A. (1904) *Tobolsky sever* [Tobolsk North], vol. 1, Saint Peterburg: Tipografija V. Kirshbauma.
- Fedorova E. (2000) *Rybolovy i okhotniki bassejna Obi: problemy formirovaniya kultury khandov i mansi* [Fishermen and Hunters of the Ob Basin: Issues of the Development of the Khanty and Mansi Culture], Saint Petersburg: Evropejsky dom.
- Filippova V. (2022) Lokalnye osobennosti rasselenija i dinamika chislennosti naselenija Ust-Majnskogo ulusa (rajona) v XXXI vv. [Local features of settlement and population dynamics in the Ust-Maysky ulus (district) in the 20th–21st centuries]. *Severo-Vostochny Gumanitarny Vestnik*, vol. 38, no 1, pp. 34–50.
- Fuks L. (2003) *Rasselenie v Zapadnoj Sibiri. Samoorganizatsija i upravlenie, itogi i problemy* [Settlement in Western Siberia. Self-Organization and Management, Results and Problems], Novosibirsk: PRO.
- Kosmachev K. (1962) O khozjajstvennyh tipah selskogo rasselenija [On the economic types of rural settlement]. *Geografija Naselenija Vostochnoj Sibiri*, pp. 144–155.
- Kosmachev K. (1974) *Pionernoe osvoenie tajgi (ekonomiko-geograficheskie problemy)* [Pioneer Development of the Taiga (Economic-Geographical Issues)], Novosibirsk: Nauka.
- Kovalev S. (2003) *Izbrannye trudy* [Selected Works], Smolensk: Oikumene.
- KU Gosudarstvennyy arkhiv Yugry* [State Archive of Yugra]. F. 6. Op. 1. D. 302.
- KU Gosudarstvennyy arkhiv Yugry* [State Archive of the Yugra]. F. 6. Op. 1. D. 752.
- Lukhmanov D. (2005) Evoljutsija rasselenija na territorii Yugry vo vtoroj polovine XX v. [Evolution of settlement in Yugra in the second half of the 20th century]. *Vestnik Istoricheskoy Geografii*, vol. 3, pp. 160–181.
- Misevich K., Chudnova V. (1973) *Naselenie rajonov sovremennogo promyshlennogo osvoenija Severa Zapadnoj Sibiri* [Population of the Areas of the Contemporary Industrial Development in the North of Western Siberia], Novosibirsk: Nauka
- Pokshishevsky V. (1951) *Zaselenie Sibiri: istoriko-geograficheskie ocherki* [Settlement of Siberia: Historical-Geographical Essays], Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatelstvo.
- Pokshishevsky V., Vorobyov V. (1962) *Geografija naselenija Vostochnoj Sibiri* [Geography of Population in Eastern Siberia], Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
- Polyakov I. (1877) *Pisma i otchety o puteshestvii v dolinu r. Obi, ispolnennom po porucheniju Imperatorskoj akademii nauk* [Letters and Reports on the Trip to the Valley of the

Ob River, Made on behalf of the Imperial Academy of Sciences], Saint Petersburg: Tipografija Imperatorskoj akademii nauk.

Povod N. (2006) *Komi Severnogo Zauralija (XIX–pervaja chetvert XX v.)* [Komi of the Northern Trans-Urals (19th — the First Quarter of the 20th Century)], Novosibirsk: Nauka

Sommje S. (2012) *Leto v Sibiri sredi ostjakov, samoedov, zyryjan, tatar, kirgizov i bashkir* [Summer in Siberia among the Ostyaks, Samoyeds, Zyryans, Tatars, Kirghiz and Bashkirs], Tomsk: Publishing House of the Tomsk University.

Tatarnikova A. (2022) Set selskih poselenij Tomskogo okruga v 1920-e gg.: kolichestvennyye i kachestvennyye kharakteristiki [Network of rural settlements in the Tomsk district in the 1920s: Quantitative and qualitative characteristics]. *Istoriko-Geografichesky Zhurnal*, vol. 1, no 4, pp. 54–63.

Usoltseva O. (2018) *Selskaja poselencheskaja set Tomskoj oblasti (1940–1980-e gg.)* [Rural Settlement Network of the Tomsk Region (1940s–1980s)], Tomsk: DEMOS Publishing House.

Zaitseva E., Klyueva V., Shcherbich S. (2012) *Istorija naselennykh punktov Yugry: kratky nauchno-populjarny spravochnik* [History of Yugra Settlements: A Short Popular Science Guide], Moscow: Publishing House “Pero”.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология транс-
формаций сельских
населенных пунк-
тов Нижнего При-
обья в постсовет-
ский период

Приложение

Таблица 3. Этнические типы СНП Нижнего Приобья. Составлено авторами на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г.

Этнический облик СНП	Величина индекса этнической мозаичности	Примеры СНП	
		Район	СНП
Моноэтнические русские (больше 70%) с долей КМНС меньше 15%	<0,45	Ханты-Мансийский	Елизарово, Кедровый, Кирпичный, Красноленинский, Луговской, Урманый
		Октябрьский	Большой Камень, Большие Леуши, Горно-реченск, Заречный, Малый Атлым, Карымкары, Комсомольский, Кормужиханка
Моноэтнические русские (больше 70%) с долей украинцев и татар более 10%	0,45-0,5	Октябрьский	Перегребное
Преобладание русского населения (>50%) со значительной долей КМНС (>20%)	0,45-0,55	Ханты-Мансийский	Белогорье, Троица
		Октябрьский	Шеркалы

Бизнitchеские с сопоставимыми долями русских и КМНС в диапазоне 40-60%	0,5-0,7	Октябрьский	Большой Атлым, Нижние Нарыкары
Полиэтнические	>0,7	Шурышкарский	Мужи
		Приуральский	Аксарка, Салемал
Бизнitchеские с сопоставимыми долями КМНС и коми-зырян от 40 до 60%, долей русских меньше 15%	0,5-0,7	Шурышкарский	Восяхово
		Приуральский	Харсаим
Преобладание КМНС в населении (>50%) со значительной долей русских (>20%)	0,5-0,6	Березовский	Ванзетур
		Шурышкарский	Азовы
Моноэтнические КМНС (больше 70%) с долей русских меньше 15%	<0,4	Березовский	Теги
		Приуральский	Горнокаяевск
		Шурышкарский	Шурышкары
		Ямальский	Панайевск

Таблица 4. Типология функциональных типов СНП Нижнего Приобья

Тип	Фактор	Количественное значение
Аграрный	Наличие крупного поголовья скота и лошадей	Более 300 голов КРС и/или лошадей
Лесопромышленный	Наличие лесозаготовительного или лесоперерабатывающего предприятия	Более 50 занятых
Лесопромышленный-аграрный	Наличие лесозаготовительного или лесоперерабатывающего предприятия и наличие относительно крупного поголовья скота	Более 50 занятых Более 200 голов КРС и/или лошадей
Многофункциональный	Административный районный центр, наличие относительно крупного поголовья скота и лошадей, промысловая ловля рыбы, центр районной миграции	Более 200 голов КРС Более 50 занятых в рыболовном промысле

Нефтедобывающий	Наличие нефтедобычи в окрестностях сельского поселения и занятость в ней	Более 50 занятых
Оленеводческий	Наличие крупного поголовья оленей	Более 1000 голов оленей
Пригородный	Массовая маятниковая трудовая миграция в городской центр, отсутствие других отраслей специализации	Три и более пар суден в городской центр в день или автодорога, десятки и более трудовых мигрантов
Промысловый	Промысловая ловля рыбы, отсутствие других отраслей специализации	Более 50 занятых в рыболовном промысле
Упрощенный	Отсутствие внебюджетных отраслей специализации	Занятость в бюджетной сфере более 80%

*Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев*

Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Settlement sustainability as a result of the human and social capital development (on the example of the urban-type settlement Oktyabrskoe in the Republic of Crimea)¹

T. Yu. Gusakov, L. K. Gusakova

Timur Yu. Gusakov, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Lyudmila K. Gusakova, Independent Researcher. Novaya St., 19, Novoalekseevka village, Krasnogvardeisky district, Republic of Crimea, 297060, Russia. E-mail: lyudmilagusakova11@gmail.com

Abstract. Sustainable development of territories is one of the key goals of global and national policy. However, despite the resonance and financial assistance, many territories still lag behind and suffer from social-economic crises due to the peculiarities of both economic specialization and local communities. In Russia, depopulation has affected not only certain types of settlements and localities but also macro-territories (such as the North and the Arctic), which is determined not only by economic backwardness but also by social atomization of local communities, i.e., weak social ties at the micro level. The government makes efforts to smooth out demographic contrasts within the country, providing lagging regions with additional funding in the form of federal transfers and subsidies (policy of participatory budgeting, national projects, and various target programs to support local projects). The population of the Crimean Peninsula, except for Sevastopol, has gradually decreased due to a number of reasons: the region's peripheral status, lagging social-economic development, proximity to the war zone, ethnic tensions, etc. However, some settlements do not lose their population and even manage to increase the number of residents. The authors consider one such settlement in different perspectives (historical prerequisites, economic specialization, features of social-economic and economic-geographical development, possibilities for accumulating social and human capital) and make a conclusion that its sustainability cannot be ensured only by additional funding for improvement projects and infrastructure construction.

Key words: sustainable development, settlement, rural areas, human capital, social capital, Crimea

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-218-245

1. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326)

Once upon a time there was space for grass and birds,
 And for the master's house under the tiles.
 In Nogai houses — no water, no stove,
 From ancient times, only a wasteland Kelichi.
 On these Nogai lands in the empty place
 Potemkin cut out an estate for Popov.
 From the small Popovka to the dacha Unlar
 Later we got large Biyuk-Onlar.
 V. Kasper (*The village...*, 2009)

*T. Yu. Gusakov,
 L. K. Gusakova*
 Settlement sustainability as a result of the human and social capital development...

The concept of sustainable development implies maintaining a balance between natural, social-cultural, economic and energy systems, being one of the key tools for a comprehensive solution to global problems. It is within this concept that members of the United Nations General Assembly developed and approved the Resolution “Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development” (Transforming..., 2024). It presents 17 main goals of sustainable development, which can be achieved through 169 tasks. As a result, the planet would be provided with equal access to the goods and resources necessary to meet the basic needs of the population and to realize human capital in all countries.

One of the goals is “sustainable cities and communities” (Goal 11): the Resolution proposes to solve a number of tasks to make cities and communities open, safe, viable and sustainable (To Make ..., 2024). A comfortable and safe urban environment is one of the global trends in spatial development: governments of different countries make efforts to modernize the environment in both megalopolises and other populated areas. The environmental situation has improved, urban spaces have been developed and contribute to the formation of social capital, new opportunities for the realization of human abilities appear, urban economy has transformed towards diversification, etc.

The Russian government had also contributed to the settlements' sustainability, focusing on supporting key settlements and rural agglomerations to preserve the collapsing system of rural settlements and counteract the reduction in population density of the territory (Guryanov, 2023). Urbanization and optimization of social infrastructure in the 2000s, a decrease in the level of living comfort intensified depopulation in certain areas of the country. A decrease in population is observed even in large cities: for instance, over the last twenty years, the industrial center of the Vologda Region, Cherepovets city, has lost about 10% of its residents. The population concentrates in the most developed cities and their agglomeration belts (Karachurina, Mkrtchyan, 2016: 56). To stabilize the social-economic situation and ensure the sustainable development of territories, the government implements a set of national projects to solve various problems of regional development and smooth out interregional differences (In-

dex..., 2021). However, the overall goal of these measures is to improve the standard of living and comfort in every locality, including in the sphere of realizing personal abilities.

The problem of realizing human capital in large cities and megalopolises is not as acute as in small towns and rural areas. Numerous field studies in Russian regions often reveal similar assessments of the situation by locals: *“we have nowhere to go”* (town of Nevel, Pskov Region), *“after the school was closed people started to leave”* (village of Semenovskoe, Kostroma Region), *“there is nowhere to go for a child, it is difficult to take one’s children to clubs in the district center”* (village of Ivankovo, Tula Region). Measures within the National Projects and numerous federal and regional programs also aim at leveling Russia’s internal heterogeneity. For instance, the state program “Integrated Development of Rural Areas” is to create conditions for the sustainable social-economic development of rural areas by reducing differences between the city and the village (State Program..., 2019).

There were many attempts to improve the living conditions of the rural population in the Russian history. Thus, with the onset of rural depopulation in the 1960s, the Soviet government took measures to transform rural settlements into “agro-towns” like experimental-demonstration settlements in the Ukrainian SSR (Gnes, 2010; Baytsym, 2020) by optimizing the settlement system (resettlement of farmsteads and unpromising villages), introducing the planned multi-storey construction in large villages, improving the living conditions of villagers, prohibiting the construction of infrastructure facilities in “unpromising” villages (Shubina et al, 2023: 26) and so on. However, the problem of “lack of prospects” persisted, especially for younger generation, primarily due to the limited possibilities for the realization of human capital in the Soviet village.

The desire of the Soviet government to “put in order” all spheres of life in the country did affect the settlement system. Rapid industrialization, a growing share of workers and the development of industrial enterprises and service sector in large rural settlements contributed to the loss of agriculture’s special role in some rural settlements for which a new name was invented — urban-type settlements as a transitional form between the city and the village. They appeared in the 1920s (Trube, 1964), while the peak of granting the status of urban-type settlements came in the late Soviet period (Simagin, 2009: 20–27). According to the authorities’ idea, such settlements were to be transformed into cities in the future, but the peculiarities of the country’s development have preserved this type of settlement for a long time.

The question is how urban-type settlements should be classified — as cities or as rural settlements. Under the administrative reforms of the 2000s, the regional authorities made different decisions: some urban-type settlements formed rural settlements (like the urban-type

settlement of Pervomayskoe in the Republic of Crimea), others — urban settlements (like the urban-type settlement of Deputatsky in the Republic of Sakha) or even urban districts (like the urban-type settlement of Pelym in the Sverdlovsk Region). In any case, such a classification of the urban-type settlement is important due to determining the funding of settlement's development projects and its infrastructure (asphalt roads, street lighting, schools, etc.). Until recently, the population of urban-type settlements in Crimea had been considered urban, but in 2014, as part of administrative reforms, urban-type settlements were classified as rural.

Today, there are 58 urban-type settlements on the Crimean Peninsula, 56 of which belong to the Republic of Crimea and 2 to the federal city of Sevastopol (officially called urban settlements). In this article, we will consider the development features of the urban-type settlement Oktyabrskoe in the agricultural Krasnogvardeiskiy district (only 40 minutes' drive from the regional center Simferopol) and the influence of social and human capital on its sustainable social-economic development. The article is based on the works about Krasnogvardeiskiy district which was mainly considered by local historians as part of the Crimean Peninsula — the development of the district center of the urban-type settlement Krasnogvardeiskoe and the surrounding ethnic settlements — Estonian (Vilde, 2004), German (Cherkazyanova, 2007; Kasper, 2024; Gotovchikov, Gendin, 2011), Czech (The Chekh..., 2012), and Jewish (Gotovchikov, Gendin, 2009; 2011) (see also: Gotovchikov, 1995; 2017; Linevich, 2010; Yanchenko, 2013). The most informative book on the history of the village of Oktyabrskoe is V. Kasper's book *The Evstratovs and Others* on the history of the author's ancestors and the surrounding area (Kasper, 2005; 2006). In addition, there are some articles about Oktyabrskoe in the volume on Crimea in the *History of the Cities and Villages of the Ukrainian SSR* (Oktyabrskoe..., 1974), written in the Soviet propaganda vein, and in the volume on the Autonomous Republic of Crimea and Sevastopol *Cities and villages of Ukraine* (Urban-Type Settlement Oktyabrskoe, 2009).

The authors also studied cartographic materials and documents of the State Archive of the Republic of Crimea and the Russian State Archive of Economics, statistical data in the official reports, publications of the Tavricheskaya Scientific Archival Commission, statistical reviews, census materials on the websites of the Federal State Statistics Service (<https://rosstat.gov.ru>), the State Statistics Service of Ukraine (<https://www.ukrstat.gov.ua>), the journal *Demoscope Weekly* (<https://www.demoscope.ru>). Another important source of information was the local media — the regional newspaper *Lighthouse Lights* and Internet resources. In 2017–2021, the authors conducted many participant observations and interviews with local residents, activists, officials, specialists, entrepreneurs in the urban-type settlement Oktyabrskoe and the surrounding area, which allowed to clari-

fy some details that escaped the attention of documentarians, statisticians, and local historians.

The urban-type settlement Oktyabrskoe is located in the central steppe part of the Crimean Peninsula, 25 km from the district center of Krasnogvardeiskoe and 43 km from the capital of the Republic of Crimea — the city of Simferopol. Oktyabrskoe is connected with other part of the region by the highways Dzhankoy–Simferopol, Oktyabrskoe–Sadovoe, Oktyabrskoe–Traktovoe and the railway Dzhankoy–Simferopol. The settlement has Elevatornaya railway station and Oktyabrskoe bus station but no public transport, despite an attempt to create a fleet of fixed-route taxis in the early 2010s. Administratively, Oktyabrskoe is a part of the Krasnogvardeisky municipal district as the only settlement in the Oktyabrskoe rural settlement² (until 2014 — Oktyabrsky village council). According to the Ukrainian legislation, Oktyabrskoe returned its historical name Biyuk-Onlar, and the Krasnogvardeisky district was renamed Kurman-sky (Resolution..., 2024).

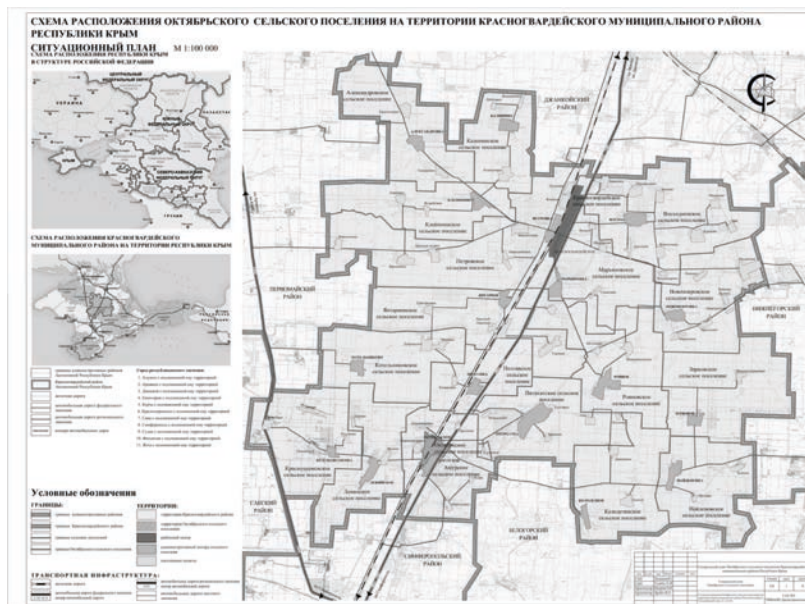

Fig. 1. Part of the situational plan of the Krasnogvardeisky municipal district (General Plan..., 2015)

2. After 2015, there is confusion: the urban-type settlement of Oktyabrskoe forms the Oktyabrskoe rural council, in which the executive authority is the Oktyabrskoe rural settlement administration.

The official year of founding the settlement Biyuk-Onlar is 1805, when it is first mentioned in documents (Lashkov: 1897, 113). However, some researchers suggest that Biyuk-Onlar was founded in 1787 after the allocation of lands to Potemkin's associate V. S. Popov and the construction of his estate — the Unlar dacha (Kasper, 2005), later the Biyuk-Onlar estate (Pushkarev, 2005). However, there had been settlements on this territory even before (Sarkizov-Serazini, 1925) such as the settlements of Biyuk-Onlar and Onlar mentioned in the 1874 Office Description of Crimea (Lashkov, 1888: 47). Some confusion is determined by the fact that in this area, there were two settlements with the same name until the early 20th century: the urban-type settlement under study and the one later renamed Russian Biyuk which in the 1960s became a part of the neighboring village of Amurskoe as its Russian Street. Until the last quarter of the 19th century, Biyuk-Onlar was a small Tatar village: villagers rented land and used several deep wells — a horse walked in a circle to pump water. The ethnic composition of the settlement depended on migration that contributed to the formation of a polyethnic structure of the population. The share of Crimean Tatars gradually decreased: in 1805, they made up 94.9% of the village population, but in 1926 — only 3.8% (List of..., 1927: 124–125).

The construction of the Lozovo-Sevastopol railway changed the trends in the social-economic development of the steppe regions of Crimea (Kuznetsov, 2004). The settlements through which the railway passed began to grow rapidly, while the former local (volost and sometimes district) centers began to shrink. In 1874, the Biyuk-Onlar railway station and a small station settlement were built on the Kelichi wasteland. By the early 20th century, it had transformed into a settlement with warehouses (1887), a post station (1895), a flour mill with a steam locomobile (1909), a one-class zemstvo school (1900), a library (1904), a church with a board of trustees (1910), a medical station (1910), a Sunday market (1914) and other infrastructure facilities (Urban-Type Settlement Oktyabrskoe, 2009). In fact, the year the railway station was opened can be considered the year of the settlement foundation, since the station was built on the territory of today's Oktyabrskoe and received its name from the previously mentioned village of Biyuk-Onlar (now a part of the village of Amurskoe). According to the 1897 census, the settlement of Biyuk-Onlar belonged to Pavel Vasilyevich Popov, and the number of its residents was 264 people³.

Grain produced in the surrounding villages was exported through the station, so Biyuk-Onlar soon became a local transport and trade center not only for the volost but also for the central part of Crimea. Unfortunately, the settlement was built up chaotically, as evidenced by some officials (Oktyabrskoe..., 1974: 343). At the railway station, grain barns and a fuel storage facility were built with local German entrepreneurs' investment (Kasper, 2005). At the same time, the volost cen-

3. Russian State Historical Archive. Collection 1290. Inventory 11. File 2267.

ter, the German village of Byuten (after 1948 — Khlopkovoe), located 7 kilometers from the settlement, began to shrink and by the mid-20th century became a part of the neighboring village of Leninskoe.

The Stolypin reform changed the settlement pattern of the area. Migrant peasants used loans from the Peasant Land Bank to get land plots and founded new settlements around Biyuk-Onlar. In 1906, there were 72 estates on both sides of the railway station on 17.5 desiatinas (Urban-Type Settlement Oktyabrskoe, 2009). In the late 1900s, the villages of Novoalekseevka, Novozuevka and Novoivanovka were founded. Migrations caused by the revolutionary events and the Civil War led to a sharp increase in the population in transport centers: in the late 1910s, Biyuk-Onlar became the center of economic and commercial life in the central part of Crimea, attracting population from neighboring volost centers (the villages of Byuten, Kokey, Tabuldy, Totanay). After the final formation of the Soviet authorities in 1921, the Crimean Revolutionary Committee transformed volosts into districts which were parts of regions (previously uyezds) (Decree..., 1921). Most volost centers lost the status of administrative centers; only 4 out of 35 became centers of the new districts (Den, 1930: 20).

The village of Biyuk-Onlar was the center of the Biyuk-Onlar district from October 18, 1921, to October 11, 1923, and was divided into village councils (Administrative-Territorial Changes..., 1999). After the new administrative reform, the district was divided between the Dzhankoy and Simferopol districts. In 1930, as part of the national building campaign, Biyuk-Onlar became the center of the new Biyuk-Onlar German National District (Resolution..., 1930). On March 1, 1931, the population of the district was 36.8 thousand people, of which 15.4 thousand were Germans (40.8% of the German population in the Crimean ASSR) (Krymskaya ASSR..., 1931: 138–139). In 1935, the northern part of the district was transformed into a separate Telmanovsky district (Kiselev, Kiseleva, 2024).

In 1938, the 40th aviation regiment of dive bomber under the command of N. A. Ostryakov was stationed near the settlement. In 1955–1996, the regiment was a part of the Black Sea Fleet as the 943rd naval missile-carrying aviation Konstanz Red-Banner Regiment of the Black Sea Fleet Air Force (Kuznetsov, Lobov, 2008). In July 1941, a fighter battalion under the command of F. S. Solovey was formed in the settlement to protect strategic facilities and communications; later, the battalion was transformed into the regional partisan detachment No. 21 based in the Zuya forests (about 100 people) (Gotovchikov, 2017: 46–48). During the German occupation of 1941–1944, there was a commandant's office in the settlement; 239 people were in the self-defense units (Romanko, 2005), of which 7 were from Biyuk-Onlar and the rest were prisoners of war and residents of other settlements in the region (Nemenko, 2020). From 1939 to 1944, the population of the region had almost halved (Broshevan, 1994: 119, 144): civilians, including Gypsies and Jews, were shot in a ditch on the outskirts of the

settlement (Tyagly, 2005; 2005b); its industrial and infrastructure facilities were destroyed; after the end of military operations in Crimea on May 18, 1944, more than three thousand Crimean Tatars (Bekirova, 2008) and representatives of other peoples of Crimea were deported. Later, the settlement was renamed Oktyabrskoe, and the Biyuk-Onlar district became Oktyabrsky (Decree..., 1945: 4). After the construction of a new elevator in 1952, the Biyuk-Onlar railway station was renamed Elevatornaya (Elevatornaya Railway Station..., 2024).

In the post-war period, the economy developed rapidly, administrative and infrastructure facilities were built: new schools, a district committee building (later a polyclinic), a hospital, kindergartens, shops, a cinema, a house of culture and lifestyle, etc. The declining role of agriculture in the economy, the developing service sector and a sharp increase in population contributed to the transformation of the settlement into urban type (1957). Oktyabrskoe (with multi-story micro-districts for workers of enterprises and military personnel of the aviation regiment) got a separate village council as the only settlement in its composition, surrounded by the territory of the Amur village council. Two construction sites — in the neighboring village of Amurskoe and in Oktyabrskoe approached each other, and the visual border between two settlements disappeared. Oktyabrskoe formed a “rural agglomeration” — a single space with neighboring villages of the Amur village council (Amurskoe, Novoalekseevka, Novoivanovka), the infrastructure of which had largely degraded, and their population was served mainly in Oktyabrskoe.

The next administrative reform of 1962 led to the consolidation of Crimean districts: the territory of the Oktyabrsky district became a part of the neighboring Krasnogvardeisky district, and some village councils were transferred to other districts (Vrublevsky, Artemenko, 2006: 7), i.e., Oktyabrskoe lost its status as an administrative center but retained its importance for settlements of the former district. Transport restrictions, difficult working conditions and low mobility of collective farmers from neighboring villages stimulated the development of service enterprises in Oktyabrskoe, making it a local service center for collective farmers from neighboring villages; thus, the so-called “Oktyabrsky bush” of villages was formed. In the Soviet period, Oktyabrskoe had a mixed specialization — food industry, military facilities, and service sector. The industry was represented by a dairy plant, a creamery, a winery, and a bakery, which processed agricultural products from the surrounding collective farms. A significant share of the population was employed at the regiment’s facilities. In addition, there were many social infrastructure and trade organizations, motor transport enterprises, a hotel, a cafe, an oil depot, a coal warehouse, associations of agricultural machinery and chemistry (Yanchenko, 2013: 378), repair shops, logistics enterprises, a savings bank, construction organizations, etc., including those functioning only on the territory of the aviation regiment.

After the collapse of the USSR, Oktyabrskoe entered a stage of social-economic crisis: most enterprises were closed, and due to insuffi-

cient funding, social infrastructure facilities fell into disrepair; state organizations were replaced by private shops, cafes, and retail spaces. The peak of the restaurant business was in the 2000s, when more than 10 bars, restaurants and cafes operated in the settlement. The development of the retail business can be divided into three stages by its features: (1) the 1990s — the dominance of small traders bringing goods from Odessa and Kharkov (they used trains stopping at the Elevator-naya station, especially the “Odessa” train No. 650 from Simferopol); the prevalence of informal spontaneous trade; trade participants represented different professions who were left without a livelihood; (2) the 2000s — development of small shops, formalization of market trade, “Moldovans”⁴, reconstruction of retail spaces; people who chose the industry as a source of income remain in trade; (3) the 2010s — construction of new retail spaces, dominance of large stores and supermarkets, first chain stores, stagnation and death of the “clothing market”.

In the late 1980s, the flow of repatriates rushed to the Crimean Peninsula: they did not found new settlements but integrated into existing ones in the form of compact residential areas (Bugai, 2002). According to the authorities, in 2012 there were 297 such areas in Crimea, and the majority of their population were Crimean Tatars (Integration of the Deported..., 2013: 15). Compact residential areas were created in the settlement Oktyabrskoe: agricultural lands of the neighboring S. M. Kirov’s collective farm (west and southwest of Oktyabrskoe) were given over for construction. In the early 1990s, the repatriates created the enterprise “Crimean Forest” for construction and improvement projects, which later became one of the main employers in the settlement (Yanchenko, 2013: 488–490). Residential areas of Oktyabrskoe suffered from the lack of infrastructure (roads, water supply) (Yanchenko, 2013: 418) which was gradually constructed with private investment in the 2000s (including with the assistance of the UNDP CIPD — Crimea Integration and Development Program). In 1994, the mosque was opened. The contemporary architectural ensemble of the central part of Oktyabrskoe has taken shape since the 2000s — residential buildings were gradually demolished and service organizations (shops, pharmacies, social infrastructure facilities) were built in their place. The central axis of the settlement is Station Lane from the railway station to the hospital, with shops, a food market, pharmacies, a church, a gymnasium, a clothing market, and a park; it is crossed by the main streets of Oktyabrskoe — Lenin and Karl Marx.

The social-economic crisis of the 1990s contributed to the rapid impoverishment of the population, which worsened the crime situation; street children and homeless people became commonplace. The growth of debt in wages and social benefits, the naturalization

4. Traders of clothes and shoes, who came to the village en masse on Thursdays; initially they were from Moldova, later Crimeans, including local gypsies, but they were still called Moldovans.

of wages, problems with housing and communal services led to the formation of protest professional, ethnic and territorial associations. The most famous were the protests of doctors that blocked the railway station and declared a hunger strike (Yanchenko, 2013: 462–463), demanding the payment of wage arrears, and the protests of Crimean Tatars defending their rights.

In the post-Soviet period, the economy of the settlement was restructured. The destruction of the collective-farm systems led to the rupture of production chains; the place of the disbanded 943rd aviation regiment and the liquidated state enterprises of the food industry were taken by private entrepreneurs. Despite legalization efforts, there is a high share of the informal economy (especially in trade and agriculture), which is one of the reasons of Oktyabrskoe's budget deficit, which is covered with transfers from budgets of other levels. Most of the budget goes to the social sphere. Many production facilities were privatized; of those that existed in Soviet times, the following continued their operations: Oktyabrsky Cognac Factory (was declared bankrupt in 2021), Oktyabrskoe Elevator, and a district consumer society (Yanchenko, 2013: 564–566). Some households managed to make peasant farms based on the collective-farm funds ("Agricultural Machinery", some objects of the S. M. Kirov collective farm). In the early 2010s, a distribution center for the ATB supermarket chain (after 2014 — "PUD") was opened on the construction site of the "Aquanika" soft drinks plant. Collection points for ferrous and non-ferrous scrap metals were opened, since some villagers dismantled abandoned buildings, regiment infrastructure, power lines, and other "ownerless" objects to make a living.

To serve apartment buildings, the housing and communal services enterprise was established ("Communal Economy"); however, large amounts of homeowners' debt, a shortage of specialists due to delays in wage payments (Interview..., 2014), and the lack of subsidies from the authorities determined the housing and communal services sector falling into disrepair. A significant share of apartments was disconnected from central heating and hot water supply, cold water was supplied for several hours a day; due to the theft of fuel for boiler houses, the temperature regime was not maintained even at social infrastructure facilities in winter, and electric heaters were used everywhere. After the gasification began, all boiler houses were converted to gas in 2011 (Yanchenko, 2013: 604), which made it possible to maintain the temperature regime. After 2014, the "Communal Economy" was liquidated, and apartment buildings were served by private enterprises and homeowners' associations headed by activists (later a municipal organization was created). However, due to the irrational spending of funds by private enterprises, a shortage of specialists and a low level of payments, the housing and communal services sector of Oktyabrskoe is still in a difficult situation (as of April 1, 2022, the level of payment in the Krasnogvardeisky district for heat

*T. Yu. Gusakov,
L. K. Gusakova*
Settlement sustainability as a result of the human and social capital development...

supply was 40%, for the maintenance of houses and adjacent territories — 35.9%) (Monitoring ..., 2022).

A significant part of locals was employed in educational, health care and social protection institutions, which were also subject to reduction. Of five preschool institutions that operated in 1991, only three remained in 2000. In 1993, the eight-year school was transformed into a school with teaching in the Crimean Tatar language; in 2008, the school No. 2 received the status of a gymnasium. There is a children's music school, a house of culture and a sports school "Intersport" (in the village of Amurskoe), the Oktyabrskoe district hospital, a polyclinic and an ambulance station; a boarding house for the elderly and disabled and a social service center were opened and expanded. In the 2010s, private medical centers were opened, and in the 2000s, dental offices.

The agro-industrial sector is represented by private enterprises and peasant farms that grow grain crops on the share lands leased from residents of surrounding villages. Entrepreneurs are also engaged in cattle breeding and production of flour, compound feed, meat and dairy, bakery and confectionery for sale in the settlement and in its environs. Workers are mostly not registered and receive wages "in envelopes". In the 1990s, personal subsidiary plots played a significant role in agricultural production (livestock and poultry, fruits and vegetables). Some residents were employed in other agro-industrial enterprises of the district — "Oktyabrskoe" (village of Poltavka), "Oktyabrsky Incubator" (village of Tsvetkovo), etc. The local food industry is represented by small producers of bakery and confectionery. Trade is an important part of economic development: there are two markets (food and clothing; in the 2000s, there were five), retail stores of various specializations, chain supermarkets, pharmacies, catering establishments, beauty salons (hairdressers), hotels, service and gas stations, sports clubs, etc.

A significant factor of the settlement's sustainability is its demographic situation: Oktyabrskoe has gone through different stages that can be conditionally identified according to the characteristics of the population growth dynamics (Table 1). Thus, the favorable economic, transport and geographical position provided the settlement Oktyabrskoe with the opportunity to survive in various crises that had repeatedly devastated neighboring settlements. Despite the deprivation of the district-center status, its population continued to grow due to a more advantageous location in relation to the district center of Krasnogvardeiskoe. Travel time on the morning electric train from the Elevatornaya station to Simferopol is 36 minutes, while from the Urozhaynaya station (located in the district center of Krasnogvardeiskoe) — one hour. Oktyabrskoe is a part of the influence zone of the Simferopol-Sevastopol agglomeration, as evidenced by the intensive bus and rail passenger service (Gusakov, 2022). The settlement and Simferopol are connected by 11 pairs of electric trains and 23 pairs of bus routes on the Oktyabrskoe–Simferopol route per day. There are seven daily municipal bus routes connecting the urban-type settlement Oktyabrskoe with the villages of the "Oktyabrsky

bush” and the district center (Register..., 2024). A part of the working-age population is employed in Simferopol organizations and makes up a significant share of the labor pendulum migration to Simferopol from the northern direction. Therefore, to some extent, the settlement is a “sleeping area” for the regional capital: according to the head of the rural administration in 2017, out of 5 thousand residents of working age, about 2 thousand were employed outside the settlement and 1.7 thousand — in Oktyabrskoe organizations (Annual..., 2017). Since there are no higher or secondary specialized institutions in the settlement and only one agro-industrial technical school, most students from Oktyabrskoe study in educational institutions of Simferopol, less often in other cities of the region (Sevastopol, Yevpatoria) and Russia (Moscow, Saint Petersburg). Some of them travel to and from their institutions every day, contributing to the flow of educational pendulum migration.

Table 1. Stages of the demographic development of the urban settlement Oktyabrskoe

Stage	Population growth	Features
Stagnation until 1920	almost doubled (1805 — 130 people; 1915 — 232)	a small settlement that under the Russian occupation of Crimea transformed from a Crimean Tatar mono-ethnic settlement to a multi-ethnic settlement dominated by Russians; its stability was ensured by the construction of the Biyuk-Onlar railway station
Rapid growth (1920s–1990s)	increased 11 times (1926 — 839 people; 1989 — 9,487)	the planned approach to social-economic development contributed to the attraction of settlers who arrived at the railway station and were distributed among neighboring collective farms; the aviation regiment and its housing construction played a major role in the formation of the local community; the settlement lost its agricultural specialization and became a service center for the surrounding rural settlements
Stabilization (since the 1990s)	almost did not change (2001 — 10,904 people; 2021 — 10,932)	the Soviet transport, service and trade specialization helped to maintain a stable demographic situation despite the social-economic crisis, the declining standard of living and the high level of unemployment due to the closure of enterprises and the disbandment of the regiment

In general, Oktyabrskoe corresponds to the regional trend for the urban-type settlements (Fig. 2). Oktyabrskoe’s demographic stability is determined by its location, while for the urban-type settlement

of Krasnogvardeyskoe it is ensured by the district status and the concentration of large agro-industrial enterprises (“Peoples’ Friendship Meat Processing Plant”, “People’s Friendship Nova”, etc.), and for the urban-type settlement of Gvardeiskoe — by the proximity to the Simferopol urban district and intensive suburban passenger routes. The population of the urban-type settlement of Oktyabrskoe has grown slowly due to the positive value of the migration balance (inflow from surrounding villages and other regions of Russia, from which locals (ethnic Russians) who left in 1991–2013 often return), which compensates for the negative natural increase (Fig. 3).

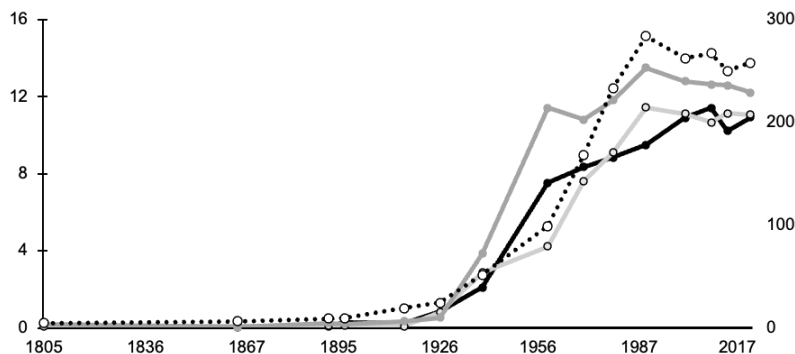

Fig. 2. Population dynamics in the urban-type settlement Oktyabrskoe and neighboring villages, in thousand

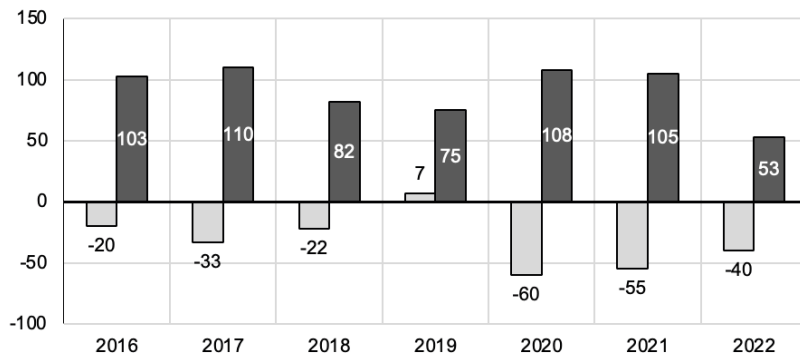

Fig. 3. Population dynamics in the urban-type settlement Oktyabrskoe in 2016–2022, in number of people

The possibilities of accumulation and realization of human and social capital contribute to the attraction and cooperation of people in the settlement. Human capital is a set of individual characteristics that allow a person to be successful in the economic and in a broader social

sense, which helps to increase the general well-being (Sorokin, Popova, 2022: 160). The development of the settlement and its ability to attract qualified specialists determines the high level of human capital, which is impossible for many rural areas suffering from depopulation. In the urban-type settlement Oktyabrskoe, there are the following conditions for attracting specialists and increasing human capital:

- *Employment opportunities.* The main organizations-employers are the logistics center “PUD”, the complex “Bakht”, the bakery of I. V. Kachura (formerly “Ros-Agro” private enterprise), the Oktyabrskoe elevator, the municipal housing and communal services enterprise, the Oktyabrskoe Electrical Networks, trade enterprises and budgetary institutions (schools, medical organizations, preschool institutions, etc.). Intensive transport links with Simferopol provide the opportunity for daily labor pendulum migrations.
- *Education.* There are three municipal schools designed for 1.9 thousand students (1.5 thousand in the 2023/2024 academic year). One school is specialized for teaching in the Crimean Tatar language. Schools accept children not only from the settlement but also from the neighboring villages that do not have schools (Novoalekseevka, Novoivanovka, Tsvetkovo, partly Amurskoe). There are three preschool institutions and one branch; there are no secondary specialized or higher educational institutions.
- *Medical care.* Healthcare is represented by the Oktyabrskoe District Hospital, adult, children’s and dental clinics, and an ambulance station. Due to the shortage of specialists in state organizations, private medical centers were opened, since they can invite specialists from other medical institutions of Crimea by agreement. Growing prosperity and a shortage of doctors make locals use the services of two private medical organizations — “Medical Park” and “Unimed”.
- *Cultural activities.* Since 1958, the children’s music school has been operating (about 150 students); until the early 2010s, the children’s and youth creativity center, tourist and local history clubs operated in the premises of the former officers’ house but were closed after the building was recognized unsafe (Village Oktyabrskoe..., 2024). There are two libraries, “informal” musical performers of various genres, street graffiti artists, etc. Two dance ensembles — “Small Spring” and “Breeze” — and the veterans’ choir operate at the cultural center. In 1999–2012, the “Wind of Hope” song contest was held in Oktyabrskoe.
- *Sports activities.* In the early 2000s, the sports complex was built in the village of Amurskoe, which started working only in 2022 as the “Intersport” sports school. There is the private sports club “ProSport”. Local enthusiasts organized kickboxing, boxing, mixed martial arts, and football sections. In the

late 2000s, football matches were held between teams from surrounding villages; the gymnasium had a basketball team; there were also illegal sports clubs (“gyms”).

- *Entertainment.* There are several cafes, fast food establishments, food delivery services, beauty salons and a barbershop (hairdressing, manicure and other services are also provided at home); delivery points of federal marketplaces, a branch of the Crimean Post and SDEK; enterprises of household and funeral services; a bank branch (until 2014 Privat-Bank, later RNKB). Concerts on various occasions are organized in the house of culture. Not far from the settlement, there are ponds for fishing. Locals can receive the missing services in the city of Simferopol — weekend trips “to the city” by private and public transport are common.
- *Tourist and recreational resources* are scarce, although there is potential for their development. The historical architecture of Oktyabrskoe, as in many southern settlements, has practically not survived. Artesian wells with a unique mineralogical composition are not used. The arboretum, founded by the Lustikh family in 1880 and located in the village of Pyatikhatka requires improvement. Not far from the settlement, there is a sign “Geographical center of Crimea”. In the village of Azov, there is an old well from the early 20th century of an original design typical for steppe regions, and in the village of Rovnoe — the architecture of the Mennonites who lived there before the World War II (Shpakov, 2014). In 2008, with the help of former military personnel, schoolchildren and investors, the people’s museum of the history of the 943rd aviation regiment opened. In 2023, in the framework of the national project “Culture”, its exhibitions were technically re-equipped and expanded, a department dedicated to the village of Oktyabrskoe was opened. The museum became a branch of the Krasnogvardeisky District Museum of Local History.

In addition to human capital, social capital is an intangible factor of the economic development of the territory. According to M. Granovetter, society consists of networks of social connections that can provide individuals with access to resources. He identified two types of connections: strong (between relatives and friends) and weak (between acquaintances, colleagues, neighbors) (Rogozin, 2023: 17–18). In Oktyabrskoe, weak connections are most important, given the history of the formation of its population: an aviation regiment and the compact settlement of its military personnel in neighboring four-five-storey buildings created a community of people employed in the same field and experiencing similar problems (constant moving, isolation from relatives, housing and communal services problems, etc.). Some of the military retirees are members of the regiment’s council of veterans, which performs an organizational function. There is

also the council of veterans of war, labor and military service. These councils organize events dedicated to various memorable dates, help former servicemen and veterans of the settlement, patronize thematic monuments. Some of the military pensioners joined the self-defense units during the events of 2014.

The disbandment of the regiment, the emigration of many servicemen with families, and the transfer of “vacated” social housing to vulnerable groups led to the ghettoization of certain areas: for instance, the settlement of the Roma in two-story houses on Kondrashin Street and of low-income families in the hostel on Tsurtsumia Street contributed to the marginalization and atomization of these spaces (piles of garbage, degradation of public places, lack of proper house maintenance). However, some educated military pensioners and their families remained in the settlement and laid the foundation for the local civil activism as initiators of public projects and supporters of common efforts to solve the problems of the settlement. The weak state support in solving social issues contributed to the locals’ belief to “rely only on their own strength” even in relation to agricultural enterprises’ debts (Yanchenko, 2013: 479). An important factor of solidarity as a social capital generator (Zayakina, 2022: 110–111) were historical contradictions within both the village community and the Crimean society. Russians (59% of population in the urban-type settlement Oktyabrskoe in 2021) and assimilated Ukrainians, many of whom were former military personnel, painfully perceived the collapse of the USSR and the reduction of the role of the Russian language in the social-political space (Russian Community of Crimea, 2018: 15).

According to the public opinion polls, Russians considered the government’s policy of administrative support for the Ukrainian language in significant areas of public life to be “forced Ukrainization”, which determined the formation of pro-Russian social-political organizations. The most influential and consistent one was the Russian Community of Crimea, which united representatives of different social strata and had its cell in the Oktyabrskoe — its members were activists in various public projects and events. The Russian Community performed an organizing function, often sponsored various events and projects, and was also a formal institution for the protection of the rights and freedoms of the Russian-speaking population, interacting with Russia’s authorities. Russians as the core of the Crimean society have a complex regional identity of Crimeans (Baranov, 2014: 53).

Among the peoples of the region, the Crimean Tatars have shown the highest level of social mobilization in defending their rights to restore historical justice and preserve their culture (although the middle and younger generations rarely use their native language in everyday communication) (Dashkevich, 2008). The feeling of dissatisfaction with the place of the Crimean Tatars in the Crimean society and helplessness in solving their problems contributed to the radicalization of their protest and to the formation of alternative institutions such as the Kurul-

tai of the Crimean Tatars (a form of the national social-political organization of the ethnic group like a national congress) and its executive body — the Mejlis (in 2016, it was declared an extremist organization) with its representative office in the settlement. Until 2014, the violation of the rights of the Crimean Tatars was manifested in the delay in the legalization of property rights (for instance, in Oktyabrskoe, it took 18 years after the reconstruction of the mosque to get an official state document for the land the mosque was built on), discrimination at work in budgetary institutions (among officials there was an unspoken ban on appointing Crimean Tatars to management positions in schools, hospitals, kindergartens and other organizations), denial in the right to political representation, etc. But despite all this, in electoral terms, Crimean Tatars more often took a pro-Ukrainian than a pro-Russian position, supporting Ukraine's European integration course (Sasse, 2007). After 2014, at the micro level the Crimean Tatars united around the local religious organization "Buyuk-Onlar". Their rejection of the 2014 results increased their voluntary segregation and attracted the authorities' attention to their activities (Zhilin, 2017). In 2019, some locals became defendants in the Krasnogvardeisky case of the "Hizb ut Tahrir" (the organization was recognized as terrorist and banned in Russia).

Trust in religious institutions is traditionally the highest in the region (Report on ..., 2011: 15). In addition to Muslim ones, there are other religious associations in the settlement: the most widespread is the parish of the Orthodox Church of the Icon of the Mother of God "To Be Worthy", the leader of which is the rector of the church. The parish restores and maintains the church building and territory, helps socially vulnerable people, celebrates religious holidays, and conducts prayer services. During the crisis of 2008–2009, the parish defended the rector of the church in a conflict with the new leadership of the diocese (Yanchenko, 2013: 579). Members of the district Cossack society help in guarding the church. There is also a Korean community of the Presbyterian Church (of the Magnificat) and an association of Christian Baptists. Until 2017, there was a congregation of Jehovah's Witnesses; after the organization was banned in Russia, the missionaries went underground.

There are also associations based on other criteria: political parties — previously, cells of Ukrainian political parties (Party of Regions, All-Ukrainian Union "Fatherhood", Party "Union", Communist Party of Ukraine, etc.), and after 2014, representative offices of Russian parties ("United Russia", Communist Party, Liberal Democratic Party, "Homeland" Party, etc.); housing and utility associations (of homeowners for servicing apartment buildings); initiative groups (to solve common problems of, for instance, to protest against the construction of a waste processing plant in the late 2000s, etc.); charity projects (like "Territory of Good. Crimea", which helps people in difficult life situations, supports military personnel and collects humanitarian aid for the population in the armed conflict zone), etc. Various projects implemented by local enthusiasts are an indicator of the accumulated social

capital. For instance, in Oktyabrskoe from 1994 to 2008, the Atlas-SV television company operated: it was headed by former military personnel and covered the events and everyday life of the settlement and the district. In the second half of the 2000s, the “Krasnogvardeisky Express” newspaper was published. Since 2012, the information Internet resource “Oktyabrskoe. I Live Here!” has been operating (Information ..., 2024). In addition, there are many public pages in social networks, and the most numerous online community is the VK group “Oktyabrskoe is the Center of Crimea” (18.2 thousand subscribers).

The social development of the Oktyabrskoe settlement can be divided into the following stages with their inherent features (Table 2).

Table 2. Stages of social development of the Oktyabrskoe settlement

Stage	Timeframe	Features
Formation	until 1783	formation of the settlement and its economy; its main population — Crimean Tatars — were engaged in animal husbandry, gypsies — in handicrafts
Stagnation	1783–1870	due to the dominance of the customary law (adat) in the Crimean Khanate and to the lack of documents after 1783, Crimean Tatars lost a significant part of their land plots (Shevchuk, 2011: 311); due to the strengthening administrative control and the spread of muhajirs, Crimean Tatars migrated to the Ottoman Empire; land is concentrated in the hands of landowners
Transformation	1870–1920	most peasants are landless; influx of foreign colonists and Russian settlers; construction of a railway station and development of a non-agrarian sphere of employment; influx of settlers after the Stolypin reform (bought land with loans from the Peasant Land Bank)
Self-organization	1920s	reduction of the working-age population due to famine and epidemics in the early 1920s; solution of the “land question”, development of initiative and self-organization, land cultivation partnerships, artels and entrepreneurship under the New Economic Policy; development of the service sector; elimination of illiteracy; “dekulakization” of some peasants
Indigenization and collectivization	1930s	Biyuk-Onlar as the center of the German national region within the indigenization policy and due to a significant share of Germans in the population of the surrounding area; forced collectivization (completed by 1932); closure of religious organizations; development of the service sector and social infrastructure; transformation of the settlement into a service center for the population of the surrounding area; diversification of the economy (reduction in the share of agriculture)

Stage	Timeframe	Features
Occupation	1941–1944	total deportation of the local German population; German occupation in 1941–1944; opening of the church after a ten-year break (1941); execution of “undesirable elements” (Gypsies, Jews, partisans, party workers, sympathizers of the Soviet regime, prisoners of war) in ditches on the outskirts of Biyuk-Onlar and at the prisoner of war collection station near the village of Juma-Ablam (now a part of the village of Traktovoe); collaborationism (self-defense units, self-government and law enforcement units)
Migrations	1944–1989	total deportations of the peoples of Crimea (including from the Biyuk-Onlar station) and the resettlement of collective farmers from other regions of the RSFSR, Ukrainian SSR and Byelorussian SSR; rapid development of the service sector and social infrastructure at the expense of the state; improving quality of life; since 1957, the status of an urban type settlement; further diversification of the economy; formation of the “October bush” of settlements; construction of apartment buildings for employees of enterprises and military personnel of the aviation regiment; the state as the main investor; organizing force — the CPSU, trade union cells, aviation regiment
“Wild capitalism” and repatriation	1990 — early 2000s	repatriation of Crimean Tatars and the growth of individual housing construction; bankruptcy, plunder and privatization of state enterprises; development of private trade and the service sector; growing interethnic tensions; disbandment of the regiment and emigration of a significant share of the military personnel and their families; development of farming and private entrepreneurship; self-organization to resolve social issues; entrepreneurs as the main sponsors of social projects and improvement; weakening state power; prevalence of nepotism in the appointment of heads of various organizations (continues to this day)
Legalization	early 2000s — 2014	the strengthening role of the state in the control of economic activity and taxation; dependence of local authorities on private business due to budget deficit; development of the community institution to solve common problems of the settlement; dominance of private initiative in the development of culture and society; activities of the UNDP CIDP

Stage	Timeframe	Features
Russian	since 2014	state investments into all spheres of the economy; partial filling of the local budget, improvement of territories, construction and reconstruction of infrastructure facilities, benefits for business development; diminishing role of social institutions and locals' motivation for self-organization; increasing administrative control; increasing opportunities for the realization of human capital through participation in various projects

In 1995–2014, the external force that contributed to the formation and development of public institutions was the United Nations Development Program's Crimea Development and Integration Program (UNDP CIDP), which worked in several direction: community-oriented local development; sustainable development in Crimea (rural transformation models and advisory services); human security monitoring and public dialogue; equal opportunities and rights for women, etc. The key mechanism for implementing such projects was to consolidate the efforts of the authorities, foreign investors and the local population (their financial contribution was to ensure a responsible attitude towards the result). According to the 2013 data, more than 700 urban and rural settlements managed to identify and solve social problems related to improving living conditions — developed self-organization institutions (communities), opened feldsher-midwife stations, constructed and reconstructed water pipelines, repaired social infrastructure facilities, created agricultural cooperatives, etc.), and about 40 million US dollars were invested in these projects. In Oktyabrskoe, the UNDP CIDP coordinators worked together with the authorities and local activists to consolidate people to solve common problems (the creation of a public organization (community) is a mandatory condition for the settlement's participation in projects); to develop tolerance and reduce interethnic tensions (reconstruction of public spaces, modernization of educational institutions, construction of infrastructure facilities in areas of compact residence of repatriates); to increase the sustainability of personal subsidiary farms in the “private sector” (like construction of additional water supply systems).

In Crimea, the level of local patriotism remains quite high, especially in rural areas, which is proved by the sociological surveys of 2010–2011 (Report..., 2011: 53) and our participant observations in the Krasnogvardeisky district in 2017–2021. The vast area of the Oktyabrsky district and the stages of its formation determined the informal names of its parts — the so-called *vernacular districts*, i.e., images of the territory that do not have an official status and are used in everyday life by locals (Pavlyuk, 2009: 53). The vernacular stage can be traced in many cities and large settlements (Urbanist..., 2017) and are the result of everyday life (Kalutskov, 2013: 7–8). For instance, in Simferopol, people use previous toponyms to name city

districts (Maryino, Freedom, Peter's Beam, TV Plant, Cube, Moscow Ring, etc.).

Oktyabrskoe is also conditionally divided into the following parts:

- the center (bazaar, market, church) of trade and economic life not only of the settlement but also of the southern part of the Krasnogvardeisky district; there is a food market for local produce, various shops, cultural and religious centers, and other attractors;
- officers' houses — residential areas consisting of apartment buildings (two-, four- and five-storey) built in the 1960s–1980s for servicemen of the 943rd aviation regiment and their families; all these areas make up Kondrashin Street (named after the regiment's pilot and Hero of the Soviet Union);
- Tsursumiya (Tsurka) — another multi-storey residential area for military personnel built in the 1980s and constituting Tsursumiya Street (named after the regiment's pilot and Hero of the Soviet Union);
- BAM and cooperative houses — a multi-story residential area along Krzhizhanovsky Street, built for employees of the motor transport mechanization base (BAM) and with funds of housing cooperatives of the *perestroika* era (in the late 1980s);
- “Agromachinery” — a part of the settlement next to the “Agricultural Machinery” branch that existed during the Soviet period;
- Mulberry estate — a compact residential area of Crimean Tatar repatriates who received land after returning to Crimea and built houses on the site of former gardens in the 1990s;
- Winery — houses around the Oktyabrsky Cognac Factory;
- Amurskoe — a village that merged with the settlement, the center of the Amur rural settlement (village council) surrounding Oktyabrskoe;
- Behind the line — a part of the settlement located to the right of the railroad tracks and consisting of one-storey houses (“private sector”);
- Elevator — houses near the Oktyabrskoe elevator, built for its builders in the 1950s;
- Behind the hospital — a part of the settlement behind the Oktyabrskoe District Hospital, consisting of several apartment buildings;
- Near the mosque — streets built in the 1990s after the return of repatriates, near the mosque;
- Park (Victory Park) — the only park in the settlement improved after 2014, where Victory Day ceremonies are held (like flower-laying ceremonies by high school graduates and newlyweds);
- Kvadratka — a picnic spot for residents of apartment buildings in forest belts dividing agricultural lands, behind the Sim-

feropol-Dzhankoy highway (called the “Moscow highway” or “highway”);

- Airdrome — abandoned territory of the former aviation regiment;
- Alekseevka — the neighboring village of Novoalekseyevka which belongs to the Amur rural settlement; due to its “unpromising” status in the Soviet times, it was deprived of almost all social infrastructure facilities, so its residents use the services of the settlement’s organizations.

Some objects were given the names of organizations that previously existed there. For example, the complex of shops built on the site of the former fire station is called “Fire Department” (or “Under the Blue Roof”), and on the site of the closed public bathhouse — “At the Bathhouse”. Entrepreneurial activities have gradually changed the appearance of the settlement and form new local “toponyms”, while the old ones lose relevance and disappear. Thus, the blocks of one-storey adobe houses in the central part of the settlement were called shanghaies due to their chaotic, squat and unsightly appearance (some houses are a legacy of the unsystematic development at the turn of the 19th — 20th centuries). Until 2014, during the operation of the North Crimean irrigation and water supply canal, there were two recreational zones — “an artificial pond” (in Ukrainian) and “canal” (a swimming area on the Krasnogvardeyskaya branch of the canal). Educational institutions also have informal names: school No. 1 — “first school”, school-gymnasium — “second school” or “Russian school” (among Crimean Tatar schoolchildren), school No. 3 — “Tatar school” (due to teaching in the Crimean Tatar language). The renaming campaign of 1948 did not erase the old names from the locals’ memory, and they are still used: the settlement is called Biyuk, Russian Street — Russian Biyuk, the area around the village of Turgenevo — Besharan, the district center — Kurman, etc. Therefore, if someone says that he is going to Kurman, it means that he will visit the district authorities to resolve some issues.

Besides the factors that contribute to the preservation and attraction of the population to the urban-type settlement of Oktyabrskoe, there are factors that increase the outflow of its residents:

- social-economic changes: the disbandment of the regiment, the movement of the families of military personnel to Russia and the disappearance of industrial enterprises were the main reasons for the outflow of the population in the 1990s; the outflow intensified interethnic and social tensions after the beginning of the Crimean Tatars repatriation, general dissatisfaction with various problems (arrears in the payment of wages to the public sector employees, a critical situation in the housing and communal services sector, disconnection of electricity and water supply, etc.);
- low wages: a large gap between the level of wages in Oktyabrskoe, Krasnogvardeyskoe and Simferopol stimulates la-

*T. Yu. Gusakov,
L. K. Gusakova*
Settlement sustainability as a result of the human and social capital development...

bor pendulum migration, but there are also opposite examples, when specialists come to work in the settlement every day from the district center and the capital (doctors, teachers); spatial inequality of incomes contributes to the loss of qualified specialists and talented youth, i.e., to the reduction in the quality of human and social capital;

- nepotism, appointment of “one’s people” to important positions contributes to the outmigration of professional personnel from Oktyabrskoe; previously, there was a widespread “sale of positions” by the district and settlement authorities;
- underdeveloped service sector (lack of entertainment and public catering establishments) increases the motivation of the working-age population, especially the youth, to move to more developed settlements — first to get education or job, later move permanently;
- the limited realization of human capital contributes to the motivation to move to settlements with a more developed social and creative infrastructure, which is typical for families with children and for pensioners who suffer from the lack of infrastructure and activities similar to the “Moscow Longevity” program;
- worldview characteristics: a situation typical for relatively small settlements — “everyone knows each other” — is not comfortable for the entire population, so some people choose to work in other settlements to ensure privacy;
- a decrease in the level of educational and medical services forces parents to turn to private medical centers and hire tutors for additional preparation for exams; there is a shortage of teachers and doctors and a significant share of employees of retirement and pre-retirement age.

These factors affect the social-economic development of settlement, especially its such strategic sectors as education, health care and culture. Educational and medical organizations of Oktyabrskoe suffer from a staff shortage, but the municipality does not have resources and authority to resolve this issue, so in the future this problem will deepen due to the retirement of a significant share of employees.

Thus, the historical and social-economic features of the development of the urban-type settlement Oktyabrskoe follow the general trends in the development of settlements of this type on the Crimean Peninsula due to the similar factors of their formation: territories with a favorable economic and transport-geographical position and a diversified economic structure formed in Soviet times. The outflow of population caused by the transformation of the economic specialization in the post-Soviet period was compensated by a powerful flow of repatriates. However, the increasing gap between the levels of social-economic development in the city and rural areas contributed to the concentration of qualified specialists in cities. The ability of urban-

type settlements to maintain the quality of the population and adapt to social-economic challenges has become the most important factor of their sustainability. The effect of the “low base” of agriculturally overpopulated rural settlements of Crimea, experiencing a shortage of mechanisms for the realization of human capital, will positively affect the demographic and economic situation of urban-type settlements. Important factors of their sustainability are the efforts of the authorities to develop social infrastructure, improve the standard of living, facilitate business activities, form social capital, increase the opportunities for realizing abilities within the settlement and maintain social ties based on joint employment. In the urban-type settlement Oktyabrskoe, the development of social capital was determined by the joint employment in the aviation regiment and service enterprises, compact living in apartment buildings, a high level of education and the lack family ties. Therefore, the solidarity that formed under social-economic upheavals of the 1990s was a source of social capital, and the core of the community was former military personnel and their families. The disbandment of the regiment, emigration of a significant share of military personnel and the transfer of social housing to “random” people led to a decrease in social ties. If measures are not taken to consolidate the population, then after the end of the inertia of the 1990s, the crisis of atomization will deepen.

References

- Administrative-Territorial Transformations in Crimea 1783–1998* (1999), Simferopol: Tavriaplus. (In Russian)
- Baranov A. V. (2014) Crimean regional identity as a resource for legitimizing reunification with Russia. *Scientific Thought of the Caucasus*, no 4. (In Russian)
- Baytsym P. (2020) Experimental samples: Soviet experiments on villages and their residents in the project of Evgeny Nikiforov. URL: <https://vk.cc/cwWln4>.
- Bekirova G. (2008) *Crimean Tatars. 1941–1991 (A Case in Political History)*. Vol. I, Simferopol: Publishing House “Thesis”. (In Russian)
- Broshevan V., Tygliants P. (1994) *Exile and Return*, Simferopol: Tavrida. (In Russian)
- Bugai N. F. (2002) *Deportation of the Peoples of Crimea: Documents, Facts, Comments*, Moscow: INSAN. (In Russian)
- Cherkazyanova I. V. (2007) Karasan — the spiritual and cultural center of the Mennonites of Crimea. *History of the German Colonization in Crimea and in the South of Ukraine in the 19th–20th Centuries*, comp. by Yu. N. Laptev, Simferopol: AntikvA. (In Russian)
- Crimea after 1917 (2024). URL: <https://enc.rusdeutsch.ru/articles/34>.
- Crimean ASSR (1931) *Administrative-Territorial Division of the USSR: Districts and Cities of the USSR*, Moscow: Power of the Soviets. (In Russian)
- Crimean ASSR (1989): 1920s–1930s (A Historical Essay), Kyiv. (In Russian)
- Crimean Tatar Encyclopedia (1995), comp. by R. Muzafarov; in 2 vols., Vol. 2, Simferopol: Vatan. (In Russian)
- Czechs in Crimea for 150 years (2012) Aleksandrovka (1862–2012). URL: <http://history.org.ua/LiberUA/ch150/ch150.pdf>.
- Dashkevich Ya. R. (2008) Crimean Tatars. *Encyclopedia of the History of Ukraine*. Vol. 5, Kyiv: Scientific Thought. (In Russian)

- Database of Municipalities' Indicators (2024). URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst35/DBInet.cgi>.
- Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars No. 556 of October 18, 1921 "On the Autonomous Crimean Soviet Socialist Republic" (1921) *Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government*. No. 69. URL: <https://pravo.ru/doc/view/374/464/19345>.
- Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of December 14, 1944, No. 621/6 "On the Renaming of Districts and Regional Centers of the Crimean ASSR" (1945). *Gazette of the USSR Supreme Soviet*, no 4. (In Russian)
- Den N. V. (1930) Crimea. M. B. Wolf, G. A. Mebus (Eds.). *Economic Geography of the USSR by Regions*, Moscow; Leningrad. (In Russian)
- Elevatornaya railway station is 150 years old! (2024). URL: <https://crimearw.ru/index.php/pas-sazhiram/raspisanie/prigorodnye-poezda/23-dlya-smi/novosti/2620-zheleznodoro-zhnoj-stantsii-elevatornaya-150-let>.
- Gnes L. (2010) Trends and patterns of the evolutionary transformations of residential development in the experimental village of Vuzlove in the last quarter of the 20th — early 21st centuries. *Bulletin of the Lviv University*. URL: <http://base.dnsgb.com.ua/files/journal/Visnyk-Lvivskogo-Nats-agrar-univer/Ar/2010/files/glitxc.pdf>.
- Gotovchikov N., Gempel Yu. (2011) *Berlin in the Center of Crimea*, Simferopol: Tarpan. (In Russian)
- Gotovchikov N., Gendin A. (2009) *Jewish Collective Farmers: A True Story*, Simferopol: Dolya. (In Russian)
- Gotovchikov N., Gendin A. (2011) *Jewish Collective Farmers*. Book 2, Simferopol: Dolya. (In Russian)
- Gotovchikov N. A. (1995) *Kurmanskaya Land*, Simferopol. (In Russian)
- Gotovchikov N. A. (2017) *Biyyuk-Onlarsky, Telmanovsky, Krasnogvardeisky... (Pages of History)*, Simferopol: Printing House "Crimean Poligraph". (In Russian)
- Guryanov S. (2023) Perched out: Ther will be about two thousand rural agglomerations in Russia. *Izvestia*, April 26. (In Russian)
- Gusakov T. Yu. (2017) Rural informal economy of the Crimean village Novoalekseevka, *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 4. (In Russian)
- Gusakov T. Yu. (2022) Features of the contemporary settlement system on the Crimean Peninsula. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 22, no 1. (In Russian)
- Human Development Index in Russia: Regional Differences: Analytical Note (2021). URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf.
- Integration of the Formerly Deported Persons in Crimea, Ukraine (2013) Needs Assessment: OSCE High Commissioner on National Minorities. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/c/c/104418.pdf>.
- Kalutskov V. N. (2013) On the types of regions in cultural geography. *Cultural and Humanitarian Geography*, vol. 2, no 1. (In Russian)
- Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V. (2016) The role of migration in strengthening the settlement contrasts at the municipal level in Russia. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series*, no 5. (In Russian)
- Kasper V. I. (2005) *The Evstratovs and Others. Genealogical Description in the Kaleidoscope of History, Facts, Memory, and Guesses*, Simferopol. (In Russian)
- Kasper V. I. (2006) *The Evstratovs and Others. Genealogical Description in a Kaleidoscope of History, Facts, Memory, and Guesses*. Book 2, Simferopol. (In Russian)
- Kasper V. I. (no year) *Karasan — the Stevens' Estate and the "Case of a Million"*, Simferopol. (In Russian)
- Kiselev S. N., Kiseleva N. V. (2024) Introduction. Section I: Administrative-territorial structure of Crimea. *Atlas of Social-Cultural Processes in Crimea*. URL: <https://atlas-crimea.ru/all/razdel-1/vvedenie-i>.
- Kisly M.-O. (2018) Narratives of the great famine: Positions of both sides of Perekop. URL: [Historians.in.ua](https://historians.in.ua).

- Kozhevnikov V. (2010) The temple is a hundred years old. *Lights of the Lighthouse*, no 44. (In Russian)
- Kuznetsov M. M. (2004) Formation of the settlement system of Crimea under the influence of the transport factor. *Scientific Notes of the Taurida National University named after V.I. Vernadsky. Series: Geography*, vol. 17, no 4. (In Russian)
- Kuznetsov V. I., Lobov V. M. (2008) *943rd Naval Missile-Carrying Red Banner Konstanz Aviation Regiment*, Simferopol: Tarvida. (In Russian)
- Lashkov F. F. (1888) Office description of Crimea, 1784: Kaymakanstvos and who are kaymakans. *News of the Taurida Scientific Archival Commission*, vol. 6, Simferopol: Printing House of the Taurida Provincial Zemstvo. (In Russian)
- Lashkov F. F. (1897) A historical essay on the Crimean Tatar land ownership. *News of the Taurida Scientific Archival Commission*, vol. 26, Simferopol: Printing House of the Taurida Provincial Zemstvo. (In Russian)
- Linevich V. (2010) *Grey Kurman: A Historical Essay*, Simferopol: Dolya. (In Russian)
- List of settlements (1915) Perekop district. *Statistical Handbook of the Taurida Province*, (comp. by F. N. Andrievsky; ed. by M. E. Benenson), Simferopol. (In Russian)
- List of Settlements in the Crimean ASSR according to the All-Union Census of December 17, 1926 (1927), Simferopol: Crimean Central Statistical Office. (In Russian)
- Make Cities and Settlements Open, Safe, Viable and Sustainable (2024). URL: <https://sdgs.un.org/ru/goals/goal11>.
- Monitoring of the Social-Economic Development of Municipalities of the Republic of Crimea for January–September 2021 (2022). URL: <https://krgv.rk.gov.ru/documents/f4317a38-63dc-46c7-bfb6-a74a2cob4e4a>.
- Nemenko A. V. (2020) *Crimea under Occupation 1941–1944. The Other Side of the War*, Moscow: Yauza. (In Russian)
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2023) Two and a half undeservedly forgotten conceptual foundations of rural sociology. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 23, no 3. (In Russian)
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2024) Some (relatively) new conceptual 'frames' supplementing the study of human capital in rural sociology. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 24, no 1. (In Russian)
- Okyabrskoe. Krasnogvardeiskiy district (1974) *History of Cities and Villages of the Ukrainian SSR in 26 vols. Vol. 12: Crimean Region*, Kyiv: Main Editorial Office of the Ukrainian Soviet Encyclopedia. (In Russian)
- Pavlyuk S. G. (2009) Key issues in the study of vernacular regions. *Issues of Economic and Political Geography of Foreign Countries*, vol. 18. (In Russian)
- Population censuses of the Russian Empire, USSR, and 15 New Independent States (2014). URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=5>.
- Pushkarev S. N. (2005) History of the Karadzha Church in the name of the Holy Great Martyr Barbara: Projects and reality. *The World of Manor Culture*. VI Crimean International Scientific Readings. URL: <https://krimoved-library.ru/books/mir-usadebnoy-kulturi-vi-chteniya8.html>.
- Rehabilitated by history (2009). *Autonomous Republic of Crimea: in 7 vols.*, Simferopol. (In Russian)
- Report on the Monitoring the Social-Economic Situation under the Implementation of the Strategy for Economic and Social Development of the Autonomous Republic of Crimea for 2011–2020 (2011). URL: https://issuu.com/ivan1981/docs/strategy_implementation_monitoring__1329aef57e4ee9.
- Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of October 30, 1930 "On Reorganization of the District Network in the Crimean ASSR" (1930). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=22821>.
- Resolution of the Verkhovna Rada of Ukraine "On the Renaming of Settlements and Districts of the Autonomous Republic of Crimea and the City of Sevastopol" (as amended by the Resolution of the Verkhovna Rada of Ukraine No. 807-IX of July 17, 2020, Law No. 3334-IX of August 23, 2023) (2024). URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1352-19#Text>.

*T. Yu. Gusakov,
L. K. Gusakova*
Settlement sustainability as a result of the human and social capital development...

- Rogozin D. M. (2023) Prospects for the development of the theory of social capital. *Economic Sociology*, vol. 24, no 4. (In Russian)
- Romanko O. V. (2005) *Crimea 1941–1944. Occupation and Collaborationism*, Simferopol. (In Russian)
- Russian Community of Crimea: The Path to Russia (2018) Part 1: Memories of Community Veterans*, (comp. by I. V. Evtyushkin), Simferopol: Media Center named after I. Gasprinsky. (In Russian)
- Sarkizov-Serazini I. M. (1925) Population and industry. *Crimea. Guide*, Moscow; Leningrad: Land and Factory. (In Russian)
- Sasse G. (2007) *The Crimean Question: Identity, Transition, and Conflict*, Cambridge: Harvard University Press.
- Shevchuk A. G. (2011) Formation of the administrative-territorial structure of the Taurida Province in the geographical space of the Crimean Peninsula in the 18th–19th centuries. *Scientific Notes of the Taurida National University named after V. I. Vernadsky. Series: Geography*, vol. 24, no 2. (In Russian)
- Shpakov A. (2014) German settlements between the Zuya and Burulchi rivers: From Sultan-Bazar (Moskovoe) to Ney-Telenchi (Nizovoe). URL: <https://discover-crimea.ru/krym-mnogonatsionalnyj/nemetskie-poseleniya-mezhdurechya-zui-i-burulchi-tsentralnyj-krym-ot-sultan-bazara-mostovoe-do-nej-telenchi-nizovoe>.
- Shubina S. A., Khutoryansky O. V., Tichina D. M. (2023) *Prevention of Theft, Embezzlement or Confiscation of Property through Abuse of Office in the Sphere of Housing and Communal Services in Ukraine*, Kyiv.
- Simagin Yu. A. (2009) Changing role of urban-type settlements in Russia's settlement system in the 20th century. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Natural Sciences*, no 1. (In Russian)
- Sorokin P. S., Popova T. A. (2022) The quality of human capital — a response to the challenges of social policy under destructuring. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 20, no 1. (In Russian)
- State program “Integrated Development of Rural Areas” (2019). URL: <http://government.ru/rugovclassifier/878/events>.
- State Statistics Service of Ukraine (2024). URL: <https://www.ukrstat.gov.ua>.
- Taurida Province (1865) List of Settlements according to the 1864 Data*, (comp. by M. Raevsky), Saint Petersburg: Karl Wulf Printing House, Vol. XLI. (In Russian)
- The Soviet Village through the Eyes of the All-Russian Extraordinary Commission– United State Political Administration– People's Commissariat of Internal Affairs (2005) 1918–1939. Documents and Materials in 4 vols. Vol. 3: 1930–1934. Book 2: 1932–1934*, Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development (2024). URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda>.
- Trotsuk I. V. (2023) Rural human capital in the conceptual optics: Continuum and/or post-ism? *RUDN Journal of Sociology*, vol. 23, no 2. (In Russian)
- Trube L. L. (1964) On the economic-geographical study of urban-type settlements. *Population Geography in the USSR. Main Issues*, Moscow; Leningrad: Science. (In Russian)
- Tyagly M. I. (2005a) *Places of the Mass Extermination of Crimean Jews under the Nazi Occupation of the Peninsula, 1941–1944: Handbook*, Simferopol: “Hesed Shimon”. (In Russian)
- Tyagly M. I. (2005b) “Racial enemies” and “asocial elements”: The Nazi policy towards Jews and Gypsies in Crimea. *Historical Heritage of Crimea*, no 10. (In Russian)
- Urban-type settlement Oktyabrskoe (2009) *Cities and Villages of Ukraine. Autonomous Republic of Crimea. City of Sevastopol*. URL: <https://who-is-who.ua/main/page/gorodakrim2009/145/403>.
- Vilde E. (2004) *Visiting the Crimean Germans: Travel Notes*, Simferopol: Crimean Estonians. (In Russian)
- Vrublevsky A., Artemenko V. (2006) *Information Materials for the Autonomous Republic of Crimea*, Kyiv: PCC Lesta. (In Russian)

Yanchenko I. N. (2013) *Grains of Truth: History of Krasnogvardeisky District through the Pages of the "Lighthouse Lights" Newspaper*, Melitopol: Publishing House of the Melitopol City. (In Russian)

Zayakina R. A. (2022) Solidarity as a source of social capital in relationship networks. *Vectors of Well-Being: Economy and Society*, no 1. (In Russian)

Zhilin I. (2017) The people scorched by the "spring". *Novaya Gazeta*. July 26. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/07/26/73245-narod-opalenny-yesnoy>.

*T. Yu. Gusakov,
L. K. Gusakova*
Settlement sustainability as a result of the human and social capital development...

Устойчивость населенного пункта благодаря развитию человеческого и социального капитала (на примере пгт Октябрьское Республики Крым)⁵

Гусаков Тимур Юрьевич, научный сотрудник, Центр аграрных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Просп. Вернадского, 82, Москва, 119571 Москва, Россия. E-mail: gusakov.timur@mail.ru

Гусакова Людмила Константиновна, независимый исследователь. Ул. Новая, 19, село Новоалексеевка, Красногвардейский район, Республика Крым, 297060, Россия. E-mail: lyudmilagusakova11@gmail.com

Аннотация. Обеспечение устойчивого развития территорий — одно из ключевых направлений мировой и национальной политики. Несмотря на резонанс и финансовую помощь многие территории продолжают отставать и страдать от социально-экономических кризисов по причине как экономической специализации, так и особенностей развития локальных сообществ. В настоящее время в России депопуляция охватила не только определенные типы населенных пунктов и местностей, но целые макро-территории (например, Север и Арктику), что происходит не только из-за экономического отставания, но и в результате социальной атомизации, неразвитости социальных связей на микроуровне. Правительство предпринимает усилия для сглаживания демографических контрастов внутри страны, направляя в отстающие регионы дополнительные средства в виде федеральных трансфертов и субсидий, реализуя политику инициативного бюджетирования, национальные проекты, целевые программы по поддержке локальных проектов. Население Крымского полуострова, за исключением Севастополя, постепенно сокращается по целому ряду причин: периферийность региона, отставание темпов социально-экономического развития, близость к зоне боевых действий, этническая напряженность и пр. Однако некоторые населенные пункты ни только не теряют население, но даже наращивают его численность. В статье такое поселение рассмотрено с разных точек зрения: исторических предпосылок, хозяйственной специализации, особенностей социально-экономического и экономико-географического развития, а также возможностей наращивания и реализации социального и человеческого капитала. Авторы приходят к выводу, что устойчивость населенного пункта не может быть обеспечена только дополнительным финансированием проектов благоустройства и строительства инфраструктуры.

Ключевые слова: устойчивое развитие, расселение, сельская местность, человеческий капитал, социальный капитал, Крым

5. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

Organization of the rural population's leisure activities as a factor of preservation and development of the rural human capital

A. F. Dorofeev, I. A. Belozerova, E. V. Krikun, M. G. Davityan

Andrey F. Dorofeev, DSc (Economics), Associate Professor, Vice-Rector for Research and Innovation, Belgorod State Agrarian University named after V.Ya. Gorin. 308503, Belgorod region, pos. Maysky, Vavilova str., 1. E-mail: dorofeev@bsaa.edu.ru.

Irina A. Belozerova, PhD (Philosophy), Associate Professor, Belgorod State Agrarian University named after V.Ya. Gorin. 308503, Belgorod region, pos. Maysky, Vavilova str., 1. E-mail: belozerova_ia@bsaa.edu.ru.

Elena V. Krikun, PhD (Philosophy), Associate Professor; Belgorod State Agrarian University named after V.Ya. Gorin. 308503, Belgorod region, pos. Maysky, Vavilova str., 1. E-mail: krikun_ev@bsaa.edu.ru.

Manushak G. Davityan, PhD (Sociology), Associate Professor; Belgorod State Agrarian University named after V.Ya. Gorin. 308503, Belgorod region, pos. Maysky, Vavilova str., 1. E-mail: davitian_mg@bsaa.edu.ru.

Abstract. The article describes the role of leisure activities in the effective development of human capital in rural areas. The article is based on the results of the monitoring study conducted by the survey method to examine the cultural-leisure activities of villagers in the Belgorod district of the Belgorod Region. The culture of leisure in the rural society was assessed according to the three main indicators — institutional, information and sociological. The authors identified the following rural groups depending on cultural-leisure preferences and activities: consumer (50%), spontaneous (18%), limited (17%) and active (15%). According to the features of leisure, seven types of cultural-leisure activities were identified: entertaining (28%), imitative (20%), consumer (19%), conservative (10%), contemplative (9%), cultural-creative (9%) and non-traditional (5%). Despite the declared desire to take an active part in cultural events (83%), only 10% of villagers do participate in them. One of the reasons is the discrepancy between cultural needs and the ability of cultural institutions to satisfy them. The authors note that the effective organization of cultural-leisure activities influences both formation and reproduction of human capital in rural areas. Thus, indicators of the improving quality of life in rural areas are not only modernized production and high wages but also the development of educational and cultural-leisure institutions.

Key words: leisure culture, cultural-leisure activities, human capital, rural population, rural territories, rural development, economic efficiency, agrarian policy

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-246-256

The efficiency of the human capital development in rural areas depends on the simultaneous introduction of innovations in the agricultural and industrial-processing sectors and of new approaches in the social-service sector — to ensure a comfortable life for rural population. Organization of leisure culture in rural areas is one of the strategic tasks for the constant improvement of life quality on the basis of the state modernization-oriented social-economic policy which helps to improve human capital, increase the economic potential of rural areas and the efficiency of rural social policies according to the goals of the agricultural policy (in the Federal Law “On the Development of Agriculture”). The relationship between components of the social-economic and political development of rural areas in the context of organizing leisure culture is presented in Figure 1.

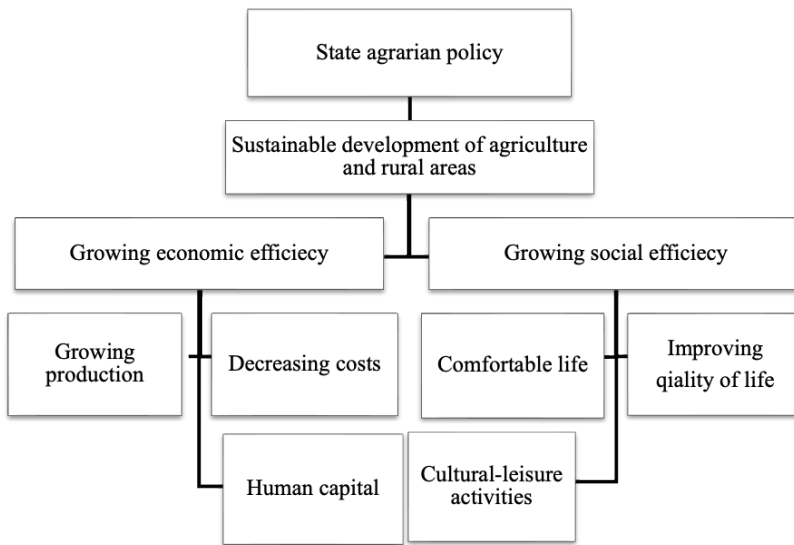

Fig. 1. The role of rural leisure culture in the effective development of human capital

The development of cultural institutions as a part of the state program for the sustainable, integrated rural development, leading to the growth of rural population, is the most important target of contemporary rural transformations as ensuring both the further growth of the quality of life in rural areas and the competitiveness of the agro-industrial complex in rural regions. The characteristic features of effective cultural-leisure institutions are the active participation of rural population in cultural life and the regional scale of cultural-leisure activities.

Russia's difficult economic situation in the 1990s negatively affected the development of leisure culture for both urban and rural pop-

ulation. In cities, cultural-leisure activities were commercialized but the quality of services was low. In rural areas, clubs were closed, and the number of free services decreased. For instance, only in 1992–1993, 767 club institutions of the Ministry of Culture ceased to exist (Annual report, 2016). The revival of cultural-leisure activities began in the first decade of the 21st century. Thus, in 2016 in the Belgorod Region, there were already 704 cultural-leisure institutions — 632 clubs worked in rural areas (Development of Cultural-Leisure Activities, 2018).

The development of rural social infrastructure and the use of new information technologies determined new content and structure of rural leisure, which explains the changing attitude of rural population, especially the youth, towards the social significance of cultural leisure. The article presents the results of the monitoring study of the activities of villagers in the field of culture and leisure in the Belgorod district of the Belgorod Region. These results show some ways to increase the efficiency of cultural-leisure institutions in terms of involving villagers in the cultural-leisure life of rural areas, which can lead to a decrease in rural migration sentiments (outflow to the cities) and to an increase in the reproduction of human capital in the agricultural sector.

The article is based on the research focusing on the forms and types of leisure, cultural interests and preferences, changes in Russians' cultural needs in changing conditions, and on the main provisions of the state social-cultural policy at the regional level (see, e.g.: Astafieva 2010; Lukov 2012; Stebbins 2014; Toshchenko 2016). R. A. Stebbins identified 'casual leisure' and 'serious leisure' and explored the meaning of the latter in the structure of free time and the optimal style of leisure: 'serious leisure' includes volunteering and hobbies, while 'casual leisure' — all other forms of free time (playing, reading books, relaxing, walking, watching TV, etc.) (Stebbins 2014). Most Russian researchers refer to this classification when analyzing leisure activities, for instance, the formation of leisure culture of the contemporary youth in urban and rural environments (Astafieva 2010); value orientations of villagers, focusing on their cultural interests and preferences in leisure activities (Toshchenko 2016); the relationship between communicative and cultural-leisure activities of the student youth and rural population (see, e.g.: Belozeroва 2022a; Korosteleva, Davityan 2018; Nikulina, Davityan 2016; Belozeroва et al. 2021); features and principles of the successful human capital formation in the agricultural sector as impossible without decent living conditions for rural workers (see, e.g.: Abankina et al. 2021; Cultural Policy 2020; Dorofeev 2010; 2018; Dorofeev, Alekseeva, 2022).

At the regional level, there are cycles of independent studies of the social-sector institutions, assessing the quality of services provided by organizations of culture, health care, education and social support. One of the distinctive features of such studies is a combination

of expert assessments with the direct participation of local residents (“People’s Expertise”) in the evaluation of such important social-cultural indicators as awareness, accessibility, comfort, friendliness and politeness of employees of cultural institutions, etc. In our study of the leisure culture in rural society, we used three main indicators: institutional, information, and sociological. The institutional indicator implies the analysis of conditions and relationships within and between cultural institutions; the information indicator shows the accessibility and openness of information in the field of cultural-leisure activities; the sociological indicator implies the analysis of the cultural-leisure participation of rural population (Belozerova, Krikun 2020; Belozerova 2022b).

To monitor the cultural-leisure activities of rural population in the Belgorod Region, we developed a non-standardized questionnaire for the survey of villagers in the Belgorod district and of full- and part-time students of the Belgorod State Agrarian University named after V.Ya. Gorin, most of whom live in rural areas ($N=240$; 2022–2023); then methods of mathematical statistics based on cluster and correlation analysis were applied. It should be noted that similar studies were conducted in other Russian regions, and there is available statistical data on the development of the cultural sector in Russia and in the Belgorod Region (Cultural Policy 2020; Development of Cultural-Leisure Activities 2018; Stebbins 2014).

Leisure culture is a set of material and spiritual values for satisfying personal leisure needs and interests in free time, i.e., leisure culture performs functions of rest, relaxation, entertainment, pleasure, restoration and learning. Recently, the cultural-leisure sphere has undergone changes due to the growing leisure opportunities and the improving quality of services in the cultural sector. Rural population reacts relatively quickly to this trend: depending on cultural and leisure preferences and activities, there are consumers (50%), spontaneous (18%), limited (17%) and active (15%) groups. Consumers show a passive-contemplative attitude towards cultural-leisure activities: watch television programs, use Internet channels, visit cultural and entertainment events, restaurants, bars, cafes, etc., i.e., these are passive cultural consumers without active forms of leisure. The spontaneous group tends to a chaotic-spontaneous cultural leisure — its representatives do not know how to rationally use their free time. The limited group prefers to use free time as an extension of working time by limiting communication to a circle of educational or professional activities and by solving work issues in free time. The active group shows creative thinking, a desire for personal spiritual development, clear selectivity, differentiated interests and preferences and directly participates in cultural-leisure activities.

When analyzing the leisure culture of respondents, we identified the following types of cultural-leisure activities: entertaining (28%),

*A. F. Dorofeev,
I. A. Belozerova,
E. V. Krikun,
M. G. Davityan*
Organization of the
rural population’s
leisure activities...

imitative (20%), consumer (19%), conservative (10%), contemplative (9%), cultural-creative (9%), and non-traditional (5%) (Table 1).

Table 1. Types of cultural-leisure activities

Activities	Features of social behavior
Entertaining	Sociability
Imitative	Thriftiness, commercialism, 'Westernization' of values
Consumer	Consumerism, material values
Conservative	Stereotypes, rejection of 'other' values
Contemplative	Passivity
Cultural-creative	Creativity, self-improvement
Non-traditional	Denial of traditions and national identification

The entertaining type seems 'pervasive' since its subject perceives everything with pleasure, and this process is accompanied by aesthetic and/or intellectual development. Today there are enormous resources for this approach due to universal accessibility of the Internet and other means of mass communication; this focus on communication (as a basis for all other functions) leads to insufficient implementation of such functions as heuristic, cognitive, etc.

The imitative type aims at the complete or partial reorientation, following the model of other countries, usually Western ones, or borrowing some elements of other cultures in a non-violent form. This type's features are as follows: displacement or substitution of ethnic values and national identity; a desire for the Western or American way of life, which contributes to the development of primitiveness, thriftiness, commercialism, and 'materialization' of even spiritual values; the most accepted ideals are formed by images and behavior of film actors, which explains a certain resistance of a traditionally minded part of population.

The consumer type implies a set of certain actions accompanied by the acquisition, consumption and release of various goods and services, which is more typical for the youth as more socially mobile, with new values (either rejected or accepted by the society) and striving for changes the most. The youth's innovative views directly influence the consumer market as the younger generation is not afraid of experiments, which can also determine marginal behavior, since growing needs cannot always be satisfied by socially approved and accepted means. Cognitive and heuristic functions are poorly performed in this type.

The conservative type is characterized by the dominance of collective stereotypes and certain value systems (although depending on gender, education, region, national identity, etc.). Value guidelines that are not accepted in a narrow circle are rejected, and those who disagree are named 'dissidents', which can cause misunderstanding and rigidity even in informal communication of peers.

The contemplative type is characterized mainly by limited financial resources, which leads to passive entertainment (watching TV, reading, walking, etc.) and antisocial behavior (hooliganism, gambling, drug and alcohol use, etc.).

The cultural-creative type shows perfect performance of heuristic, cognitive, creative, amateur and value-oriented functions. Social problems are solved by folklore events (like dances), rituals, national and religious holidays, etc., which makes this type developmental, humanistic and cultural.

The non-traditional type ignores/neglects the history of one's family or ethnic group, accepts a critical attitude or denial of one's national traditions.

We also identified some innovative forms of leisure among the rural youth — battles, selfies, street art (graffiti, posters) and computer gaming competitions. “As a rule, an average villager visits less than one cultural institution per month: on average, there are two visits to concerts, exhibitions and cinemas in three-five months” (Krikun, Belozerova 2018). Only 10% of rural population are active participants of different events (at least once every few months) despite the widespread desire to take an active part in cultural events (83%). This can be explained by the low quality of cultural life, which is internationally called ‘livability’ — satisfaction of social, cultural, economic and other needs.

The most popular and frequently visited places are parks, theaters and cinemas (63%). Respondents noted that in small rural settlements cultural events are very rare, and in some villages, there are no cultural events at all. Half of respondents (51%) prefers to visit cultural institutions with (close) friends, 6% — alone (mainly museums, theaters and exhibitions and mainly women) (Table 2).

Table 2

With whom villagers of the Belgorod district visit cultural institutions

With whom Institution	With spouse or boy/girlfriend	With friends	With children	Alone
Theatres	38	48	9	5
Concerts	28	53	9	8
Museums	31	50	10	9
Exhibitions	32	50	10	8
Parks	30	53	12	5
Cinemas	33	52	13	2
Sports	11	48	15	26

We identified four types of cultural-leisure forms: single, romantic, party and family. The single/individual type consists of various hobbies: dancing, reading, collecting, music, sports, etc. Such cultural

interests are not differentiated except for cinemas that are most often visited with someone. The romantic type consists of visits to concert halls, museums, theaters, zoos — to spend free time with a partner. The party type implies visits to sports grounds, battles, parks and entertainment centers with friends. The family type (zoo, circus, exhibitions) implies leisure time with family, children, parents or other close relatives.

Considering the livability indicator, we assessed the satisfaction of the Belgorod agglomeration residents with the quality of cultural services, and this quality largely depends on the place of residence. In the survey, respondents in regional centers made up 16% of the sample, residents of other settlements — 84%; men — 34%, women — 66%; by age, there were three groups — youth (under 35), adults (35–50 years old), and elderly (over 50). Respondents were asked to select the five most important criteria for visiting cultural institutions. For 87% these are: accessibility; technical equipment; price and quality of services; availability of information about services; safety for life and health.

Different age groups assess these criteria differently. The youth believe that satisfaction with the quality of services depends on technical equipment of cultural institutions (36%), since the younger generation is interested in the Internet, neural networks and computer technologies. The second place is taken by availability of information (27%), the third place — by price and quality of services (21%), while accessibility (location of cultural institutions) is not an equally important criterion, because many young respondents have a car and are quite mobile. The adult group ranked the selection criteria as follows: first, price and quality of services (31%), then safety for life and health (21%, which was expected as this group prefers family holidays), and technical equipment of cultural institutions (19%), while accessibility is also not that important since this group is mobile and gets information about services of cultural institutions from relatives, neighbors and children. The number of visits to cultural institutions in the elderly group depends mainly on accessibility (36%), information (29%), price and quality of services (28%), while technical equipment has the least influence in this group.

Thus, the following factors determine cultural-leisure activities in Russian rural areas:

1. Integration of rural cultural institutions into the local life, which allows to achieve joint aims of creating a comfortable social-cultural environment.
2. Villagers' active participation in the local economic-social life, their stable income and multilateral social connections, which makes them active participants in the local cultural life.
3. A differentiated approach to the popularization of regional cultural institutions since generational choices differ: the youth prefer institutions with good technical equipment, while the

elderly value accessibility the most. If there is only one cultural institution in rural locality, it should provide different services/activities to different age groups, which would increase popularity of this cultural institution.

4. The influence of social connections — usually the choice of leisure depends not so much on free time as on collective preferences of relatives or friends (one's social circle). Different age groups have different types of social connections: the youth spend free time with friends; students (53%) value communication with friends in free time the most (Andreeva et al. 2022) and prefer sports events, parks and cinemas. Two older groups also spend some free time with friends, but value their free time with family the most, i.e., prefer family events.
5. Location of the cultural institution determines its competitiveness: cultural institutions in the center of settlements or near large shopping centers have more opportunities to attract different groups. If two cultural institutions are located nearby, to win the competition for visitors they need to focus on the interests of different age groups. If there is only one cultural institution, the situation affects mainly the elderly, since younger groups are mobile and can choose cultural institutions that satisfy their interests in other locations.
6. Multi-field cultural institutions that combine various types of leisure (clubs, exhibitions, lectures and other activities): this implies a variety of services provided by the same institution and, as a result, a growing target audience. The multi-field work allows to provide leisure activities for different age groups in settlements with monopolist cultural institutions.
7. Cooperation of cultural organizations with other social institutions — to optimally distribute human resources with minimal material costs and to compensate for the lack of premises. Cooperation of cultural-leisure, social and educational institutions largely solves the problem of public awareness and of target audience as a carrier of information about the local cultural life. An example of such cooperation is barter relations of cultural institutions and municipal organizations (an exchange of events and territories) or sponsorship (cultural institutions place advertisements and information about their sponsors).

Thus, preservation and development of rural human capital depend on the social-economic situation in rural areas, including the organization of cultural-leisure activities as directly affecting the quality and comfort of rural life. Human capital is an internal factor of economic activities, and its sustainability ensures a long-term growth of economic efficiency in the agricultural sector. The reproduction of human capital in rural areas depends on new generations of villagers, i.e., on the decreasing emigration sentiments of rural residents, especially the youth, and on the increasing influx of young specialists.

Our monitoring study of the cultural-leisure activities of villagers showed that, despite their desire to take part in cultural events, only every tenth respondent directly participates in them. One of the reasons is the discrepancy between cultural needs of rural population and the ability of cultural institutions to satisfy these needs. The survey results prove the dependence of the efficiency of cultural-leisure activities in rural areas on their purposes, targeting, focus on awareness and multi-field work, accessibility, safety for life and health, aesthetics and comfort for consumers. One of the key principles for organizing cultural-leisure activities for rural population is a differentiated approach (gender, age, religious, regional, local and other differences) that contributes to the popularization of cultural events. For instance, gender-differentiated approach leads to the most optimal organization of activities for rural men and women as their cultural needs differ dramatically: men prefer fishing, hunting, sports, construction and robotics; women are more interested in museums, theaters and exhibitions. The most difficult task is organization of cultural-leisure activities for adults — this age group is in a period of self-realization and prefers both sports and creative activities, provided the acceptable price and quality of services. The religious aspect also affects organization of free time by adding visits to religious institutions and joint celebrations of religious holidays (Christmas, Epiphany, Easter, etc.). No less important is the regional approach stressing the importance of local (national, ethnic) customs and traditions for the organization of cultural-leisure activities.

References

- Abankina T.V., Burakov N.A., Ksynkina G.M. et al. (2021) *Indicators of Russia: Trends and Changes under the Covid-19 Pandemic*, Moscow: HSE Publishing House. (In Russian)
- Andreeva N.V., Belozerova I.A., Davityan M.G., Krikun E.V., Krikun V.G. (2022) Friendship as a phenomenon of interpersonal relations in contemporary society. *Webology*, vol. 19, no 1, pp. 7452–7464. (In Russian)
- Annual Report on the State of Culture in Russia (2016). URL: <https://culture.gov.ru/activities/reports/years/report2016>. (In Russian)
- Astafieva O.N. (2010) Cultural needs of the contemporary youth: Changing priorities. *Cultural Needs of the Youth: Dynamics under the Social-Cultural Changes*, Moscow: RAGS Publishing House. (In Russian)
- Belozerova I.A., Davityan M.G., Krikun E.V. (2022a) *Communicative Thinking as a Factor of Cultural Transformation*, Belgorod: BelGAU Publishing House. (In Russian)
- Belozerova I.A., Davityan M.G., Krikun E.V. (2022b) The attitude of the contemporary student youth towards spiritual and moral values in rural society. *Contemporary High Technologies*, no 8, pp. 115–119. (In Russian)
- Belozerova I.A., Krikun E.V. (2020) Monitoring of the student cultural-leisure activities. *Azimuth of Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 9, no 3, pp. 30–34. (In Russian)
- Belozerova I.A., Krikun E.V., Davityan M.G., Artyukh A.V., Andreeva N.V. (2021) The problem of communication among the contemporary student youth. *Journal for Educators, Teachers and Trainers*, vol. 12, no 2, pp. 101–109. (In Russian)

- Cultural Policy 2020: Perception of the Subjects of the Russian Federation on Its Main Problems and Their Solution* (2021), Moscow: Publishing House of the Institute of Economics and Social Policy. (In Russian)
- Development of Cultural-Leisure Activities and Folk Art (2018). URL: http://belkult.ru/media/site_platform_media/2018/7/23/razvitie-kulturnodosugovoy-deyatelnosti-i-narodnogo-tvor4estva.pdf. (In Russian)
- Dorofeev A. F. (2010) Labor market and labor force reproduction in rural areas. *Agro-Industrial Complex: Economy, Management*, no 1, pp. 74–78. (In Russian)
- Dorofeev A. F. (2018) *Development of Human Capital in Agriculture According to the Contemporary Systems Theory*, Belgorod: Publishing House of the Belgorod State University. (In Russian)
- Dorofeev A. F., Alekseeva S. A. (2022) The role of human capital in the sustainable development of rural territories. *Human Resources for the Development of Innovative Agriculture and Rural Territories*, Moscow: RAKOAPK Publishing House. (In Russian)
- Federal Law “On the Development of Agriculture” from December 29, 2006 No. 264–FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930.
- Korosteleva M. V., Davityan M. G. (2018) Value preferences of the student youth. *Youth Agrarian Forum*, Belgorod. (In Russian)
- Krikun E. V., Belozerova I. A. (2018) Transformation of traditional values in the Russian hinterland (on the example of the Belgorod Region). *Organic Agriculture: Problems and Prospects*, Belgorod, pp. 203–206. (In Russian)
- Lukov V. A. (2012) *Theories of the Youth: An Interdisciplinary Analysis*, Moscow: Canon. (In Russian)
- Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S. (2018) Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case. *Russian Peasant Studies*, vol. 3, no 1, pp. 99–116. (In Russian)
- Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2023) Two and a half undeservedly forgotten conceptual foundations of rural sociology. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 23, no 3, pp. 468–484. (In Russian)
- Nikulina N. N., Davityan M. G. (2016) Ideas of the systems theory in the contemporary pedagogical practice. *Polythematic Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University*, no 115, pp. 517–533. (In Russian)
- People’s Expertise (Belgorod Region). URL: <https://narod-expert.ru>.
- State Program of the Russian Federation “Integrated Development of Rural Territories” from May 31, 2019. URL: <https://base.garant.ru/72260516>.
- Stebbins R. A. (2014) Free time: On the optimal leisure style (a view from Canada). *Sociological Journal*, no 7, pp. 64–72. (In Russian)
- Toschenko Zh. T. (2016) *Meanings of Rural Life (A Sociological Analysis)*, Moscow: Publishing House of the Center for Social Forecasting and Marketing. (In Russian)
- Trotsuk I. V. (2023) Rural human capital in the conceptual optics: Continuum and/or post-ism? *RUDN Journal of Sociology*, vol. 23, no 2, pp. 338–354. (In Russian)
- Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2023) Problems and prospects for organic agriculture in Russia. *Post-Communist Economies*, vol. 35, no 7, pp. 647–669.

*A. F. Dorofeev,
I. A. Belozerova,
E. V. Krikun,
M. G. Davityan*
Organization of the
rural population’s
leisure activities...

Организация досуга сельского населения как фактор сохранения и развития человеческого капитала сельских территорий

Андрей Федорович Дорощеев, доктор экономических наук, доцент, проректор по научной работе и инновациям Белгородского государственного аграрного университета имени В. Я. Горина. 308503, Белгородская область, Белгородский район, п. Майский, ул. Вавилова, 1
E-mail: dorofeev@bsaa.edu.ru.

Ирина Александровна Белозерова, кандидат философских наук, доцент, Белгородский государственный аграрный университет имени В. Я. Горина. 308503, Белгородская область, Белгородский район, п. Майский, ул. Вавилова, 1
E-mail: belozerova_ia@bsaa.edu.ru.

Елена Владимировна Крикун, кандидат философских наук, доцент, Белгородский государственный аграрный университет имени В. Я. Горина. 308503, Белгородская область, Белгородский район, п. Майский, ул. Вавилова, 1
E-mail: krikun_ev@bsaa.edu.ru.

Манушак Галустовна Давитян, кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный аграрный университет имени В. Я. Горина. 308503, Белгородская область, Белгородский район, п. Майский, ул. Вавилова, 1
E-mail: davitian_mg@bsaa.edu.ru.

Аннотация. В статье охарактеризована роль организации досуга в эффективном развитии человеческого капитала сельских территорий. Статья основана на результатах мониторингового исследования (проведенного методом опроса) активности сельских жителей Белгородского района Белгородской области в сфере культурно-досуговой деятельности. Культура досуга в сельском социуме оценивалась по трем основным показателям — институциональному, информационному и социологическому. В зависимости от культурно-досуговых предпочтений и деятельности в сельском обществе были выделены следующие группы: потребительская (50%), стихийная (18%), ограниченная (17%) и деятельностная (15%). По особенностям досуга респондентов были обозначены семь видов культурно-досуговой деятельности: развлекательный (28%), подражательный (20%), потребительский (19%), консервативный (10%), созерцательный (9%), культурно-творческий (9%) и внетрадиционный (5%). Несмотря на заявленное желание принимать активное участие в культурно-массовых мероприятиях (83%), непосредственно участвуют в них порядка 10% сельских жителей. Одна из причин — несоответствие между их культурными запросами и возможностями учреждений культуры их удовлетворить. Авторы отмечают, что эффективная организация культурно-досуговой деятельности оказывает влияние как на формирование, так и на воспроизводство человеческого капитала сельских территорий. Индикаторами повышения качества жизни на селе выступают не только современное производство и высокая заработная плата, но и развитие образовательных и культурно-досуговых учреждений.

Ключевые слова: культура досуга, культурно-досуговая деятельность, человеческий капитал, сельское население, сельские территории, сельское развитие, экономическая эффективность, аграрная политика

Цифровые платформы в агробизнесе: технологическая основа взаимовыгодного взаимодействия игроков рынка¹

М. Ю. Шерешева, А. А. Беляев

Марина Юрьевна Шерешева, доктор экономических наук, профессор кафедры прикладной институциональной экономики, заведующая лабораторией институционального анализа экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1-46. E-mail: m.sheresheva@mail.ru

Артем Александрович Беляев, кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «Ви Гроу», соучредитель ООО «Грейн Чейн», советник президента ассоциации «Афанасий Никитин». 109004, Москва, улица Станиславского, д. 22, стр. 2. E-mail: ab@gncn.ru

Аннотация. В статье обозначены направления развития цифровых платформенных решений для агропромышленного комплекса России. На основе анализа академической литературы показаны преимущества и проблемы платформенных решений для агробизнеса, подчеркнута возможность создания баланса интересов производителей разных масштабов, включая фермеров и других малых и средних предприятий, занятых в цепочках создания стоимости на рынке сельскохозяйственной продукции. Представлен кейс цифровой платформы GrainChain, которая позволяет игрокам рынка зерна и масличных культур находить контрагентов для взаимовыгодных сделок, оптимизировать решения по закупкам, сокращать запасы и накладные расходы, получать аналитику в режиме реального времени и другие сопутствующие услуги, включая финансовые решения, что в итоге обеспечивает снижение рисков и рост денежного потока. Сделан вывод о перспективности такого рода платформы не только на уровне отдельной страны, но и в рамках международного взаимодействия — в частности, для взаимодействия различных групп физических и юридических лиц, интересы которых связаны с сектором сельскохозяйственного производства в странах БРИКС, заинтересованных в интенсификации кооперативных связей в агробизнесе.

Ключевые слова: цифровые платформы, технологический суверенитет, технологические инновации, сельское хозяйство, агробизнес, сетевое взаимодействие стейкхолдеров

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-257-279

1. Материал подготовлен при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-28-00711).

Развитие конвергентных технологий NBIC², стартовавшее в конце XX века, связано с появлением и новых проблем, и новых возможностей для будущего науки, промышленности и общества. «Конвергенция NBIC является еще одним свидетельством зарождающейся инновационной экономики, в которой инновационные инструменты, системы, продукты и услуги становятся доминирующей основой для торговли» (Canton, 2006: 33). По сути, речь идет о промышленной революции 4.0, которая знаменует переход к менее линейной экономике (Ерзнкян, Фонтана, 2022) и обеспечивает развитие новых подходов к управлению с опорой на открытые инновации, распространение которых стало возможным по мере расширения спектра цифровых технологий. Среди них Интернет вещей, искусственный интеллект, робототехника, большие данные и аналитика (БДА), облачные вычисления, киберфизические системы, виртуальная и дополненная реальность, блокчейн и многие другие технологические новшества, меняющие принципы взаимодействия экономических агентов на любом современном рынке (Pagliosa, Tortorella, Ferreira, 2019; Liu, Ma, Shu, Hancke, Abu-Mahfouz, 2020; Власова, 2020). «Каждая из этих технологий играет свою специфическую роль в том, чтобы сделать экосистему AFSC³ достаточно умной для решения сегодняшних мировых проблем» (Yadav et al., 2022: 1).

В текущей геополитической обстановке Российская Федерация, как и другие государства мира, стремится создавать собственные цифровые технологии. Как заявил премьер-министр РФ Михаил Мишустин в ходе выступления на пленарной сессии форума Digital Almaty-2024, страны, не располагающие таким ресурсом, рискуют попасть в информационную, политическую и экономическую зависимость от чужих разработок. Среди наиболее важных трендов — локализация производств, обеспечение надежности цепочек поставок и логистики, в том числе в международном масштабе, построение альтернативных институтов международной финансовой системы и интегрированных систем государственного управления, а также неразрывная связь ускоренного технологического прогресса с цифровым развитием, который не может происходить без внедрения платформенных решений, усиления киберзащиты, распространения искусственного интеллекта и других инноваций (Ермакова, 2023).

Все эти тенденции достаточно ярко проявляются и в агропромышленном комплексе (АПК), который, с одной стороны, имеет четкую локальную привязку разных специализированных бизнесов, зависящих от пригодности территорий к тем или иным видам сельскохозяйственных производств, с другой — носит все более вы-

2. Nano-Bio-Info-Cogno (NBIC) technologies — нано-, био-, инфо-, когнитивные технологии.

3. Agriculture food supply chain (AFSC) — сельскохозяйственная цепочка поставок продуктов питания.

раженный международный характер. Так, АПК «призван играть ведущую роль в экспорте и обеспечении положительных потоков валютных средств, а также изменении сырьевой ориентации экономики Российской Федерации» (Малов, 2018: 25).

Вопросы цифровизации также крайне важны. Этому есть целый ряд причин. Так, в аграрном секторе существует серьезная проблема теневой экономики, и для России эта проблема пока стоит достаточно остро: широкое распространение наличных расчетов затрудняет контроль над денежными потоками, высокий уровень сезонной занятости и наличие большого количества незарегистрированных хозяйств населения осложняет контроль над экономической деятельностью, до сих пор не в полной мере закончена земельная реформа (Киселев и др., 2024). Цифровые решения могут способствовать снижению негативных эффектов и одновременно вносить вклад в обеспечение конкурентоспособности АПК и достижения целей устойчивого развития.

Как отмечают многие современные исследователи, технологии Индустрии 4.0 могут обеспечить переход от традиционной сельской деятельности к так называемому «Сельскому хозяйству 4.0», что может даже в краткосрочной перспективе повысить конкурентоспособность сектора (Nara et al., 2021), поскольку важным требованием улучшения экономических результатов в современном АПК является распространение открытых инноваций (Silva et al., 2023).

Во многих странах сектор агробизнеса уже в текущем десятилетии извлекает серьезную выгоду из их применения. Однако если систематизировать многочисленные публикации, посвященные проблематике устойчивого развития и реализации ЦУР, то можно отметить, что существует огромный пласт исследований, ориентированных на глобальный уровень, а также множество касающихся достижения ЦУР в отдельных странах или отраслях промышленности, в то время как специфика агропродовольственных систем развивающихся стран и вопросы развития современных бизнес-моделей, обеспечивающих рост конкурентоспособности АПК, остаются недостаточно изученными (Donner, De Vries, 2023).

Нестабильность существующих агропродовольственных систем и необходимость переосмысления методов их работы на основе технологических инноваций — серьезная научная проблема, тесно связанная с вопросами национальной продовольственной безопасности и технологического суверенитета (Новое качество экономического роста России, 2023). Как отмечают Э. Н. Крылатых и Е. Ю. Фролова, «рынки за 20 последних лет пережили массу трансформаций. А мы сейчас переживаем почти революцию», при этом «появляются первые признаки того, что идеология в аграрной политике может быть пересмотрена если не в пользу фермерства, мелких и средних производителей, то хотя бы с большим учетом их интересов» (Крылатых, Фролова, 2022: 152, 155).

М. Ю. Шерешева,

А. А. Беляев

Цифровые платформы в агробизнесе: технологическая основа взаимовыгодного взаимодействия игроков рынка

В этой связи все большее внимание привлекают цифровые платформы, обеспечивающие новые, более широкие возможности кооперации и балансирования интересов всех участников цепочек создания ценности в сельском хозяйстве.

В данной статье ставится цель выделить преимущества и проблемы цифровых платформенных решений для агробизнеса и на примере реально действующей платформы для игроков рынка зерновых и масличных культур обозначить направления и возможности развития цифрового взаимодействия участников российских и международных цепочек создания ценности.

Обзор литературы

Основные характеристики цифровых платформ

Цифровая платформа — это бизнес-модель, где за счет взаимодействия пользователей и возникающих в итоге сетевых эффектов создается добавленная ценность (Gregory et al., 2021; Bartels, Schmitt, 2022; Исаева, 2022). Рост и развитие цифровых платформ обусловлены в первую очередь тем фактом, что они позволили существенно снизить издержки сторон на поиск контрагентов (Моросанова, 2022). Платформа «ускоряет обмен ценностью между двумя и более группами пользователей, потребителей и производителей... Платформы создают сообщества и рынки, в рамках которых пользователи взаимодействуют и осуществляют трансакции» (Моазед, Джонсон, 2019: 37).

Помимо минимизации затрат и потерь по всей цепочке создания стоимости, технологические инновации, поддерживаемые современными цифровыми системами, могут обеспечивать урожайность сельскохозяйственных культур, повышение эффективности операций, ресурсосбережение, сокращение потерь (Skoronski et al., 2016; Srinivasan, 2018; Kumar, Mangla, Kumar, 2024), а также качество и безопасность продуктов питания и достижение целей устойчивого развития (ЦУР), особенно в развивающихся странах (Arora et al., 2022; Yadav et al., 2022; Romani et al., 2023).

Одна из проблем в B2B электронной коммерции состоит в том, чтобы дать компаниям возможности доставки больших объемов онлайн-заказов быстрым, безопасным и дешевым способом (Mourtzis, Angelopoulos, Panopoulos, 2021). В результате проблема логистики B2B электронной коммерции включает в себя множество параметров, таких как логистическое ценообразование, определение транспортировки, интеграция B2B электронной коммерции и логистической торговли, использование общих протоколов и общих логистических активов для повышения прибыльности и эффективности рынка (Lilien, 2016).

В работе Д. Муртзиса, Дж. Ангелопуса и Н. Панопулоса (Mourtzis, Angelopoulos, Panopoulos, 2021) проанализирован при-

мер многостороннего цифрового электронного маркетплейса, основанного на одноранговом (P2P) обмене данными. Показано, что цифровая платформа обеспечивает многостороннюю экосистему, в которой могут взаимодействовать несколько групп стейкхолдеров, предоставляет клиентам возможность анонимной обратной связи и в итоге создает ситуацию взаимного выигрыша, в том числе для малых и средних предприятий, веб-присутствие которых позволяет предлагать не только производимое ими оборудование, но и расширенные услуги, такие как моделирование, возможности виртуальной и дополненной реальности, проверка и тестирование цифрового двойника желаемого оборудования перед окончательным заказом. При этом цифровой клиентский опыт и каналы продаж становятся основными точками дифференциации.

Если обобщить результаты эмпирических исследований, которые становятся все более многочисленными, то можно указать на следующие основные преимущества управления цепями поставок с использованием цифровых платформенных решений:

- прозрачность взаимодействия с контрагентами (Banerjee, Lücker, Ries, 2021; Cao et al., 2022; Centobelli et al., 2022);
- оптимизация доставки (Prajapati et al., 2021);
- сокращение запасов и накладных расходов (McLaren, Head, Yuan, 2002; Attaran, 2020; Loro, Mangiaracina, 2022);
- повышение контроля качества (Li et al., 2020; Sharma, Joshi, 2023);
- снижение рисков (Attaran, 2020; Gao et al., 2020; Sharma et al., 2020);
- гибкость в принятии решений (Ullah, Narain, 2022; Marzi et al., 2023);
- аналитика больших данных в режиме реального времени (Edwin Cheng et al., 2021; Song, Li, Yu, 2021).

Важно отметить, что цифровизация облегчает построение и функционирование глобальных цепочек поставок, для которых характерно разделение производственного процесса, в основе которого лежат трансграничные производственные соглашения между предприятиями, на отдельные этапы, осуществляемые в разных странах (Chikhun, Romanov, 2023). Такие глобальные цепочки обеспечивают доступ к сырью и промежуточным продуктам, производимым в других странах, что крайне важно для организации внутреннего промышленного производства и торговли (Jones, Findlay, 2000).

Однако существуют и проблемы, которые касаются, например, борьбы с асимметрией информации (Моросанова, 2022), технических сложностей создания платформы, вовлечения в ее работу достаточного количества участников для получения сетевых эффектов (Бауэр, Еремин, Смирнов, 2021), особенно в случаях, когда идет становление международного сотрудничества. Например, признание необходимости активизировать взаимодействие на различ-

ных отраслевых рынках между странами БРИКС наталкивается на недостаточную информированность потенциальных участников о проектах и инициативах (Толорая и др., 2023). Отсюда низкий уровень вовлеченности в межстрановое взаимодействие, сложности в поиске партнеров и, как результат, значительное число упущенных возможностей и нереализованных инициатив, в том числе в сфере сельского хозяйства и продовольственного обеспечения. Развитие цифровых платформ могло бы в данном случае существенно нарастить взаимовыгодное сотрудничество в рамках БРИКС.

Цифровые платформы в агробизнесе

Интерес к цифровым платформам в агробизнесе в последние годы существенно возрос. Как и в любой другой отрасли, он обусловлен тем, что в рамках цифровой платформы возможно объединение «различных групп физических и юридических лиц, резидентов и нерезидентов, импортеров и экспортеров, интересы которых связаны с сектором сельскохозяйственного производства» (Amirova et al., 2021: 2). Как отмечают А. Де и С. П. Синх (De, Singh, 2022), модель «электронного агробизнеса» (e-agribusiness) стимулирует региональную цепочку поставок сельскохозяйственной продукции через виртуальные розничные фирмы и интегрирует логистические услуги с интеллектуальными логистическими складскими услугами.

Фермеры, менеджеры предприятий пищевой промышленности и другие участники в сфере производства и сбыта продовольственной продукции могут опираться на цифровизацию при внедрении бизнес-моделей, отвечающих целям устойчивого развития⁴. Исследования подтверждают, что стратегии цифровизации и новые онлайн-инструменты, такие как виртуальные продовольственные пространства, могут поддерживать циклическую экономику и процессы устойчивости (Radcliffe et al., 2021; Del Vecchio, Urbinati, Kirchherr, 2022), в том числе давая фермерам доступ к информации об агроэкологических практиках, производстве биоэнергии, диверсификации продуктов, рынков и видов деятельности в целях устойчивого развития (Bellon Maurel et al., 2022; Mouratiadou et al., 2023). Так, Эдвин Ченг и соавторы (Edwin Cheng et al., 2021) указывают на роль аналитики больших данных в повышении производительности цепочек поставок в агропромышленном секторе и становлении их роли как одной из ключевых составляющих сельскохозяйственного производства для обеспечения устойчивого доступа к безопасным и высококачественным продуктам питания.

Расширенная трактовка цифровых платформ в агробизнесе дана

4. Примером может служить платформа ListenField Японского общества агроинформации (The Japan Society of Agricultural Information (JSAI)) — см. <https://www.listenfield.com/>

в работе Ю. Антохиной, А. Колесникова и Е. Ворошина (Antokhina, Kolesnikov, Voroshin, 2019). Авторы в качестве основных выделяют следующие блоки платформы: блок совместных инвестиционных проектов; совместных закупок; аграрного образования, поиска кадров и трудоустройства; эколого-метеорологического ландшафта; сбыта сельскохозяйственной продукции; сельскохозяйственной информации и новостей; нормотворческой деятельности; взаимного кредитования; совместной деятельности.

Для обеспечения устойчивого развития сельскохозяйственного производства за счет внедрения цифровой кооперации необходимо спланировать и реализовать ряд проектов в трех средах: *реальной* среде (офлайн-сфера, которая касается жителей сельской местности, производителей сельскохозяйственной продукции, инвесторов, поставщиков оборудования, удобрений и прочего, ИКТ-инфраструктура в сельской местности); *виртуальной* (онлайн-сфера, которая касается цифровых технологий и программного обеспечения, воплощенных в цифровых платформах и каналах доступа к ним); *институциональной* (нормативная база, неформальные институты (традиции, обычаи) и т. д.).

Логико-структурная схема платформы агроцифрового сотрудничества предполагает наличие ряда блоков, обеспечивающих обмен информацией, товарами, услугами и деньгами между группами пользователей, создавая для них добавленную стоимость. Целевыми пользователями платформы являются сельхозпроизводители, сельские жители, землевладельцы, потребители сельхозпродукции, поставщики удобрений и горюче-смазочных материалов, производители сельскохозяйственной техники и сопутствующего программного обеспечения, экологические организации, портфельные инвесторы, бизнес-ассоциации, связанные с сельскохозяйственным производством, представители органов государственной власти и местного самоуправления.

Представленная в работе Л. А. Романи и соавторов (Romani et al., 2023) платформа AgroAPI — инициатива Бразильской корпорации сельскохозяйственных исследований (Embrapa) и ее партнеров⁵ — обеспечивает доступ к данным и моделям для сельскохозяйственного сектора через интерфейс прикладного программирования (API). API-интерфейсы платформы AgroAPI ориентированы на продуктивность сельского хозяйства, указание сроков посева, классификацию почвы, погоду, каталог биологических ресурсов и индексы растительности, полученные из спутниковых изображений. Проведенное авторами исследование показало, что платформа AgroAPI, ее доступные интерфейсы и разработанные с их помощью приложения способствуют институциональным инновациям и достижению целей устойчивого развития (ЦУР), открывают но-

М. Ю. Шерешева,

А. А. Беляев

Цифровые платформы в агробизнесе: технологическая основа взаимовыгодного взаимодействия игроков рынка

5. Подробнее см. <https://www.agroapi.cnptia.embrapa.br/portal/>

вые возможности для бизнеса и демонстрируют ряд преимуществ, к которым относятся:

- содействие интеграции информационных систем участников и совместному использованию данных и услуг;
- увеличение потенциала для получения и распространения сельскохозяйственных данных и информации;
- стимулирование партнерских отношений с другими компаниями;
- содействие компании и ее партнерам в достижении целевых результатов.

Таким образом, цифровые платформы могут стимулировать рост результативности и внедрение инноваций в сельскохозяйственных экосистемах за счет интеграции участников и содействия совместной разработке новых решений по развитию бизнеса.

В России получили широкое распространение и пользуются большим спросом в различных отраслях экономики цифровые решения в области B2C⁶ (мобильные приложения банков, маркетплейсы (OZON, Wildberries, Авито, каршеринг и т.п.), при этом цифровые решения B2B развиваются более медленными темпами в связи с более сложными процессами между хозяйствующими субъектами и государственным регулированием/требованиями.

B2B-решения в АПК не исключение. Как и в других секторах российской экономики, цифровизация производственно-финансовых и рыночных показателей и процессов сталкивается с рядом проблем, во многом связанных с тем, что B2B-решения в АПК требуют активного участия различных государственных ведомств для приоритизации задач по внедрению в ежедневную деятельность участников рынка использования таких платформенных решений наравне с развитием/внедрением ФГИС⁷.

На данный момент на федеральном уровне речь уже идет о создании единой цифровой платформы АПК, призванной облегчить взаимодействие аграриев с различными государственными информационными системами, включая ФГИС «Зерно», «Сатурн» и ЕФИС ЗСН, без регистрации в которых и «ежедневного» учета деятельности сегодня запрещены любые рыночные транзакции⁸. С 2024 года эти системы должны быть интегрированы между собой через привязку параметров посевов, сбора урожая и реализации партий про-

6. B2C (business-to-consumer) — прямое коммерческое взаимодействие бизнеса и частных лиц; B2B (business-to-business) — коммерческое взаимодействие между предприятиями (включая индивидуальных предпринимателей).

7. ФГИС — Федеральная государственная информационная система.

8. Министерство сельского хозяйства РФ артикулирует вопрос о переходе сельхозтоваропроизводителей на отечественные программы и цифровые разработки, указывая на сложные геополитические процессы, факты вирусных атак на системах иностранного производства, закрытия облачных хранилищ и проблемы с лицензиями.

дукции, смены севооборота и «точечного» (для отдельных участков) внесения удобрений и средств защиты растений к цифровым картам обрабатываемых земель каждого сельхозпроизводителя.

Однако на стартовом этапе внедрение «государственной цифровизации» оказалось недостаточно подготовленным. В этой связи, например, часть фермерских хозяйств и организаций отказываются дальше заниматься сельским хозяйством, ссылаясь в том числе на ухудшение их финансовых показателей и снижение рентабельности производства в последние два года.

Препятствиями для мгновенного размещения предложений и электронного заключения сделок и проведения расчетов являются: отсутствие реальных действий государственных структур по продвижению в деятельности компаний B2B-решений, в которых, кроме участников рынка, заинтересовано и само государство (прозрачность продаж, переход к риск-ориентированному надзору на основе цифровых данных, формирование более точных статистических наблюдений по отраслям вместо опросных форм отчетности и т.п.).

Это заставляет аграрное сообщество с серьезным опасением относиться к заявленным Минсельхозом РФ задачам формирования единой цифровой платформы для сельхозпроизводителей.

Если виртуальная среда (ИТ-решения) полностью готова к переходу на рельсы информатизации, геолокации, больших данных — реализованы и функционируют различные решения — то в реальной среде (бизнес-сообщество) не в полной мере осведомлены о преимуществах использования платформенных решений. Институциональная среда (госрегулирование) также требует адаптации. Методами социализации платформенных решений со стороны государства могут быть как административные требования по торговле определенного объема только на площадках, так и мотивационные, например, предоставление субсидий участникам рынка, кто ведет прозрачную торговлю на цифровых платформах. При этом недопустима «кампанейщина», требуются обдуманные и обоснованные решения; должна проводиться тонкая настройка и работа по взаимовышке ФГИС с коммерческими решениями⁹.

При этом велико значение отраслевых платформ, которые обслуживают конкретные рынки. Рассмотрим далее пример успешной российской разработки цифровой платформы для рынка зерна и масличных культур.

М. Ю. Шерешева,

А. А. Беляев

Цифровые платформы в агробизнесе: технологическая основа взаимовыгодного взаимодействия игроков рынка

9. Для этой цели целесообразно использовать методы институционального проектирования, то есть сознательная целенаправленная деятельность по организации институтов, регламентирующих ту или иную деятельность, и встраивании их в массовое хозяйственное поведение (Тамбовцев, 1997).

СОВРЕМЕННОСТЬ

Построение цифровой платформы GrainChain было начато в 2019 году, проект реализуется в коммерческом формате силами компании-резидента Сколково.

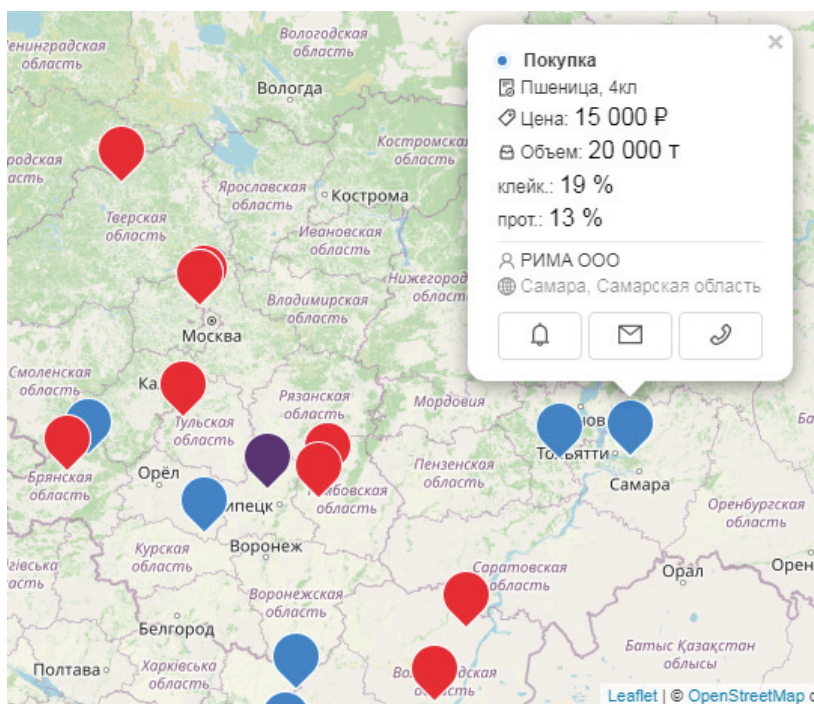
В настоящее время проект начал давать первые результаты. Различные элементы цифровой системы успешно прошли тестирование, можно говорить о созданной и работающей платформе, которая позволяет игрокам рынка зерна и масличных культур цифровизовать свои закупки, встретиться с нужными партнерами и взаимодействовать на рынке в складывающейся благодаря этому цепочке создания ценности. Платформа доступна для использования во всех регионах РФ и для всех участников рынка торговли зерновыми и их перевозками. Полностью реализован цифровой путь торговли зерновыми: подача заявки на покупку/продажу/перевозку, подписание документов между участниками сделки с использованием электронного документооборота и ЭЦП, проведение безопасных расчетов.

Ценность создается не столько за счет линейного продукта или услуги, сколько за счет взаимодействия контрагентов. Для достижения данной цели выполняются четыре принципиально важные функции:

- формирование аудитории,
- создание и гармонизация правил и стандартов,
- предоставление инструментов и сервисов,
- последующая координация взаимодействия.

Как правило, взаимодействующими стейкхолдерами являются продавец, покупатель и перевозчик. На платформе GrainChain они могут:

- размещать заявки на покупку, продажу и перевозку зерновых и масличных культур (рис. 1);
- анализировать рынок и подбирать оптимальных участников сделки с учетом длины логистического плеча;
- оценивать благонадежность контрагентов с помощью инструментов скоринга (рис. 2а, 2б; интеграция решений партнера платформы — Группы Актион);
- осуществлять подбор полной логистической цепочки покупатель–перевозчик(и)–продавец;
- вести переговоры по цене и иным параметрам в режиме онлайн;
- проводить безопасные платежи с использованием смарт-контрактов (рис. 3);
- проводить взаимодействие в рамках всех стадий сделки в едином контуре платформы, в т.ч. подписывать юридически значимые документы при помощи УКЭП;
- фиксировать свои ожидания по цене и объемам будущего урожая (форвардные заявки), а также быть в курсе ожиданий в регионе и в целом по стране.

М. Ю. Шерешева,
А. А. Беляев
Цифровые плат-
формы в агробиз-
несе: техноло-
гическая основа
взаимовыгодного
взаимодействия иг-
роков рынка

Рис. 1. Размещение заявки на покупку пшеницы на платформе GrainChain

Досье на контрагента с индикатором риска

500 параметров, 37 официальных источников

- Краткая оценка по системе светофора
- Анализ связей между учредителями и компаниями с высокими налоговыми рисками
- Шесть стандартных отчетов, которые требует ФНС
- Запрос актуальной выписки из ЕГРЮЛ/ЕГРИП
- Расширенная информация с комментариями экспертов
- Расчет рисков налоговой проверки в рамках конкретного договора

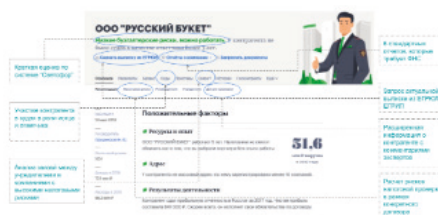

Рис. 2а. Досье на контрагента на платформе GrainChain

Экспресс-анализ по методике ФНС

Быстрая оценка налоговых рисков по принципу светофора

Низкие бухгалтерские риски

Контрагент благонадежен, и с ним можно работать.

Требуется внимания бухгалтера

Сигнал проверить компанию дополнительно. Есть факторы риска.

Высокие бухгалтерские риски

Высокий риск при сотрудничестве с контрагентом. Работать с ним не рекомендуется.

Санкт-Петербург • ИНН 78020543248

Поставить на контроль

Действительность легитимного такси и брендинга: ОК 9332 49.32

ООО "ТАКСИ ПРЕМИУМ"

Высокие бухгалтерские риски Не рекомендуем работать. Компания работает в отрасли, которую официально признаны пострадавшей. Недостоверные данные, контрагента могут исключить из ЕГРЮЛ.

- Выписка из ЕГРЮЛ
- Отчеты о компании
- Запросить документы

Основное Реализовано Баланс Суды Едд

Рекомендации: Налоговые риски Руководители Едд

Рис. 26. Краткая оценка налоговых рисков по принципу светофора на платформе GrainChain

Особо следует отметить перспективы интеграции с федеральными государственными информационными системами, что позволит сократить время участников рынка на фиксацию сведений в различных ФГИС.

При этом ценность всего представленного выше функционала для участников рынка обеспечивается тем, что на цифровой платформе им предложен сквозной бесшовный клиентский путь — разработан конструктор сделок, позволяющий осуществлять кастомизацию по множеству параметров, различных для определенных сельхозкультур, и объединяет в себе юридически значимый документооборот и расчеты с использованием смарт-контрактов¹⁰. Таким образом, весь процесс взаимодействия с платформой, от момента заинтересованности в покупке или продаже до финансовой транзакции, заключен в единый бесшовный контур (рис. 3).

Также совместно со Сбербанком были протестированы смарт-контракты по технологии блокчейн, предполагающие наличие у каждого участника своего кошелька. Однако данная технология оказалась скорее лимитирующей, поэтому внутренняя инфраструктура смарт-контракта, при полном сохранении его логики, была в итоге перестроена на работу на так называемом номинальном счете — аналоге умного быстрого цифрового аккредитива, который заключается сторонами в момент перехода к стадии оплаты и позволяет гарантировать расчеты обеим сторонам сделки. Это осо-

10. Смарт-контракт — «подписанное в электронной форме соглашение, определяющее соблюдение прав и выполнение обязательств, путем автоматического создания цифровых записей в строго определенной им последовательности и при определении названных им обстоятельств» (Бычкова, Лаштабега, Мухина, 2023: 15).

бенно важно для России, поскольку рынок зерна в РФ очень фрагментирован, на нем большое число участников разного размера, он очень динамичен с точки зрения силы продавца и силы покупателя.

Цифровой путь от поиска контрагента до отгрузки продукции и безопасных расчетов

Рис. 3. Бесшовный контур GrainChain

При этом возникают сложности на этапе вовлечения участников рынка в работу на платформе, в том числе в связи с наличием работающих в серой зоне. Также не просматривается активный интерес к платформам, созданным фактически в форме стартапов, со стороны государственных ведомств, институтов развития, научного сообщества и крупных игроков рынка.

Тем не менее на рынке зерновых и масличных культур в целом выстраивается цифровая инфраструктура, как результат, складывается широкое поле для увеличения эффективности деятельности хозяйствующих субъектов, взаимодействующих на платформе GrainChain, в полном соответствии с описанными в эмпирических исследованиях возможностями:

- прозрачность взаимодействия с контрагентами обеспечивается процедурами идентификации (участники четко понимают, «кто есть кто» среди действующих на платформе контрагентов);
- оптимизация доставки за счет подбора адекватной, удобной, гибкой, наиболее точно соответствующей задачам участников логистической цепочки;
- сокращение запасов и накладных расходов, повышение контроля качества, гибкость в принятии решений, снижение рисков за счет цифровизации важных процессов и наличия цифровых следов;
- аналитика больших данных в режиме реального времени — массив собираемых данных достаточно велик и может наращиваться дальше.

Перспективные планы развития проекта GrainChain включают такие направления, как:

- сервисы идентификации и верификации;
- финтех-сервисы, покрывающие любой платежный сценарий пользователей;
- интеграция с ФГИС «Зерно»;
- финансирование от банков-партнеров;
- цифровое страхование грузов;
- продвинутый логистический модуль;
- работа с электронными транспортными накладными;
- региональная аналитика цен и объемов;
- наращивание массива собираемых данных для аналитики в режиме реального времени.

Такая технология электронной коммерции позволяет найти способы учета интересов разных групп производителей, поставщиков и переработчиков зерна и масличных культур, а также государственных структур и подразделений. Фактически платформенные решения могут способствовать упорядочиванию процесса, стандартизации переговорного процесса на этапе подтверждения качества продукции. При этом отечественные решения в области лабораторных исследований могут по API передавать результаты в личный кабинет участников торговли на цифровых платформах, что ускоряет переговоры (такие решения реализованы в продукции FOSS, результаты анализов которых в оцифрованном виде используются для различных целей).

Также платформа может ускорить процесс торговли, предоставляя пользователям сервисы по запросу проб и их доставке в лабораторию (для этого требуется цифровизация деятельности лабораторий). Это важно для России, в которой проверку качества могут осуществлять разные лаборатории, представляющие государственные (региональные «центры оценки качества зерна») и частные организации (например, элеваторы), по факту не доверяющие результатам друг друга.

Наличие цифровых смарт-контрактов в расчетах через платформу, где точно указаны качественные характеристики продукции, способствует изначально корректной оценке продавцами качества товара. Так, при расхождении фактического качества от договорных параметров покупатель может отказаться от платежа, соответственно, в интересах продавца предоставить корректные сведения о лабораторных исследованиях.

Однако в настоящее время во всей цепочке сбора данных в ФГИС отсутствует ключевая информация — подтвержденная цифровая метка о факте реального заключения договора (платформа через ЭДО фиксирует), а также фактического платежа (смарт-контракт с цифровым подтверждением) и перевозки (с геолокацией перемещения транспорта из точки А в точку В). Коммерческие платформы способны обогатить сведения, которые участники рын-

ка вводят в ручном режиме в ФГИС, что повысит уровень прослеживаемости на рынке.

В целом можно утверждать, что хорошо проработанная цифровая платформа позволяет оптимизировать не только работу участников рынка внутри страны, но и может быть использована другими государствами. Например, как уже упоминалось выше, существует значительная заинтересованность стран БРИКС в развитии межстранового экономического взаимодействия, в том числе в сфере сельского хозяйства и продовольственного обеспечения, где пока сохраняется низкий уровень вовлеченности.

*М. Ю. Шерешева,
А. А. Беляев*
Цифровые платформы в агробизнесе: технологическая основа взаимовыгодного взаимодействия игроков рынка

Заключение

В настоящее время в агропромышленном комплексе России происходят существенные перемены. Они касаются структуры рынка, показателей развития его отдельных сегментов, интернационализации цепочек создания стоимости, состава участников рынка. При наличии несомненных успехов последнего десятилетия сохраняются и серьезные проблемы. Среди них — объем теневой экономики, отсутствие на государственном уровне механизма, обеспечивающего баланс интересов производителей разных масштабов, недостаточный опыт практического применения новых бизнес-моделей.

Цифровизация и платформенный подход могут существенно способствовать усилению взаимовыгодного взаимодействия игроков агропродовольственного рынка благодаря созданию условий для большей прозрачности взаимодействия, оптимизации логистических цепочек, сокращения издержек, повышения контроля качества и снижения рисков. Именно в рамках цифровой платформы возникают достаточно широкие возможности для включения малых и средних предприятий АПК в единую экосистему бизнеса на более выгодных для них условиях.

Хотя любая цифровизация на первых этапах ее внедрения сталкивается с определенными недостатками, в том числе в качестве функционала, опыт показывает, что на следующих этапах все эти недостатки устранимы. Для того чтобы приблизить концептуальное представление о необходимости и эффективности использования различных цифровых платформ в агробизнесе к российским реалиям, следует ясно понимать проблемы и специфические условия внедрения государственных, ведомственных и региональных информационных систем в отечественный АПК. Это требует дополнительных усилий по изучению институциональных условий цифровизации АПК и применения методов институционального проектирования. Как представляется, данный вопрос заслуживает отдельного внимания, более глубокого фокусного анализа проблем цифровизации госсектора с внедрением ФГИС и является актуальной темой для отдельной статьи. Также требуется более широкое

использование возможностей интеграции ФГИС с коммерческими платформами, последние являются более гибкими и оперативными и способны обеспечить положительный клиентский опыт, так как находятся на фронт-линии при взаимодействии с участниками рынка в ходе предоставления востребованных цифровых сервисов.

Как показывает пример проекта GrainChain, цифровые платформы могут быть полезны не только в России, но и, шире, в рамках дружественных объединений. Например, стремление к развитию сотрудничества в рамках БРИКС может быть реализовано с помощью платформенного решения в таком значимом для этих стран сегменте, как рынок зерна и масличных культур. Для представителей АПК развивающихся стран может представлять большой интерес подтвержденная репрезентативная статистика о ценах и объемах продукции, формирование ценовых индексов.

Даже в масштабах одной страны уровень цифровизации регионов может отличаться, и создание единого контура взаимодействия, выработка единых правил работы на рынке — это достаточно мощное подспорье для развития и взаимной поддержки АПК стран БРИКС. В целом возможно гибкое масштабирование опыта, нарабатанного в рамках платформы GrainChain, на целые отрасли, регионы, страны.

Библиография

- Бауэр В. П., Еремин В. В., Смирнов В. В. (2021). Цифровые платформы как инструмент трансформации мировой и российской экономики в 2021–2023 годах // Экономика. Налоги. Право. Т. 14. № 1. С. 41–51.
- Бычкова Н. П., Лаштабега В. И., Мухина А. А. (2023). Смарт-контракты в предпринимательской деятельности // Деловой вестник предпринимателя. Т. 1. № 11. С. 14–17.
- Власова В. (2020). Кооперационные стратегии предприятий в эпоху открытых инноваций: пространственные и временные аспекты // Форсайт. Т. 14. № 4. С. 80–94.
- Ерзнкян Б. А., Фонтана К. А. (2022). Технологии Индустрии 4.0 — фактор, способствующий внедрению циркулярной экономики для достижения устойчивого развития (обзор зарубежной литературы) // Проблемы рыночной экономики. № 3. С. 59–77.
- Ермакова С. (2023). Мишустин назвал пять главных глобальных трендов // Ведомости. 02.02.2024. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/02/02/1018119-mishustin-nazval-pyat-glavnih>
- Исаева А. Э. (2022). Цифровая платформа как одна из доминантных бизнес-моделей цифровой экономики // Государственное управление. Электронный вестник. № 91. С. 209–225.
- Киселёв С. В., Самсонов В. А., Сеитов С. К., Филимонов И. В. (2024). Методы статистической оценки теневой экономики в сельском хозяйстве // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 5 (in press).
- Крылатых Э. Н., Фролова Е. Ю. (2022). О книге В. Ф. Башмачникова с соратниками и единомышленниками «Фермерство семейного типа: потенциал, практика развития» // Крестьяноведение. Т. 7. № 4. С. 148–164.
- Малов Г. И. (2018). Сценарное прогнозирование в воспроизводстве технического потенциала зерновой отрасли // Экономика и управление: проблемы, решения. № 2(3). С. 24–31.

- Моросанова А. А. (2022). Социальные сетевые медиа и цифровые платформы в новых условиях: quo vadis? // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 4. С. 39-63.
- Новое качество экономического роста России: фундаментальные риски, институциональные и структурные факторы (2023) / Под ред. С. В. Генераловой, О. А. Подкопаева. Самара: ООО НИЦ «ПНК».
- Субоч Ф. И. (2021). IT-кластер–АПК как механизм формирования межотраслевой Евразийской инновационной продовольственной гиперкорпорации «Здоровое питание» на платформе Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» // Аграрная экономика. Т. 1. № 11. С. 3-43.
- Тамбовцев В. Л. (1997). Теоретические основы институционального проектирования // Вопросы экономики. № 3. С. 82–94.
- Толорая Г. Д., Борзова А. Ю., Дежина И. Г., Райнхардт Р. О., Никольская М. В., Краснова Г. А. (2023). Перспективные направления научного сотрудничества: страны БРИКС: доклад № 90 / Под ред. Е. О. Карпинской, Е. А. Солодухиной, С. М. Гавриловой. М.: НП Российский совет по международным делам (ПСМД).
- Antokhina Yu. A., Kolesnikov A. M., Voroshin E. A. (2019). Features of economic development of innovatively active industrial enterprises // Economics and Management. № 2. P. 69-77.
- Arora C., Kamat A., Shanker S., Barve A. (2022). Integrating agriculture and industry 4.0 under “agri-food 4.0” to analyze suitable technologies to overcome agronomical barriers // British Food Journal. Vol. 124. № 7. P. 2061-2095.
- Attaran M. (2020). Digital technology enablers and their implications for supply chain management // Supply Chain Forum: An International Journal. Vol. 21. № 3. P. 158-172.
- Banerjee A., Lücker F., Ries J. M. (2021). An empirical analysis of suppliers' trade-off behaviour in adopting digital supply chain financing solutions // International Journal of Operations & Production Management. Vol. 41. № 4. P. 313-335.
- Bartels N., Schmitt A. (2022). Developing network effects for digital platforms in two-sided markets – the NfX construction guide // Digital Business. Vol. 2. № 2. P. 100044.
- Bellon Maurel V., Bonnet P., Piot-Lepetit I., Brossard L., Labarthe P., Maurel P., Courtonne J. Y. (2022). Digital technology and agroecology: opportunities to explore, challenges to overcome // Agriculture and Digital Technology: Getting the most out of digital technology to contribute to the transition to sustainable agriculture and food systems. [https:// www.researchgate.net/publication/359274995_Digital_technology_and_agroecology_opportunities_to_explore_challenges_to_overcome](https://www.researchgate.net/publication/359274995_Digital_technology_and_agroecology_opportunities_to_explore_challenges_to_overcome)
- Canton J. (2006). NBIC convergent technologies and the innovation economy: Challenges and opportunities for the 21st century // Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations / W. S. Bainbridge, M. C. Roco (Eds). Heidelberg: Springer. P. 33-45.
- Cao Y., Yi C., Wan G., Hu H., Li Q., Wang S. (2022). An analysis on the role of blockchain-based platforms in agricultural supply chains // Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review. № 163. P. 102731.
- Centobelli P., Cerchione R., Del Vecchio P., Oropallo E., Secundo G. (2022). Blockchain technology for bridging trust, traceability and transparency in circular supply chain // Information & Management. Vol. 59. № 7. P. 103508.
- Chikhun L., Romanov I. (2023). Factors determining participation of developing countries in global value chains // BRICS Journal of Economics. Vol. 4. № 2. P. 225-242.
- De A., Singh S. P. (2022). Analysis of competitiveness in agri-supply chain logistics outsourcing: A B2B contractual framework // Sustainability. Vol. 14. P. 6866.
- Del Vecchio P., Urbinati A., Kirchherr J. (2022). Enablers of managerial practices for circular business model design: An empirical investigation of an agro-energy company in a rural area // IEEE Transactions on Engineering Management. Vol. 71. P. 873-887.
- Donner M., De Vries H. (2023). Business models for sustainable food systems: A typology based on a literature review // Frontiers in Sustainable Food Systems. Vol. 7. № 1160097.

М. Ю. Шерешева,

А. А. Беляев

Цифровые платформы в агробизнесе: технологическая основа взаимовыгодного взаимодействия игроков рынка

- Edwin Cheng T. C., Kamble S. S., Belhadi A., Ndubisi N. O., Lai K. H., Kharat M. G. (2022). Linkages between big data analytics, circular economy, sustainable supply chain flexibility, and sustainable performance in manufacturing firms // *International Journal of Production Research*. Vol. 60. № 22. P. 6908-6922.
- Gao Q., Guo S., Liu X., Manogaran G., Chilamkurti N., Kadry S. (2020). Simulation analysis of supply chain risk management system based on IoT information platform // *Enterprise Information Systems*. Vol. 14. № 9-10. P. 1354-1378.
- Gregory R. W., Henfridsson O., Kaganer E., Kyriakou H. (2021). The role of artificial intelligence and data network effects for creating user value // *Academy of Management Review*. Vol. 46. №3. P. 534-551.
- Jones R., Findlay R. (2000). Factor bias and technical progress // *Economics Letters*. Vol. 68. P.303-308.
- Kumar A., Mangla S. K., Kumar P. (2024). Barriers for adoption of Industry 4.0 in sustainable food supply chain: A circular economy perspective // *International Journal of Productivity and Performance Management*. Vol. 73. № 2. P. 385-411.
- Li J., Maiti A., Springer M., Gray T. (2020). Blockchain for supply chain quality management: Challenges and opportunities in context of open manufacturing and industrial internet of things // *International Journal of Computer Integrated Manufacturing*. Vol. 33. № 12. P. 1321-1355.
- Lilien G. L. (2016). The B2B knowledge gap // *International Journal of Research in Marketing*. Vol. 33. № 3. P. 543-556.
- Liu Y., Ma X., Shu L., Hancke G. P., Abu-Mahfouz A. M. (2020). From industry 4.0 to agriculture 4.0: Current status, enabling technologies, and research challenges // *IEEE Transactions on Industrial Informatics*. Vol. 17. № 6. P. 4322-4334.
- Loro C., Mangiaracina R. (2022). The impact of e-marketplace on the B2b relationships // *Industrial Management & Data Systems*. Vol. 122. № 1. P. 37-54.
- Marzi G., Marrucci A., Vianelli D., Ciappei C. (2023). B2B digital platform adoption by SMEs and large firms: Pathways and pitfalls // *Industrial Marketing Management*. Vol. 114. P. 80-93.
- McLaren T., Head M., Yuan Y. (2002). Supply chain collaboration alternatives: Understanding the expected costs and benefits // *Internet Research*. Vol. 12. № 4. P. 348-364.
- Mouratiadou I., Lemke N., Chen C., Wartenberg A., Bloch R., Donat M., et al. (2023). The Digital Agricultural Knowledge and Information System (DAKIS): Employing digitalisation to encourage diversified and multifunctional agricultural systems // *Environmental Science and Ecotechnology*. Vol. 16. № 100274.
- Mourtzis D., Angelopoulos J., Panopoulos N. (2021). A survey of digital B2B platforms and marketplaces for purchasing industrial product service systems: A conceptual framework // *Procedia CIRP*. Vol.97. P. 331-336.
- Nara E. O. B., da Costa M. B., Baierle I. C., Schaefer J. L., Benitez G. B., do Santos L. M. A. L., Benitez L. B. (2021). Expected impact of industry 4.0 technologies on sustainable development: A study in the context of Brazil's plastic industry // *Sustainable Production and Consumption*. Vol. 25. P. 102-122.
- Pagliosa M., Tortorella G., Ferreira J. C. E. (2019). Industry 4.0 and Lean Manufacturing: A systematic literature review and future research directions // *Journal of Manufacturing Technology Management*. Vol. 32. № 3. P. 543-569.
- Prajapati D., Zhou F., Zhang M., Chelladurai H., Pratap S. (2021). Sustainable logistics network design for multi-products delivery operations in B2B e-commerce platform // *Sādhanā*. Vol.46. № 2. P. 100.
- Radcliffe J., Skinner K., Spring A., Picard L., Benoit F., Dodd W. (2021). Virtual barriers: Unpacking the sustainability implications of online food spaces and the Yellowknife Farmers Market's response to COVID-19 // *Nutrition Journal*. Vol. 20. P. 1-13.
- Romani L. A., Evangelista S. R., Vacari I., Apolinário D. R., Vaz G. J., Speranza E. A., et al. (2023). AgroAPI platform: An initiative to support digital solutions for agribusiness ecosystems // *Smart Agricultural Technology*. Vol. 5. № 100247.

- Röder M., Jamieson C., Thornley P. (2020). (Stop) burning for biogas. Enabling positive sustainability trade-offs with business models for biogas from rice straw // *Biomass and Bioenergy*. Vol. 138. № 105598.
- Sakthi Srinivasan P. (2018). Empowering agribusiness with digital innovation for emerging market // *Strategic Marketing Issues in Emerging Markets*. P. 257-273.
- Sharma M., Joshi S. (2023). Digital supplier selection reinforcing supply chain quality management systems to enhance firm's performance // *TQM Journal*. Vol. 35. № 1. P. 102-130.
- Sharma R., Shishodia A., Kamble S., Gunasekaran A., Belhadi A. (2020). Agriculture supply chain risks and COVID-19: Mitigation strategies and implications for the practitioners // *International Journal of Logistics Research and Applications*. Vol. 11. P. 1-27.
- Silva F. T. D., Baierle I. C., Correa R. G. D. F., Sellitto M. A., Peres F. A. P., Kipper L. M. (2023). Open innovation in agribusiness: Barriers and challenges in the transition to agriculture 4.0 // *Sustainability*. Vol. 15. № 11. P. 8562.
- Skoronski E., de Oliveira D. C., Fernandes M., da Silva G. F., Magalhães M. D. L. B., João J. J. (2016). Valorization of agro-industrial by-products: Analysis of biodiesel production from porcine fat waste // *Journal of Cleaner Production*. Vol. 112. P. 2553-2559.
- Song H., Li M., Yu K. (2021). Big data analytics in digital platforms: How do financial service providers customise supply chain finance? // *International Journal of Operations & Production Management*. Vol. 41. № 4. P. 410-435.
- Ullah I., Narain R. (2022). Linking supply network flexibility with mass customization capability // *Journal of Business & Industrial Marketing*. Vol. 37. № 11. P. 2217-2230.
- Yadav V. S., Singh A. R., Raut R. D., Mangla S. K., Luthra S., Kumar A. (2022). Exploring the application of Industry 4.0 technologies in the agricultural food supply chain: A systematic literature review // *Computers & Industrial Engineering*. Vol. 169. № 108304.

Digital platforms in agribusiness: A technological basis for mutually beneficial interaction of market players¹¹

Marina Yu. Sheresheva, DSc (Economics), Professor, Department of Applied Institutional Economics, Head of the Laboratory for Institutional Analysis, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory 1–46, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: m.sheresheva@mail.ru

Artem A. Belyaev, PhD (History), CEO, We Grow; Co-founder, GrainChain; Adviser to the President, Association "Afanasy Nikitin". E-mail: ab@gncn.ru

Abstract. The article outlines directions for the development of digital platforms for the Russian agro-industrial complex. Based on scientific data and research, the authors explain advantages and problems of platform solutions for agribusiness and possibilities to balance interests of producers of different sizes, including farmers and other small and medium-sized enterprises involved in agricultural value chains. The article presents a case of the GrainChain digital platform that allows actors in the grain and oil-seeds market to find partners for mutually beneficial transactions, optimize procurement decisions, reduce inventory and overhead costs, receive real-time analytics and use other related services, including financial solutions, which ultimately reduces risks and increases cash flow. The authors conclude about the prospects of such platform solutions not only at the national level but also for international cooperation, in partic-

11. The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation. Project No. 24-28-00711.

ular for the interaction of various groups whose interests are related to the BRICS agricultural production sector.

Key words: digital platforms, technological sovereignty, technological innovation, agriculture, agribusiness, stakeholder networking

References

- Bauer V. P., Eremin V. V., Smirnov V. V. (2021) Tsifrovye platformy kak instrument transformatsii mirovoj i rossijskoj ekonomiki v 2021–2023 godah [Digital platforms as a tool for transforming the global and Russian economy in 2021–2023]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, vol. 14, no 1, pp. 41–51.
- Bychkova N. P., Lashtabega V. I., Mukhina A. A. (2023) Smart-kontrakty v predprinimatelskoj dejatel'nosti [Smart contracts in business]. *Delovoy Vestnik Predprinimatelja*, vol. 1, no 11, pp. 14–17.
- Vlasova V. (2020) Kooperatsionnye strategii predpriyatij v epokhu otkrytyh innovatsij: prostanstvennyye i vremennyye aspekty [Cooperative strategies of enterprises in the era of open innovations: Spatial and temporal aspects]. *Foresight*, vol. 14, no 4, pp. 80–94.
- Erznkanyan B. A., Fontana K. A. (2022) Tekhnologii Industrii 4.0 — faktor, sposobstvuyushchy vnedeniyu tsirkuljarnoj ekonomiki dlja dostizheniya ustojchivogo razvitiya (obzor zarubezhnoj literatury) [Industry 4.0 technologies as a factor contributing to the implementation of circular economy for achieving sustainable development (a review of foreign literature)]. *Problemy Rynochnoj Ekonomiki*, no 3, pp. 59–77.
- Ermakova S. (2023) Mishustin nazval pjat glavnykh globalnykh trendov [Mishustin named five main global trends]. *Vedomosti*. 02.02.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/02/02/1018119-mishustin-nazval-pyat-glavnykh>.
- Isaeva A. E. (2022) Tsifrovaja platforma kak odna iz dominantnykh biznes-modelej tifrovoy ekonomiki [Digital platform as one of the dominant business models in the digital economy]. *Gosudarstvennoe Upravlenie*, no 94, pp. 209–225.
- Kiselev S. V., Samsonov V. A., Seitov S. K., Filimonov I. V. (2024) Metody statisticheskoy otsenki tenevoj ekonomiki v selskom khozjajstve [Methods for the statistical assessment of the shadow economy in agriculture]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, no 5 (in press).
- Krylatyh E. N., Frolova E. Yu. (2022) O knige V. F. Bashmachnikova s soratnikami i edinomyslennikami "Fermers'tvo semejnogo tipa: potentsial, praktika razvitiya" [On the book by V. F. Bashmachnikov with comrades and like-minded people *Family-Type Farming: Potential, Development Practice*]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 4, pp. 148–164.
- Malov G. I. (2018) Stsenarnoe prognozirovanie v vosproizvodstve tekhnicheskogo potentsiala zernovoj otrasli [Scenario forecasting in the reproduction of the technical potential of the grain industry]. *Ekonomika i Upravlenie: Problemy, Resheniya*, no 2, pp. 24–31.
- Morosanova A. A. (2022) Sotsialnye setevye media i tsifrovye platformy v novykh usloviyakh: quo vadis? [Social media and digital platforms in new conditions: quo vadis?]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, no 4, pp. 39–63.
- Novoe kachestvo ekonomicheskogo rosta Rossii: fundamentalnye riski, institucionalnye i strukturnye faktory (2023) [New Quality of Russia's Economic Growth: Fundamental Risks, Institutional and Structural Factors]. (Ed. by S. V. Generalova, O. A. Podkopaev), Samara: OOO NIC "PNK".
- Suboch F. I. (2021) IT-klastery — APK kak mekhanizm formirovaniya mezhotraslevoj Evrazijskoj innovatsionnoj prodovol'stvennoj giperkorporatsii "Zdorovoe pitanie" na platforme Kitajsko-Belorusskogo industrial'nogo parka "Velikiy Kamen" [IT-cluster — AIC as a mechanism for the formation of the inter-industry Eurasian innovative food hyper-corporation "Healthy Nutrition" on the platform of the Chinese-Belarusian industrial park "Great Stone"]. *Agrarnaya Ekonomika*, vol. 1, no 11, pp. 3–43.

- Tambovtsev V. L. (1997) Teoreticheskie osnovy institutsionalnogo proektirovaniya [Theoretical foundations of institutional design]. *Voprosy Ekonomiki*, no 3, pp. 82–94.
- Toloraya G. D., Borzova A. Yu., Dezhina I. G., Reinhardt R. O., Nikolskaya M. V., Krasnova G. A. (2023) *Perspektivnye napravleniya nauchnogo sotrudnichestva: strany BRIKS: doklad No. 90* [Promising Areas of Scientific Cooperation: BRICS Countries: Report No. 90]. (Ed. by E. O. Karpinskaya, E. A. Solodukhina, S. M. Gavrilova), Moscow: NP RSMD.
- Antokhina Yu. A., Kolesnikov A. M., Voroshin E. A. (2019) Features of economic development of innovatively active industrial enterprises. *Economics and Management*, no 2, pp. 69–77.
- Arora C., Kamat A., Shanker S., Barve A. (2022) Integrating agriculture and industry 4.0 under “agri-food 4.0” to analyze suitable technologies to overcome agronomical barriers. *British Food Journal*, vol. 124, no 7, pp. 2061–2095.
- Attaran M. (2020) Digital technology enablers and their implications for supply chain management. *Supply Chain Forum*, vol. 21, no 3, pp. 158–172.
- Banerjee A., Lückner F., Ries J. M. (2021) An empirical analysis of suppliers' trade-off behavior in adopting digital supply chain financing solutions. *International Journal of Operations & Production Management*, vol. 41, no 4, pp. 313–335.
- Bartels N., Schmitt A. (2022) Developing network effects for digital platforms in two-sided markets — the NfX construction guide. *Digital Business*, vol. 2, no 2, pp. 100044.
- Bellon Maurel V., Bonnet P., Piot-Lepetit I., Brossard L., Labarthe P., Maurel P., Courtonne J. Y. (2022) Digital technology and agroecology: Opportunities to explore, challenges to overcome. *Agriculture and Digital Technology: Getting the Most out of Digital Technology to Contribute to the Transition to Sustainable Agriculture and Food Systems*. https://www.researchgate.net/publication/359274995_Digital_technology_and_agroecology_opportunities_to_explore_challenges_to_overcome
- Canton J. (2006) NBIC convergent technologies and the innovation economy: Challenges and opportunities for the 21st century. *Managing Nano-Bio-Info-Cogno Innovations*. (Ed. by W. S. Bainbridge, M. C. Roco), Heidelberg: Springer, pp. 33–45.
- Cao Y., Yi C., Wan G., Hu H., Li Q., Wang S. (2022) An analysis of the role of blockchain-based platforms in agricultural supply chains. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*, no 163, pp. 102731.
- Centobelli P., Cerchione R., Del Vecchio P., Oropallo E., Secundo G. (2022) Blockchain technology for bridging trust, traceability and transparency in circular supply chain. *Information & Management*, vol. 59, no 7, pp. 103508.
- Chikhun L., Romanov I. (2023). Factors determining participation of developing countries in global value chains. *BRICS Journal of Economics*, vol. 4, no 2, pp. 225–242.
- De A., Singh S. P. (2022) Analysis of competitiveness in agri-supply chain logistics outsourcing: A B2B contractual framework. *Sustainability*, vol. 14, pp. 6866.
- Del Vecchio P., Urbinati A., Kirchherr J. (2022) Enablers of managerial practices for circular business model design: An empirical investigation of an agro-energy company in a rural area. *IEEE Transactions on Engineering Management*, vol. 71, pp. 873–887.
- Donner M., De Vries H. (2023) Business models for sustainable food systems: A typology based on a literature review. *Frontiers in Sustainable Food Systems*, vol. 7, pp. 1160097.
- Edwin Cheng T. C., Kamble S. S., Belhadi A., Ndubisi N. O., Lai K. H., Kharat M. G. (2022) Linkages between big data analytics, circular economy, sustainable supply chain flexibility, and sustainable performance in manufacturing firms. *International Journal of Production Research*, vol. 60, no 22, pp. 6908–6922.
- Gao Q., Guo S., Liu X., Manogaran G., Chilamkurti N., Kadry S. (2020) Simulation analysis of supply chain risk management system based on IoT information platform. *Enterprise Information Systems*, vol. 14, no 9–10, pp. 1354–1378.
- Gregory R. W., Henfridsson O., Kaganer E., Kyriakou H. (2021) The role of artificial intelligence and data network effects for creating user value. *Academy of Management Review*, vol. 46, no 3, pp. 534–551.

М. Ю. Шерешева,
А. А. Беляев
Цифровые плат-
формы в агробиз-
несе: техноло-
гическая основа
взаимовыгодного
взаимодействия иг-
роков рынка

- Jones R., Findlay R. (2000) Factor bias and technical progress. *Economics Letters*, vol. 68, pp. 303–308.
- Kumar A., Mangla S. K., Kumar P. (2024) Barriers for adoption of Industry 4.0 in sustainable food supply chain: A circular economy perspective. *International Journal of Productivity and Performance Management*, vol. 73, no 2, pp. 385–411.
- Li J., Maiti A., Springer M., Gray T. (2020) Blockchain for supply chain quality management: Challenges and opportunities in the context of open manufacturing and industrial Internet of things. *International Journal of Computer Integrated Manufacturing*, vol. 33, no 12, pp. 1321–1355.
- Lilien G. L. (2016) The B2B knowledge gap. *International Journal of Research in Marketing*, vol. 33, no 3, pp. 543–556.
- Liu Y., Ma X., Shu L., Hancke G. P., Abu-Mahfouz A. M. (2020) From industry 4.0 to agriculture 4.0: Current status, enabling technologies, and research challenges. *IEEE Transactions on Industrial Informatics*, vol. 17, no 6, pp. 4322–4334.
- Loro C., Mangiaracina R. (2022) The impact of e-marketplace on the B2B relationships. *Industrial Management & Data Systems*, vol. 122, no 1, pp. 37–54.
- Marzi G., Marrucci A., Vianelli D., Ciappei C. (2023) B2B digital platform adoption by SMEs and large firms: Pathways and pitfalls. *Industrial Marketing Management*, vol. 114, pp. 80–93.
- McLaren T., Head M., Yuan Y. (2002) Supply chain collaboration alternatives: Understanding the expected costs and benefits. *Internet Research*, vol. 12, no 4, pp. 348–364.
- Mouratiadou I., Lemke N., Chen C., Wartenberg A., Bloch R., Donat M., Bellingrath-Kimura S. D. et al. (2023) The Digital Agricultural Knowledge and Information System (DAKIS): Employing digitalization to encourage diversified and multifunctional agricultural systems. *Environmental Science and Ecotechnology*, vol. 16, no 100274.
- Mourtzis D., Angelopoulos J., Panopoulos N. (2021) A survey of digital B2B platforms and marketplaces for purchasing industrial product service systems: A conceptual framework. *Procedia CIRP*, vol. 97, pp. 331–336.
- Nara E. O. B., da Costa M. B., Baierle I. C., Schaefer J. L., Benitez G. B., do Santos L. M. A. L., Benitez L. B. (2021) Expected impact of industry 4.0 technologies on sustainable development: A study in the context of Brazil's plastic industry. *Sustainable Production and Consumption*, vol. 25, pp. 102–122.
- Pagliosa M., Tortorella G., Ferreira J. C. E. (2019) Industry 4.0 and lean manufacturing: A systematic literature review and future research directions. *Journal of Manufacturing Technology Management*, vol. 32, no 3, pp. 543–569.
- Prajapati D., Zhou F., Zhang M., Chelladurai H., Pratap S. (2021) Sustainable logistics network design for multi-products delivery operations in B2B e-commerce platform, *Sādhana*, vol. 46, no 2, pp. 100.
- Radcliffe J., Skinner K., Spring A., Picard L., Benoit F., Dodd W. (2021) Virtual barriers: Unpacking the sustainability implications of online food spaces and the Yellowknife Farmers Market's response to covid-19. *Nutrition Journal*, vol. 20, pp. 1–13.
- Romani L. A., Evangelista S. R., Vacari I., Apolinário D. R., Vaz G. J., Speranza E. A., Massruhá S. M. et al. (2023) AgroAPI platform: An initiative to support digital solutions for agribusiness ecosystems. *Smart Agricultural Technology*, vol. 5, no 100247.
- Röder M., Jamieson C., Thornley P. (2020) (Stop) burning for biogas. Enabling positive sustainability trade-offs with business models for biogas from rice straw. *Biomass and Bioenergy*, vol. 138, no 105598.
- Sakthi Srinivasan P. (2018) Empowering agribusiness with digital innovation for emerging market. *Strategic Marketing Issues in Emerging Markets*, vol. 7, pp. 257–273.
- Sharma M., Joshi S. (2023) Digital supplier selection reinforcing supply chain quality management systems to enhance firm's performance. *TQM Journal*, vol. 35, no 1, pp. 102–130.
- Sharma R., Shishodia A., Kamble S., Gunasekaran A., Belhadi A. (2020). Agriculture supply chain risks and covid-19: Mitigation strategies and implications for the practitioners. *International Journal of Logistics Research and Applications*, vol. 11, pp. 1–27.

- Silva F. T. D., Baierle I. C., Correa R. G. D. F., Sellitto M. A., Peres F. A. P., Kipper L. M. (2023) Open innovation in agribusiness: Barriers and challenges in the transition to agriculture 4.0. *Sustainability*, vol. 15, no 11, pp. 8562.
- Skoronski E., de Oliveira D. C., Fernandes M., da Silva G. F., Magalhães M. D. L. B., João J. J. (2016) Valorization of agro-industrial by-products: Analysis of biodiesel production from porcine fat waste. *Journal of Cleaner Production*, vol. 112, pp. 2553–2559.
- Song H., Li M., Yu K. (2021) Big data analytics in digital platforms: How do financial service providers customize supply chain finance? *International Journal of Operations & Production Management*, vol. 41, no 4, pp. 410–435.
- Ullah I., Narain R. (2022) Linking supply network flexibility with mass customization capability. *Journal of Business & Industrial Marketing*, vol. 37, no 11, pp. 2217–2230.
- Yadav V. S., Singh A. R., Raut R. D., Mangla S. K., Luthra S., Kumar A. (2022) Exploring the application of Industry 4.0 technologies in the agricultural food supply chain: A systematic literature review. *Computers & Industrial Engineering*, vol. 169, no 108304.

М. Ю. Шерешева,

А. А. Беляев

Цифровые платформы в агробизнесе: технологическая основа взаимовыгодного взаимодействия игроков рынка

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»¹

М. Ю. Ксенофонов, А. М. Никулин

Михаил Юрьевич Ксенофонов, доктор экономических наук, заведующий лабораторией ИНП РАН, заместитель заведующего кафедрой МФТИ. 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 47. E-mail: ksen_home@bk.ru

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. В центре интервью с Михаилом Юрьевичем Ксенофоновым, доктором экономических наук, заведующим лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН находится обсуждение проблем прогнозирования в экономической науке и политике. Рассматривается эволюция подходов к проблематике прогнозирования со времен позднего советского периода по настоящее время. Обсуждаются вопросы точности прогнозов, их альтернативности, ошибочности, а также влияния фактора субъективности на формирование прогноза. Проблемы прогнозирования иллюстрируются на примерах в энергетике и сельском хозяйстве. Ставится вопрос об оценках и критериях экономического роста, его скорости, оптимальности, пропорциональности. Отмечаются особенности в подходах к прогнозированию в естественных и социальных науках на примерах прогнозов погоды и прогнозов экономики. В заключение упоминается проектирование пространственного развития в связи с вопросами оценок масштабов социально-экономической дифференциации.

Ключевые слова: прогнозирование, экономика, политика, энергетика, сельское хозяйство, ошибка, регионалистика, оптимальность, пропорциональность

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-280-307

А. М. НИКУЛИН: Начнем нашу беседу с биографических фактов. Как получилось, что Вы занялись прогнозированием, включая и аграрную тематику?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Ничто не предвещало. Я даже испытал большое удивление, когда Вы обратились ко мне с предложением об интервью. Я понимаю, чем занимается журнал «Крестьяноведение», и, конечно, отношусь к числу экономистов, которые

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

исследуют аграрную экономику, но при всем при том сам себя позиционирую как экономиста широкого профиля.

Я закончил экономический факультет в 1974 году, это был первый выпуск кафедры планирования народного хозяйства. Распределился в отдел народнохозяйственного прогнозирования, который примерно в то же время создавался в рамках Центрального экономико-математического института Академии наук. Так получилось отчасти потому, что на кафедре планирования преподавали заведующий отделом Александр Иванович Анчишкин и заведующие лабораториями этого отдела Юрий Васильевич Ярёмenko и Эмиль Борисович Ершов. Эти выдающиеся ученые в процессе моего обучения дали базовые представления о том, что такое прогнозирование, и я этим заинтересовался. Я, конечно, не вполне осознавал масштаб личностей этих исследователей, но у меня возникло желание с ними дальше работать.

А. М. НИКУЛИН: Это было золотое время: столько было надежд на то, что на основе экономико-математических методов удастся усовершенствовать наше народное хозяйство.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Это тоже было. Восточная мудрость гласит: нельзя стать учителем, можно стать учеником, ученик «делает» учителя. Я могу читать лекции, написать учебник, но я не становлюсь при этом учителем, если меня никто не слушает и не принимает во внимание. В этом смысле я захотел стать учеником Анчишкина, Ершова, Ярёмenko, и они стали моими учителями. Когда мы (четыре выпускника нашей кафедры) пришли в отдел народнохозяйственного прогнозирования, наши старшие коллеги настраивали нас на то, чтобы мы изучали предмет. Методы — это хорошо, но, прежде всего, надо понимать предмет исследования. Методы хороши только в той мере, в какой они помогают разбираться в предмете. С этой точки зрения, я полагаю, что с самого начала я получил правильное направление мысли. Есть представление, основанное на идее специализации, что одни эксперты изучают некоторое экономическое явление или процесс, другие занимаются разработкой моделей, третьи собирают и анализируют статистику. Прогнозирование привлекло меня потому, что мне объяснили, что это на самом деле самая развернутая форма экономического исследования. Прогноз начинается с погружения в предмет. Это анализ фактографии и статистики. Потом ты обретаешь какое-то понимание — его нужно формализовать, чтобы с предметом разбираться уже на модельном уровне. Это может быть Модель с большой буквы, например, Модель межотраслевого баланса, производственной функции, т. е. что-то такое, за чем стоит большая предыстория. А может быть совершенно простая расчетная схема в Excel. Но самое главное, чтобы она соответствовала твоему пониманию предмета.

А. М. НИКУЛИН: Это важнейшая тема социологии знания. Наши модели — в некоторой степени метафоры или карикатуры

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

реальности. Но порой бывают такие удачные метафоры и карикатуры, что великолепно ухватывают сущностные черты реальности.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Карикатура замечательна тем, что она акцентирует внимание на некоторых сущностных чертах изучаемого объекта, на каком-то аспекте, который в данный момент является важным. Уже потом, во вполне взрослом возрасте, я понял, что был большим «изобретателем велосипедов», когда обдумывал свои методологические сюжеты, — безусловно, не хватало фундаментального образования в этой области. Существует очень давнее течение мысли — не говоря уже просто о философии, но и где-то ближе к экономике, которое этой проблематикой и занимается.

Так вот, в контексте того понимания процедуры прогнозирования получается, что сначала мы проводим анализ, потом — строим модель, формализуя свое текущее представление о предмете исследования, или адаптируем уже существующие модели в соответствии со своим пониманием предмета и особенностей постановки задачи, которой мы занимаемся. Потом мы делаем расчеты, потом — их интерпретируем, на этой основе предлагаем рациональные (в контексте проведенного исследования!) варианты политики или некоторых решений, которые, по нашему мнению, способны привести к разрешению рассматриваемой проблемной ситуации. Есть люди, которые занимаются моделированием профессионально. Мы же ставим задачу сделать формальный инструмент, отражающий предмет не «вообще», а те наши представления о нем, которые мы сформировали в процессе данного конкретного нашего исследования. Принцип относительности мне кажется здесь очень практичным.

А. М. НИКУЛИН: Вы все время подчеркиваете — «как мы понимаем». А если мы понимаем неправильно? В социологии знания есть проблема ошибки...

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Мы совершенно точно понимаем не вполне адекватно — что-то правильно, что-то неправильно.

А. М. НИКУЛИН: То есть у нас субъективное восприятие, и ладно бы только логически ошибаться — у нас еще есть эмоциональные ошибки, ценностные предпочтения, все, что с этим связано.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Совершенно с Вами согласен. Что я считаю результатом, который меня держит на плаву в течение основной части моей научной жизни? Этот результат носит философский, методологический характер.

Любой исследователь должен тем или иным образом «войти в контакт» с объектом своего исследования. В рамках своей деятельности Вы, я, наши коллеги-экономисты очень редко могут «работать с самим объектом». Как правило, мы работаем с описанием объекта. В структуре этого описания можно условно выделить фактографию, статистику, теорию. В рамках полевых исследований вы больше опираетесь на фактографию, потому что вам нужна кар-

тинка того, что происходит. У вас специфические способы получения этой информации, социологические. Это ваша форма описания, с которой вы работаете, но не сам предмет. Сельское хозяйство живет своей жизнью, а вы работаете с картинкой, которую создали.

А. М. НИКУЛИН: Я бы в этой связи опять повторил: возьмем отрасли сельского хозяйства — у нас совершенно разные субъективности. Чиновник Министерства сельского хозяйства — у него своя субъективность, у нас, сидящих в академических институтах, своя. У председателя колхоза — своя субъективность, и непосредственно у его работника — тоже своя. Это совершенно разные ментальные картины, но как сказал Аркадий Райкин: «Телефона звонят, парохода бегают». Должна была бы наступить дезинтеграция, хаос — они есть, но есть и упорядоченность.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Дело в том, что я в свое время очень остро прочувствовал неприятную особенность знания, которое порождается экономической наукой. Оно, во-первых, может быстро устаревать — в области экономики это порой происходит условно за ночь или в течение дня. Я и мои коллеги пережили несколько таких шоков смены картинки — например, 1991 год, развал СССР. У нас никогда не было такого предмета, как «экономика России». Министерство экономики РСФСР (точнее — Государственный комитет РСФСР по экономике) было, а предмета под названием «экономика России» как отдельной сущности — не было. Я помню, как в декабре 1991 года мы пришли на работу и поняли, что начинаем в каком-то смысле с нуля: у нас нет статистики по России, нам надо формировать новую картинку, потому что объект поменялся. Потом — реформы 1992 года. Мы года три (до середины 1990-х) «догоняли» предмет — пытались понять, что это такое — экономика России, да еще и рыночная.

А. М. НИКУЛИН: Она еще в таком турбулентном состоянии находилась.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Естественно. В этом смысле предмет у нас очень тяжелый.

Думаю, многие слышали совет умудренных опытом коллег, которые говорили: «Ты пишешь докторскую — начинай с автореферата». В этом есть парадокс, потому что автореферат — это содержательная выжимка из большого текста — на то он и реферат. А смысл в том, что надо сначала замысел исследования прочувствовать целиком. Я этот совет много раз слышал, даже пытался применить, но не получилось. Потом, когда написал докторскую, написал книжку, стал писать автореферат. И вдруг понял, смотря уже немного отстраненно, что можно было по-другому написать, по-другому, более точно расставить акценты.

Результат, который я считаю фундаментальным для себя как исследователя: мы работаем не с реальным объектом, а с его описаниями. Описания формируются отчасти сознательно, отчасти случайно и главное — надо понимать, в чем состоят особенности того

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

описания, на котором основывается твоё исследование. Мы все вменяемые люди, и стараемся ответственно подходить к своей работе. Берем самые адекватные статистические данные, из числа тех, которые нам доступны. Мы пользуемся теориями, которые соответствуют рассматриваемой проблемной ситуации. Мы набираем ту фактографию, которая относится к предмету нашего исследования. Повторюсь — мы нормальные исследователи, рациональные и профессиональные. Мы формируем некоторую «картинку» и потом логическим образом с ней работаем. Рядом со мной, с Вами существуют исследователи, которые занимаются одними и теми же вопросами. Но они работают в рамках различающихся описаний, в силу того, что у них другая предыстория: кто-то пропустил лекцию в университете, кто-то не до конца разобрался в каком-то разделе учебника, кто-то одну книжку прочитал, кто-то другую, кто-то один факт узнал, кто-то другой — а в итоге картинки разные. А потом в рамках этих картинок начинаем рационально, правильно, безошибочно размышлять о предмете своего исследования и приходим к разным выводам. Понятно, что если картинки немного различаются — приходим к близким выводам, когда сильно — мы непримиримые оппоненты, потому что ты говоришь, что надо делать так, а я на основе своего исследования говорю, что надо делать совершенно противоположным образом. Очень часто на семинарах встречаются непримиримые позиции: один говорит, что это черное, другой — что белое. Здесь одна система аргументов, и мы видим, что это нормальные аргументы; здесь другая система, и мы видим, что они тоже нормальные. Люди вменяемые, но говорят о совершенно разных методах действия или политиках.

А. М. НИКУЛИН: Мы начали даже не с экономики, а с проблем нашего познания, социологии знания и философии науки. Каким образом примирить наши субъективности? То, что Шанин, например, в английской изящной поговорке формулировал как «Красота в глазах смотрящего». Я бы сказал, что и уродство тоже. Каждый через свои персональные линзы воспринимает этот мир. Как нам это все согласовать? Плюс у нас есть еще нечто, что я называю ценностью, то есть для одного положительны ценности рыночного человека, для другого они ужасны, из-за них гибнет цивилизация. А потом эти противоречивые ценности инкорпорируются в экономику, экономическую политику.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Есть очень простая история, которая меня продвинула к пониманию, которое я считаю для себя очень важным и фундаментальным. В Институте народнохозяйственного прогнозирования много лет проходят энергетические семинары. В тот период, о котором я говорю, их вел Александр Семенович Некрасов — очень известный энергетик-экономист. Был запрос из Министерства экономики и Министерства энергетики оценить возможные последствия повышения тарифов на электроэнергию и газ. Провели два семинара подряд с интервалом в неде-

лю. Как обычно собрались ведущие специалисты в области экономики и энергетики (не только из Москвы, но и из других городов страны). Первый доклад — выступают наши гости из Института энергетических исследований и рассказывают, что они опытные люди, у них есть замечательная система моделей, они провели прогнозно-аналитические расчеты, которые показали, что тарифы вполне можно повышать, ничего с экономикой не случится. Позидавали вопросы, люди вышли, сказали, что нормальный доклад, были в хорошем настроении. Следующий доклад — выступают мои коллеги из нашего института. Они говорят, что они классные специалисты, у них классные модели, они провели прогнозно-аналитические расчеты, которые показали, что повышение тарифов дело очень рискованное потому-то и потому-то... Им тоже позидавали вопросы. После этого я посмотрел на глаза людей, которые выходили из зала: они были потухшие. Люди столкнулись с ситуацией, когда им на протяжении двух дней представили прямо противоположные выводы. При этом у них не возникло претензий ни к одной группе исследователей. Они не смогли выявить явных ошибок или явного непрофессионализма в их работе. Они ушли поникшие, не разговаривали друг с другом, были потеряны.

Я начал разбираться. Особенности работы моих коллег я представлял достаточно хорошо, поэтому я сосредоточился на выяснении того, как был сделан прогноз в Институте энергетических исследований. Оказалось, что у них постановка задачи, тот сценарий, применительно к которому они решали поставленную задачу, был примерно такой. Предположим, что экономика развивается. В динамично растущей экономике повышение тарифов опасно или нет? Их ответ был «нет». Можно повышать тариф, ничего не случится. Растущая экономика с растущими доходами эти тарифы спокойно «переварит» — электроэнергия и газ будут дороже, но субъекты экономики смогут их купить, потому что их покупательная способность вырастет в большей мере, чем вырастут тарифы. Это важный результат. Это правильный результат. Но они забыли сказать, что у них «гарантированный» экономический рост является исходной гипотезой. Эксперты нашего института исходили из того, что рост не является гарантированным, что ситуация сложная, непонятная, может быть и так, и так. И если в этой нестабильной ситуации мы повышаем тарифы, велика вероятность, что это спровоцирует стагнацию или спад. Если не будет роста, то дополнительная нагрузка на экономику посредством повышения тарифов является фактором дополнительных рисков. Мы говорим: если роста не будет — повышение тарифов плохое решение. Это два разных ответа на два разных вопроса. Нам был задан вопрос, можно ли повышать тарифы? В процессе ответа на этот вопрос одна из команд исследователей дополнила его «...при условии гарантированного экономического роста». Вторая группа не дополняла этот вопрос такой гипотезой. И получилось, что мы в процессе двух существенно различ-

ных исследований получили два очень полезных результата. Допустим, мы пишем записку в Министерство экономического развития по результатам обсуждения на этом семинаре: «Уважаемые господа, если у вас есть система инструментов, которые гарантируют экономический рост, то можете повышать тарифы, если считаете это целесообразным для решения локальных проблем электроэнергетики и газовой промышленности — это не мешает экономическому развитию». Это важный результат — он вносит вклад в понимание того, что можно делать. Мы-то не знаем, есть ли в распоряжении министерства соответствующие рычаги. Мы говорим, что если такая ситуация, то можете повышать тарифы, экономика это выдержит. Вторая часть этой записки: «Если у вас таких гарантий нет, то надо сильно подумать, что-то еще посчитать и проанализировать, потому что в рамках другого сценария велики риски того, что экономика воспримет повышение тарифов как дополнительный тормоз и ограничение в своем развитии». Получалось так, что в процессе решения задачи мы исходный вопрос можем неявно, неосознанно дополнить некоторыми новыми гипотезами. Наши коллеги из Института энергетических исследований не обратили внимания на то, что они это сделали, потому что у них была система моделей, в которой экономический рост задается экзогенно.

А. М. НИКУЛИН: Они не могли вообразить, что может быть иначе.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да, задавать темпы экономического роста в своих расчетах было естественно сложившимся стереотипом. В ретроспективе, при разработке системы моделей они, естественно, делали акцент на моделировании того, как разные варианты развития экономики формируют требования к объемам и структуре производства в отраслях ТЭК. Они экзогенно задают параметры развития экономики и выстраивают согласованные с ними сценарии развития энергетики. Систему моделей именно с такими особенностями они и использовали для решения поставленной задачи.

Проблема в том, что у исследователя часто не возникает вопроса о том, какой моделью пользоваться (обычно мы опираемся на уже существующие), поэтому выбор модели не рассматривается как содержательное решение. Но, как мы увидели на этом примере, такой выбор может существенно повлиять на реальное содержание исследования.

Если к такому выбору отнестись осознанно (хотя проблема возникает именно из-за того, что мы не воспринимаем эту ситуацию как выбор, поскольку у нас чаще всего нет возможности в отведенное для нашего исследования время воспользоваться несколькими моделями), мы, скорее всего, на этапе интерпретации результатов вспомним, что упростили исходную задачу в ходе ее решения. Иными словами, фактически мы предложили ответ не на исходный вопрос, а на некоторую его более узкую формулировку — какими бу-

дут результаты повышения тарифов при таких условиях или при других. Если так, то мы сможем осознать и ограничения на область использования полученных результатов. Этот пример меня настроил на то, что правильная в методологическом плане позиция состоит в том, что нужно за собой следить, когда проводишь исследование. Иногда абсолютно технические действия имеют содержательные последствия: ты взял привычную модель, но на самом деле ты не просто взял модель — ты привнес в свое исследование целый набор гипотез, которые были заложены в нее на этапе ее построения или адаптации к решаемой задаче. Всегда есть какое-то количество экзогенных параметров, к которым мы относимся как к инструменту технического управления модельными расчетами. Это такая «внутренняя кухня», которую практически никто не объясняет. Есть, условно говоря, вещи, про которые принято рассказывать, а есть технические гипотезы — про них никто не говорит. А если к ним серьезно отнестись, они вполне могут быть проинтерпретированы в содержательных терминах. Раз содержательных, значит, это влияет на результат.

Фактически я написал докторскую про то, что мы живем в мире, в котором сосуществуют разные описания, поэтому то, что мы приходим к разным результатам, — совершенно нормально. Другое дело, что, если мы понимаем, что мы живем в мире разных описаний, мы не должны рассматривать соответствующие им результаты как жесткие альтернативы: либо это, либо это. Если мы понимаем, как мы модифицировали вопрос, который перед нами поставлен, мы поймем и то, что наши ответы имеют отношение не к исходной формулировке, а к некоторому более частному ее случаю. А наши коллеги, которых мы воспринимаем как «невменяемых оппонентов», отвечают на другой вариант модификации исходного вопроса.

Конечно, помимо всех этих вполне рациональных вещей есть еще и эмоции, различия системы ценностей. Это, на мой взгляд, объясняет феномен высокой конфликтности взаимодействия различных экспертов в экономической науке. Но эту конфликтность можно значительно ослабить, если мы поймем, в какой логике формируются эти разные ответы. Большая часть диссертации была посвящена тому, что я анализировал разные проблемные ситуации и привел развернутые иллюстрации того, что разные описания обладают эвристической силой, предопределяют разные выводы, а следовательно, неизбежные столкновения разных позиций в экспертном сообществе.

А. М. НИКУЛИН: Вы начали с формирования Вашей мировоззренческой модели, какая она сейчас, и стали говорить о некоторых ретроспективных событиях — семинар с энергетиками, например. Я бы в связи с Вашим рассказом привел две притчи-метафоры: одна — знаменитая, как два ученика пришли к индийскому мудрецу-судье, и он им ответил: «и ты прав, и ты прав». Другой — китайская конфуцианская мудрость о том, что у доброго человека

и ложное учение становится истинным, а у злого и истинное учение становится ложным.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Это слишком «высоко».

А. М. НИКУЛИН: Мне представляется, что мы не можем говорить, что находимся в мире только объективных моделей — в них заложены некоторые человеческие ценности. Вот здесь висит портрет Альберта Швейцера — он был не только доктором в Африке, но и философом. Он утверждал, что можно преодолеть любые противоречия, кроме ценностных мировоззренческих. Одни люди строят систему крепостей-моделей, защищающих эту свою систему ценностей, другие строят другую систему. Но при этом все-таки можно попробовать найти компромиссы.

Итак, вернемся к центральным направлениям, через реконструкцию хроники Вашей академической жизни, работы, репертуара тем, с которыми Вы сталкивались, — конечно, в связи с историей страны, потому что мы много чего кризисного пережили за эти десятилетия, когда снова и снова приходилось начинать с чистого листа.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: В университете мы получили достаточно универсальное образование, что проявилось и в названии специальности у меня в дипломе — «плановик-синтетик». Из-за этого на распределении была пара заявок из химической промышленности. Имелось в виду, что речь шла не об отраслевом планировании, а о планировании на народнохозяйственном уровне. Я писал диплом у Эмиля Борисовича Ершова, уникального человека. В ту пору, когда наши учителя оформляли свои докторские диссертации, Эмилю Борисовичу говорили: «Ну защищайся, написал же уже». Меня в то время впечатлил один образ. По-моему, Александр Иванович Анчишкин сказал, что Эмиль Борисович строит башню из 100 этажей в стране, где туманы не позволяют увидеть выше пятого. Шесть этажей ты спокойно защитишь, все получают хороший результат, ты соответствующий статус, который ты заслуживаешь. А фактически он защитил диссертацию лишь в конце своей жизни.

А. М. НИКУЛИН: Это докторская или кандидатская?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Докторская. Думаю, требовательности, которую он предъявлял к себе, он научил и своих сотрудников. Я также стал достаточно трепетно относиться к своим результатам. Наверное, я и один мой товарищ были из числа немногих в Академии наук завлабов без ученой степени кандидата наук, но это уже было в более позднее время — в конце 1980-х. Когда мы приходили в Академию наук, стартовой позицией была должность стажера-исследователя.

А. М. НИКУЛИН: Я с этой должности тоже начинал, потом стал мэнээсом и так далее.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да, потом младший научный сотрудник, потом — научный сотрудник. Но предполагалось, что научный сотрудник должен быть со степенью, а старший — тем более. Диплом в МГУ я писал по моделированию, по динамической моде-

ли межотраслевого баланса, так как Эмиль Борисович был «главный модельер» внутри команды отдела народного хозяйственного прогнозирования. Потом Эмиль Борисович перешел на должность замдиректора ЦЭМИ, лабораторию его расформировали в соответствии с действующими тогда правилами. И я попал в лабораторию к Юрию Васильевичу Ярёмко. В то время начался замечательный многолетний проект «Комплексная программа научно-технического прогресса», и там всех людей, которые на что-то были способны, мобилизовали под возникающие задачи. Начиная с этого времени я стал заниматься блоком отраслей энергетического сектора. Я довольно долго делал и аналитические, и прогнозные построения в этой области исследований. В этих нескольких циклах комплексной программы я писал уже нормальные «выходные» тексты.

А. М. НИКУЛИН: Это какие годы?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Начиная с 1976-го по 1988-й.

А. М. НИКУЛИН: То есть Вы после окончания университета — сразу в Институт народнохозяйственного прогнозирования?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да. Но только тогда это был Центральный экономико-математический институт АН СССР (ЦЭМИ), а я пришел на работу в отдел народнохозяйственного прогнозирования этого института. До 1986 года мы были частью Центрального экономико-математического института.

А. М. НИКУЛИН: До самой перестройки.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: А в 1986 году ЦЭМИ реформировали. Мы выделились под названием «Институт экономики и прогнозирования научно-технического прогресса», поскольку предполагалось, что станем головной организацией проведения исследований по Комплексной программе научно-технического прогресса на 20 лет. Я немного позанимался моделированием сразу после окончания университета. До 2000 года я вел исследования в сфере энергетики, структуры экономики, а также моделирования и методологии прогнозирования. Так что ничего не предвещало моей аграрной специализации в последующие годы.

Произошло это следующим образом. Алексей Васильевич Гордеев, который был министром сельского хозяйства, в 1999 или 2000 году защищал докторскую диссертацию. Когда «начальники» защищают докторскую диссертацию, всегда есть подозрение, что кто-то им ее написал. Поэтому соискателей вызывают в ВАК и специальным образом пристрасно расспрашивают, чтобы они продемонстрировали знание того, что написано в диссертации.

В ту пору Виктор Викторович Ивантер, директор нашего института, был председателем экономического совета в ВАКе. Они, видимо, и познакомились на этой процедуре. Летом 2000 года Виктор Викторович вызывает меня из отпуска и говорит, что министр сельского хозяйства хочет организовать группу исследователей, которые будут «научно» поддерживать деятельность министерства, — нужно кого-то делегировать на эту работу. Тогда я уже

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

восемь лет был заместителем директора института, так что он решил, пусть это буду я. Я возразил, мол, где я, а где сельское хозяйство. Но Виктор Викторович сказал, что он выбрал именно меня, поскольку у меня «широкие взгляды».

Я попал в компанию, в которой были Александр Васильевич Петриков, Евгения Викторовна Серова, — мы собирались в министерстве не реже раза в неделю, у замминистра, на оперативке, с нами обсуждали какие-то вопросы, давали поручения подумать о различных проблемных ситуациях. Поначалу я просто слушал.

А. М. НИКУЛИН: Надо было вникнуть, что происходит.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да. Слава богу, к тому времени я уже понимал те методологические проблемы, которые мы с Вами уже обсуждали. Конечно, это были непримиримые споры: Александр Васильевич с Евгенией Викторовной практически ни в чем не могли согласиться. Я пытался выступать примирителем. Не вылезая на передний план, просто слушал, предлагал отредактировать какие-то позиции в материалах, а главное — занимался образованием в новой для себя области. Хорошо было то, что это был период достаточно интенсивного знакомства с предметом. Через полгода я уже вступал в дискуссии с моими профессиональными коллегами.

А. М. НИКУЛИН: Интересно про примирение: у Шанина был опыт дискуссий в разных культурах, он говорил: «Когда русские спорят между собой или евреи спорят между собой, у них задача — доказать, кто из них дурак. Когда спорят англичане, им все равно, кто из них дурак, главное — достичь компромисса между их точками зрения». К сожалению, мы часто идем по русско-еврейскому пути.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: К тому времени я уже прошел через осмысление, почему мы такие конфликтные, почему экономические дискуссии через пять минут переходят в режим «сам дурак».

А. М. НИКУЛИН: Думаю, это особенности эмоциональной отечественной культуры. Кажется, после таких обличительных слов тем не менее остаются и дружеские отношения.

Все-таки смотрите: 1976–1986 годы, Вы работаете в ЦЭМИ. Это время застоя, когда многие творческие люди, ученые что-то придумывают, но все это нелегко внедряется в жизнь. Потом начинается Перестройка, возникает уже другой институт, потом разваливается СССР, 1990-е годы. Вы говорите, что начинали стажером-исследователем, а в начале 1990-х — Вы уже заместитель директора института. Что представлял из себя «дух времени», политические, экономические, научные дискуссии в те последние десятилетия XX века?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Когда я пришел в отдел народнохозяйственного прогнозирования, я понял, что мы занимаемся важным делом, которое называется «комплексная программа научно-технического прогресса», появилось ощущение вовлеченности в большую научную жизнь — это была очень хорошая школа, потому что исследовательская программа была грандиозной по со-

временным представлениям. Там были академические и отраслевые институты, министерства, огромное количество совместных комиссий, которые систематически обсуждали актуальные проблемы, подходы к их решению, результаты исследования... Когда меня спрашивают, насколько это все было реалистично, насколько я во все это верил — я полагаю, что в тот момент я о таких материях систематически не размышлял. У меня был предмет, задачи, и я старался решать их наилучшим образом и по моим текущим способностям. Меня не занимал вопрос, может ли это все реализоваться, потому что меня тогда уже научили, что прогнозы — это очень специфический вид исследований. Типичный пример — прогнозы погоды. Какие к ним требования? Чтобы они сбывались. Когда обещали солнце, а пошел дождь, мы говорим — вы непрофессионально работаете. А если бы обещали дождь, сказали бы, что синоптики молодцы.

А нас тогда готовили к парадоксальной на первый взгляд мысли, что прогнозы делают не для того, чтобы они сбывались.

А. М. НИКУЛИН: Вам это было ясно уже тогда, в конце 1970-х — начале 1980-х?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Нам объясняли, что мы изначально делаем не один, а три-четыре, десять вариантов прогноза. Но ведь десять вариантов прогноза сбыться не могут — ты делаешь прогнозы, девять из которых точно не сбудутся. Зачем ты их делаешь? Ты всегда делаешь прогнозы, которые ты хотел бы, чтобы они сбылись? Ответ очень неожиданный: нет. Сейчас мы живем в рамках прогноза глобального изменения климата, ключевая позиция общества в отношении которого — мы очень не хотим, чтобы он сбывался. Научное сообщество сделало прогноз климатических изменений, ужаснулось, что это все может привести к таким последствиям, что лучше в такое будущее не попадать. Теперь всем миром пытаемся сделать так, чтобы этот прогноз не сбывался. Таким образом, мы делаем прогнозы как способ получить дополнительную информацию, которая нужна людям, принимающим решения.

Это хорошо, если мы работаем с человеком, который говорит, что находится в области его возможностей, а что нет. Но чаще мы в своих академических кабинетах работаем вообще на «систему управления», которая где-то существует, говорим, что вот сделали такой-то прогноз, провели такое-то исследование с такими-то результатами, дали им такую-то интерпретацию — пользуйтесь. Даже когда по заказу что-то делаем — рассказываем, как мы видим будущее со своих позиций, а не с позиций людей, которые будут принимать решение.

Очень важное обстоятельство — мы не несем ответственности. Почему нельзя настаивать даже на таких решениях, которые ты считаешь совершенно правильными? Потому что на самом деле, если занять такую позицию, она будет неадекватно «комфортной». Ты фактически указываешь человеку, который принимает реше-

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

ния, что делать, — он несет ответственность, а ты сидишь рядом и им руководишь. Это слишком хорошо, чтобы быть правильным.

А. М. НИКУЛИН: О прогнозах: за эти полвека прогнозирование погоды все-таки достигло значительных успехов, и гораздо реже сейчас попадают «в молоко», чем это было в 1970-е годы, например. Можем ли мы сказать, что экономика тоже достигла сопоставимых успехов с точки зрения прогнозирования? Или здесь успехи меньше или вообще проблематично обсуждать их наличие? Потом вот климатическая повестка — есть же скептики, которые говорят, что у природы гигантские циклы, это очередной цикл потепления, промышленность тут вносит несущественный вклад. С точки зрения своих убеждений каждый строит свои прогнозы, модели, предлагает, что надо делать.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: 50 лет назад мы боялись глобального похолодания. В журналах того времени это была главная проблематика.

А. М. НИКУЛИН: К тому же есть элементарные интеллектуальные моды: вдруг появляется эффектный доклад или эффектная книжка, все увлеченно начинают думать или работать в этом направлении.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Слово «мода» в данном случае очень содержательное, потому что, если мы вспомним, как устроен мир моды, мы поймем, что на самом деле это такой институт манипулирования сознанием широких масс. Нам говорят, что в прошлый раз была клеточка — теперь клеточку нельзя. Платье, рубашка никоим образом не износились, но они морально устарели. Есть фундаментальные понятия физического и морального износа. Морально устарели — выбрасываем. Ты вновь должен стать потребителем не потому, что тебя не устраивают физические свойства, а потому, что мода так устроена, что теперь такое не носят. С этой точки зрения боюсь, что есть научная повестка, которая формируется не в режиме броуновского движения, когда мы все о чем-то думаем, вдруг возникает критическая масса, и мы понимаем, что все движемся в некотором направлении. Существуют разные инструменты и способы влияния на то, над чем мы думаем, как мы думаем, на парадигмы всякого рода. Поэтому мода — очень содержательная отсылка.

Но про прогнозы. В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики? Люди, которые делают прогнозы погоды, погодой не управляют, за исключением того, что в дни военных парадов могут разогнать облака.

А. М. НИКУЛИН: Это может быть как раз особенностью русской интеллектуальной мысли: взять того же Николая Фёдорова, космиста, который говорил, что одна из важнейших задач человечества — научиться управлять климатом, это первое на пути к космосу. И даже в утопии Чаянова появляются специальные аппараты метеореформы, при помощи которых Россия может управлять

погодой. Пока это несбыточно, разве что на несколько часов в небольшом пространстве мы можем светлое небо создать. Тем не менее такая задача ставится — научиться управлять климатом. Пока не умеем, но к этому есть стремление и свои идеи. А вот что касается климата общественной жизни...

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Как мы пользуемся прогнозом погоды: мы, допустим, выбираем, брать ли зонт, насколько тепло одеваться. Это наши индивидуальные решения, и люди, которые делают прогнозы погоды, их формулируют в терминах градусов, вероятности осадков, силы ветра. Они не говорят, что надеть, они говорят: «Вы принимаете решение». Может, сейчас тепло, но ты болен, и тебе все равно нужно одеться теплее, чем «по погоде».

А. М. НИКУЛИН: А когда говорят: «Ожидается гололед, автомобилисты, смените шины», или «Ураганный ветер, лучше сидите по домам» — это и практическая составляющая прогноза погоды.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Тем не менее в этом смысле экономические прогнозы устроены примерно таким же образом. Живет человек, если ему нужна информация, как одеваться, он посмотрит в окно. Но мы понимаем, что через час картинка в окне может измениться, поэтому нужен прогноз погоды на день. Мы пользуемся прогнозом в процессе принятия решений. Это и есть основное назначение прогноза. Если бы мы не принимали решения, если бы у нас не было выбора одежды, прогнозы погоды не были нужны вообще, кроме тех видов деятельности, для которых это важно, например, для сельского хозяйства. Примерно в такой же логике устроено экономическое прогнозирование: мы говорим, что люди принимают важные решения — поддержать этот инвестиционный проект или другой, эту отрасль или другую, поднять или опустить ключевую ставку. Мы обогащаем контекст, в котором принимаются решения. Человек, который работает без инструмента прогнозирования, может опираться только на прошлое. Это почти единственная основа для принятия решения. Хотя мы и прошлое плохо знаем, как выясняется, как кем-то было сказано: «Россия — страна с непредсказуемым прошлым». Если посмотреть, как сейчас в Америке со своим прошлым «работают», у них же было другое прошлое совсем недавно, а сейчас они кардинально его меняли. В этом смысле сомневаюсь, что непредсказуемость прошлого относится только к России — это, вероятно, универсальный феномен. В этом смысле, когда мы прогнозируем, мы опираемся тоже на прошлое: на свое или смотрим, как развивались другие экономики в ретроспективе. Если мы смотрим в категориях прошлого, мы работаем в категории физического времени. Но есть и другие возможности. Например, есть ребенок, подросток, взрослый и старик — это определенные стадии развития, стадии закономерных изменений. Если мы в каком-то отношении находимся на «детской» стадии развития, но видим, какими бывают «взрослые» люди, мы можем воспользоваться знанием о том, в чем состояли основ-

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

ные закономерности и проблемы «взросления». Аналогичным образом можно обращаться к опыту других стран и исследовать те периоды их развития, когда они были содержательно подобны нам. И тогда мы сможем воспользоваться рассуждениями по аналогии, чтобы получить представления, как мы могли бы развиваться или, наоборот, что будет препятствовать реализации принятых целевых установок. А еще есть возможность анализа уже свершившихся инноваций — это тоже «прошлое», но особого рода, которое позволяет строить образы будущего.

А. М. НИКУЛИН: Наше с Вами интервью носит умеренно-полюемический характер, а когда Вы говорите, на что нам опираться, есть пессимистическое мнение Гегеля, который писал: «Невозможно учиться на чужих ошибках — впрочем, невозможно учиться и на своих собственных, потому что всякий раз глупость посещает нас в новом облиции». Я имею в виду, что инновации и моды — это часто новые проявления ошибки.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Есть визионеры, предсказатели — сидят, медитируют, говорят, что будет так, потому что они так чувствуют. Мы относим свои прогнозно-аналитические исследования к научной деятельности, потому что можем объяснить, как мы все это сделали. И если вы пойдете нашим путем, придете к таким же результатам. Я объясняю, откуда берутся эти прогнозы: в основном из прошлого, плюс представления о том, что мы создали в научно-технической сфере — это уже тоже свершилось, оно тоже прошлое, но это можно проецировать на будущее и фантазировать, как изменится ситуация в будущем, если то, что сейчас еще только «прорастает», достигнет существенно больших масштабов (производства, потребления, распространения)...

Так что есть свое прошлое, прошлое других экономик и представление о спектре дополнительных возможностях развития, которые дает поток инноваций. Мы из этого и «варим» блюдо под названием «прогноз».

Аналогия: вы едете вечером по шоссе, дорогу уже довольно плохо видно, фары не включаете — вы же ехали по этой дороге, все было нормально. Прошлое вам говорит, что все нормально, нет смысла освещать дорогу, чтобы узнать «что меня ждет через 100 метров». А на самом деле это же очень полезная вещь. И вот одно из предназначений прогнозирования — это исследование, что может нас ждать впереди. Эту информацию просто из анализа прошлого не получишь. Здесь нужна специальная профессиональная деятельность, которой мы занимаемся: мы предлагаем людям, которые принимают решения, дополнить контекст своих размышлений представлениями о том, что может быть в случае тех или иных действий или бездействия. Бездействие — в смысле, что ты продолжаешь жить на основе каких-то стереотипов, которые сложились в прошлом.

В одних случаях мы делаем инерционный прогноз (это более сложная конструкция, чем простая экстраполяция) и приходим

к выводу, что ничего особенно ужасного не происходит. Но может ли произойти что-то хорошее? Для ответа на этот вопрос, наряду с инерционным, мы строим некоторый «нормативный» прогноз, который призван показать, каким может быть более привлекательный образ будущего. И если мы нарисует результат, который впечатляет, есть вероятность, что система управления начнет что-то делать, чтобы перейти на соответствующую траекторию развития. Таким ли будет результат развития, как в нашем прогнозе? Скорее всего, нет.

Существует масса неуправляемых факторов, которые мы определенным образом включаем в свои построения — как набор сценарных гипотез. Мы не говорим: «Будет так», а «Будет так, потому что мы исходим из таких предположений, таким образом с этими предположениями работаем, получаем такой результат и таким образом его интерпретируем». Тогда люди, которым предстоит принять тяжелые, ответственные решения, получают дополнительную важную информацию, что может быть, если они выберут те или иные варианты действий.

Мы говорим, что этот вариант будущего формируется в такой-то логике, а этот — в такой. Мы не говорим, что это будет так или так, потому что это зависит от людей, которые принимают решения, кроме того, система управления не может управлять всем. Например, в США, в некоторых других странах принимают решения, которые потом сказываются и на нас. Это человеческих рук дело, но для нас это «внешние» условия развития, которыми мы не управляем.

А. М. НИКУЛИН: Давайте конкретизируем: по опыту прошедших десятилетий приведите примеры ваших и ваших коллег удачных прогнозов и ошибок, когда прогнозы не сбылись и почему. Какие службы прогнозирования самые точные?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Это, видимо, сложно — принять мысль, что удачный прогноз и сбывшийся — это вообще-то разные вещи.

А. М. НИКУЛИН: Поясните на примерах.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Вернемся к климатическому прогнозу: является ли он удачным, правильным, если при оценке прогноза пользоваться критерием меры его совпадения с реальным результатом? Я бы хотел, чтобы мы это не узнали никогда, потому что, если мы узнаем, что он правильный, это означает, что человечество будет находиться на грани гибели. Если этот прогноз окажется точным, будет беда.

А. М. НИКУЛИН: Можем ли мы говорить о предостережениях? Например, наш космист Фёдоров говорил: «Что мы видим в апокалипсисе от Иоанна? Вот финал. Но это предупреждение — прогноз, который может не сбыться. А для того, чтобы он не сбылся, человечество должно разумным, плановым образом научиться регулировать силы природы, свои собственные темные силы, объединиться вокруг идеи воскрешения. Так мы можем этой спрогнозированной

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

пропасти конца света избежать. Если мы не прислушаемся к грозным прогнозам и не скоординируем свои усилия, то этот ужасный прогноз Апокалипсиса может сбыться».

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Климатическая повестка — это история, имеющая аналогичную логическую структуру — это прогноз-предупреждение.

Мы же говорим не об одном прогнозе, а о системе прогнозирования. Есть инерционный прогноз. Применительно к изменению климата сделали прогноз на 50–100 лет, ужаснулись и озаботились тем, что нужно сделать, чтобы он не сбылся. Если это климатическое будущее нас не устраивает, какое бы нас устроило? И мы строим некоторый нормативный прогноз, который говорит, как можно было бы устроить экономику, жизнь, с тем чтобы (если мы верим в эти представления о механизмах изменения климата) климат через 50 лет был еще приемлемым. В рамках этого нормативного прогноза прорабатываются такие идеи, как «энергетический переход». То есть на самом деле мы говорим о том, что мало ужаснуться того будущего, которое возникает в рамках инерционных сценариев, надо еще понять — а к каким вариантам будущего нужно «выруливать»? Что можно принять в качестве цели?

А. М. НИКУЛИН: Таким образом, ученый в принципе может сказать: «Знаете, там, на горизонте, может появиться новый тип угроз и рисков, будьте осторожны в принятии своих решений»?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Я говорю о трех типах прогнозов. Если мы поняли, что инерционный тип развития нам не подходит, нужно определиться, какой вариант будущего можно принять в качестве актуальной цели развития, а затем — как ее можно было бы реализовать на практике. И здесь есть разные сценарии политики достижения целей, которые обоснованы в рамках нормативного прогноза. Один вариант, второй, третий... Мы говорим, что вот здесь будет «дорого», вот это «подешевле», но зато мы не достигаем тех или иных целей. Именно эти результаты своей деятельности мы и «раскладываем» на столе у лица, принимающего решение. Это его ответственность, его ресурсы, это ему на «невидимых весах» нужно сопоставить результат и затраты, на которые он может или не может пойти. Это его компромисс, а не мой, кабинетного ученого, которому хотелось бы, чтобы мир был устроен вот таким вот образом. Но я много чего не знаю! Все, что я знал, я изложил в рамках своих прогнозных настроений — что будет в случае инерционного развития, что можно будет принять в качестве рациональной цели развития по сравнению с инерционным. И вот разные варианты движения к этой цели. Всё. Это то, что я могу со своего уровня предложить в качестве такой дополнительной полезной информации. А окончательный выбор делает лицо, принимающее решение. Как я могу, находясь в такой позиции, говорить о том, какой прогноз сбудется? Я их делаю не для того, чтобы они сбылись. Большую часть инерционных прогнозов мы делаем, что-

бы они не сбылись. Нормативный прогноз мы делаем, чтобы обосновать рациональные цели, отдавая себе отчет, что в таком идеальном виде он не может реализоваться. И потом, мы делаем несколько вариантов прогноза того, к каким последствиям приведет тот или иной вариант действий. Я не могу настаивать, что вот этот вариант действий лучше, потому что в моей голове один набор критериев, а у вас может быть совсем другой.

А. М. НИКУЛИН: Вы занимаете позицию высокочлассного офицера оперативного отдела Генштаба. Вы как офицер разрабатываете прогнозы, а уж что и как Верховный решит, и как будут наши противники против нас играть — это уже другое дело... Но, исходя из имеющихся данных, вот возможны такие варианты развития стратегического и тактического. Ваша работа — по аналогии с работой офицера-штабиста, который анализирует информацию и говорит, куда может военная кампания продвигаться. И иногда офицер все-таки предлагает рекомендации.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Я согласен с этой аналогией. Было бы странно, если бы офицер штаба писал записки, где диктовал односторонние решения генералу, который за эту кампанию отвечает.

А. М. НИКУЛИН: Хорошо. Возвращаясь к Вашему отраслевому опыту... Я бы резюмировал некоторый вывод, который должен бы звучать так с точки зрения оптимизации результатов прогнозов: «Дорогие коллеги, любое решение, которое мы с вами примем на основе сформулированных нами прогнозов, будет в некоторой степени ошибочным. Наша задача заключается в том, чтобы минимизировать степень этой ошибки». Правильно я понимаю?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Даже меньше претензий. Просто мы даем информацию. Не всегда хорошим тоном являются даже рекомендации, настоятельные рекомендации. Хороший тон — это такая нейтральная констатация, что «если так — то так, если вот так — то вот так». Выражать свои предпочтения можно в статье, но в записке было бы не совсем корректно, потому что это означает, что ты пытаешься управлять лицом, которое принимает решение и берет на себя ответственность. Или делать это максимально осторожным образом, или если ты находишься близко к этому лицу, то надо ему объяснять, что за этими предпочтениями скрывается. В рамках моего понимания предназначения прогнозов — это такая честная и корректная позиция. Со стороны внешнего наблюдателя можно сказать, что мы ловко устроились — ни за что не отвечаем, объясняем, что их прогнозы не сбываются и не должны сбываться. А мы говорим, что прогнозы не для того, чтобы они сбывались, а для того, чтобы помогать принимать решения, которые будут влиять на будущее.

А. М. НИКУЛИН: Я думаю, что Вы и Ваши коллеги составили много прогнозов по разным отраслям народного хозяйства и в целом по народному хозяйству России за прошедшие десятилетия. Какой прогноз Вы назвали бы «хорошим»?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Скажем так: если верны климатические модели, если мы все не являемся жертвами интеллектуальных манипуляций, то климатический прогноз я бы назвал хорошим прогнозом. Назвал бы удачным, потому что он активно вошел в процессы принятия решений. Он воспринимается управленцами, экспертным и деловым сообществом как информация, важная в принятии самых разных решений. Можно сделать прогноз, который ни на что не повлиял. Он тоже может быть хорошим, но не нашлось лица, принимающего решения, который выжал бы из него ту пользу, которая в нем содержится.

Вы напрасно ждете от меня «простого» ответа на якобы «простой» вопрос. Я могу привести пример прогноза, который фактически сбылся. Мы его сделали в 1999 году, когда только прошел финансовый кризис. И в это время мы говорили о том, что сложились такие обстоятельства, что экономика может начать динамично восстанавливаться. Мы написали доклад про это. И этот прогноз сбылся не с точностью до последней цифры, но идеологически. Все говорили, что нас ждет длинный кризис, а мы говорили, что нет, высокая вероятность перехода к динамичному росту. И этот прогноз сбылся.

А. М. НИКУЛИН: Вы упомянули климатический прогноз — говорили о климатическом прогнозе «вообще», в рамках всего человечества или конкретно по перспективам России? У нас же здесь своя собственная климатическая повестка сформирована.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Я имею в виду историю про то, как будет меняться климат. Все это построение в определенном смысле удачная и эффективная работа, потому что она повлияла на всех тех людей, которые принимают решения. Все мы начинаем задумываться, например, об углеродном следе. А все эти мысли возникли из прогноза и всей той деятельности по интерпретации его результатов, которую мы все наблюдаем.

А. М. НИКУЛИН: Ладно, с климатом сельскохозяйственная проблематика связана. Еще в этом году заморозки были неожиданные в мае, даже правительство в связи с этим принимало соответствующие меры. Но мы остановились на том, что Вы вошли в тему, наблюдая за бесконечной полемикой Александра Петрикова и Евгении Серовой и не только. Какого рода ваши работы оказались применимы в аграрной сфере? Чем пришлось здесь заниматься?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: То, что мне довелось сделать, относится как раз к построению некоторых прогнозов развития аграрного производства. Тут немного странная история получается. Все обычно очень радуются росту объемов аграрного производства, а я еще с тех времен, когда сделал первый прогноз балансов ресурсов и использования аграрной продукции на 10–15–20 лет, понял, что есть предел этого роста. Более того: если в определенный момент не «нажать на тормоза», нас ждут кризис перепроизводства и другие неприятности, которые не видны, если относиться к аграрному производству как к некоей спортивной деятельности:

вот рекорд поставили, еще рекорд. Ведь рекорды в спорте — это прекрасно. Но здесь не спорт, а экономика. А в экономике важнее сбалансированность. Рост хорош тогда, когда он соответствует ресурсным возможностям, емкости рынка сбыта. В свое время были и другие эксперты, которые постепенно стали высказывать «крамольную» мысль про то, что не надо рассматривать перспективу в области сельского хозяйства как перманентный рост. Надо попытаться понять, что может стать смысловым порогом в этом росте. Какие потребуются изменения в целеполагании, в механизмах развития сельского хозяйства, когда мы достигнем тех или иных уровней производства. Эта позиция хорошо выражена в известном в аграрной среде парадоксальном утверждении: «В сельском хозяйстве две беды — урожай и неурожай!»

А. М. НИКУЛИН: Есть такая точка зрения, политэкономическая, я бы сказал: а каковы пределы роста, какой ценой достигается рост? И некоторое оптимальное сбалансирование — это, пожалуй, главная мудрость экономики.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: И в случае аграрной тематики я перешел с философского уровня на прикладной. Эти прогнозы показали, что, действительно, рост не только благо, но и источник проблем. Уже сейчас нужно задумываться над тем, как будем маневрировать в новой ситуации.

Когда я наблюдал за дискуссиями Евгении Викторовны Серовой и Александра Васильевича Петрикова, я пытался понять — почему они такие непримиримые в своих позициях и выводах? В своей докторской диссертации я написал главу, которая была посвящена разным вариантам описания проблем развития сельского хозяйства, где я показал, как разные и чаще всего неявные исходные мотивы исследователя влияют на процесс формирования «картины» рассматриваемой проблемной ситуации, а затем предопределяют и получаемые им выводы.

А. М. НИКУЛИН: Это у Вас уже в докторской была сельская проблематика?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Это была диссертация не по отраслевой экономике, а с претензией на методологические обобщения.

А. М. НИКУЛИН: Но вы конкретные примеры брали в определенных отраслях?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да, там фигурировали энергетика, сельское хозяйство, продовольственная безопасность. Но это все были такие прикладные развернутые иллюстрации нескольких положений методологического характера, которые в упрощенном виде можно формулировать так. Если вы, занимаясь одним и тем же вопросом, проблемой, работаете в контексте разных описаний, вы неизбежно придете к разным выводам. А для того чтобы обрести понимание условий их корректного использования в процессе принятия решений, нужно в максимально возможной мере выявить и учесть те явные и неявные допущения, которые вы сделали в рам-

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

ках своей работы. Нужно разобраться, в чем состояли различия в ваших стартовых позициях, тогда будет существенно меньше поводов спорить о результатах.

У меня была аналогия: две разведгруппы послали за линию фронта, узнать, где штаб противника. Одна группа возвращается и докладывает, что штаб находится в одноэтажном здании желтого цвета с тремя окнами. Вторая группа докладывает, что штаб находится в двухэтажном доме, окна выходят на овраг, шесть окон в качестве ориентира. Плохо, если командир будет рассматривать эту ситуацию как ситуацию однозначного выбора — один из этих докладов по тем или иным причинам примет в качестве «правильного», а второй как преступную ошибку. Ведь разведчики, возможно, с разных сторон рассматривали один и тот же дом. Если его построили на косогоре, то, возможно, на противоположных сторонах он имеет разное число этажей, если смотреть на него с разных сторон, у него может быть разное число окон. И проблема не в том, кого наградить, кого наказать, а в том, как извлечь всю полезную информацию.

И вот мы в экономические исследования встроены, как эти разведгруппы. Три окна у дома — это не истина в последней инстанции, а часть правды. Это взгляд с одной стороны. А с другой — другое число окон. Это не значит, что мы должны выбирать — либо это, либо то.

А. М. НИКУЛИН: В каком году Вы защитились?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Докторскую — в 2002 году.

Мы с моим товарищем в один день защищали кандидатские диссертации в 1990 году, успев вовремя. У меня диссертация была про энергетику. Докторскую я подготовил «по призыву» старших товарищей, потому что Ю. В. Ярёмченко, который был научным лидером нашего института, внезапно умер. И нам сказали, что для выживания института нужны защиты докторских диссертаций, хотим мы этого или нет. Ссылки на загруженность не проходили. Но, поскольку я в это время уже был заместителем директора, мне по правилам ВАКа нельзя было защищаться в диссертационном совете своего института. Я защищался в Институте экономики у Л. И. Абалкина. А когда приходишь со своей «картиной мира» в диссертационный совет, где сидят люди, привыкшие смотреть на мир по-другому, довольно легко столкнуться с непониманием. В определенном смысле, обсуждение моей диссертации стало иллюстрацией ее основных сюжетов.

Так вот, до 2000 года никакой аграрной проблематики у меня, кроме курса А. М. Емельянова, который читали мне как студенту кафедры планирования народного хозяйства экономического факультета МГУ, не было. Тот курс производил сильное впечатление. Но и в университете, и на работе в институте нас ориентировали на то, что мы должны стать экономистами «широкого профиля». Так что, с одной стороны, погружение в аграрную проблематику было неожиданным, а с другой — соответствовало такой установке.

В диссертации я написал главу, посвященную анализу того, в какой логике могут формироваться различные внутренне непротиворечивые варианты объяснения причин спада объемов производства в российском сельском хозяйстве в 1990-е годы после рыночных реформ. Поскольку большая часть дискуссий Серовой и Петрикова были связаны с реформами и их последствиями, проявившимися в развитии аграрного сектора, то фактически я попытался объяснить (в первую очередь себе), почему профессионалы высочайшего уровня предлагают настолько различающиеся рекомендации, что нужно делать с сельским хозяйством, чем вызван кризис в его развитии в 90-е годы. При этом я делал акцент не на тех эффектах, которые обусловлены особенностями индивидуальной системы ценностей, идеологических установок, а именно на процедуре формирования описания исходной проблемной ситуации, с которой любой исследователь должен начать свою работу.

Я своим студентам объясняю процедуру формирования описания с помощью понятия «точки кристаллизации». Как можно заниматься анализом процессов развития сельского хозяйства? Например, можно исходить из того, что сельское хозяйство — это некоторая «производственная система». Что в этом случае в первую очередь привлечет внимание исследователя? Обеспеченность отрасли различными ресурсами: чего много, чего мало, как они между собой взаимодействуют. Так формируется «ресурсный» подход к анализу сельского хозяйства. Тогда мы обратим внимание, что в интересующий нас период времени наблюдалось фронтальное сокращение ресурсной базы отрасли — посевных площадей, поголовья животных, парков техники, минеральных удобрений, бюджетного финансирования. В середине 1990-х в новостях прошло сообщение, что местное отделение энергетической компании РАО ЕЭС отключило электроснабжение полка ракетных войск стратегического назначения за накопившуюся задолженность за электроэнергию. Можно представить, что было с фермами, которые не могли заплатить за электроэнергию. Если точкой кристаллизации описания является образ сельского хозяйства как производственной системы, мы естественным для себя образом соберем такой набор фактов, статистических данных, теоретических представлений, анализ которых даст основания для вывода, что именно нарушения нормального воспроизводства активов и снижение доступности ресурсов текущего производственного потребления и стали основной причиной наблюдавшегося спада объемов аграрного производства. И если мы хотим скорее выйти из кризиса, нам нужно всячески поддерживать восстановление производственной базы сельского хозяйства, что приводит к понятному спектру решений.

Возможна другая «точка кристаллизации». Интересующий нас период — начальный этап рыночных реформ. Это переход к такой модели устройства экономики, где рыночная самоорганизация становится основным механизмом регулирования экономическо-

*М. Ю. Ксенофонтов,
А. М. Никулин*
«В чем отличие
прогнозов пого-
ды от прогнозов
экономики?»

го развития. Значит, можно попытаться объяснить наблюдаемый спад объемов аграрного производства с позиции того, как изменилась конъюнктура рынков аграрной продукции. При таком взгляде на эту ситуацию видишь, что в первые годы реформ наблюдался катастрофический спад доходов населения и государства, которые являются основными потребителями аграрной продукции, что это не могло не сказаться на емкости рынка продовольствия. Поэтому смотришь на кризис с этой позиции и опять становятся понятны и причины, и шлейф адекватных решений — поддержка спроса на отечественное продовольствие. Это другой вариант объяснения исследуемой проблемной ситуации. Они различаются как по содержательному контексту, так и по выводам, оставаясь локально корректными вариантами исследования.

В середине 1990-х годов считалось правильным приглашать в министерства на уровень отделов людей из бизнеса. С одним из таких «мобилизованных из бизнеса» я сотрудничал в Министерстве сельского хозяйства, и однажды он поведал про устройство своей весьма успешной аграрной компании. Смысл этого рассказа состоял в том, что компания была выстроена в логике вертикальной интеграции. То есть она была в максимальной мере изолирована от различных негативных воздействий рыночной неразберихи, характерной для начального периода рыночных реформ. И тогда я смог предложить еще и третью точку кристаллизации, совершенно в философской логике. Чем занимается наука? Выявлением закономерностей. Хотя анализ исключений из закономерностей тоже полезен, потому что тогда мы либо лучше понимаем, как устроены сами закономерности, либо узнаем что-то принципиально новое, что подтолкнет нас к формулировке новой закономерности. Этот рассказ навел меня на простую мысль, что наряду с умирающими сельхозорганизациями существовали и вполне успешные. И когда мы выясняем, что успешные бизнесы устроены определенным образом, мы получаем возможность связать наблюдаемый кризис с тем, что либерализация рынков существенно опережала позитивное строительство рыночных институтов, которые обеспечивают рациональность рыночных взаимодействий. По этому поводу есть масса исследований: о механизмах формирования ценовых диспропорций, о негативных эффектах институционального неравновесия — когда какой-нибудь молокоперерабатывающий завод оказывается локальным монополистом. Или элеватор. Им дали экономическую свободу, и они пользуются своими конкурентными преимуществами. И если мы смотрим на кризис с такой позиции, его можно объяснить плохой организацией рынков и обосновать соответствующие направления антикризисной политики.

Я в диссертации представил эти три внутренне непротиворечивые варианты аналитических построений, которые различаются подходом, исходной точкой зрения, предопределяющими затем и реальное содержание соответствующих исследований.

Возвращаясь к метафоре «разведгрупп» — результаты рассмотренных вариантов исследования не должны рассматриваться как альтернативы однозначного выбора, несмотря на то, что они внешне находятся в конфликте друг с другом. Надо стремиться к тому, чтобы по возможности использовать все эти точки зрения в рамках формирования этой самой синтетической картины того, как это все на самом деле устроено. Потому что есть и ресурсные проблемы, и проблемы с рынками, с потребительским спросом. И общее представление, что все эти факторы каким-то образом должны быть вписаны и в картину кризиса, и в варианты позитивного развития. А мы неизбежно в рамках своих исследований не можем все охватить. Если я это понимаю, значит, я буду достаточно аккуратен при позиционировании своих рекомендаций. Если я за собой «слежу» в процессе собственного исследования, то я могу сказать, что вот здесь мои выводы работают, а здесь — нет.

Возвращаясь к восточной мудрости, могу сказать, что «надо помнить себя». Мы обречены, в силу того, что ограничены в своих возможностях, на то, что порождаем частные результаты. Если мы относимся к ним как к истине в последней инстанции, мы делаем гигантскую ошибку. Если мы понимаем, что представляем некий частный результат, то можем предложить и область (условия) его корректного использования.

А. М. НИКУЛИН: Приведу какие-то примеры, связанные с этим самым поиском альтернатив. Например, очень популярна дискуссия по поводу того, что эффективнее — крупное аграрное производство или мелкое аграрное производство? Корпорация или фермер? Но ответ — это все зависит от некоторых оптимумов производства. В зависимости от отрасли — где может быть что-то крупнее или мельче. Я думаю, вот почему могли быть различия в спорах Петрикова и Серовой: есть проблема аграрного производства и сельского развития. Есть само по себе сельское сообщество, и у него тоже некая своя логика. Когда я в сельских полевых исследованиях изучал логику председателей колхозов, то оказывалось, что председатель был человек в трех лицах: во-первых, менеджер аграрного производства, во-вторых, патрон сельского сообщества, когда надо было за «социалку» беспокоиться, вода там, газ; и в-третьих, он был нижним членом номенклатурного партийного звена, обязан транслировать «волю партии» в своем локальном сельском сообществе. И в производстве, и в общественной жизни. И эти «три в одном» роли было очень трудно объединить в одном человеке. Такой руководитель должен был буквально разрываться. И лишь некоторые уникалы-председатели могли достаточно органично в себе эти три роли совмещать. Когда я беседовал с одним немецким профессором-аграрником о проблемах оптимального размера производства в сельском хозяйстве, он сказал: «Знаете, оптимально то, что хорошо работает. Независимо от размера». Крупная корпорация хоро-

шо работает — значит, вполне оптимальный размер, мелкий фермер хорошо работает — значит, тоже оптимальный размер.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: В прошлом году Наталья Ивановна Шагайда с коллегами выпустила книжку про агрохолдинги.

А. М. НИКУЛИН: В позапрошлом.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Как быстро летит время! Лет пять назад на семинаре у нее была эта дискуссия. И я сказал что-то в таком роде, что не можем мы как боги диктовать миру те формы организации, которые нам нравятся. Жизнь определяет. Если это существует, то ...

А. М. НИКУЛИН: «Все действительное — разумно, все разумное — действительно». Гегель.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да. Хотя не все разумное действительно, наверное. Но на той дискуссии мне говорили, что агрохолдинги — это абсолютное зло, поскольку мы нашли в них и такие проявления неэффективности, и такие. Моя же позиция состояла в том, что в контексте тех задач, которые решала отрасль, эта форма организации может рассматриваться как достаточно адекватная. Она обеспечивает режим развития, поэтому это органично. Конечно, есть негативные последствия. Но покажите мне идеальную ситуацию в жизни?

А. М. НИКУЛИН: Думали ли Вы — такая животрепещущая тема была отражена в Вашей докторской и монографии — над совершенствованием этой мировоззренческой модели? О том, что мир очень сложно устроен, он состоит из интересубъективностей народных масс, политиков, нас, ученых, тоже ошибающихся? Каким-то образом продолжить исследование в этом направлении, или Вы считаете, что это можно продолжать бесконечно — я создал эту модель сложности, а дальше — пожалуйста, применяйте и совершенствуете? Как мы устроены: с одной стороны, есть некие задания — есть тема, надо заниматься, с другой — есть то, что для души. Я хотел бы узнать Ваши исследовательские интересы на настоящий момент: что бы хотелось еще исследовать, понять?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Я бы сделал акцент на том, что какой-то «сигнал в космос» я послал — своими статьями, докторской — что услышат, то услышат. А все остальное — зона моей ответственности. Вся методологию я применяю в своих исследованиях. Я сейчас по возрасту перестал быть заместителем директора. В моей лаборатории есть и молодые сотрудники, и опытные коллеги, когда мы с ними обсуждаем исследования, я напоминаю, что есть методологические особенности, которые могут оказаться важными в прикладном смысле. Если мы о них вовремя вспомним, это поможет нам правильно выстроить исследования. Но в основном я пользуюсь этим запасом методологических представлений в своей собственной работе, стараюсь не впадать в пизофрению, когда в одной части головы есть хорошая методология, а в другой — при-

кладные работы, которые ей не соответствуют. Я стараюсь поддерживать баланс.

Занимаюсь я разными вещами. Благодаря совершенно случайному обстоятельству 2000 года я достаточно глубоко вошел в аграрную проблематику. В нашей лаборатории мы занимаемся прогнозами аграрного производства, аграрной политикой, немного — сочетанием развития сельского хозяйства и сельских территорий. Сейчас в институте мы делаем большой проект, посвященный проблемам пространственного развития. Там будет участвовать и Александр Васильевич Петриков — он намерен реализовать свои представления о политике развития сельских территорий.

Когда я шел на нашу встречу, чувствовал, что это очень странная история: какое я могу иметь отношение к крестьяноведению. Благодаря тому, что я занимался и экономикой в целом, и отдельными отраслями, я понял всю условность таких всегда встречающихся в отраслевых публикациях заявлений первого-второго абзаца: «Сельское хозяйство — это важнейшая, ключевая, системообразующая отрасль национальной экономики». Открываешь статью про какую-нибудь отрасль промышленности — там то же самое, а может, даже более цветисто. И ты понимаешь, что это профессиональная деформация исследователя — «агроцентризм» или «нефтецентризм». А я в этом смысле — «человек экономики».

А. М. НИКУЛИН: Вообще, я считаю, кем бы ты ни был как экономист, надо стремиться к синтезу постановки проблемы. Получается, в Вашей лаборатории сельскохозяйственная проблематика — одно из направлений?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да.

А. М. НИКУЛИН: Есть и другие отрасли, направления?

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Да, лаборатория — часть института. В любом институте состав лабораторий или структура направлений исследований носит инерционный характер. Создается лаборатория под какого-то определенного исследователя, сначала он занимается одним кругом вопросов, потом у него изменились интересы или он ушел, а лаборатория создана под определенным названием и продолжает существовать. Моя лаборатория называется «Лаборатория проблем социально-экономического и научно-технического развития страны в долгосрочной перспективе». Предыстория проста: в конце 1980-х годов в институте «выросло» три сильных исследователя, которые занимались прогнозированием на народнохозяйственном уровне. Это исследовательское пространство надо было как-то разделить в организационно-бюрократическом плане — с точки зрения названия лабораторий. То есть заниматься можно было практически всем, но работать нужно было под разными «вывесками». Нас разделили: ты занимаешься краткосрочным прогнозированием, ты — среднесрочным, ты — долгосрочным. Это нашло отражение в названии лаборатории. Менять название лаборатории — такая бюрократия, а работать по новым направле-

М. Ю. Ксенофонтов,

А. М. Никулин

«В чем отличие прогнозов погоды от прогнозов экономики?»

ниям это вроде бы не мешает... Например, в этом году я буду активно работать в институтском проекте по стратегии пространственного развития.

Есть странное качество опытных исследователей — задавать простые, «глупые» вопросы, а также «забывать» свои прежние результаты, чтобы они не мешали видеть особенности предмета исследования в его текущем состоянии. Первый нормальный «глупый вопрос»: мы до сих пор часто сталкиваемся с сочетанием «региональное развитие» или «развитие в региональном разрезе», чем это отличается от «пространственного развития»? На мой взгляд, в любом проекте нужны участники с относительно свежим взглядом на предмет исследования. У специалистов, которые давно чем-либо занимаются, возникает та или иная разновидность профессиональной деформации — чаще всего они заранее знают, что нужно делать, к какому результату нужно прийти. Новые люди, когда попадают в проект, могут легче выражать свое непонимание, обращать внимание на устоявшиеся логические стереотипы. Нужны люди, которые во взаимодействиях со своими коллегами не стесняются сказать, что они чего-то не знают. Для этого следует быть очень внутренне уверенным в себе...

А. М. НИКУЛИН: И сохранять в себе детскую наивность: не бояться, что я взрослый, ученый, задаюсь этими простыми элементарными вопросами. А они ведь самые сложные: что есть пространство — это вопрос философии, социологии, что есть пространственная безопасность — тем более. Уровни этого пространства: вся страна, регион, локальный уровень деревни.

М. Ю. КСЕНОФОНТОВ: Конечно. У меня к этой проблематике есть давний интерес, накопилось некоторое раздражение в отношении части рекомендаций. Читаешь работу, в которой сопоставляются показатели по регионам, и заранее знаешь, чем она закончится: «Нужно снижать дифференциацию по этому показателю». Мы, когда смотрим на нашу историю, находим множество примеров, когда для решения важных социально-экономических задач показатели дифференциации увеличивали — северные, дальневосточные коэффициенты к зарплате — чтобы создавать мотивацию для развития соответствующих территорий страны. На философском уровне дифференциация — это нормально, это признак жизни. Ее отсутствие — скорее всего, смерть. В физике тепловая смерть — полная однородность. Но и высокая дифференциация в ряде ситуаций может интерпретироваться как нежелательное состояние. При этом непонятно и то, по каким критериям показатели дифференциации в экономике оцениваются как «высокие» или «низкие». В этом смысле, когда мы обращаемся к проблематике пространственного развития, у меня есть определенный эмоциональный запал, связанный с тем, что в этой области исследований нет важного типа прогнозов — нормативных. Что такое нормальная дифференциация — не вообще, а применительно к данному этапу развития, к таким

вот задачам? Если мы ставим определенные цели развития, какие уровни дифференциации по широкому спектру показателей будут одной из характеристик желательного образа будущего или способствовать его достижению, а какие станут труднопреодолимым препятствием или неизбежным негативным следствием проводимой экономической политики? Пока нам, на мой взгляд, не хватает понимания того, как «управление дифференциацией» должно быть встроено в контекст социально-экономического развития.

*М. Ю. Ксенофонтов,
А. М. Никулин*
«В чем отличие
прогнозов пого-
ды от прогнозов
экономики?»

“What is the difference between weather forecasts and economic forecasts?”

Mikhail Yu. Ksenofontov, DSc (Economics), Head of the Laboratory, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences; Deputy Head of the Department, Moscow Institute of Physics and Technology. Nakhimovsky Prosp., 47, Moscow, 117418, Russia. E-mail: ksen_home@bk.ru

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. The interview with Mikhail Ksenofontov, DSc (Economics), Head of the Laboratory at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, focuses on the challenges of forecasting in economic science and policies. Two scientists discuss the evolution of approaches to forecasting from the late Soviet period to the present time; the issues of forecast accuracy, their alternative nature, fallibility and the influence of the subjectivity factor (on the examples from energy industry and agriculture); economic growth assessments and criteria, its speed, optimality and proportionality; the features of forecasting approaches in natural and social sciences (on the examples of weather forecasts and economic forecasts). In conclusion, the spatial development design is mentioned in connection with issues of assessing the scale of social-economic differentiation.

Key words: forecasting, economics, politics, energy industry, agriculture, error, regional studies, optimality, proportionality

Лес рубят! Социальные последствия модернизации лесозаготовительной деятельности в Вологодской области¹

Рецензия на книгу: Беляева М. Щепки летят. Как устроен лесозаготовительный промысел на Вологодчине. М.: Common Place; фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», 2024. — 192 с. ISBN 978-999999-1-73-5.

К. В. Аверкиева

Ксения Васильевна Аверкиева, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института географии РАН. 119017, Москва, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4.

E-mail: k_averkieva@igras.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-308-313

В последние 20, если не 30 лет представители наук об обществе избегали исследовать ряд тем из-за очень сложной институциональной устроенности и высокой доли теневого сектора, граничащего с криминалом. В их числе всегда были лесозаготовки и вылов рыбы. Иногда появлялись отдельные публикации: антропологические зарисовки о жизни отдельных поселков², о региональных проблемах развития лесозаготовок³. При этом практически не было работ ни о населенных пунктах, возникших для обслуживания отрасли, ни о ее работниках, ни о социальных особенностях постсоветской трансформации и современного функционирования лесного бизнеса.

Книга М. Беляевой «Щепки летят» — редкое и очень ценное для представителей разных дисциплин исследование не экономики лесопользования, а его формальной и неформальной институциональной организации, роли обновленной отрасли в жизни сельских террито-

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения 0008 научно-исследовательской работы государственного задания «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы», № FMWS-2024-0008 Института географии РАН
 2. Позаненко А. А. (2018) «Отдельная типа республика»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. Социология. Этнология. Т. 27. № 4. С. 31-55.
 3. Кузьминов И. Ф. (2010). Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере европейской России (на примере Костромской области) // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 31-43.

рий, где одновременно рассматриваются и социальные последствия радикальных перемен в лесном комплексе. За несколько лет полевых исследований автор провела около 70 глубинных интервью с представителями различных сторон, вовлеченных в лесной бизнес или затронутых его трансформацией: непосредственно работниками лесозаготовок, бывшими работниками, жителями лесопунктов и сел, где велась или ведется лесозаготовительная деятельность, владельцами крупных лесопромышленных холдингов и индивидуальными предпринимателями. Исследователь прошла весь путь от удаленных деленок в лесу, где работники живут в вагончиках-вахтовках, до центров деревообработки, от областного и районных центров до малых сел и удаленных поселков, лишившихся экономической базы в связи с территориальной перестройкой отрасли.

Исследование базируется на материалах одного региона — самого лесозаготавливающего в Европейской России, уступающего лишь нескольким сибирским. Вологодская область в числе первых смогла адаптироваться к различным изменениям институциональной организации и технического уклада лесозаготовок и превзойти советские показатели отрасли, в отличие от всех соседних лесных регионов. Ценно, что автор охватила исследованиями территории в разных частях обширной области, не останавливаясь на одном-двух кейсах. Книга изобилует цитатами и обширными вставками с расшифровками интервью, она говорит с читателем не только языком автора, но и словами респондентов, передавая всю сложность ситуации и неоднозначность оценок происходящих процессов.

На 190 страницах книги Марина Беляева показывает самые важные черты, присущие современной лесозаготовительной отрасли, и перемены, которые произошли в ней за последние 20 лет. Она демонстрирует главное — насколько лес всегда был важен для жизни сельских жителей, что это не столько отрасль экономики, сколько образ жизни и основа определенного сельского уклада, который сохранялся в Вологодской области дольше, чем в других областях. Именно поэтому многие современные процессы, которые аналитикам видятся как прогресс и развитие (рост удельных лесозаготовок, технической оснащенности отрасли, заработной платы сотрудников и др.), на самом деле весьма неоднозначно сказываются на развитии сельских территорий.

В первой части книги автор рассказывает об изменениях в условиях лесопользования и арендных отношениях, которые стали основной формой получения леса после принятия Лесного кодекса 2007 года. Приводятся некоторые количественные характеристики арендных участков, механизмы их получения и распределения между лесопользователями. Есть глава, посвященная неформальным практикам получения участков для лесозаготовок. Отдельно автор рассматривает «приоритетные инвестиционные проекты» как форму участия в лесных аукционах, которая в Вологодской области вылилась не только в предоставление леса крупным компаниям, но и в самоорганизацию

лесозаготовителей, формирование районных объединений и кооперацию. Это редкое явление и необычный процесс, который мог бы стать одним из сюжетов отдельного исследования низовых форм самоорганизации сельских жителей. При этом Беляева показывает, что ежегодно минимальный размер таких проектов увеличивается, не оставляя шансов местным предпринимателям и способствуя передаче арендных участков крупным игрокам, не связанным с территорией.

Важное наблюдение автора, подкрепленное многочисленными интервью — это разное отношение к сотрудникам, населенным пунктам и территории в целом, которое бывает присуще местным компаниям и тем, кто не связан с районом лесной аренды или с Вологодской областью в целом. Те, кого условно можно назвать местными, более внимательны к своим сотрудникам и готовы вкладывать средства в благоустройство и инфраструктуру населенных пунктов, поддерживать избыточную занятость, чтобы сохранить рабочие места, более бережно относятся к лесным ресурсам.

В книге очень рельефно показана современная техническая организация лесозаготовок и переход от ручной валки бригадами к работе на комплексах, когда одновременно повышается и производительность труда (*«за сутки работы техники вырубается такой объем леса, который бы лесорубочная бригада заготовила за неделю»*, с. 11). При этом работа оператора стала куда более комфортной, чем вальщика в составе бригады, теперь это *«работа в тапочках»*, о чем постоянно говорят все респонденты. Но помимо улучшения условий труда переход отрасли на лесозаготовительные комплексы приводит к отрыву заготовок от системы расселения: лесопромышленные поселки больше не нужны, даже если лесозаготовка ведется в непосредственной близости. С помощью новой техники лес быстро вырубается на различных участках, вместе с ней перемещаются и работники, которые работают вахтовым методом и живут в вагончиках-вахтовках прямо на делянке.

Интервьюер: *Сейчас кто-то из местных жителей работает в лесу на лесозаготовках?*

Житель: *Мало людей.*

Интервьюер: *А местные чем занимаются?*

Житель: *На пилораме работают.*

Интервьюер: *А в лесу?*

Житель: *А в лесу сейчас все комплексы.*

Интервьюер: *А операторы, которые в лесу работают?*

Житель: *У нас так неместные работают.*

Интервьюер: *А из вашей деревни никто не работает?*

Житель: *Из нашей все ездят в соседнюю область работать, все по командировкам.*

(с. 84)

Одновременно в формате описания различных кейсов показана судьба лесопромышленных поселков: большая численность населения и развитая инфраструктура в прошлом, стремительная депопуляция в последние 20 лет и редкие жители сейчас. А также отсутствие возможности работать в лесу и с лесом: даже вблизи населенных пунктов леса, как правило, находятся в аренде у других предпринимателей, не местных, а то и у крупных холдингов, и жители доступа к лесу не имеют. При этом все издержки лесопользования они все равно несут на себе: разбитые лесной техникой дороги в теплый сезон (правда, зимой — чистенные и всегда проезжие), нарушение сложившихся практик сбора дикоросов, охоты, утрата значимых лесных ландшафтов.

В книге показываются различные формы организации лесозаготовок, от крупных лесопромышленных холдингов до малого бизнеса с небольшими бригадами и даже «черных лесорубов» — тех, кто вырубает лес нелегально. Автор приводит данные департамента лесного комплекса Вологодской области о том, что нелегально вырубается около 1% от заготовленного леса в области, и она соглашается с такой оценкой после проведения исследования. В книге показано, что вопреки стереотипам о сплошных нелегальных рубках, когда на месте леса остаются неубранные ветви и пни, нелегальная заготовка леса — выборочная, когда «черные лесорубы» валят только наиболее спелые качественные деревья, оставляя менее спелые и подрост. Это совпадает и с исследованиями автора данной рецензии, которая в своих интервью о природе «лесвора» встречала такие же оценки: *«вроде лес стоит, а взять нечего»* (интервью с предпринимателем в одном из наиболее лесных районов области) — именно так выглядят последствия незаконных рубок. Современная техника, оставляющая после себя полностью расчищенные делянки, в нелегальных лесозаготовках не участвует. «Черные лесорубы» — явление уходящее, как и ручная лесозаготовка в целом, и связано это не только и не столько с ужесточением контроля, сколько с постарением сельских жителей и оттоком молодых (либо более предпочтительной занятости в механизированных лесозаготовках на комплексах).

Вторая часть книги — это яркие полевые заметки: с делянок и из кабины техники, из различных населенных пунктов, где базируются лесопромышленные компании, или, наоборот, из потерявших работу и лес после прихода внешнего арендатора. Такие заметки позволяют увидеть всю внутреннюю кухню и условия работы в разных типах лесозаготавливающих компаний, почувствовать разницу в условиях труда на харвестерах и форвардерах в сравнении с трелевочными тракторами и ручной валкой леса, понять экономику лесозаготовок глазами сельских жителей. Благодаря заметкам можно понять, насколько бережно к лесу и сельским жителям относились и относятся даже те, кого принято считать наименее эффективными лесопользователями, и насколько сильны контрасты с крупными игроками в лесном бизнесе.

Одно из ценных наблюдений — это рубки на «белых пятнах», т. е. на землях сельскохозяйственного назначения. Это одна из самых за-

гадочных категорий природопользования, поскольку, с одной стороны, такой вид деятельности незаконный (нельзя официально получить право на разработку участков на сельскохозяйственных землях), с другой стороны, нет механизмов привлечения к ответственности за подобную деятельность, поскольку леса на полях быть и не должно. Внимание к этому вопросу пытаются привлечь многие коллеги⁴, поскольку заросшие лесом поля в Нечерноземье — явление чрезвычайно распространенное, международная компания «Гринпис» приводила оценки, что около 10% российского леса произрастает на сельскохозяйственных землях⁵, и требуется разработка новых законодательных норм работы с такими лесами или включение лесоводства в перечень разрешенных видов сельскохозяйственной деятельности. Но таких инициатив по-прежнему нет.

Формат книги сильно отличается от академических монографий, поскольку не предполагает ни обзора исследований (его заменяет краткое упоминание о том, что про лес написано слишком мало и ничего — о социальной стороне лесного промысла), ни описания методики исследования, ни теоретических рамок. Можно было бы предположить, что посыл этой книги иной, больше претендующий на формат этнографических описаний и нарративов, но и такие подходы имеют теоретические основы. В данной монографии автор лишь упоминает подход С. Г. Кордонского к определению промысловой деятельности (и то не приводя ссылок, поскольку соответствующие публикации есть только у его коллеги Ю. М. Плюснина⁶). Такой дизайн монографии не подрывает доверия к результатам исследования, но заставляет задуматься о научной этике в целом.

В то же время социологическая этика не позволила раскрывать не только имен респондентов и названия компаний, но и их территориальную принадлежность, что отчасти объяснимо, но сводит часть исследовательских усилий на нет. Возможно, в случае неэтичности упоминания топонимов (а в таком случае не стоит помещать и фотографии — некоторые населенные пункты легко узнаются) следовало бы уйти от описания отдельных поселков, сформировав обобщительные характеристики различных их типов. Или можно было выбрать лишь отдельные сюжеты, характеризующие социальные последствия изменений в лесопользовании, не привязывая их к отдельным территориям.

4. Шварц Е. А., Казанцев Н. Н., Байбар А. С. (2021). Рациональное использование заброшенных земель сельскохозяйственного назначения: шаг вперед, два шага назад // Устойчивое лесопользование. № 1(65). С. 7–12.

5. Дать ссылку на первоисточник уже невозможно в связи с прекращением деятельности на территории Российской Федерации, но есть множество материалов, ссылавшихся на исследование, например, такой: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/05/27/802518-grinpis-sostavil-reiting>

6. Плюснин Ю. М. (2022). Неформальная экономика российской провинции. Источники ресурсов и виды промысловых практик домохозяйств // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 25. № 3. С. 58–90.

Отсутствие внимания к другим исследованиям, посвященным лесной отрасли на территории Вологодской области (а они есть⁷), иногда приводит к неточным трактовкам статистики. Так, автор неоднократно приводит в книге график с динамикой сокращения числа ИП в лесном секторе (с. 17, 49), иллюстрируя стремительное сокращение ИП в отрасли. С одной стороны, трудно не согласиться с автором, тем более что в подтверждение графикам приводятся цитаты из интервью, где говорится о сокращении числа предпринимателей, выдавливании малого бизнеса крупным и просто о старении сельского населения и выхода заметного числа лесорубов и предпринимателей на пенсию. С другой стороны, не учитываются различные институциональные игры, когда наемные работники у лесных предпринимателей оформляли ИП для оптимизации выплат и обхода сложных налоговых схем⁸.

Книга будет чрезвычайно интересна всем, кто хочет лучше понять природу современной лесозаготовительной отрасли и увидеть широкий спектр социальных и пространственных последствий ее постсоветской трансформации. Подобно современному сельскому хозяйству⁹, лесной комплекс стал ориентироваться на современные технологии, большие объемы и крупных игроков, а сельские жители оказались в стороне от современных комплексов. Современная лесохозяйственная деятельность часто идет вразрез со всеми тонко настроенными практиками существования в неплодородной нечерноземной зоне, поэтому весьма вероятно, что на фоне роста объемов лесозаготовок убыль сельского населения только усугубится.

The forest is being cut down! Social consequences of modernization of logging complex in the Vologda Region

Review of the book: Belyaeva M. (2024) «Chips are Fly. How the Logging Industry is Organized in the Vologda Region» Moscow: Common Place; Khamovniki Social Research Support Foundation. — 192 p. ISBN 978-999999-1-73-5

Ksenia V. Averkieva, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geoinformation Technologies, National Research University Higher School of Economics; Senior Researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. 119017, Moscow, Staromonetny Per., 29, bldng 4.
E-mail: k_averkieva@igras.ru

7. Ворошилов Н. В. (2020). Развитие лесного комплекса в муниципалитетах региона (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. Т. 8. № 5. С. 4; Аверкиева К. В. (2021). Постсоветская трансформация лесных поселков на севере Нечерноземья // Крестьяноведение. Т. 6. № 3. С. 90-110.
8. Воробьева И. Н. (2017). Специфика мотивации предпринимателей в сельской местности // Экономические и гуманитарные науки. № 4(303). С. 39-46.
9. Узун В. Я., Шагайда Н. И., Шишкина Е. А., Гатаулина Е. А. (2022). Холдингизация агробизнеса России. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Ревитализация села через плановое стимулирование сельской занятости: опыт социалистического хозяйства Китая по Си Цзиньпину¹

Рецензия на книгу: Rural Revitalization in China: A Socialist Road with Chinese Characteristics / Ed. by X. Chen, H. Wei, Y. Song. Singapore: Springer, 2023.

Д. М. Рогозин

Дмитрий Михайлович Рогозин, кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией полевых исследований ИНСАП РАНХиГС; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. 119571, Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: rogozin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-314-322

Впервые о сельской ревитализации в Китае я услышал в 2018 году во время научной командировки в Пекин и сельские провинции. С коллегами из РАНХиГС, МГУ, НИУ ВШЭ, Института географии РАН встречались с партийными деятелями, предпринимателями, фермерами, рядовыми (насколько это можно допустить исходя из официального протокола встреч) сельскими жителями. Итогом многодневных поездок, перелетов по Китаю стала российско-китайская конференция в Пекине, на которой были рассмотрены основные аспекты ревитализации. Александр Куракин, активный участник той поездки, предложил перевод как «возрождение», добавив, что англоязычный термин «ревитализация» сложнее и может быть представлен как «оживление» или «активизация»². Действительно, возрождение, оживление, активизация и, добавлю от себя, реализация поручений партии и правительства по развитию сельских территорий и росту благосостояния фермерских хозяйств составляют основу китайских реформ в сельском хозяйстве.

Именно на этом делается акцент в недавно вышедшем сборнике китайских исследователей по сельской ревитализации, как вертикального транзита идей от политической элиты к каждому сельскому жителю, независимо от достатка, образования, семейного положения. Идеи, закрепленные в программных документах, ар-

1. Текст написан в рамках выполнения государственного задания на 2024 г.

2. Куракин А. А. (2018). Китайско-российская конференция «Сельское возрождение» // Крестьяноведение. Т. 3. № 2. С. 188.

тикулированные с трибун первым лицом КП Китая Си Цзиньпин, следует рассматривать не только и не столько как форму своеобразного политического ритуала, сколько как элемент публичного дискурса, конституирующего реалии сельской жизни: социальные идентичности, отношения, системы знаний и значений³. Си Цзиньпин упоминается в сборнике 627 раз. Учитывая то, что текстовый массив состоит из 200 страниц, имя генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая в среднем встречается более трех раз на одной странице. Это самое частотное имя-концепт для всех 10 публикаций, вошедших в сборник, и его упоминание не зависит ни от содержания, ни от формы подачи материала. Имя Си Цзиньпина и есть форма, определяющая содержание, ключ к репрезентации ревитализации китайских сел, а сам сборник — резюмирующее собрание идей национального лидера.

Ориентируясь в совокупном тексте сборника исключительно на имя генерального секретаря как на маркер значимости написанного, можно выделить пять основополагающих вопросов сельского развития Китая, которые объединяют не абстрактные представления о светлом будущем, а конституируемые здесь и сейчас условия развития сельской занятости. Труд на селе — основная тема ревитализации не только с экономической, но и социальной, культурной, этнической и политической точек зрения.

Во-первых, наибольшей значимостью для организации сельского труда выступает четкое и однозначное правовое регулирование отношений собственности на землю, контрактных прав и прав пользования, что объединяется китайскими коллегами в понятия базовой сельской операциональной системы, которая требует одновременных стабилизации и развития (р. 79–104). В отличие от России, слово «реформы» не скомпрометировано в Китае и именно с этим концептом связывается возможность диалектического подхода, заключающегося в постоянных изменениях, сохраняющих устойчивый и неизменный порядок. В основе последнего лежит не проблематизируемое право коллективной собственности на землю. Невозможность приватизации выступает гарантом сохранения единого правового и культурного пространства, в котором земля не может выступать предметом торга и рыночных спекуляций. Интересы и права фермеров защищаются не через закрепление за ними прав собственности, а через установление долгосрочных договорных отношений, которые не изменяются десятилетиями и позволяют на этапе заключения контракта точно понимать, каким образом контрактные отношения будут завершены.

«Углубление реформы системы коллективной собственности в сельской местности, защита имущественных прав и интересов

3. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. (2004). Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ.; научн. ред. А. А. Киселева. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр». С. 109.

фермеров, а также расширение коллективной экономики являются важными мерами, которые необходимо принять для реализации стратегии ревитализации села» (р. 48).

В упомянутой выше поездке в Китай мы посетили фермера-винодела. Организация его винного хозяйства произвела сильное впечатление. Вокруг находились рисовые поля, затопленные водой, а его надел в несколько гектаров был абсолютно сух и полностью покрыт полиэтиленом: снизу, сверху, по краям кустов. Огромная теплица, разделенная на ряды, была пронизана оросительной системой и световыми элементами. Такое технологизированное виноградарство ломало все представления о терруарном производстве вина, традициях, привычных культурных кодах. Договор аренды земли заканчивался у фермера через десять лет, и я спросил, что будет с землей после этого. Фермер ответил, что обязан привести ее в первоначальное состояние. Через десять лет на этой земле можно будет производить все что угодно, и скорее всего вновь будет возделываться рис. Это и есть сохранение неизменного порядка при постоянных унифицированных изменениях.

Во-вторых, на государственном уровне заявляется и всячески поддерживается интеграция село-городского развития, размытие различий в социальных и экономических статусах между городом и селом. Повелительное наклонение (must) в этом контексте воспринимается как естественное и непроблематизируемое. Китай должен разрушить двойственную структуру городских и сельских районов, сформировать равноправные обмены между городскими и сельскими поселениями, справедливое распределение государственных ресурсов и на текущем этапе обеспечить всестороннюю поддержку развития сельских районов (р. 50). Такова генеральная линия партии, требующая лишь операционального воплощения и безальтернативного приложения к действительности.

Высотные дома в районных центрах, полностью забетонированные пространства небольших деревень, в которых стираются различия между частной и общественной территорией и лишь колючая проволока и битое стекло на бетонных оградах указывают на частника, великолепные многополосные автостреды, связывающие отдаленные районы, — все способствует формированию единой инфраструктуры хозяйствования, в которой каждый работник должен ощущать свою значимость и сопричастность некоторой высшей идее коллективного целого.

Вместе с тем подчеркивается сохранение сельского уклада, ориентация на локальные культурные традиции, сопротивление всеобщей стандартизации жизни, переносу культа городского независимого проживания в село. Культурное многообразие деревенского быта провозглашается основой для ревитализации села и формирования престижа, комфорта, удобства жизни в сельской местности.

«Урбанизация не уничтожает деревни, а интеграция городских и сельских территорий не означает гомогенизацию деревень и го-

родов. Вместо этого интеграция городских и сельских территорий направлена на дифференциацию и скоординированное развитие городов и деревень, промышленности и сельского хозяйства» (р. 109).

Ключевым в процессе интеграции выступает социальный капитал (р. 116), или система сложившихся десятилетиями отношений, между различными участниками рыночных, социальных и культурных обменов. Социальные связи мыслятся не как фактор коррупции, блата, теневых операций, а как легальная форма стабилизации отношений, возможности долгосрочного планирования, дисциплинированного исполнения поставленных задач.

В-третьих, постулируется государственный приоритет продовольственной безопасности как локализованной системы производства и дистрибуции сельскохозяйственной продукции внутри страны, полное обеспечение базовых потребностей населения Китая продовольствием собственного производства. Регулярная нехватка продовольствия, порой голод в северных районах Китая рассматривается как временная трудность (на фоне тысячелетней истории), которая, циклично возвращаясь, последовательно преодолевается.

«После реформ и провозглашения открытости экономики (1978) спрос и предложение зерна в Китае пережили четыре этапа: дефицит, баланс, дефицит и непрерывный рост. На первом этапе (1978–1984) проблема поставок продовольствия была в основном решена. На втором этапе (1985–1998) период дефицита сельскохозяйственной продукции закончился. Спрос и предложение продовольствия были в целом сбалансированы, а в обильные годы даже наблюдался избыток. На третьем этапе (1999–2003) производство зерна не могло удовлетворить годовой уровень потребления, и запасы ежегодно сокращались. На четвертом этапе (2004–2015) производство зерна увеличивалось двенадцать лет. Хотя производство зерна увеличивалось из года в год, спрос и предложение на сельскохозяйственную продукцию по-прежнему в основном сбалансированы, но структурно дефицитны» (р. 64).

Последние десятилетия продовольственная безопасность перестала связываться лишь с производством и потреблением зерна. Многовариантные способы удовлетворения потребностей в питании, включение в рацион нетипичных для Китая молочных продуктов, экстенсивное развитие животноводства, фруктовых посадок существенно диверсифицировало и усложнило понимание продовольственной безопасности. Тем не менее оптимизация выращивания и переработки зерна остается важнейшим направлением в укреплении продовольственной безопасности, базовым критерием достижения поставленных партией задач, решаемых через аграрную модернизацию, индустриальную интеграцию, современные технологии и рост качества продовольственной продукции.

Аграрная модернизация при всем сходстве с тем, что происходит в мире, провозглашается как сугубо китайское направление развития (р. 79). Подчеркиваются китайские характеристики последней,

среди которых особо выделяются две: (1) комбинирование централизации и децентрализации управления селом; (2) укрепление роли партии и сельских администраций в текущей жизни села. Человеку из западной культуры, привыкшему к либеральным представлениям о конкуренции, о в меру свободном рынке, установлении цены через равновесие спроса и предложения, трудно воспринять китайскую модель, где в основе лежит многосторонняя договоренность всех участников хозяйственных отношений, устанавливаемая на годы вперед, где во главу угла поставлена социальная модернизация и экономические договоренности скорее поддерживают социальные и политические решения, нежели отражают самостоятельную сферу жизнедеятельности.

В основе достижения продовольственной безопасности лежит масштабирование сельскохозяйственного производства, провозглашенное в 1990-х годах и последовательно развиваемое по сей день (р. 85). Масштабная агрокультура представляет собой комплексное развитие всех видов сельского производства, отказ от доминирующей роли зерновых культур в пользу агрокультурного разнообразия, в котором находится место любым формам земледелия, скотоводства, овощеводства, виноградарства. Единственным условием выступает необходимость сохранения земельных ресурсов и понимание временности частного землепользования. Коллективная форма собственности остается неизменной и не подлежит пересмотру.

В-четвертых, сельское развитие не мыслится в программных документах без защиты окружающей среды и экологической безопасности. Невероятные темпы промышленного производства, огромная концентрация рабочей силы и долгие годы небрежного отношения к окружающей среде привели к тяжелым экологическим последствиям. Маска задолго до пандемии стала постоянным аксессуаром городского жителя в Китае. Поэтому прогнозы развития сельской местности и текущие мероприятия напрямую связываются с решением одной из острейших проблем современного Китая — экологической безопасностью, достижение которой видится через защиту сельского образа жизни и бережного отношения к земле. Но это не развитие «зеленой экономики» по западному образцу, а скорее сдерживание загрязнения и контроль за последствиями роста «производительных сил». Здесь весьма уместен этот марксистский термин, поскольку основная идеологическая основа экологической безопасности по-прежнему определяется марксистским учением.

«По сути, чтобы построить новую деревню, с одной стороны, Китай должен полностью осознать ее долгосрочную, сложную природу. С другой стороны, Китай должен следовать неотъемлемому закону развития деревни, защищать экологическую среду деревни, поддерживать сельскую этику и наследовать сельскую цивилизацию. В то же время Китай должен в полной мере использовать основные принципы и методы марксизма, с всеобъемлющей точки зрения истории и развития и на основе правильного пони-

мания ценности и функции сельского существования, полностью учитывать реалистичные проблемы, возникающие в ходе экономических и социальных преобразований Китая с точки зрения миграции сельского населения в город и структурных изменений сельской популяции» (р. 125).

Экологическая повестка напрямую связывается с понятием природной красоты. То, что красиво, не может быть вредным и разрушительным. Красота приносит мир и благополучие. Отсюда делается вывод об эстетической доминанте в развитии деревни и оправданности формирования и поддержки артистических, художественных практик в сельском строительстве. Искусство должно служить партии и народу. Вновь коллективные решения главенствуют над индивидуальными и общий, утвержденный дизайн поселения определяет и задает внешний вид отдельного дома. Традиционная экологическая китайская культура — слоган, определяющий основное направление рассуждений о будущем села. Технологическая модернизация видится сквозь призму культурной консервации, укрепления традиций и устоев, и тем самым развития «экологической китайской цивилизации» (р. 168).

В-пятых, необходим рост уровня образования на селе среди всех профессиональных сред, но прежде всего среди фермеров. Образование понимается как высшая ценность человеческого существования, приветствуется и поддерживается на локальном и государственном уровнях, становится не правом, а обязанностью граждан, основным ресурсом для преодоления бедности (р. 144-145).

«Только обеспечив справедливое и качественное обязательное образование для сотен миллионов сельских детей, Китай сможет сократить разрыв в доходах, благосостоянии, образовании и возможностях между городскими и сельскими районами и достичь социального равенства; только обеспечив поддержку талантов для синхронного развития индустриализации, информатизации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства, Китай может оказать фундаментальную поддержку новой деревне» (р. 142).

Преодоление бедности — один из ключевых вопросов, озвученных Си Цзиньпином. Если по остальным пунктам источниками информации выступают его многочисленные доклады на съездах и конференциях, то вопросу бедности посвящена монография⁴, цитатами из которой перенасыщен текущий сборник.

В упомянутую поездку в Китай мы с российской делегацией и пекинскими коллегами посетили одно из небольших сел в центральной части страны. Очень изрезанная гористая местность открыла неожиданные перспективы в прямом и символическом смысле. С одной стороны, поле вспахивал современный американский трактор с характерной зелено-желтой покраской John Deere.

4. Jinping X. (2014). Up and out of poverty. Pekin: Fujian People's Publishing House.

Сверхсовременная техника, своеобразный космический агрегат, кардинально меняющий роль механизатора, действительно, уничтожающий какие-либо различия между городской и сельской формой работы. С другой стороны, стоило повернуть голову, я увидел поразившую меня картину. Поле вспахивалось вручную, плугом, а запряженной в плуг была не лошадь и не вол, а женщина. Пара с плугом медленно двигалась, другая женщина, стоявшая посередине поля, что-то напевала, ее голос был настолько звонким, что даже через расстояние до нас доносились звуки и можно было различить мотив. Я был настолько поражен, что обратился с вопросом к коллеге из Китая. Она, в свою очередь, удивилась моему удивлению, ситуация была рядовой. Вспахивать вручную порой эффективнее, чем привлекать скот, которого может и не быть. И тянуть плуг легче, чем удерживать его на нужной глубине, потому запряжена женщина, а не мужчина. К тому же женщины меняются, та, которая поет (привет Пугачевой), просто отдыхает.

На такой дистанции без включенного наблюдения, разговоров нельзя однозначно интерпретировать ситуацию. Это может быть и крайняя бедность, и особый тип востребованного и дорогого ручного труда, и некоторый симбиоз труда и дохода или выгоды, извлекаемой из бедности. С такой бедностью, может, и не нужно бороться, она производительна, ее нужно преодолевать, модернизировать, сохраняя традиционный уклад и не нарушая вековые устои. Потому в Китае даже в процветающих провинциях можно увидеть столь контрастную картину сельского производства. И это может быть уже отнюдь не бедность, а разнообразие, диверсификация и современное разделение труда, к которому призывает лидер нации.

Пять основополагающих направлений сельского развития Китая, раскрытых в сборнике, опираются на восемь причин важности села для социально-экономического развития страны. Отвечая на вопрос, зачем столь много внимания уделять селу, авторы сборника своими текстами заявляют, что село — это (1) фундамент для модернизации всей экономики; (2) основа и источник продовольственной безопасности страны; (3) базис для укрепления семьи и семейных ценностей; (4) стимул и причина развития прекрасного в ландшафте; (5) пространство, где формируются условия для развития стандартов жизни всего населения; (6) основной объект пятилетних планов развития; (7) место формирования равенства возможностей; (8) основное поле деятельности по преодолению бедности. Объединяющим мотивом всего повествования и источником для эффективного развития села, в свою очередь, выступают труд и сельская занятость, направленные отнюдь не на снижение миграционных потоков, а на их усиление, на изменение вектора переездов от города к селу. Потому социальная сельская политика в Китае не препятствует, а стимулирует мобильность: трудовую, образовательную, культурную, подчеркивая тем самым приоритет равенства возможностей.

Сборник не репрезентирует реалии китайской сельской жизни, не отражает текущее состояние экономических и социальных отношений и не может служить пособием или дорожной картой (привет современному российскому госуправлению) для понимания происходящих в Китае преобразований. Ценность и практичность представленного материала заключается в точной передаче публичного дискурса, определяющего правильный стиль репрезентации происходящего. Перед нами не панорама китайского сельского развития, а манифест коммунистической партии, определяющий границу между хорошим и плохим, формирующий систему аргументов, которые будут востребованы на всех уровнях китайской власти. Поэтому не случайны не только постоянные ссылки на Си Цзиньпина, но и открытое утверждение, подписанное всем авторским коллективом в прологе:

Книга «Сельская ревитализация в Китае» представляет результаты исследования новых идей Си Цзиньпина об управлении Китаем в области сельского хозяйства и сельских районов, является одним из направлений большого исследования «Изучения новых идей Си Цзиньпина об управлении Китаем» (грант № 16ZzD001), специального проекта по рецепции новой концепции, идей и стратегии управления Китаем Центральным Комитетом КПК после XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии (р. 199).

В конце нашей поездки 2018 года состоялся званый ужин с руководством одной китайской провинции, которому предшествовало официальное мероприятие с жестким регламентом рассадки, порядка выступлений, временем, отпущенным на реплики исходя из ранга участников. Я с коллегами сидел в первых рядах и было спросил, когда можно задавать вопросы, на что получил ответ: вопросы в регламенте встречи не предусмотрены. Но иначе был организован ужин. Это был огромный вращающийся круглый стол, за которым уместилось более пятидесяти человек, уставленный различными яствами, деликатесами китайской кухни. Отдельно разливалась китайская водка и китайское вино, надо сказать, весьма приличное, не уступающее по своим вкусовым свойствам европейским аналогам (привет европейским виноделам).

В отличие от нас, привыкших к общему ведению застольной беседы, тостам, объединяющим всех в едином разговоре, китайское застолье на высоком уровне устроено иначе. Каждый со своим бокалом подходит к любому другому участнику, говорит тост, слушает ответный тост, обменивается репликами, выпивает. Кто-то остается на своем месте, тогда подходят к нему. Возникает с виду броуновское движение, но весьма осмысленное, негромкое, диалогичное, располагающее к откровенным разговорам. Я было подошел к китайскому профессору, но он вежливо напомнил, что и здесь нужно соблюдать ранг и вначале подойти к первому секретарю провинции. Так, не задав вопрос на официальной части, я поговорил с первым лицом за столом, и этот разговор врезался в память.

— Я хочу выпить за великий китайский народ, который смог достигнуть таких невиданных успехов, такого могущества за столь короткий срок, что это кажется невероятным, фантастическим. Мы много где побывали за эти дни, и каждый раз я узнавал что-то новое, необыкновенное, меняющее мои представления о реальности. За китайский народ и его великую миссию в современном мире!

— Я же хочу поднять тост за великий русский народ, который подарил Китаю переосмысленное марксистское учение, сформировал и определил современную идеологию Китая. Для нас большая удача иметь соседа, у которого так много новых идей и который так легко их забывает. Мы, китайцы, всегда готовы подхватить и реализовать задуманное вами, русскими, и всегда будем благодарны и восхищены силой вашего воображения. За великие фантазии русского народа и за его просветительскую миссию в современном мире!

Сборник представляет отражение не сельской, а управленческой, партийной реальности, с ее упрощением, оптимизмом и принуждающей к действию риторикой. Эта риторика неотличима от текстов съездов Коммунистической партии Советского Союза, стенограммы которых издавались огромными тиражами и были доступны в самых отдаленных уголках страны. Партийные книги не пользовались популярностью, в книжных магазинах их предлагали в нагрузку к дефицитным художественным произведениям. И, казалось бы, в этих текстах нет никакой ценности. Но опыт Китая, в частности текущий сборник, ставит под сомнение осмысленность и продуктивность нашего отращения к официальным программным документам. Написанное в режиме начальственного долженствования, намеренного упрощения и идеологического пиетета можно трактовать с позиции либо централизованного и унифицированного насилия, либо прогрессивных реформ по ревитализации чего бы то ни было, направленной на благо всех граждан страны. Написанное можно воспринимать как нечто фантазийное, к чему можно не относиться всерьез, что можно забыть, заняться делом. Но тогда это фантазийное, несерьезное, неделовое будет воспринято другими и реализовано так, что останется только восхищаться и завидовать.

Rural revitalization through the planned stimulation of rural employment: Xi Jinping model of China's socialist economy

Review of the book: Rural Revitalization in China: A Socialist Road with Chinese Characteristics / Ed. by X. Chen, H. Wei, Y. Song. Singapore: Springer, 2023.

Dmitry M. Rogozin, PhD (Sociology), Head of the Laboratory for Field Research, Russian Academy of National Economy and Public Administration; Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: rogozin@ranepa.ru

«Есть у Революции начало...»

Рецензия. на книгу: Бабашкин В. В. (2024). История России. Крестьянская революция 1902–1935 гг.: закономерности и особенности отечественной модернизации: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Лань. 204 с. ISBN 978-5-507-48967-1

П. С. Кабытов, Н. Н. Кабытова

*Пётр Серафимович Кабытов, заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. 443036, Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru*

*Надежда Николаевна Кабытова, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. 443036, Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru*

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-323-333

В 2024 году Санкт-Петербургское издательство «Лань» опубликовало учебное пособие доктора исторических наук, профессора кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Владимира Валентиновича Бабашкина. Это второе издание, которое автор переработал с учетом новейшей научной литературы (первое вышло в свет в 2007 году)¹. Оно стало основой докторской диссертации, которая была защищена в 2010 году². Бабашкин рассматривает крестьянскую революцию в России на протяжении длительного периода. Формулируя свою концепцию, автор в исследовательский инструментарий включает многофакторный анализ и междисциплинарный подход.

-
1. Бабашкин В. В. (2007). Россия в 1902–1935 гг. как альтернативное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. М.: Изд-во РГАЗУ.
 2. Бабашкин В. В. (2010). Закономерности и особенности российской модернизации в 1902–1935 гг.: опыт применения теоретических концепций развития крестьянских обществ. Автореф. дисс. ... д.и.н. Тамбов.

Структура книги состоит из введения, трех глав, заключения и краткого списка литературы. Во введении даны схемы восприятия исторического прошлого России, авторы которых пропагандируют разрыв между имперским и советским периодами. Отрицают преемственность и целостность исторического процесса нашей страны и современные российские либералы. Уже во второй половине 1980-х годов в научной и учебной литературе стала популярна либерально-рыночная схема российской истории, претендующая на роль государственной идеологии. В ее основе — тезис о разрыве между советским и современным периодами отечественной истории: до 1917 года Россия развивалась так же, как и страны Запада, но это развитие было прервано большевиками и «теперь должно быть восстановлено» (с. 7). Бабашкин же считает, что как научно-коммунистическая, так и либеральная схемы неверно отражают историческую реальность. Он предлагает свою схему отечественной истории первой трети XX века и пишет о непрерывности российского исторического процесса. Поскольку в первой трети XX века «продолжалась Россия как огромная крестьянская страна» (с. 8), в которой крестьянская революция совершалась одновременно с модернизацией, то именно с этой точки зрения он предлагает рассматривать революции и реформы, Гражданскую войну, нэп и коллективизацию.

В первой главе представлены теоретические аспекты проблемы. Историографический анализ ведется через призму правительственной аграрной политики и взглядов представителей общественного движения, а также трудов ученых по аграрной истории второй половины XIX–XXI веков. Автор реконструирует полемику между славянофилами и западниками, а во второй половине XIX века — между народниками и марксистами о сущности и исторических судьбах российской крестьянской общины. В этой полемике участвовали и представители имперской власти. Так, С. Ю. Витте инициировал созыв Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, на заседаниях которого обсуждался вопрос о судьбах сельской общины. Бабашкин пишет о взглядах представителей как консервативно-охранительного направления, видевших в общине опору самодержавия, так и радикально-революционного течения, рассматривающих ее как основу социализма. Но и те и другие считали ее тормозом в развитии аграрного сектора страны.

Бабашкин согласен с выводами редакторов первого выпуска научного альманаха «Крестьяноведение» (1996 г.), полагавших, что цикл многообразных исследований крестьянской общины, проведенных «земскими организациями, Вольным экономическим обществом [сюда же добавим Московское общество сельского хозяйства. — *Авт.*] и Русским географическим обществом, создали мощную основу как для конкретного анализа, так и для теоретического осмысления сельской жизни» (с. 13). Труды А. Васильчикова, А. Энгельгардта, А. Ефименко, В. Воронцова, Ф. Щербины,

А. Чупрова, Н. Черненкова, Н. Каблукова, А. Кауфмана, П. Румянцева, а также лидеров организационно-производственного направления заложили основу русского крестьяноведения.

Анализируя исследования советского периода, автор делает вывод, что в 1920-е годы были достигнуты существенные успехи в разработке теоретических аспектов аграрной истории. К сожалению, в книге отсутствует упоминание работ С. М. Дубровского и других историков о крестьянском движении в начале XX века. В основном он фокусируется на значении научных трудов А. В. Чаянова, который пропагандировал кооперативное движение и принцип научного регулирования государством естественных тенденций экономического развития и выступал за многоукладную экономику, однако установлено, что его идеи, воспринятые Н. И. Бухариным и А. И. Рыковым, не были реализованы властью в связи с индустриализацией и коллективизацией.

Историографическая ситуация в СССР изменилась во второй половине 1950-х годов. Возникли научные советы АН СССР по различным актуальным проблемам, стал функционировать Аграрный симпозиум по истории Восточной Европы. В 1958 году ученые Института истории АН СССР инициировали подготовку двухтомной монографии об истории коллективизации в СССР. Автор в книге анализирует дискуссию об особенностях аграрного строя России и возникновение неформального объединения «новое направление» в советской исторической науке. Однако такие проекты, как двухтомная история коллективизации, научная разработка истории крестьянской общины, не вписывались в официальную концепцию советской истории, а потому не были реализованы. Всплеск интереса к актуальным проблемам аграрной истории был притуплен, а концепции лидеров «нового направления» подверглись острой критике и сопровождались вплоть до 1990-х годов ростом числа препятствий со стороны партийных и административных структур, например, В. П. Данилову и И. Е. Зеленину в их попытках издать монографию о коллективизации. Негативное отношение было и к работам А. М. Анфимова. Одновременно Бабашкин высоко оценивает вклад в разработку истории русской поземельной общины М. М. Громыко, Б. Н. Миронова, П. Н. Зырянова, подчеркивая значимость их концепций.

Историографическая ситуация вновь изменилась во второй половине 1980-х и в 1990-е годы, когда резко возрос интерес к истории России со стороны публицистов и представителей гуманитарного знания, включившихся в дискуссию о выборе путей общественного развития страны, о реформаторской деятельности П. А. Столыпина. К числу достижений Бабашкин относит сотрудничество российских историков с зарубежными учеными, которое придало мощный импульс изучению проблем аграрной истории. Он подчеркивает значимость проведения теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», на заседаниях которого отече-

П. С. Кабытов,

Н. Н. Кабытова

«Есть у Революции
начало...»

ственные ученые совместно с иностранными коллегами «обсуждали общетеоретические подходы к истории аграрных обществ, которые существуют на Западе...» (с. 24–25). Публикация материалов семинара в журнале «Отечественная история», переводов на русский язык работ зарубежных крестьяноведов и издание альманаха «Крестьяноведение» стимулировало российских историков-аграрников к освоению новых исследовательских практик.

Значимым достижением автора можно считать анализ зарубежных трудов по аграрной истории России. Он установил, что изучение истории российского крестьянства велось с подачи русских специалистов, эмигрировавших в США. Так, он анализирует научные труды Г. Хантера, ученика Н. Ясного, который в соавторстве с Р. Ширмером создал модель альтернативной социально-экономической истории СССР 1920–1930-х годов (с. 26). Их монография «Негодные основы» подверглась жесткой критике со стороны Р. Кэмпбелла, Р. Дэвиса, С. Коэна, М. Левина.

Автор позитивно оценивает работы Р. У. Дэвиса и С. Г. Уиткрофта, исследовавших советский аграрный кризис 1931–1933 годов (с. 27). Уделено внимание и анализу вопросов, связанных с реализацией Столыпинской аграрной реформы, крестьянской культурой, крестьянской общиной (с. 28). Хотя Столыпинскую аграрную реформу они рассматривают с позиций, противоположных советской историографии, их выводы во многом совпадают с концепциями российских историков и публицистов 1990-х годов. К числу достоинств Бабашкин относит то, что труды зарубежных историков написаны на обширной источниковой базе, в которую включена художественная литература. Автор оценил также теоретические выводы о коллективизации американского историка и социолога Г. Динерштейна, для которого «коллективизация действительно оказалась событием революционного значения для огромного большинства населения страны» (с. 31).

Бабашкин согласен с тезисом М. Левина о том, что «само российское крестьянство составляло важнейший фактор первой российской модернизации XX века, без изучения которого невозможно адекватное представление о ее сути и внутренней логике» (с. 33).

Бабашкин обращает внимание на концепцию Т. Шанина, выделявшего три варианта развития российской деревни, которые представляют, по сути, трансформацию общества от аграрного к аграрно-индустриальному и индустриальному (с. 44).

Он также упоминает труды Р. Редфилда, считавшего, что «крестьянское общество и культура обладают некоторыми родовыми признаками. Этот тип обустройства людей, обнаруживающий какое-то сходство по всему миру» (с. 40).

Бабашкин анализирует монографию Дж. Скотта «Моральная экономика крестьянства», зафиксировавшую явления, характерные как для крестьянских обществ Юго-Восточной Азии, так и для русской крестьянской общины, о которой богатейшая историче-

ская информация содержится в книге А. Н. Энгельгардта «Из деревни» (с. 56).

Другой американский историк Д. Филд в книге «Повстанцы во имя царя» пишет о том, что миф о царе позволял русским крестьянам избегать столкновения с властью, а власти не запускать механизм репрессий во время протестных действий крестьян. Здесь же представлен концептуальный подход к восстаниям Э. Вульфа, который в монографии «Крестьянские войны двадцатого столетия» говорит о сходстве аграрных обществ Индии, Китая, Турции, России, Мексики. Общим было то, что в этих государствах модернизация сопровождалась «крестьянскими выступлениями общенационального масштаба и огромной внутренней солидарности» (с. 58). Анализ современных зарубежных концепций аграрного развития, таким образом, позволил Бабашкину представить новое видение закономерностей и особенностей отечественной модернизации в первой трети XX века.

Во второй главе прослеживаются закономерности и особенности отечественной модернизации. Автор солидаризуется с мнением В. П. Данилова о том, что Русская революция, начавшаяся в 1902 году, не завершилась и в 1922 году, поскольку «завершается ее крестьянский этап, но на новый круг выходит этап политический» (с. 65). Здесь же автор формулирует свое представление о характере модернизации в России в период новой экономической политики и коллективизации, подчеркивая, что она проходила в крестьянской стране, и на ее ход воздействовали эволюционные и революционные процессы в сфере внутриобщинных отношений и отношений крестьян с внешним для общины миром (с. 66).

Касаясь предпосылок аграрной революции в России, автор приводит традиционные взгляды российских историков о причинах восстаний в 1902 году. На наш взгляд, утрата «в глазах крестьянства помещиками (вообще крупными земельными собственниками) морального права владеть землей» (с. 75) произошла потому, что владельцы латифундий, превратившихся в агрофирмы, перестали сдавать землю крестьянам в аренду. На масштабы восстаний повлиял и такой фактор, как заразительность, когда в восстаниях участвовали крестьяне нескольких волостей. Действенным инструментом являлись поджоги помещичьих усадеб. Крестьяне мотивировали эти действия тем, что в случае уничтожения усадеб помещики не смогут возвратиться в свои имения. Но главное все же состояло в том, что и власть, и дворяне реально увидели: община фактически стала организатором крестьянских восстаний.

Бабашкин далее пишет о том, что имперская власть осознала необходимость помимо продолжения карательных действий приступить к реформированию аграрного строя. Он приводит сведения о таких мероприятиях имперской власти, как создание Редакционной комиссии Министерства внутренних дел, созыв Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, отме-

*П. С. Кабытов,
Н. Н. Кабытова*
«Есть у Революции
начало...»

на круговой поруки при уплате налогов. Установлено, что в 1905–1907 годах правящая элита просто «обречена была на вывод о необходимости скорейшего и необходимого слома институтов общинной организации крестьянства» (с. 78). Крестьяне же на практике убеждались в эффективности общины, которая организовывала крестьян на борьбу против помещиков. Бабашкин характеризует деятельность Всероссийского крестьянского союза, Трудовой фракции депутатов в Государственной Думе и акцентирует внимание на вопросе «кто кого вел» в Русской революции XX века. Но все-таки здесь можно было бы привести данные о масштабах и формах аграрного движения.

Теоретические выводы Бабашкина о реализации Столыпинской аграрной реформы отличаются от концептуальных воззрений советских историков. Речь идет о том, почему деревня отвергла Столыпинскую реформу. Автор солидаризуется с Э. Вульфом в том, что сопротивление крестьян власти усиливается, а процесс их самоорганизации приобретает новые качественные изменения. Автор подчеркивает отличие от столыпинской политики проекта министра финансов И. Х. Бунге, предусматривавшего постепенный переход к рыночной экономике, при реализации которого обеспечивалась бы социальная защищенность населения. Но в условиях аграрной революции начала XX века власть приступила к форсированным методам проведения модернизации деревни. Бабашкин выявляет факторы, влиявшие на реакцию крестьян в связи с реализацией Столыпинской аграрной реформы, которая разрушала общины и создавала в деревне слой новых земельных собственников, приобретавших экономическую свободу: право свободно распоряжаться земельной собственностью. Но это противоречило традиционным представлениям крестьянского мира. «Общинное уравнительно-передельное чересполосное владение земель, — отмечает автор, — отвечало базовому представлению большинства крестьян о справедливости и было освящено обычным правом» (с. 89). Добавим от себя также инерцию крестьян жить по старине — как деды и прадеды, а потому главная функция общины сохранялась и обрела в условиях реформы новое значение: защиту от посягательств на права крестьян со стороны власти.

Новым можно считать вывод автора о том, что в этот период «прибавились элементы партизанской войны против капиталистических (или же напоминающих капиталистические) тенденций в собственном деревенском развитии, представленных столыпинскими выделенцами» (с. 93). В книге приведены сведения о масштабах сопротивления крестьян, географии протестных выступлений и их направленности. «Можно в определенном смысле сказать, что она [борьба крестьян. — *Авт.*] была направлена против капитализма в сельском хозяйстве» (с. 106). И там же он формулирует вывод, что на разных этапах аграрной революции «русские крестьяне с применением всех видов оружия слабых боролись против пре-

вращения земли в предмет купли-продажи, рыночной спекуляции» (с. 100). А потому в российской деревне была одна война: концепция двух социальных войн для Бабашкина не актуальна. Но это далеко не так.

Завершает вторую главу параграф, в котором анализируются взаимоотношения крестьян и власти в период Гражданской войны в России. Но вначале автор попытался дать ответ на вопрос, почему кризис, разразившийся в начале 1917 года, оказался фатальным не только для российского самодержавия, но и «для всех других организованных политических сил, рвущихся к власти, за исключением большевиков» (с. 103). Он утверждает: «...именно революционное крестьянство вознесло большевиков к вершинам власти в 1917 году» (с. 103). Далее автор дает краткий очерк революционного процесса в 1917 году, но все же можно было бы показать масштабы массового аграрного движения, которое, по мнению В. М. Бухараева и Д. И. Люкшина, представляло не что иное, как общинную революцию, в ходе которой крестьяне выступали за ликвидацию помещичьего землевладения, за возвращение в общину земель хуторян и отрубников. Обоснованно звучит вывод автора о том, что аграрное движение в 1917 году «принимало такой размах и такие формы, что гражданская война становилась неизбежной» (с. 111).

Свою лепту автор вносит и в дискуссию о периодизации Гражданской войны в России. По его мнению, точкой невозврата стал Декрет о Земле (с. 119). Он также полагает, что нельзя переоценивать роль комбедов в решении продовольственной проблемы. Комбеды власть упразднила в конце 1918 года, так как «общины и местные Советы стали противодействовать методами тихого сопротивления: в комбеды направлялись крестьяне, не желавшие портить отношения с зажиточными крестьянами» (с. 121). Историк акцентирует внимание на деятельности продотрядов в деревне, крестьянских восстаниях, подчеркивая, что «против советской власти восставшие ничего не имели, так как форма местного самоуправления — Советы — вполне устраивала крестьянство» (с. 125).

В третьей главе речь идет о нэпе и коллективизации как завершающем этапе крестьянской революции в России. Одна из новаций в освещении модернизационных процессов — концентрация внимания на качественных изменениях правового регламентирования отношений власти и крестьянства. В этой связи напомним читателям о значении решений X, XI, XII партийных съездов, Земельного кодекса 1922 года, по существу, отменившего «социалистическое» земельное законодательство 1918–1920 годов, Декрета ВЦИК и СНК от 10 мая 1923 года, а также Манифеста ЦИК СССР, провозглашенного в связи с 10-летием советской власти (этот документ освободил от сельхозналога 33% крестьянских дворов). Позитивную роль в укреплении доверия между властью и крестьянством сыграла и денежная реформа. Согласимся с выводом автора о том, что «передача всей земли фактически в общинное пользование и подобная

*П. С. Кабытов,
Н. Н. Кабытова*
«Есть у Революции
начало...»

налоговая политика в деревне, отвечающая базовым представлениям общинников о справедливости и равенстве, способствовали изменению отношения сельских жителей к центральной власти с резко негативного, характерного для Гражданской войны, на в целом позитивное» (с. 132–133). Судя по письмам крестьян в журнал «Крестьянка» и «Крестьянскую газету» в период нэпа, большинство корреспондентов воспринимали власть как свою, народную. А сама власть на начальном этапе нэпа, разрабатывая аграрное законодательство, вынуждена была учитывать реально существующие порядки и установления, «имея поучительный опыт предшествующей поры, когда крестьяне применяли самые разнообразные средства обыденного сопротивления из арсенала “оружия слабых”, сводя на нет вводимые сверху неугодные порядки» (с. 143).

Установлено, что в 1920-е годы архаика прежнего периода крестьянами была успешно преодолена. В доказательство этого приведены сведения о воздействии кооперативного движения на эволюцию крестьянских хозяйств (с. 139). Анализируя социальную структуру российской деревни, автор пишет, что к 1927 году на долю мелких крестьянских единоличных хозяйств приходилось 110,1 млн га, или 98% всех посевных площадей. В колхозах насчитывалось 0,6% посевов, в совхозах — 1,4% (с. 143). К 1926/27 году среднее крестьянство по такому показателю, как посевная площадь, составляло 71,9%, тогда как зажиточных хозяйств насчитывалось 3,7% (с. 140).

В книге акцентируется роль Земельного кодекса РСФСР, а затем Нормального устава земельного общества 1926 года, в которых было оформлено правовое пространство функционирования земельных обществ. В этих законодательных актах явно просматривается разграничение функций сельского совета и общины. Автор, опираясь в том числе и на новейшую литературу, констатирует независимость сельской общины, которая проявлялась при разделе крестьянских дворов. Все это свидетельствует о том, что в 1920-е годы крестьянская община «действительно оказалась победителем в российской революции, и ей удавалось пользоваться основными плодами этой победы на протяжении периода нэпа» (с. 146). Но мы бы назвали это пирровой победой.

Анализируя экономические, политические и культурно-психологические предпосылки коллективизации, Бабашкин оперирует различными теоретическими концепциями российских и зарубежных ученых, а также описывает различные оценки позитивных и негативных итогов коллективизации. Так, В. П. Данилов сожалел о вынужденном умолчании в годы сталинизма, а затем застоя о том, что вклад деревни в общественное развитие мог быть намного значительнее и не стоить ей так дорого. По мнению американского историка М. Левина, реальность альтернативного политического курса была не столь высока, но все же она существовала. Автор приводит также концепции американского экономиста Г. Хантера, создателя мо-

дели альтернативной экономической истории СССР конца 1920-х — начала 1940-х годов. В книге упоминается о том, что подобную математическую модель в новейшее время создал Л. И. Бородин. В противовес многим историкам В. В. Бабашкин разделяет мнение В. В. Кабанова, который считал, что нэпу мог быть противопоставлен только один метод — а-ля «военный коммунизм», сравнительно более мягкий, но все-таки довольно жесткий (с. 150).

В числе экономических причин нэпа автор выделяет тормозящее воздействие общинно-крестьянского производства в самом крупном секторе народного хозяйства на динамику экономического развития страны в целом (с. 152). Большое значение для развития экономики страны имел вопрос о том, кем и в каком количестве производилось товарное зерно. Так, в 1913 году на российский рынок поступало 1300 млн пудов зерна, а в 1927 году государству удалось заготовить лишь 630 млн пудов. Речь идет о низкой технической оснащенности крестьянских хозяйств, преобладании экстенсивных методов в сельском хозяйстве, низкой среднегодовой урожайности зерновых. Вероятно, следует говорить о таком показателе, как внутренняя готовность крестьян к использованию интенсивных методов в хозяйствах.

К политическим предпосылкам коллективизации Бабашкин относит отсутствие дискуссии о выборе путей общественного развития (с. 156). Автор воспроизводит социально-политическую ситуацию в стране в связи с кризисом хлебозаготовок и раскрывает роль Сталина в определении курса на коллективизацию. Согласимся с выводом автора о том, что исход «борьбы между Бухариным и Сталиным во многом определялся позицией партийной олигархии — примерно 20–30 влиятельных, независимых и самостоятельно мыслящих людей, прежде всего, руководителей регионов» (с. 161). Анализируя письма крестьян во власть, Бабашкин фиксирует их отношение к политике власти, выявляет наличие сложной гаммы мотивов и настроений. Вполне понятно, что в их содержании явно прослеживается влияние коммунистических идеологов, и тем не менее наличие в них критики центральной власти свидетельствует о сохранении в крестьянском мировоззрении традиционных представлений. Но нельзя не согласиться с выводом, что общинную солидарность подрывали социальные ожидания крестьян, что деревня ждала иллюзорного чуда сверху — от центральной власти (с. 166–167).

В завершающем параграфе третьей главы Бабашкин представил коллективизацию как российский вариант модернизации аграрных обществ. Приведены сведения о государственной поддержке колхозов в период с 1927 по 1929 год и динамике их роста с 0,8% хозяйств до 3,9% (с. 168). В качестве стимулов выступали контракты с колхозами, крестьянскими обществами и кооперативами о сдаче товарного зерна государству. Для зажиточных хозяйств вводились твердые задания, а за их срыв практиковались огромные штрафы.

*П. С. Кабытов,
Н. Н. Кабытова*
«Есть у Революции
начало...»

В монографии воссоздана политическая ситуация в стране накануне и в начальный период коллективизации: выявлена роль Сталина, который в ходе раскрытия «Шахтинского дела» в публичных выступлениях стал говорить об обострении классовой борьбы. Подчеркивается значение XVI партийной конференции, конференции историков-марксистов, а также публикации в марте 1930 года в газете «Правда» статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Это были события, определявшие линию партии в период колхозного строительства, и ее суть заключалась в трансформации политики по отношению к крестьянству. В качестве основного средства реализации коллективизации Сталин обозначил раскулачивание зажиточных крестьян.

Реконструирована панорама протестных действий крестьян. Показана динамика крестьянских выступлений в 1930 году, в которых участвовало не менее 2,5 млн человек. Крестьяне осуществляли террор против партийных и советских чиновников, выражая таким образом протест против коллективизации, арестов и высылки «антисоветских» элементов. Приведены сведения об использовании крестьянами практик «оружия слабых»: уход в города, наймы на стройки пятилетки, поджоги домов, убий скота и др.

Не могут не поражать масштабы раскулачивания зажиточных крестьян: к концу 1930 года раскулачены 700 тыс. человек, а к концу 1931 года — 1 млн 800 тыс. человек (с. 181). Приводятся сведения о бегстве 207 тыс. крестьян из спецпоселений в 1932 году; 315 тыс. человек — в 1933-м. Бабашкин говорит о «Законе о пяти колосках» (как его называли в народе), на основании которого к началу 1933 года «было осуждено 54 645 человек, из них 2110 к высшей мере наказания. Расстрельные приговоры приведены в исполнение примерно в тысяче случаев. Судьи заявляли, что у них «рука не поднимается»» (с. 186). Актуально звучит вывод автора о том, что к 1932–1933 гг. «достигло предельной остроты вечное противостояние по линии фронта: «крестьяне — государственная власть» (с. 187). Здесь же представлено видение Бабашкиным причин и последствий голода 1933 года. Однако следовало бы привести оценку этих страшных исторических событий таким авторитетным историком, как В. В. Кондрашин, который участвовал в дискуссиях по этим проблемам с зарубежными и украинскими историками. Подводя итоги коллективизации, автор показывает изменения в привычном образе жизни крестьян, говорит о существенной трансформации демографической ситуации в стране. Бегство крестьян в города расценивается как их пассивный протест.

Община перестала существовать и формально, и фактически. Обоснованно звучит вывод о том, что советская деревня «уходила от своего общинного состояния через коллективизацию, другого пути модернизации у деревни и у страны не оказалось» (с. 193). Но в то же время власть вынуждена была искать компромисс с крестьянством, а потому было разрешено крестьянам вести личное

подсобное хозяйство. На наш взгляд, это была своеобразная уступка — плата за лояльность крестьян к политике центральной власти. «На долгие десятилетия, — пишет историк, — личное подсобное хозяйство — ЛПХ становилось главным источником продуктов питания и денег для огромной части населения страны» (с. 196).

Научная значимость учебного пособия не вызывает сомнений. Проблемы, рассмотренные в нем, многие десятилетия вызывают громадный интерес как у представителей гуманитарного научного знания, так и у российского общества в целом. Рецензируемая книга открывает новый вектор в изучении ключевых событий отечественной истории первой трети XX столетия. Точные ссылки на приводимые в тексте пособия данные и цифры, а также цитаты из работ российских и зарубежных коллег заинтересованный читатель найдет как в упомянутой выше монографии Бабашкина 2007 года издания, так и в книге, изданной в 2011 году³.

П. С. Кабытов,

Н. Н. Кабытова

«Есть у Революции
начало...»

“Revolution has a beginning...”

Review of the book: Babashkin V.V. (2024) History of Russia. Peasant Revolution of 1902–1935: Patterns and Features of Russian Modernization: Textbook for Universities. 2nd edition revised and enlarged. Saint Petersburg: Lan, 204 p.

Pyotr S. Kabytov, Honored Scientist of the Russian Federation, DSc (History), Head of the Department of Russian History, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev. Moskovskoe Sh., 34, Samara, 443036.

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru.

Nadezhda N. Kabytova, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev. Moskovskoe Sh., 34, Samara, 443036. E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru.

3. Бабашкин В. В. (2011). Россия 1902–1935 годов как аграрное общество: опыт применения концептуальных подходов современного крестьяноведения. Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing. <https://istina.msu.ru/publications/book/596471292/>

Вехи истории Котласской опытной станции

В. А. Корелина, О. Б. Батакова

Валентина Александровна Корелина, кандидат сельскохозяйственных наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаврова Уральского отделения Российской академии наук. 163020 г. Архангельск, Никольский проспект, 20. E-mail: korelina60@mail.ru

Ольга Борисовна Батакова, кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаврова Уральского отделения Российской академии наук. 163020 г. Архангельск, Никольский проспект, 20. E-mail: obbo5@bk.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-334-343

История создания

Котласская семеноводческая опытная станция в 2024 году отметила свое 100-летие. 8 августа 1924 года на землях деревни Курцево под Котласом было создано Северодвинское отделение Всесоюзного института прикладной ботаники. В протоколе заседания президиума Северодвинского губисполкома от 13 августа 1923 года № 84 указано, что слушался вопрос «о необходимости организации опытного дела в губернии, путем передачи Отделу Прикладной ботаники совхоза “Курцево” с прирезкой к нему лесной дачи в Удиме, для организации селекционной станции в Северо-Двинской губернии...»¹.

Организатором и первым руководителем опытной станции был неистовый энтузиаст, ученик и соратник Н. И. Вавилова Федор Яковлевич Блинов, 1890 года рождения, уроженец дер. Линьково Подосиновской волости Никольского уезда Вологодской губернии, выпускник Петроградского агрономического института. Он настойчиво просил послать его в свою губернию: «Хочу, чтобы крестьянин Севера жил своим хлебом до нового урожая, а не до Рождества»².

-
1. МКАУ «Великоустюгский центральный архив» (далее — МКАУ ВУЦА). Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 222. Л. 103.
 2. Лоскутов И. Г., Беляев К. (2017). Блинов Федор Яковлевич // Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда растений: юбилейное издание / под ред. Н. И. Дзюбенко и др. 2-е изд., знач. перераб. и доп. СПб.: ВИР. С. 47.

В апреле 1922 года Ф. Я. Блинов прибыл в г. Великий Устюг, в Северо-Двинское губернское земельное управление с полномочиями от Петроградского бюро прикладной ботаники по вопросу организации в Велико-Устюгском уезде опорного пункта по изучению сельскохозяйственных культур. ГубЗУ приветствовало это и предоставило участок пашни в 0,5 га в хозяйстве Робеспьерово (бывший Дымково), что за рекой против города Великий Устюг. После оценки результатов работы и установления новых заданий отведенный участок земли оказался мал. Отвели новый участок тоже вблизи Великого Устюга, в хозяйстве Аристово, но он оказался малопригодным для сортоиспытательных целей. Тогда в ГубЗУ дали несколько адресов хозяйств на выбор. Из находящихся вблизи реки Северной Двины выбрали совхоз «Курцево», расположенный в 15 км от г. Котласа. Совхоз имел земельный участок в 659 гектаров и находился в разрушенном состоянии. Жилых и производственных построек почти не было.

20 августа 1923 года Блинов прибыл в д. Курцево с решением Северо-Двинского губземуправления «Об отводе потребной площади пашни для работ по изучению полевых культур»³. С января 1924 года там окончательно обосновался Опорный пункт Бюро прикладной ботаники, ставший затем Северодвинским отделением отдела генетики и селекции вавилонского Института прикладной ботаники и новых культур. В его распоряжении находилось совхозное поле в 10 га. В числе первых научных сотрудников, кроме Федора Яковлевича и его жены Ольги Александровны, были Н. П. Попова, Н. И. Гоголицина, Л. А. Скамницкая, Ф. И. Булатов, В. Н. Заварин. В течение 1925–1927 годов были построены необходимые жилые и производственные здания. Был заложен питомник плодовых и ягодных культур под руководством старшего научного сотрудника Густава Густавовича Арнольда. Десятки разновидностей культурных растений (был среди них даже чернозерный абиссинский ячмень) на ухоженных делянках представляли восхитительное зрелище. Под влиянием наглядной пропаганды, исходящей из Курцева, в ближайших деревнях появились крестьяне-опытники, создавались предпосылки организации семеноводческих товариществ⁴.

Этапы развития

В 1924 году первыми научными исследованиями стали селекционные работы с яровым ячменем, в то время основной зерновой

3. МКАУ ВУЦА. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 1775. Л. 8.

4. Лоскутов И. Г., Беляев К. (2017). Блинов Федор Яковлевич // Соратники Николая Ивановича Вавилова: исследователи генофонда растений: (юбилейное издание) / под ред. Н. И. Дзюбенко и др. 2-е изд., знач. перераб. и доп. СПб.: ВИР. С. 48.

культурой Севера. Параллельно при Отделении организуется сортоиспытательный участок Госсортсети. В план научной работы включаются опыты по государственному сортоиспытанию лучших сортов озимой ржи, озимой и яровой пшеницы, ячменя, овса, гороха, вики и горчицы, проводится их размножение. По заданию Отдела плодоводства Института прикладной ботаники и новых культур начинаются испытания плодовых культур и ягодников. Посажено 50 яблонь и занята небольшая площадь ягодными кустарниками.

С мая этого же года для более полного и детального проведения исследований при Отделении открывается метеорологическая станция III разряда. Метеонаблюдателем назначена О. А. Блинова. Ее основная задача — предоставление метеоданных по Котласскому району.

В 1925 году опытно-селекционные работы расширились, т.к. зимой 1924–1925 года удалось провести сбор образцов местных сортов зерновых культур в хозяйствах Северодвинской губернии, а весной высеять их в коллекционных питомниках в количестве 1200 номеров. Опыты по государственному сортоиспытанию также были значительно расширены и дополнительно проводились опыты со льном по заданию Лыноцентра. В 1926 году добавляются опыты по сортоиспытанию картофеля и озимой вики. В 1927 году в план Отделения дополнительно включаются опыты по сортоиспытанию разных сортов клевера, однолетнего и многолетнего люпина, по агротехнике озимой ржи. Создается контрольно-семенная лаборатория для проверки качества семенного материала в колхозах. С 1928 года идет селекционная работа с сортами овса, многолетними кормовыми бобовыми и злаковыми травами, озимой рожью, организуется сортоиспытание овощных культур и кормовых корнеплодов.

До 1 января 1931 года материальной базой станции были: двухэтажный дом (в нем размещались красный уголок со сценой и зрительным залом на 50 мест, столовая на 10 мест, молочная, на втором этаже контора и две квартиры), коровник на 15 голов, телятник на 20 голов, конюшня на 12 голов, амбар для зерна, амбар-ледник, молотильный сарай, баня на 5 мест. Было 35 голов КРС, 12 лошадей. Водоснабжение давали 2 колодца. Сельхозинвентарь составляли конные плуги и бороны, 2 конно-приводные молотилки, 2 ручные молотилки, 3 ручные веялки, сортировки: триер, змейка (для бобовых)⁵. По данным Блинова, было проведено сортоизучение десятков сортов хлебных, кормовых, технических и овощных культур. Среди них рожь озимая — 14 сортов, пшеница озимая — 16, пшеница яровая — 5, ячмень — 19, овес — 47, горох — 9, горох на зеленую лопатку — 4, горох на зеленый горошек — 10, лен — 41 (в том числе селекционных сортов — 18), вика яровая — 5, вика озимая — 15, картофель — 35, клевер — 13, турнепс — 5, брюква

5. Беляев К. С. (1978). Блинов Федор Яковлевич // Двинская правда. 19.09. С. 3.

кормовая — 6, свекла кормовая — 8, морковь кормовая — 4, подсолнух на силос — 6, кукуруза на силос — 3, бобы на силос — 2; овощные: капуста — 14, свекла столовая — 3, томаты — 12, огурцы — 8, лук — 5⁶. Испытывались просо, чечевица, фасоль, нут, мак, рыжик, люпин, горчица, конопля, каучуконосы.

С 1931 года совхоз «Курцево» ликвидируется. Северодвинское отделение отдела генетики и селекции Института реорганизуется в Северодвинскую государственную селекционно-семеноводческую станцию, входящую в систему Союзселемобъединения Северо-Западного селекционного центра и подчиняющуюся Наркомату земледелия СССР. В ее сфере обслуживания были Северо-Двинская, Вологодская, Архангельская области и Коми АССР. Ее научным руководителем некоторое время оставался Блинов. На станции широко проводятся работы по агротехнике сельскохозяйственных культур, а в 1934 году в штатное расписание вводится отдел агротехники с подотделом агротехпропаганды⁷. В 1935 году в своем письме Н. И. Вавилов просил руководство станции обратить внимание на «привлечение новых материалов: поскольку местный материал Северного края сравнительно известен и довольно беден», в результате начинается активная работа по селекции и агротехнике яровой и озимой пшеницы⁸.

В 1935 году в целях лучшего обслуживания сельского хозяйства края не только в селекционно-семеноводческом отношении, но и по вопросам агротехники, защиты растений и другим станция реорганизуется в Северную краевую опытную станцию по полеводству и передается в ведение земельного управления Северного крайкома (с 1936 года — облисполкома Северной области), в 1937 году она реорганизуется в Северодвинскую государственную селекционную станцию.

В 1946 году в связи с упразднением наркоматов и созданием министерств станция передается в ведение Сортового управления Министерства сельского хозяйства СССР. В 1948 году станция имела следующие группы и лаборатории: группа семеноводства с семенной лабораторией, селекционные группы озимых, яровой пшеницы, ячменя, овса, агрохимлаборатория, плодово-ягодный питомник, агрометеорологическая станция. Подсобными отраслями являлись животноводство и овцеводство. С 1950 года станция подчиняет-

*В. А. Корелина,
О. Б. Батакова*
Вехи истории Кот-
ласской опытной
станции

6. Блинов Ф. Я. (1931). Полевые и огородные культуры на Севере. М.: ОГИЗ — Гос. изд-во с.-х. и колхозно-кооперативной литературы; Блинов Ф. Я. (1928). Полевые культуры севера европейской части СССР // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. XIX. Вып. 2. Л. С. 375-462.
7. Минина Л. В. (1994). Опыт прошлого на службу настоящего и будущего. Архангельск: Солти. С. 1-3.
8. Вавилов Н. И. (1987). Николай Иванович Вавилов: из эпистолярного наследия, 1929–1940 гг. / Сер.: Научное наследство. Т. 10. М.: Наука. С. 301-302.

ся Главному управлению сельскохозяйственной пропаганды Министерства сельского хозяйства СССР. И дополнительно начинает заниматься выведением новых сортов сельскохозяйственных культур и внедрением их в производство, а также выращиванием сортов элиты для обеспечения сортообновления. В 1954 году по итогам Всесоюзного социалистического соревнования станция награждена переходящим Красным знаменем ВЦСПС и МСХ СССР.

В 1956 году Северодвинская государственная селекционная станция реорганизуется в Архангельскую государственную опытную станцию (ГСХОС), научное руководство ею осуществляет Северо-Западный НИИСХ. На ее базе организуется опытно-производственное хозяйство. В 1960 году образуются отдел животноводства и лаборатория кормопроизводства. В 1962 году Архангельская ГСХОС передается в ведение Главного управления сельскохозяйственной науки и пропаганды Министерства сельского хозяйства РСФСР. С 1967 года ее отдел агрохимии и почвоведения преобразуется в агрохимлабораторию, вводится отдел садоводства. В 1969 году на базе отделов животноводства и кормопроизводства создается Архангельская опытная станция животноводства и луговодства в Холмогорском районе. В 1979 году Архангельская ГСХОС передается в непосредственное подчинение Отделению ВАСХНИЛ по Нечерноземной зоне РСФСР.

В 1992 году в связи с переездом научных отделов в Вельский район Архангельская ГСХОС переименовывается в Вельскую селекционно-семеноводческую опытную станцию и переходит в подчинение Архангельского НИИСХ. В Котласском районе остается опытно-производственное хозяйство «Курцево», подчиненное также Архангельскому НИИСХ.

В 1993 году отделы селекции сельскохозяйственных культур и первичного семеноводства возвращаются в Котласский район, работы проводятся на базе ОПХ «Курцево» Архангельского НИИСХ⁹.

В 1995 году ОПХ «Курцево» присваивается статус Котласской сельскохозяйственной опытной станции со следующей структурой: административно-хозяйственный отдел; научные отделы: селекции сельскохозяйственных культур, первичного семеноводства сельскохозяйственных культур; растениеводства; производственные цеха: растениеводства, животноводства, механизации, строительства.

1 ноября 2002 года на базе Котласской сельскохозяйственной опытной станции создается Федеральное государственное унитарное предприятие «Котласская семеноводческая опытная станция» Российской академии сельскохозяйственных наук (ФГУП КСОС Россельхозакадемии). В целях сохранения и укрепления науки, опытно-производственных хозяйств, 20 января 2004 года ФГУП КСОС Россельхозакадемии переименована в Организацию науч-

9. Котласская семеноводческая станция — 80 лет (2004). Архангельск: Соломбальская типография. С. 5-6.

ного обслуживания «Котласская семеноводческая опытная станция» Государственного научного учреждения «Архангельский научно-исследовательский институт сельского хозяйства Российской академии сельскохозяйственных наук» (ОНО Котласская СОС ГНУ АРХНИИСХ Россельхозакадемии). В 2010 году предприятие переименовывается в Федеральное государственное унитарное предприятие «Котласское» Российской академии наук.

Со дня основания и на протяжении всего периода существования, в том числе и в годы Великой Отечественной войны, станция занималась селекцией зерновых культур и многолетних трав, организацией первичного семеноводства районированных сортов зерновых культур, многолетних трав и картофеля, разработкой технологий возделывания сельскохозяйственных культур, методов окультуривания и использования земельных ресурсов, повышения плодородия почв. Большое количество реорганизаций не всегда положительно сказывалось на развитии станции. Тем не менее в течение многих лет велись исследования по изучению элементов технологии возделывания зерновых культур применительно к почвенно-климатическим условиям Архангельской области. Это нормы высева зерновых культур; средства защиты растений от сорняков, вредителей, болезней; дозы, формы, сроки и способы внесения удобрений; вопросы обработки почвы; сортоизучение. В 1960-х годах была проведена большая работа по изучению различных типов севооборотов, изучались 32 схемы на почвах различного механического состава. Многие рекомендации, разработанные по этим вопросам, получили широкое практическое применение. Большая научно-исследовательская работа по кормопроизводству и земледелию в условиях Севера проведена отделом земледелия. Сотрудники отдела изучали преимущество зяблевой вспашки и углубления пахотного слоя, агротехнику различных культур, в том числе новых для области. Исследовали комплекс факторов, способствующих повышению урожайности семян трав. Проведена работа по изучению действия торфа, извести, фосфоритной муки, по окультуриванию перелогов и залежей на базе хозяйств. Проводились работы по созданию и эксплуатации пастбищ, изучению эффективности различных типов севооборотов. За все время накоплен чрезвычайно интересный и богатый материал, имеющий большое практическое значение для хозяйств области. На основании этих исследований подготовлено много рекомендаций, сотрудники регулярно выезжали с лекциями в хозяйства, проводили различные совещания, конференции с приглашением специалистов хозяйств, управлений.

Результаты селекции и семеноводства сельскохозяйственных культур

Селекционная работа на Котласской семеноводческой опытной станции велась со дня основания. В ее задачу входило изучение

и подбор сельскохозяйственных культур, пригодных для возделывания на Севере. Основным лимитирующим фактором в условиях Севера является вегетационный период. Главная цель в селекции всех культур — выведение скороспелых, менее требовательных к теплу и хорошо приспособленных к местным условиям сортов, способных за короткое лето вызреть и давать высокий урожай.

За 100 лет на станции выведено и передано в Государственное сортоиспытание 76 сортов. На определенном этапе земледелия значительную роль в расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых и зернобобовых культур сыграли сорт яровой пшеницы Двина, сорта ячменя Паллидум-18 и СД-097/103, Гандвиг, сорта гороха СД-3, СД-124, сорт овса Северянин. Они выведены селекционерами В. И. Ермаковой, Е. Г. Блок, А. К. Веселовым, В. Д. Виноградовой, Л. И. Гоменюк, В. М. Веселовым, В. Е. Войтовым, З. Н. Лысцевой, В. А. Корелиной, В. И. Костылевой, Л. В. Мининой.

Большая работа на станции проведена по созданию ценных сортов многолетних трав. Сорт клевера гибридного Северодвинский-326 выведен методом массового и семейственного отборов из гибридного материала межсортового переопыления селекционерами А. В. Мокрецовой, А. А. Матвеевой, И. С. Кондюриной, Н. Е. Трофимовой, А. Г. Митрофановой. Сорт зимостойкий, удаётся на тяжёлых, избыточно увлажнённых почвах, выносит затопление весенними водами.

Сорт клевера лугового Нива выведен методом многократного массового отбора из гибридной популяции (автор Н. В. Третьяков). Относится к одноукосному северному экотипу, группе кормового назначения. Имеет выровненный травостой, очень дружное цветение и созревание головок, высокую семенную продуктивность. Включен в Госреестр селекционных достижений по 1-му и 2-му регионам РФ.

Из злаковых многолетних трав методом массового отбора из дикорастущих местных форм выведен сорт тимopheевки луговой Северодвинская-18 (авторы А. Г. Митрофанова, А. В. Мокрецова, А. А. Матвеева, И. С. Кондюрина, Н. Е. Трофимова). Сорт испытывался в условиях пойменного и суходольного лугов в травосмеси. Высокоурожаен, зимостоек, устойчив к болезням. Сохраняется в травосмеси более 6 лет.

Методом группового и семейственного отборов из местного дикорастущего материала получен сорт овсяницы луговой Северодвинская-130 (авторы те же). Вегетационный период сорта на сено — 72 дня, на семена — 93 дня. Хорошо приспособлен к местным условиям. Включен в Госреестр селекционных достижений по 1-му и 12-му регионам РФ.

Сорт лисохвоста лугового Северодвинский-146 выведен методом массового отбора с последующим групповым и семейственным отборами из дикорастущего материала (авторы И. С. Кондюрина,

Н. В. Третьяков, Н. Лысцева и др.). Он зимостоек, устойчив к переувлажнению почвы и временному затоплению, но не переносит застойных вод. В травостое держится до 10 лет.

Сорт ежи сборной Двина получен методом группового и семейственного отборов из местных популяций ежи сборной (авторы Н. В. Попова, Н. В. Третьяков). Сорт зимостойкий, холодостойкий, устойчив к болезням и вредителям. Удаётся на всех почвах, но предпочитает средние суглинки, освоенные торфяники, имеет хорошую отавность. На одном месте произрастает 10 лет.

Главной задачей северного земледелия было и остается интенсивное кормопроизводство для развивающегося животноводства. Для решения этой проблемы на Севере созданы пластичные сорта многолетних трав. Наша многолетняя практика показывает значительное преимущество наших сортов перед инорайонными при возделывании в северных условиях: зимостойкость сортов многолетних трав значительно уступает сортам местной селекции. Это, в свою очередь, ведет к перерасходу семенного материала и, естественно, к снижению продукции с единицы площади и повышению себестоимости получаемой продукции. Сорта архангельской селекции созданы на основе местного материала Северного края, поэтому имеют весь спектр тех хозяйственно полезных признаков, которые необходимы растениям для роста и развития в экстремальных условиях этого региона. Особое место среди сортов многолетних трав занимает клевер луговой, как высокобелковая культура и основной компонент большинства травосмесей. Сорта клевера лугового Корифей, Приор, Таежник (автор В. А. Корелина) крайне востребованы в сельхозпроизводстве, как высокопродуктивные и устойчивые к основным патогенам, в частности к склеротиниозу. Потенциальная продуктивность их по укосной массе 45–55 т/га, по семенной продуктивности 200–350 кг/га.

Сорт костреца безостого Помор, Дуэт, Норд выведен методами многократного массового отбора, группового и семейственного селекционерами В. А. Липатниковой, Г. А. Копосовой. Они зимостойки, имеют дружное весеннее отрастание, высокую отавность, обладают стабильной кормовой и семенной продуктивностью по годам.

Большое практическое значение для сельскохозяйственного производства северных регионов страны имеют сорта ячменя ярового — Таусень, Котласский, Линх (автор О. Б. Батакова), выведенные за ряд последних лет. Они имеют преимущество перед инорайонными в том, что сочетают в себе скороспелость с высокой стабильной урожайностью по годам. Сорт овса ярового Архан продуктивный, как по зерну, так и по зеленой массе, создан совместно с ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр “Немчиновка”», включен в Государственный реестр селекционных достижений по пяти регионам РФ. Сорт ржи озимой Берегиня, один из первых сортов в России с низким содержанием пентозанов, создан совместно с ФГБНУ «Федеральный исследователь-

*В. А. Корелина,
О. Б. Батакова*
Вехи истории Кот-
ласской опытной
станции

ский центр Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н. И. Вавилова».

Важным направлением было и остается производство семян выских репродукций и обеспечение ими сельскохозяйственных предприятий Архангельской области. В 1931 году перед Северодвинской государственной селекционно-семеноводческой станцией была поставлена задача по размножению районированных для края сортов сельскохозяйственных культур в размерах, обеспечивающих план сортосмены и сортообновления. Для ее выполнения создан отдел семеноводства. С того времени и по сегодняшний день работа в этом направлении не прекращается. Большой вклад в развитие семеноводства зерновых культур, в совершенствование технологии выращивания, подработки и подготовки семян к посеву внесли научные сотрудники: И. И. Патокин, В. И. Шергина, Г. П. Тиунцев, А. В. Зобнина, Р. Ф. Коваленко, В. А. Девярых, Е. А. Лыцева, В. П. Скутарь, О. Л. Тимофеева, В. П. Замяткина, И. В. Зобнина, А. В. Коржавина и другие.

Основная проблема в настоящее время при внедрении новых перспективных сортов в производство — неразвитое семеноводство сельхозкультур. Новые востребованные сорта есть, но размножить их и довести до потребителя крайне сложно. Основной причиной снижения эффективности семеноводства является ликвидация соответствующей структуры в области в 1990-х годах. Первостепенной задачей в Северном регионе является восстановление научно-обоснованной системы семеноводства сельхозкультур, на что понадобится не менее шести лет. Проанализировав ситуацию с семеноводством, мы рассматриваем территорию Архангельской области как площадку организации семеноводства для всего Северного региона.

Опытная станция сегодня

Общая земельная площадь Котласской опытной станции составляет 4995 га, из них сельскохозяйственные угодья занимают 2620,4 га, в том числе пашни — 1927 га, сенокосы — 588 га, пастбища — 97 га.

В настоящее время опытная станция присоединена к Федеральному исследовательскому центру картофеля имени А. Г. Лорха и переживает в связи с очередной реорганизацией непростое время. В течение двух последних лет размножает новые сорта картофеля высоких репродукций, в настоящее время их 14. В Государственный реестр селекционных достижений включено 15 сортов селекции опытной станции «Котласская». При поддержке Минэкономразвития и Минсельхоза проходит восстановление оригинального семеноводства многолетних трав сортов местной селекции на базе станции, закуплена часть сортировального оборудования, заложены питомники трав. Производственная деятельность станции свя-

зана с отраслью животноводства: численность крупного рогатого скота около 900 голов, из них 360 голов дойного стада, кроме того, станция является одним из молодых племенных хозяйств области, имеет статус племеннорепродуктора по выращиванию молодняка крупного рогатого скота холмогорской породы.

За научные достижения и вклад в развитие агропромышленного комплекса опытная станция неоднократно награждалась на различных выставках и международных салонах инноваций и инвестиций грамотами, дипломами, золотыми медалями, имеет 11 патентов на селекционные достижения.

За все время деятельности опытной станции менялось многое, но неизменным оставалось одно: каждую весну ученые-опытники, агрономы строили планы, выходили в поле, закладывали очередные серии опытов и продолжали научную работу, направленную на совершенствование агротехники, выведение новых перспективных сортов и внедрение их в производство.

*В. А. Корелина,
О. Б. Батакова*
Вехи истории Кот-
ласской опытной
станции

Milestones in the history of the Kotlassky experimental station

Valentina A. Korelina, PhD (Agriculture), Leading Researcher, Federal Research Center for Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolsky Prosp., 20, Arkhangelsk, 163020. E-mail: korelina60@mail.ru

Olga B. Batakova, PhD (Agriculture), Senior Researcher, Academician N. P. Laverov Federal Research Center for Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolsky Prosp., 20, Arkhangelsk, 163020. E-mail: obbo5@bk.ru

Крестьяноведение

2024. Том 9. №4

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать . Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru